

ВІСНИК

**ЛУГАНСЬКОГО НАЦІОНАЛЬНОГО
ПЕДАГОГІЧНОГО УНІВЕРСИТЕТУ
ІМЕНІ ТАРАСА ШЕВЧЕНКА**

№ 11 (128) ЧЕРВЕНЬ

2007

2007 червень № 11 (128)

ВІСНИК

**ЛУГАНСЬКОГО НАЦІОНАЛЬНОГО
ПЕДАГОГІЧНОГО УНІВЕРСИТЕТУ
ІМЕНІ ТАРАСА ШЕВЧЕНКА**

ФІЛОЛОГІЧНІ НАУКИ

Частина I

Заснований у лютому 1997 року (27)
Свідоцтво про реєстрацію: серія КВ № 3783,
видане Держкомвидавом України 19.04.1999 р.

Друкований орган Луганського національного
педагогічного університету імені Тараса Шевченка
Видавництво ЛНПУ «Альма-матер»

Рекомендовано до друку на засіданні вченої ради
Луганського національного педагогічного університету
імені Тараса Шевченка
(протокол № 11 від 27 квітня 2007 р.)

Виходить 2 рази на місяць

РЕДАКЦІЙНА КОЛЕГІЯ:

Головний редактор –
проф. Харченко С. Я.

Перший заступник головного редактора –
проф. Синельникова Л. М.
Заступник головного редактора –
проф. Ужченко В. Д.
Відповідальний секретар –
проф. Галич О. А.
Члени редколегії:
проф. Гриценко П. Ю.,
проф. Зеленько А. С.,
проф. Тараненко О. О.,
доц. Унукович В. В.

Засновник – Луганський національний педагогічний університет імені Тараса Шевченка

*Збірник наукових праць,
ліцензований ВАК України
за напрямками: педагогіка,
історія, філологія, біологія
(Бюлетень ВАК України. – 1999. –
№ 4 (12))*

Матеріали номера друкуються мовою оригіналу

EDITORIAL BOARD:**Editor-in-chief –**

Prof. Kharchenko S. Y.
First Deputy –
Prof. Sinelnikova L. M.

Deputy –
Prof. Uzhchenko V. D.
Executive secretary –
Prof. Galich O. A.
Editor Board Members:
Prof. Gritsenko P. Y.,
Prof. Zelenko A. S.,
Prof. Taranenko O. O.,
Unukovich V. V.

Founder – Luhansk Taras Shevchenko National Pedagogical University

*The collection of studies on
Pedagogic, History, Philology,
Biology licensed by the Higher
Attestation Board of Ukraine (HAB)
(Bulletin HAB of Ukraine. – 1999. –
No. 4 (12))*

The materials are published in the original

Видавництво Луганського національного педагогічного університету імені Тараса Шевченка «Альма-матер»:
вул. Оборонна, 2, м. Луганськ, 91011. Тел./факс: (0642) 58-03-20.
e-mail: mail@lnpu.edu.ua

© Луганський національний педагогічний університет імені Тараса Шевченка,
2007

З М І С Т

Розділ І

СЛОВ'ЯНСЬКЕ СВІТОВІДЧУТТЯ В ДЗЕРКАЛІ КЛЮЧОВИХ КАТЕГОРІЙ ЛІНГВОКУЛЬТУРОЛОГІЇ

1. <i>Гафарова Р. И.</i> Синтаксическая база универбатов.....	6
2. <i>Гукова Л. Н.</i> Аксиологический параметр речевой коммуникации в русском национальном сознании.....	14
3. <i>Данилюк С. С.</i> Порівняльна характеристика електронних і писемних текстів.....	22
4. <i>Желтухина М. Р.</i> О содержании дискурса масс-медиа.....	27
5. <i>Звездова Г. В.</i> Отношение к времени как отношение к миру: концепт ДЕНЬ в русском языке.....	41
6. <i>Маслий Е. В.</i> Современные значения слова <i>юродивый</i> в содержании концепта «юродство».....	48
7. <i>Мороз Т. Ю.</i> Хитання в граматичному оформленні істотовості / неістотовості деяких іменників як результат невизначеності буттєвого модусу реалій, що ними позначаються.....	54
8. <i>Петрова Л. А.</i> Фатический код художественной культуры.....	64
9. <i>Хомицкая З. Н.</i> Когнитивные аспекты исследования психиатрической терминологии.....	72
10. <i>Цонева Л. М.</i> Метафоричната картина на света в българската публицистика.....	84

Розділ ІІ

НАЦІОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНА

ТА ЕТНОПСИХОЛОГІЧНА СВОЄРІДНІСТЬ СЛОВ'ЯНСЬКОЇ ЦИВІЛІЗАЦІЇ

1. Какзанова Е. М. Представители славянских стран в немецких математических терминах-эпонимах.....	92
2. Кобзина Е. А. Функционирование прозвищ в разговорной речи (на материале липецких говоров).....	97
3. Красовская О. В. О конвенциях общения в судебной культуре восточных славян.....	103
4. Крысенко Т. В. Русские фразеологические единицы со значением говорения.....	108
5. Самусевич В. М. Домінантні субсфери логосфери беларуской культуры.....	117

Розділ III

МІЖКУЛЬТУРНА КОМУНІКАЦІЯ В СУЧАСНОМУ СЛОВ'ЯНСЬКОМУ СВІТІ

1. Варава С. В., Бурякова Е. С. Принципы отбора и организации текстового материала в пособии по научному стилю для студентов-иностранцев, обучающихся на начальном этапе по специальности «Музыкальная культура и искусство».....	126
2. Вовк О. І. Особливості навчання іншомовного спілкування студентів-філологів у сучасному слов'янському просторі.....	136
3. Горбич О. И. Диалоговые технологии в филологическом образовании: традиции и современность.....	142
4. Грибанова И. В. Южнославянский пансион – Южнославянский институт: преемственность традиций.....	150
5. Жулий Т. Б. Старая методическая проблема с позиций нового социума. Опыт. Поиски.....	157
6. Зеленько А. С. Про необхідність реформування освітньої системи в Україні.....	163

7. <i>Ковалёв В. И.</i> Болезни современной русской речи: диагностика, лечение, профилактика.....	169
8. <i>Низкодуб Ю. В.</i> Сквернословие как лингводидактическая проблема (по данным социолингвистического опроса).....	176
9. <i>Самусенко О. М.</i> Створення лінгвокраєзнавчого образу України в процесі викладання української мови студентам-іноземцям.....	185
10. <i>Титаренко Е. Я., Хе Чжунхуэй.</i> Обучение китайских учащихся кириллице.....	191

Розділ IV

СЛОВ'ЯНСЬКИЙ МЕНТАЛІТЕТ У ДЗЕРКАЛІ СЛОВЕСНО-ХУДОЖНЬОЇ ТВОРЧОСТІ

1. <i>Бондаревская О. В.</i> Концепт БРАТЪЯ КАРАМАЗОВЫ в одноименном романе Ф. М. Достоевского.....	198
2. <i>Лаврова Е. Л.</i> Жизнь и смерть как часть мироощущения М. Цветаевой.....	204
3. <i>Ланская О. В.</i> Языковая картина мира в очерке А. И. Левитова «Дворянка».....	213
4. <i>Радецкая М. М.</i> Украина в повестях В. И. Даля.....	218
5. <i>Суханова Т. Е.</i> Агентивная функция авторской мифологемы <i>поэт</i> в мифопоэтическом мире А. А. Тарковского.....	227
6. <i>Таймазова Л. Л.</i> Литературоведческие аспекты мемуарного жанра.....	235
7. <i>Шкурская О. Б.</i> Синтаксические средства построения речевого образа персонажа в повести В. Распутина «Прощание с Матерой».....	243
8. <i>Шопін П. Ю.</i> Осмислення прецедентних імен «Галатей» і «Пігмаліон» сучасною західною культурою.....	250
Відомості про авторів.....	259

РОЗДІЛ І

**СЛОВ'ЯНСЬКЕ СВІТОВІДЧУТТЯ
В ДЗЕРКАЛІ КЛЮЧОВИХ КАТЕГОРІЙ
ЛІНГВОКУЛЬТУРОЛОГІЇ**

УДК 82.0

Р. И. Гафарова

СИНТАКСИЧЕСКАЯ БАЗА УНИВЕРБАТОВ

Современная лингвистика широко исследует активные процессы, происходящие в словообразовании.

Актуальность предлагаемого исследования обусловлена необходимостью комплексного изучения явления универбации, которое в современной лингвистике характеризуется неоднозначностью интерпретаций. По мнению В. В. Виноградова, этот тип словообразования приобретает особую продуктивность в русском литературном языке с 60-х годов XIX в. После В. В. Виноградова начинается интенсивное исследование универбации в работах Л. А. Барановой, В. Н. Виноградовой И. П. Глотовой, Е. А. Земской, Е. С. Кубряковой, В. А. Кудрявцевой, В. В. Лопатина, Л. И.Осиповой, И. М. Поляковой, Т. Д. Соколовской, М. Ф. Тузовой, Т. А.Тулиной, И. А. Устименко, Н. А. Янко-Триницкой и др. В современном языке отмечается образование производных на базе словосочетаний разного типа. Регулярно появляются также единицы, построенные на базе свертывания пропозиций. О появлении таких новообразований свидетельствуют словари новых слов и значений, а также собранная картотека автора.

Понятие «универбация» понимается в нескольких значениях.

Определение, данное в энциклопедии «Русский язык» 1997 г., характеризует рассмотренное нами явление в широком смысле: как «образование слова на базе словосочетания, которому оно синонимично». При таком понимании в рамки универбации включаются аббревиация, субстантивация, суффиксация, в том числе и нулевая как усечение» [1, с. 577]. Данное понятие разделяют И. П. Глотова, Л. Ферм.

В отличие от определения В. В. Лопатина, Е. А. Земская разграничивает понятия «универбация», «аббревиация», «субстантивация» и др. Так, Е. А. Земская дает узкое понимание данного явления: «Универбацией принято называть способ образования слова на

основе словосочетания, при котором в производное слово входит основа лишь одного из членов словосочетания, так что по форме производное соотносится с одним словом, а по смыслу – с целым предложением. Особенно продуктивен тип имен существительных женского рода с суффиксом -к (а), образуемый от основ прилагательных на базе сочетаний «прилагательное + существительное» и являющийся семантической конденсацией последних» [2, с. 109]. Аналогичной точки зрения придерживаются также Л. И. Осипова и Т. Д. Соколовская [3, с. 10; 4, с. 18].

Принимая во внимание перечисленные позиции, мы употребляем термин «универбаты».

Цель работы описать словосочетания и пропозиции как базовые единицы универбатов.

Анализ универбатов обусловил возможность их деления на 2 группы:

1 группа – универбаты, семантически мотивируемые словосочетаниями с мотивирующим прилагательным в качестве определяющего слова;

2 группа – универбаты, образованные на базе пропозиции.

В 1 группу входят универбаты, производящей базой которых выступает преимущественно основа имени прилагательного:

а) модель образования: имя прилагательное + (имя прилагательное + имя существительное): двухванная плавильная печь – *двухванка*, обучающая компьютерная программа – *обучалка*, вегетативная нервная система – *вегетативка*, дальнебойка – дальнебойное орудие, одиннадцатиметровый штрафной удар – *одиннадцатиметровка*, неотложная медицинская помощь – *неотложка*, однокорейная железная дорога – *однокорейка*, высотка – многоэтажные высотные здания. Ср.: «Высотки «выселили» из исторических центров Ялты и Севастополя. Запрет на строительство высоток в центральной части Ялты прописан в проекте, представленном ялтинским депутатом главным архитектором города В. Приступной (Первая крымская, № 36, 28.09.2006);

б) модель образования: имя прилагательное + (имя существительное + имя существительное): четырехзвенная система образования – *четырёхзвенка*, боевая одежда пожарника – *боевка*, безотвальная обработка почвы – *безотвалка*, безнарядная система оплаты – *безнарядка*, высшая мера наказания – *вышка*, автономное плавание корабля – *автономка*, мажоритарная система выборов – *мажоритарка*, умное выражение лица – *умняк (жарг.)*, химическая завивка волос – *химка*, обратная сторона меча – *обратка (в устной р.)*, высоковольтная линия электропередачи – *высоковольтка*. Ср.: «Ушла тоска чужестранца, муж-парикмахер научился замечательно делать «химку», за кудряшками к нему стояли очереди...» (Комсомольская правда, № 202, (159) 08.09.05); «Атомную подводную лодку отправляли в кругосветный

поход... Впереди серьезное испытание — «автономка» под водой» (А. Первенцев, Остров надежды);

в) модель образования: причастие + (имя существительное + имя существительное): *измененное состояние сознания — измененка, нетленное произведение искусства — нетленка, крепленное вино — крепленка, закатанные консервные банки чем-либо — закатка, незавершенное строительство — незавершенка, прослушиваемое устройство — прослушка*. Ср.: *Направить средства, выделенные Государственной программой на объекты незавершенного строительства с высокой степенью готовности, что приведет к скорейшему уменьшению объектов «незавершенки», вводу в эксплуатацию дополнительных метров жилья*. (Диссерт. работа по экономике Л. Сейдаметовой, 2006); *«Президент России и премьер Украины о возможной прослушке их беседы не говорили»* (Факты, № 241 (2278) 26.12.06).

Семантические конденсаты могут быть мотивированы сложным словосочетанием, «в состав которого атрибутивное словосочетание войдет на правах зависимого компонента, при этом «уровень конденсации» несомненно будет выше, поскольку невыраженными... окажутся два слова — стержневое слово сложного словосочетания и стержневое слово атрибутивного простого словосочетания» [5, с. 22]: пульт дистанционного управления — *дистанционка*, машина технической помощи — *техничка*, общежитие гостиничного типа — *гостинка*, сток ливневых вод, ливневые решетки — *ливневка*, помещение со скороморозильной установкой — *скороморозильня*, космический корабль многоразового использования — *многоразовик*, здание со стеклянными стенами — *стекляшка*, отделение милиции Железнодорожного района г. Симферополя — *железка*, приемная комиссия по зачислению в учебное заведение — *приемка*. В качестве производящего в таком случае также выбирается имя прилагательное: модель образования имя существительное + (имя прилагательное + имя существительное).

Универбаты не всегда образуются на базе простых или сложных словосочетаний. В процессе исследования выявлены универбаты, образованные свертыванием пропозиции, которые мы относим ко 2 группе. Такие способы образования универбатов широко распространены в разных стилях современного русского языка и подробно изучены в работах Е. С. Кубряковой, Т. А. Тулиной, Е. А. Земской: «Стягиваться могут... и предикативные единицы». В этом случае «слово передает значение всей ситуации, при этом в одних случаях образуется новое слово, в других — нет» [6, с. 4]. Как известно, пропозиция — семантический инвариант, общий для всех членов модальной и коммуникативных парадигм предложений и производных от предложения конструкций (номинализаций) [7, с. 401]. Пропозициональные структуры и их роль в формировании языковых

единиц представлены в работе Ю. Г. Панкраца, в которой он дает концепцию данного понятия: «пропозиция выступает для нас как простейшее объединение в единую структуру двух и более отдельных компонентов внутреннего лексикона, приобретающую форму $f(x)$ или $f(x, y)$ и т.д.» [8, с. 9].

Обычно универбат возникает на второй ступени свертывания синтаксического описания: *«пассажир, едущий без билета: первая ступень свертывания – безбилетный пассажир – вторая ступень – безбилетник»*. Наблюдение над фактическим материалом подтверждает мнение исследователей о том, что «ступень свертывания синтаксической объективации до фразеосочетания может быть пропущена в акте словопроизводства» [5, с. 22]. Действительно, часть производных образовалась без опоры на соответствующие словосочетания; дериваты являются «знаками» всей ситуации: *слуховик* – певец, который учит партию не по нотам, а на слух; *трубач* – передвижной подъемный кран, используемый для укладки труб; *полярки* – высокие меховые сапоги, предназначенные для работающих в районах Северного и Южного полюсов (в разг. речи); *фонтаничик* – боец военизированного отряда по предупреждению и ликвидации нефтяных и газовых фонтанов. Универбат *кесаренок* (мн. *кесарята*) 'ребенок, родившийся благодаря тому, что его матери было сделано кесарево сечение' имеет словообразовательный синоним *кесарята*: *«Кесаренку врачи могут даже без предварительного осмотра диагностировать ПЭП»* (Мой ребенок, 2003:25); *«Чем легче роды – тем развитей ребенок, а кесареныш – тем более, – делятся впечатлениями «бывалые» мамы»* (Мой ребенок, 2002:31). Универбат *велосипедки* 'обтягивающие шорты для езды на велосипеде' в наши дни приобрел новый оттенок значения 'обтягивающие брюки ниже колена': *«Исчезли брюки-корсары, которые называют также бермудками. На смену им пришли укороченные бриджи, или попросту – велосипедки»* (Модный гардероб, 2004:32).

При анализе универбатов наблюдается, что «в качестве «узлового» компонента в деривационном процессе может выступать известное в ту или иную эпоху имя собственное лица или топоним, а также то актуальное, что связывается с этим именем» [9, с. 166]: стрелок, всадник по имени маршала К. Е. Ворошилова – *ворошиловец*; тип охотничьих ружей, выпускаемых производственным объединением «Ижмаш» г. Ижевск – ижевское ружье – *ижевка*; квартира в доме, построенном в период правления И. В. Сталина – *сталинская квартира* – *сталинка* (а также премия имени Сталина – *Сталинская премия* – *сталинка*); плотная ткань, первоначально шелковая, ввозившаяся из Китая – китайская ткань – *китайка*; пятирублевая надбавка к пенсии солдатам в 70-е г., когда генеральным секретарем был Л. И. Брежнев – *брежневская пенсия* – *брежневка*, ручная двухколесная багажная тележка, широко распространенная в период правления президента

Украины Л. Кравчука в 90-х г., – *кравчучка*; водка, названная в честь президента России В. Путина, – *путинка*.

Имя существительное в подобных словосочетаниях выступает в «качестве предикатного актанта, а само словосочетание представляет собой целую микроситуацию со своими актантами, встроенную в основную. Предикатные актанты относятся к числу компонентов, усложняющих семантическую структуру предложения» [10, с. 46].

Например, в простом распространенном предложении *«Фалалеева известна своей дымковской игрушкой»* однословный предикатный актант имплицитно передает смысл целой ситуации: *«глиняная расписная игрушка как вид вятского народного промысла, создаваемая в бывшей слободе Дымково»*. Словосочетание *«дымковская игрушка»* с предикатным актантом конденсируется в лексическую единицу *«дымка»*.

Дериваты, которые содержат в своей семантической структуре предикатные актанты, называются суффиксальными производными с включенными предикатными актантами [10, с. 166]. Такие производные характеризуются усложненной семантической структурой, отражают различные пропозиции.

Некоторые дериваты с включенными предикатными актантами образовались, минуя стадию словосочетания: *африканка* «животное, родиной которого является Африка; *кашпиристка* «последовательница идей А. Кашпировского» и *чумачка* «последовательница идей А. Чумака». Ср.: «Одиннадцать лет назад мои знакомые дамы строго делились на две части: «кашпиристок» и «чумачек». Первым был свойствен больший экстримизм, вторым мягкая интеллигентность и безоговорочная вера в заговоренную воду, волшебное фото и силу молчания. Надо ли уточнять, что и те, и другие мучились со здоровьем, и все их чаяния были нацелены на спасительные для организма сеансы» (Арт-Мозаика, 2001, № 11:19). Дериваты *камазята* «дети, родившиеся в городе Набережные Челны, где находится завод КАМаз»; *тарасята* «ученики тренера по фигурному катанию Т. Тарасовой» появились в результате формального стяжения всей пропозиции.

Ср.: «Так получается и с законом, предусматривающим обязательное страхование гражданско-правовой ответственности владельцев транспортных средств, проще говоря, «страхованием автогражданки» (Крымские известия, № 138, 10.06). Мотивация универбата *автогражданка* связана с семантической структурой его составляющих: «авто» и «гражданка» *авто* – транспортные средства, т.е. средства передвижения (автомобиль, автобус и др.); *гражданка* – это свертывание пропозиции «гражданско-правовая ответственность владельцев».

Следует обратить внимание на модели: 'имя собственное лица/топоним – головной убор, связанный с ним', также образованные на базе пропозиции.

Ясир Арафат (палестинский лидер) – арафатка 'головной платок, куфия, традиционный головной убор у арабов': «Традиционную арабскую одежду – например, головной платок, куфию, называемую в России «арафаткой» они [солдаты спецподразделения] носят чуть ли не естественнее и привычнее самих арабов» (Аргументы и факты, 1996, 51:16); *С. М. Буденный – буденовка 'красноармейский шлем (появился во время гражданской войны в Первой Конной армии, которой командовал Буденный)'*. Этот ряд пополняется новыми образованиями: *ватсоновка* и *холмсовка* (по имени известных героев детективов К. Дойла), *лужсовка* и *жириновка*: «Лучший аксессуар и хит сезона – кепки. «Холмсовки», «ватсоновки» популярны больше, чем «жириновки», которые якобы отжидают... «Москвичка» в какой-то степени аналог «лужсовки» (Экспресс-газета, 2003, 40:18).

Эскимоска – головной убор из меха с длинными наушниками, который носят эскимосы; кубань (река на Северном Кавказе) – кубанка 'шапка с меховым околышем и плоским верхом'; афганка – афганская шапка – шапка с козырьком, которую носили солдаты в Афганистане: «В прихожей я замечаю костюм, в котором Щербак... сопровождал меня, открывая мне Чернобыль. Штаны и куртка цвета хаки. Шапочка, которую носят бывалые чернобыльцы – с крутым козырьком, тоже хаки, первое ее название – афганка» (Литературная газета, 1987), *битловочка* – кепка из джинсовой ткани, члены рок-группы «Битлз» носили такие головные уборы.

Также по аналогии появляются модели 'имя собственное лица/топоним – предметы, связанные с ним'.

Джоновки – круглые очки. «Оказалось, так, в середине XX в. в СССР называли очки, похожие по стилю на те, что носил Лаврентий Берия. А вот круглые очки, как у Джона Леннона, в 60–70-х гг., в Киеве называли «джоновки»» (Комсомольская правда в Украине, 3-6.02.06). *Пульман – пульмановский вагон (платформа), по фамилии Джорджа Пульмана, изобретателя спальных вагонов. Два блестящих вагона международного сообщения стояли у первого перрона вокзала. Павел подошел к роскошному пульману и взялся рукой за поручень, собираясь войти в вагон (Н. Островский, Как закалялась сталь, II, с. 3).* Пропозиции некоторых универбатов восстанавливаются с учетом фоновых знаний, и поэтому при раскрытии словообразовательного механизма следует подключать лингвокогнитивные коды. *Жоржик* – устар. 1. Приблатненный матрос, матрос-анархист. ВМФ: 1920. 2. Матрос-стиляга (обычно носивший вытянутые в ниточку, подбритые сверху и снизу тонкие усики, густо напояженные волосы, расчесанные на пробор, бескозырку-блин с очень длинными ленточками, фланельку навыпуск, укороченную шинель). ТФ и ВМФ: ВОВ 1944 [11, с. 103].

Универбат *жоржик* возник в 20-е годы XX в. и возможно его появление связано с образованием Атланты (союза стран – победительниц в первой мировой войне, в которую входили Англия,

Франция, США и другие капиталистические страны). Самым распространенным мужским именем в этих странах является Джорж (Жорж), и со временем оно используется как нарицательное – обращение к лицу, имени которого не знали. Универбат *жоржик* появился по аналогии собственного русского имени Ванька, которое также стало нарицательным.

Берлинки (разг.) – жилые дома из пластика, возведенные немцами в 70–80-х гг. в пгт Щелкино АР Крым. Для строительства атомной электростанции приглашались строители, атомщики и другие специалисты из других государств, в том числе и из Германии.

В разряд подобных единиц, очевидно, войдут и следующие образования: *лицеистка* – участница рок-группы «Лицей»: Ср.: *«Лицеистки» завалят любого рецидивиста. Мы возвращались из Нижнего Новгорода, где были в гастрольной поездке, – вспоминает участница группы «Лицей» Настя Макаревич* (Теленеделя № 6, 5-11.02.07); *фабрикантка* – участница группы «Фабрика звезд»: Ср.: *Длинноногая «фабрикантка» пугачевского созыва Ирэн Кудикова играючи защитила звание мастера спорта по баскетболу* (Телескоп № 15, 10.04.06); *огородник* (ист.) – самолет У-2 ВВС в 1940-х гг., т.к. низко летал, *чанка* – преподавательница английского языка; *чарльстоны* – модные брюки-клевш, шириной не менее 30 см в 1950-х гг.; *черчелли* – кожаные армейские ботинки на толстой подошве, т.к. поставлялись из Великобритании, по фамилии премьер-министра У. Черчилля.

Таким образом, синтаксической базой универбатов традиционно считается атрибутивное словосочетание, состоящее из спецификатора – прилагательного и родового наименования – существительного. В качестве базовой основы может выступать несогласованное определение-существительное, в отдельных случаях – причастие. Анализ языкового материала показал, что исходное словосочетание может состоять из 3-х и более компонентов.

Универбаты способны образовываться в результате свертывания целой предикативной единицы, минуя стадию адъективного словосочетания. В качестве «узлового» компонента в деривационном процесс может выступать имя собственное лица или топоним. Такие универбаты получили название производных с включенными предикатными актантами. Эти производные характеризуются усложненной семантической структурой, отражают различные пропозиции.

Литература

1. **Лопатин В.В.** Русская словообразовательная морфемика: проблемы и принципы описания. — М., 1997.
2. **Земская Е.А.** Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. — М., 1979.
3. **Осипова Л.И.** Активные процессы в современном русском словообразовании. — М., 1985.
4. **Соколовская Т.Д.** Активные процессы в современном русском языке (универбация, конденсация и другие сокращения). — М., 2004.
5. **Устименко И.А.** Ономаσιологический аспект семантической конденсации. Лексикология. Семасиология. — Белгород, 2001.
6. **Глотова И.П.** К вопросу об универбации (О функционально-стилевом и общелитературном употреблении) // Вопр. стилистики. — Вып. 12. — Саратов, 1977.
7. **Лингвистический** энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцевой. — М., 1990.
8. **Панкрац Ю.Г.** Пропозициональные структуры и их роль в формировании языковых средств разных уровней. (на материалах сложноструктурных глаголов современного английского языка). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1992.
9. **Петров А.В.** Аффиксальные дериваты с включением (на материале имен существительных с суффиксом -к (а) // Учен. зап. Таврического нац. ун-та им. В. И. Вернадского. Сер. «Филол. науки». — Т. 15 (54). — 2002. — № 4. — С. 164–168.
10. **Тулина Т.А., Харитонова М.М.** Семантика предикативных актантов и их синтаксическая организация в простом предложении // Филологические науки. — М., 1983. — № 4 — С. 46–52.
11. **Коровушкин В.П.** Словарь русского военного жаргона: нестандартная лексика и фразеология вооруженных сил и военизированных организаций Российской империи, СССР и Российской Федерации. XVIII–XX вв. — Екатеринбург, 2000.

В данной статье рассматривается проблема универбации как продуктивного способа словообразования. В основе исследования описание универбатов, которые образуются в результате свертывания словосочетаний и целой предикативной единицы.

Ключевые слова: универбаты, конденсация, мотивация, словосочетание, пропозиция, актанты.

У статті розглядається проблема універбації як продуктивного способу словотворення. В основі дослідження опис універбатів, які утворюються у результаті згортання словосполучень і цілої предикативної одиниці.

Ключові слова: універбати, конденсація, мотивація, словосполучення, пропозиція, актанти.

The article is dedicated to the problem of definition of univerbation as a productive method of word-formation. According to the survey of different approaches of investigation of occasional formation conclusions of word-formation about means, that function in the process of univerbal derivation, are made.

Key words: univervation, condensation, motivation, word-grouping, proposition, predicate.

УДК 811.161.1'27:124.5

Л. Н. Гукова

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПАРАМЕТР РЕЧЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ В РУССКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ СОЗНАНИИ

В последние десятилетия XX в. и в начале XXI вв. лингвистике резко возрос интерес к функциональным и прагматическим аспектам речевой коммуникации. Исследователи обращают внимание на национальные особенности речевого и неречевого поведения коммуникантов, обусловленные собственно языковым, ментальным, психологическим и культурным факторами. Анализ национальных особенностей речевой коммуникации актуален также в связи с расширяющимся пространством межкультурной коммуникации в современном мире.

В рамках теории речевой коммуникации национальные особенности русского речевого поведения в отдельных его аспектах уже были предметом наблюдений [1–5 и др.]. Однако параметр «ценностная характеристика разных аспектов речевого высказывания в процессе общения, а именно: речевое мастерство коммуникантов, соотношение содержания и формы высказывания, этическая и эстетическая сторона высказывания в процессе коммуникации», насколько нам известно, еще не были предметом специального исследования. Поэтому мы и рассмотрим его на материале лексики и фразеологии (в самом широком ее понимании: включая сюда и собственно ФЕ, и любые частотные по сочетаемости конструкции, и паремии).

Акад. Д. С. Лихачев в «Заметках о русском» пишет, что и в России, и на Западе распространено «представление о русском национальном характере как о характере крайности и бескомпромиссности», «загадочном», во всём доходящем до пределов возможного (и в сущности, недобром)» [6; 7]. Согласиться с последним, естественно, трудно, и Д. С. Лихачёв рассуждает о многообразных проявлениях доброго в русском характере и русской культуре.

Национальное бесконечно разнообразно. С позиций нашего исследования важно выделить в нем доминантные и релевантные компоненты, которые представлены определенными коммуникативными

категориями и концептами, репрезентированными в речевой практике чрезвычайно широким спектром реализаций. Самой общей из таких категорий является **общительность** русских людей; на вербальном уровне она «находит отражение в огромном количестве лексических единиц, образующих поле коммуникативной лексики в русском языке» [3, с. 205]. Так, М. В. Шаманова показала, что в русском языке в поле «общение» включается 1479 слов [3, с. 205]. В нашей работе лексика для наблюдений привлекается только частично, в центре же внимания более/менее устойчивые единицы, отражающие особенности русского национального характера в речевом общении. И мы рассматриваем только параметр «ценностная характеристика некоторых аспектов речевого высказывания в процессе общения». При этом отметим, что «анализ коммуникативных категорий и концептов может проводиться на двух уровнях - содержательном и бытийном. Содержательный анализ предполагает выявление структуры концепта как элемента концептосферы и его связей с другими концептами в сознании человека. Бытийный анализ предполагает изучение узуса, изучение того, насколько народ в массовом масштабе руководствуется им в практическом поведении» [4, с. 169]. «Мостик» между содержанием концепта и его бытийным воплощением в реальном поведении людей И. А. Стернин именует интерпретационным полем концепта», которое содержит поведенческие установки, выводимые сознанием из содержания концепта» [4, с. 169]. И при этом между содержательным и бытийным (узуальным) параметрами часто обнаруживается существенное расхождение.

Содержательный анализ концептосферы «общение», позволяет сказать, что русские высоко ценят красивую («красную»), умную речь, умение использовать ресурсы языка и осознают их прагматический потенциал. В языковых единицах разных уровней, формирующих речевые акты этого содержания, находим характеристику всех компонентов речевой ситуации: адресанта, адресата, темы (т.е. содержания) высказывания, качество оформления высказывания и особенности его организации. Отсюда ряды слов, словосочетаний, пословиц и поговорок, отражающих наслаждение красотой материала, осмысление его воздействующей силы в зависимости от содержания и оформления. Прежде всего сама **способность говорить** именуется устойчивыми словосочетаниями с оценочной семантикой: *дар речи, дар слова, дар божий, бесценный дар*. «Умейте же беречь/ Хоть в меру сил, в дни злобы и страданья /Наш дар бесценный – речь» (Бунин). А деривационный и синтагматический потенциал единицы **СЛОВО** представлен лексемами *слово, словко, словцо, словечко, словечушко; многословие, пустословие; бессловесный* и частотными словосочетаниями *первое слово, последнее слово, новое слово, доброе слово, честное слово* (клятва), *живое слово* (**Живое слово** дорожке мёртвой буквы), *золотое слово* (**Золотые слова** и вовремя сказаны),

серебряное слово; громкое слово, меткое слово, крылатое слово; удачное слово; пустое слово; чёрное слово – 'чертыханье, брань'; красное словцо, крепкое словцо, смачное словцо, пасёное словцо; закинуть (или запустить) слово, замолвить слово (замолвить словечко), дать слово, взять слово, взять свои слова обратно; помянуть добрым словом и др. [8, IV, с. 139–141].

Устойчивые черты национального сознания наиболее выразительно представлены в фольклорной речи, в частности – в пословицах, поговорках, присказках (хотя этот пласт речевого материала отражает в известной мере архаические черты и некоторые расхождения с современной речевой практикой), во фразеологизмах. Поэтому основной материал для наблюдений извлечён нами из двухтомного сборника В. И. Даля «Пословицы русского народа» [7] и «Фразеологического словаря» под ред. А. И. Молоткова [9], в то же время мы привлекали и другие источники.

Речевое мастерство включается русскими пословицами, с одной стороны, в число других человеческих достоинств (напр.: *Чиста, личиста, да и говорит речиста* [7, I, с. 319]; *Твоими бы устами да мёд пить* [7, I, с. 325], а с другой стороны, в них выражается сарказм по поводу негуманистического, не на добро ориентированного использования речевого потенциала (*Ради красного словца не пожалеет ни матери, ни отца*).

В общении регулярно разграничиваются, с одной стороны, свободное/несвободное владение речью, эстетичное/неэстетичное оформление речи, а с другой – содержательность/бессодержательность высказывания. Так, умение искусно, эстетично, торжественно презентовать речь именуется словами *красноречие, велеречивость, медоречивость, медоточивость* [8, II, с. 244], *речистость* [8, III, с. 713], *сладкоречие* [8, IV, с. 131]. И если того, кто изъясняется «красно» и содержательно, именуют *красноречивым, златоустом* (по прозвищу византийского проповедника и церковного деятеля Иоанна Златоуста) или *ритором* [8, III, с. 710], *оратором*; не умеющего говорить свободно – *косноязычным/косноязыким*, то красноречивого, но пустого говоруна – пренебрежительно *болтуном, краснобаем* [8, II, с. 121], *пустобрёхом, пустозвоном, пустомелей, трепачом*. А о тех, кто не умеет поддержать общение, говорят: *Нем (бессловесен), как рыба; Нем, как безголосая рыба; Разговорчив, как устрица; Беседлив, как тюлень* [7, I, с. 323]. В этих характеристиках заключена ценностная оппозиция человека мыслящего и говорящего (*Homo sapiens, Homo eloquens*) существам, лишённым и дара мысли, и дара речи, – «*твари бессловесной*».

О том же, кто молчит в условиях принудительного общения, не желая отвечать на вопросы, говорят: *Молчит, как партизан*. То есть в речевом коммуникативном узусе разграничиваются не только *умение/неумение* говорить, но также *умение и желание* говорить – *желание/нежелание* поддерживать беседу/ диалог. Молчать же в

условиях личностного, инициативного общения (в полилоге в компании, в дружеском кругу) в русской коммуникативной традиции не принято. И если кто-то в такой ситуации пассивен, не принимает в беседе активного участия, к нему иногда обращаются с вопросом «*А ты почему молчишь?*» [3, с. 204]. Это молчание выглядит как знак несолидарности: либо несогласия, либо недружественности (хотя на самом деле мотивы могут быть и другими). Если же беседа внезапно прерывается (вошёл кто-то, при ком не сто́ит говорить на звучащую тему; либо все устали), то такая пауза именуется фразеологизмами *неловкое молчание*, *неловкая пауза*. Хотя в характеристике общения по другому параметру – дальновидная стратегия *не сказать лишнего, не навредить в достижении долговременной цели* – молчание оценивается иначе: в его ценностном и пропорциональном соотношении с говорением: *Слово – серебро, молчание – золото; Молчанкой никого не обидишь; Доброе молчанье лучше худого ворчанья; И глух, и нем - греха не вем; Слово – не воробей, выпустишь – не поймаешь. Держи язык за зубами* [7, I, с. 317–318]. И в этом случае для русского менталитета максима количества в высказывании формулируется так: *Лучше не договорить, чем переговорить; Лучше не досказать, чем пересказать; Бойся вышнего – не говори лишнего* [7, I, с. 317, 322].

В целом в определении ритма общения, в ценностном соотношении разных видов речевой и производительной деятельности, а именно: молчание/говорение, говорение/слушание, говорение/производительный труд – молчание и слушание в русской речевой коммуникации оцениваются более высоко, нежели просто процесс говорения или пустое говорение (*Говорит хорошо, а замолчит – ещё лучше; Не стыдно молчать, коли нечего сказать; Поменьше говори, побольше услышишь; Слушай больше, а говори меньше; Не всё мели, что помнишь; Не всякую речь сказывай; Меньше говори, да больше делай! Кто мало говорит, тот больше делает; Сколько ни говорить, а с разговором сыту не быть; Кто молчит, тот двух научит* [7, I, с. 317, 323]).

Как видим, единицы речевого общения, представление темы высказывания и характеристика коммуникантов презентуются в русских пословицах, как правило, оценочно, – с использованием по-разному выраженных сравнений: *Есть, словко – как мёд сладко; нет, словко – как полынь горько; С тобою разговориться, что мёду напиться; Сидит, как свеча горит, говорит, что рублём дарит* [7, I, с. 325].

Невыразительная речь и погрешности в речи оцениваются с большим огорчением и порою даже язвительно. Достаточно вспомнить фразеологизмы *дубовый язык, суконный язык, суконная речь* – «невыразительный, бледный и шаблонный язык» [8, IV, с. 304] и пословицы *Лучше ногою запнуться, чем языком, У него слово слову костыль подаёт; Кланяться горазд, а говорить не умеет; Говорит, что родит (с потугами); Без языка и колокол нем* [7, I, с. 323].

В русском речевом неофициальном общении чрезвычайно ценится лёгкая, непринуждённая, весёлая, остроумная речь, балагурство и острословие. О находчивом человеке говорят: *(У него) язык хорошо подвешен; (он) боек на язык, остёр на язык* [9, с. 540–541]; *(Он) за словом в карман не полезет, (у него) пасёное словцо за щекой; У него на всякий спрос словцо есть*. Правда, коннотация высказываний с этими компонентами не всегда позитивна: она обуславливается констатирующей ситуацией общения. Тем не менее, именно в непринуждённом общении попытки ограничить говорун-балагуров могут привести к неудовольствию: *Не любо – не слушай, а врать не мешай*.

В этих высказываниях, как видим, выражено отношение то к говорящему (*Что у кого болит, тот о том и говорит; Что кого веселит, тот о том и говорит; Каковы свойства, таковы и речи* [7, I, с. 322]), то к адресату (*Слушай больше, а говори меньше; Бойся вышнего, не говори лишнего! Не любо – не слушай, а врать не мешай*; [7, I, с. 322]), то к самому высказыванию (*Сказанное словцо – серебряное, не сказанное – золотое* [7, I, с. 323]).

Наблюдая человека в процессе речевой коммуникации, русские отмечают ответственность за высказывание, необратимость потока речи: *Слово не воробей, вылетит – не поймаешь. Коня на вожжах удержишь, а слова с языка не воротишь; Ешь капусту, да не мели попусту* [7, I, с. 318, 325]. При этом в большинстве устойчивых единиц, характеризующих речь, проявляется игровой, часто иронический (хотя порою и саркастический) характер общения, но нигде мы не обнаруживаем явных установок на конфронтацию. То есть речевая стратегия ориентирована на выбор гармоничных коммуникативных тактик, на коммуникативное согласование (по Грайсу, кооперацию). Это вполне вписывается в ту характеристику всей исконно русской культуры, которую дал Д. С. Лихачёв, отметив в качестве ведущей радостно-весёлую и в то же время добрую и ласковую её тональность [6, с. 8–10, 12–15, 38].

Что касается бытийного аспекта, реализации данного концепта в повседневной коммуникативной действительности, особенно в сегодняшней действительности, то это другая тема, хотя частично мы к ней прикоснёмся ниже.

Когнитивная составляющая «доброта, душевность» как содержательный оценочный компонент в русском речевом общении имеет не только опосредованное, но и вербальное выражение, она виртуально входит в структуру ряда коммуникативных ситуаций. Это прежде всего этикетные конструкции привлечения внимания и обращения к незнакомому/знакомому адресату: *будьте добры (любезны)*; конструкции приветствия/прощания *Здравствуйте! Доброе утро (день, вечер)*; пожелания при расставании: *Всего доброго, Доброго пути; Путь добрый! Доброй ночи!*; обращение с просьбой о помощи: *Люди добрые, обращаюсь к вам...* (субъективный порядок слов в этом обращении –

особенность именно русской речи!) *А скажи ты мне, добрый человек, далеко ли отсюда Захарьино?*

В русском языке в устойчивых конструкциях в качестве постоянного эпитета представлена широчайшая сочетаемость многозначного прилагательного *добрый*: *добрый гений, добрый молодец, добрый конь, добрый малый, добрый ужин, товар добрый, чтение доброе* («*Пришли мне чтения доброго*, – пишет своей жене в берестяной грамоте один новгородец» [6, с. 15]) и др., где, естественно представлены и другие значения: 'сильный, храбрый, верный, плотный, хороший, отличный', но все они сохраняют связь и с исходным значением – 'расположенный к людям, отзывчивый, исполненный доброты, сочувствия к ним и готовности помочь'. Именно в русской культурной традиции делается надпись на фотографии: «*На добрую память...*». Афоризмом стало высказывание героини одного популярного фильма: «*Доброе слово и кошке приятно*», а пословица гласит: *Доброе слово любые двери открывает*.

В русском речевом общении существует оппозиция, отражающая плюс/минус-оценку представителями русского лингвокультурного сообщества глубокого, межличностного (душевного, доброго) и светского, обезличенного, в какой-то степени принудительного общения. В связи с этим устойчивым конструкциям *поговорить по душам, разговор по душам, задушевная беседа, душевный разговор; раскрыть душу* противопоставлены обороты *поговорить на общие темы, разговор на общие темы, светский разговор, разговор ни о чём, светская беседа, холодно говорить/поговорить, ледяной тон* и др.

Разговор по душам, душевный разговор – это основное удовольствие русского речевого общения (*Серебряные свадьбы – негаснувший костёр, серебряные свадьбы – душевный разговор*). Это всегда искренняя, неторопливая, раскрепощённая и очень доверительная беседа. А *разговор на общие темы* может либо привести, либо не привести к установлению желаемого контакта. Пример из частушки: *Подошла, заговорила о погоде, о весне./Он уселся на перила, и в ответ ни слова мне. Понимаешь? – Понимаю./ – Под мостом вода журчит. Почему же он молчит?*

Но есть ещё третий компонент в этой оппозиции: речевая ситуация, в которой используется бранная, инвективная, нецензурная фразеология. С нормативно-этикетной точки зрения, она должна бы, кажется, отражать конфликтную ситуацию и неконвенциональное общение. И норма именно так и квалифицирует этот материал, располагая его за своими пределами. Бытийная же сторона, узус относится к этому материалу совсем не так строго. Интерпретационные установки этой микротемы в концепте «общение» также презентованы в бинарной оппозиции. С одной стороны, неодобрение: *Худое слово доведёт до дела злого; Кто ругается, у того конь спотыкается; Горлом не возьмёшь, бранью не выпросишь*. С другой же стороны, совершенно

примирительные оценки: *Не выругавшись, дело не сделаешь; Не обругавшись, и замка в клети не откроешь; Брань не запас, а без неё ни на час; Брань не дым, глаза не ест; Брань на вороту не виснет; Поругаться – душу отвести, подраться – сердце повытрясти* [7, I, с. 207; 3, с. 169].

В последние десятилетия XX и в начале XXI в. в русской речевой практике происходит растабуирование бранной лексики и фразеологии. Известный российский артист Николай Фоменко на «Русском радио» высказался (разумеется, иронически!) так: «Американцы упрекают русских в том, что они слишком много ругаются матом. Так мы им не ругаемся, мы им разговариваем». Естественно, это шутка, однако в ней есть, к сожалению, доля правды. Несомненно тем не менее и другое: хотя этот пласт русского языка привлекает внимание всех инофонов и, можно сказать, интригует их, до недавнего времени он не был предметом специального научного исследования. Может быть, поэтому отечественные лингвисты (например, проф. Е. С. Отин, проф. Л. А. Кудрявцева) занимаются сейчас этимологизацией, семантизацией, исследованием функций и функционирования инвективной лексики и фразеологии. А в русской и украинской литературе постмодернизма нецензурная фразеология используется даже в качестве специфического экспрессивного средства: это эпатаж общественного вкуса и целенаправленная эстетическая деструкция на определенных участках художественного текста.

Некоторые особенности национального языкового сознания (в частности, компонент регулятивности и коллективистской ментальности, соборности в культуре русского речевого общения) отражаются также в грамматической организации пословиц, связанных содержательно с речевой коммуникацией, но этот параметр – предмет отдельного исследования.

Национальные особенности в культуре, в речевой коммуникации – достоверный факт. Нельзя только преувеличивать их специфичность, рассматривать их как исключительные. «Национальные особенности – это только некоторые акценты, а вовсе не качества, отсутствующие у других» [6, с. 20]. Всё дело в совокупности и в кристаллически неповторимом сочетании национальных черт; изучение и презентация их интересны и полезны как для каждой лингвокультурной общности в отдельности, так и для гармонизации межкультурной коммуникации.

Литература

1. Линдстрем Е. Н. Директивные вопросы в русском языке // Коммуникативное поведение. — Вып 22: Коммуникативное поведение славянских народов / Под ред. П. Пипера и И. А. Стернина. — Воронеж, 2006. 2. Пипер П. Как дела? О контактоустанавливающих диалогах в

русском и сербском языках // Коммуникативное поведение. — Вып. 22: Коммуникативное поведение славянских народов / Под ред. П. Пипера и И. А. Стернина. — Воронеж, 2006. 3. **Стернин И. А.** Введение в речевое воздействие. — Воронеж, 2001. 4. **Стернин И. А.** Национальные представления поляков о русском и польском коммуникативном поведении // Коммуникативное поведение. — Вып. 22: Коммуникативное поведение славянских народов / Под ред. П. Пипера и И. А. Стернина. — Воронеж, 2006. 5. **Харченко В. К.** Спонтанная русская коммуникация: в поисках языкового позитива // Коммуникативное поведение. — Вып. 22: Коммуникативное поведение славянских народов / Под ред. П. Пипера и И. А. Стернина. — Воронеж, 2006. 6. **Лихачёв Д. С.** Заметки о русском. — М., 1984. 7. **Даль В. И.** Пословицы русского народа: В 2 т. — М., 1984. 8. **Словарь** русского языка: В 4 т. — М.: АН СССР, 1984. 9. **Фразеологический** словарь русского языка / Под ред А. И. Молоткова. — М., 1968.

Статья посвящена рассмотрению ценностных представлений об отдельных аспектах речевой коммуникации в русском национальном сознании. Анализируются средства презентации речевого мастерства коммуникантов, оценки соотношения содержания и формы, этической и эстетической сторон высказывания в процессе коммуникации.

Ключевые слова: речевая коммуникация, высказывание, оценка, речевое мастерство, говорение, молчание, слушание.

Статтю присвячено розгляду ціннісних уявлень про окремі аспекти мовленнєвої комунікації в російській національній свідомості. Аналізуються засоби презентації мовленнєвої майстерності комунікантів, оцінки співвідношення змісту і форми, етичної та естетичної сторін висловлювання в процесі комунікації.

Ключові слова: мовленнєва комунікація, висловлювання, оцінка, мовленнєва майстерність, говоріння, мовчання, слухання.

Article is dedicated to the value receipt about several speech communication aspects in the Russian national mens. Subject to analyze are: communicants' speech skill presentation means, form-and-substance-correlation estimation means, statement's esthetical and ethical aspects' estimation means during communication.

Key words: speech communication, statement, evaluation, speech skills, speaking, silence, audition.

УДК 681.3:801.3:801.8:802.0:81'42

С. С. Данилюк

ПОРІВНЯЛЬНА ХАРАКТЕРИСТИКА ЕЛЕКТРОННИХ І ПИСЕМНИХ ТЕКСТІВ

Одним із найпопулярніших і найзручніших у користуванні інформаційних засобів є веб-сайт Всесвітньої павутини. На веб-сайтах наявні так звані персональні сторінки. Саме на веб-сторінках з'явилися й набули поширення електронні тексти як різновид писемного тексту.

Лавиноподібне збільшення кількості таких текстів певною мірою кореспондує зі збільшенням кількості наукових, у тому числі й лінгвістичних праць, присвячених їхньому розглядові. Так, аналізуючи електронні тексти, лінгвісти порівнюють їх із писемними текстами [1; 2], звертають увагу на гіпертекстову модель електронних текстів [3–5], лінгвістичні концепції гіпертексту [6–7], використання гіпермедійних технологій [8] і мультимедійних засобів [9–11] в електронних текстах.

Об'єктом нашого розгляду є як електронні тексти веб-сторінок, так і традиційні писемні тексти.

За мету у статті поставлено завдання порівняти електронні тексти веб-сторінок з писемними текстами і визначити в результаті такого порівняння схожі риси досліджуваних текстів, а також їхні розбіжності. Виконання цього завдання сприятиме, на нашу думку, модифікації створення веб-сторінок.

Створення гіпертексту розглядається як початок нової інформаційної епохи, протиставленої ері друкарства [12, с. 32].

Зараз в мовознавстві розглядається три типи мовних текстів: усний, писемний та електронний. Вони відрізняються один від одного суттєвими ознаками, але й мають спільні властивості, що їх зближують [13, с. 139].

Усний текст досить швидкоплинний, скороминущий. Передача інформації за допомогою нього обмежена часовими й просторовими рамками, особливостями мовлення мовця, особливостями сприймання та пам'яті реципієнта. Текст, написаний на папері, не зникає після завершення його складання, як це відбувається з усним текстом. Писемний текст наочний [13, с. 139].

Фіксація тексту засобами письма робить його остаточним, незмінним [14, с. 51]. Ще одна відмінність писемного тексту від усного – це можливість існування «обрамлюючого» паратексту [14, с. 51] у вигляді заголовку, змісту, передмови, коментарів, приміток, зносок, посилань на літературу тощо.

Електронний текст багато в чому нагадує писемний текст. У ньому також використовуються літери, правила та порядок письма. Він подібний до усного, якщо використовуються технічні засоби для збереження та передачі інформації – аудіо- й відеозапис [13, с. 141]. Варто розглянути детальніше характерні риси, які вирізняють ЕТ як окремий вид тексту.

Визначаючи електронний текст як феномен електронної форми представлення писемної інформації, мовознавці розглядають його як специфічний спосіб викладу, зберігання та презентації інформації, який має ряд структурних та функціональних особливостей. Відмічають такі його основні характеристики, як нелінійність [13, с. 140; 14, с. 53; 15, с. 66], фрагментарність, мультимедійність [16, с. 168; 17, с. 42], інтерактивність, які змінюють стратегії автора й читача. Повністю він може реалізуватись лише на електронних носіях, оскільки необхідний певний технічний засіб, який здійснює на практиці можливість моментального переходу від одного текстового фрагмента до іншого і забезпечує гіпертекстову навігацію, тобто процес читачького пересування.

Одна з головних відмінностей полягає в тому, що електронний текст як форма представлення писемного тексту на екрані комп'ютерного монітору прагне до експлікації імпліцитно закладених переходів, його зв'язки демонстративні й наочні, а поза системою їх не існує. Посилання електронних текстів, їх обсяг, формулювання, семантична співвіднесеність із текстами, які вони викликають, і навіть способи їх реалізації (текстовий чи графічний характер джерела) – все це є частиною авторського задуму і саме такі аспекти відсутні у традиційному писемному тексті.

Дисперсність електронного гіпертексту – це технологічна властивість, яка безпосередньо впливає з використання комп'ютерної технології. Інформація надається у вигляді невеликих фрагментів і увійти у цю структуру можна з будь-якої ланки [17, с. 40].

Звичайний писемний текст, як правило, має автора. Електронний текст досить часто автора у традиційному розумінні не має – у нього безліч авторів. Причому у випадку електронного тексту, який постійно варіюється, авторський колектив також постійно змінюється. Зміна статусу автора змінює і статус читача: у гіпертекстовій системі розуміння часто супроводжується зміною компонентів електронного тексту, або як мінімум, вибором шляху перегляду.

Гіпертекстова форма представлення повідомлення визначає нові стосунки між учасниками комунікації – адресатом та адресантом. Якщо за класичною моделлю Р. Якобсона, джерелом, автором повідомлення є лише адресант, і адресат не може вплинути на процес творення, то коли йдеться про електронний текст, адресат є частково і його творцем, адже він визначає послідовність інформаційного потоку, впливаючи при цьому на контекст повідомлення. У процесі створення лінійного тексту адресант має враховувати, що для того, аби адресат зрозумів текст, ідеї мають бути виражені у вигляді когерентної послідовності речень, абзаців, частин. Для досягнення цього потрібно подавати сигнали про зв'язки між цими ідеями, а також вводити найрелевантніші концепти на початку, щоб читач міг їх згодом відновити у пам'яті. В такому випадку вибір та організація інформації – це завдання автора. Електронний текст дає читачеві можливість вибору порядку читання тієї чи іншої частини

тексту та визначення своєї послідовності, частково перекладаючи завдання автора на адресата [18, с. 96].

Множинність авторства може мати ще один наслідок: в електронному тексті представлено багато точок зору на проблему, а у звичайному тексті – лише одна. Саме тому електронний текст об'єктивніший і толерантніший до читача, аніж класичний текст.

Електронний текст і звичайний друкований текст відрізняються можливостями представлення текстової структури. У друкованому тексті структура імпліцитна, а електронний текст дає практично необмежені можливості її експлікації. У звичайній книзі читач виводить структуру з лінійного тексту у процесі комунікації, у гіпертексті йому не потрібно цього робити – вона вже побудована автором [15, с. 64].

Традиційний текст є лінійним, і пересуватись в його просторі можна лише в напрямках, обмежених однією площиною. Нелінійність є ще однією технологічною властивістю електронного тексту. Такий текст не має стандартної, звичайної послідовності читання. Читач сам обирає шлях читання, створюючи при цьому власний текст [17, с. 40].

Для комп'ютерних текстів домінуючим способом формально-структурної та семантичної організації є мультилінійна організація. Такі тексти складаються з окремих сегментів і в них відсутня заздалегідь задана послідовність їх читання.

Мультилінійність передбачає відносну тематичну завершеність сегменту, а також невживання формальних (лексичних, граматичних) засобів, які вказують на зв'язок даного сегменту з іншими. Сегмент гіпертексту, який відповідає цим вимогам, називають когезивно закритим (cohesively bounded). Значення когезивної закритості для гіпертексту полягає у тому, що користувач має можливість самостійно визначати послідовність інформаційних блоків відповідно до своїх цілей, не стикаючись з проблемою наявності у текстових сегментах, що комбінуються, ні з чим не співвіднесених засобів зв'язку [14, с. 53].

На екрані монітору текст підлягає певній структурованості та оснащується специфічними засобами інформаційного пошуку, які реалізують доступ до його елементів. Однією із стратегій побудови електронного тексту є його поділ на окремі сегменти, що повністю вміщуються в просторі монітору, й послідовне пред'явлення їх читачеві [там само].

Різномірні сегменти електронного документу можуть бути не лише текстовими, а й мультимедійними. Мультимедійність електронних текстів – це застосування засобів впливу на читача: від суто лінгвістичних (вибір оповідної техніки та стилістики) до друкарських (шрифт, верстання, ілюстрації) і суто комп'ютерних (звук, анімація, посилання на інші нехудожні матеріали) [17, с. 40].

Наприклад, у деяких випадках на головній сторінці подаються гіперпосилання на окремі смислові розділи невеликого розміру, кожен з яких можна переглянути в індивідуальному «вікні». Інший шлях побудови електронних текстів, який називається в спеціальній літературі «inverted

pyramid style» («стиль оберненої піраміди»), полягає в інверсії ієрархії семантико-сислової структури тексту. В таких текстах на початку дається найсуттєвіша інформація, а подальші факти її лише підтверджують у вигляді аргументів або пояснень [14, с. 53]. Використання такої структури дає можливість досягнення основної комунікативної мети автора, тобто інформування читача, навіть якщо останній і не побачить всього тексту.

З нелінійністю електронного тексту пов'язана також і така його особливість, як початкова неієрархічність відношень між його сегментами, тобто відсутність протиставлень «передній план – задній план», «основна інформація – додаткова інформація», «домінуючий мовленнєвий акт – допоміжний мовленнєвий акт» [14, с. 54].

Підсумовуючи розбіжності писемного та електронного текстів, можна виокремити такі аспекти, представлені нами у таблиці (див. табл. 1):

Таблиця 1

Традиційний писемний текст	Електронний гіпертекст
Кінцевість, завершеність	Нескінченність, незакінченість, відкритість
Лінійність	Нелінійність, мультилінійність
Точне авторство	Відсутність авторства (у традиційному розумінні)
Протиставлення між автором і читачем	Зняття протиставлення між автором і читачем
Суб'єктивність, однобічність	Об'єктивність, багатобічність
Однорідність	Неоднорідність, множинність віртуальних структур
Існування на папері в друкованому вигляді	Можливість існування лише в електронному форматі

Отже, електронний текст має ряд специфічних рис, що відрізняють його від усного та традиційного писемного тексту, зокрема: відкритість, нелінійність, відсутність традиційного авторства, зняття протиставлення між читачем та автором, об'єктивність, неоднорідність. Ці риси зумовлюють виділення електронного тексту як окремого виду тексту в лінгвістичній науці.

Подальшими перспективами дослідження вбачається аналіз електронних текстів не лише персональних веб-сторінок, а й інших форм Інтернет-комунікації (Інтернет-форумів, Інтернет-чатів, електронної пошти тощо).

Література

1. **Дедова О.В.** О гипертекстах: «книжных» и электронных // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9: Филология. — 2003. — №3. — С. 106–120. 2. **Тютенко А.А., Прокопчук К.А.** Текст в компьютере и «компьютерный» текст // Вісн. Харків. нац. ун-ту. — Х., 2003. — №586: Лінгвістичні й дидактичні проблеми іншомовної комунікації. — С. 50–56. 3. **Бехта І.** Гіпертекст – альтернативна модель конвенційного тексту в постмодерністську епоху // Мовні і концептуальні картини світу. — К., 2004. — Вип. 11. — Кн. 1. — С. 38–41. 4. **Столярова М.** Електронний гіпертекст – оновлена традиція ергодічної текстуальності // Мовні і концептуальні картини світу. — К., 2004. — Вип. 11. — Кн. 2. — С. 169–174. 5. **Crystal D.** Language and the Internet. — Cambridge, 2001. 6. **Дедова О.В.** Лингвистическая концепция гипертекста: основные понятия и терминологическая парадигма // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9: Филология. — 2001. — №4. — С. 22–36. 7. **Miall D.S.** Trivializing or Liberating? The Limitations of Hypertext Theorizing // Mosaic. — 1999. — Vol. 32, №3 (June). — P. 157–171. 8. **Welsch E. K.** Hypertext, Hypermedia, and the Humanities // Library Trends. — 1992. — Vol. 40 (Spring). — P. 614–646. 9. **Nielsen J.** Multimedia and Hypertext: the Internet and Beyond. — Boston, 1995. 10. **Rada R.** Hypertext, Multimedia and Hypermedia // New Review of Hypermedia and Multimedia, Applications and Research. — 1995. — Vol. 1. — P. 1–21. 11. **Tolhurst D.** Hypertext, Hypermedia, Multimedia Defined? // Educational Technology. — 1995. — Vol. 35 (March/April). — P. 21–26. 12. **Алюшина И.В.** Гипертекст как средство активизации познавательной деятельности студентов // Материалы науч. региональной конф. «Лингвистические и экстралингвистические проблемы межкультурной коммуникации». — Ставрополь, 2000. — С. 20–21. 13. **Семчинская Н.С.** Нелинейный текст как новый тип текста // Матеріали V Міжнар. наук. конф. «Мова і культура». — К., 1997. — Т. 1. — С. 139–143. 14. **Тютенко А.А., Прокопчук К.А.** Текст в компьютере и «компьютерный» текст // Лінгвістичні і дидактичні проблеми іншомовної комунікації. — Х., 2003. — С. 50–56. 15. **Хартунг Ю., Брейдо Е.** Гипертекст как объект лингвистического анализа // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9: Филология. — 1996. — №3. — С. 61–77. 16. **Wirth Th.** Missing Links: über guten Webdesign. — München, Wien, 2002. 17. **Бернацкая А.А.** Приемы прагматизации заглавия // Логико-семантические и прагматические проблемы текста: Сб. науч. тр. — Красноярск, 1990. — С. 38–47. 18. **Коломієць Н.В.** Дискурс Інтернету як різновид дискурсу // Мовні і концептуальні картини світу. — К., 2001. — № 5. — С. 93–97.

Целью статьи поставлено задание сравнить электронные тексты веб-страниц с письменными текстами и определить в результате такого сравнения похожие черты исследуемых текстов, а также их различия.

Ключевые слова: электронный текст, письменный текст, веб-страница, гиперссылка.

За мету у статті поставлено завдання порівняти електронні тексти веб-сторінок з писемними текстами і визначити в результаті такого порівняння схожі риси досліджуваних текстів, а також їхні розбіжності.

Ключові слова: електронний текст, писемний текст, веб-сторінка, гіперпосилання.

The aim of the article is to compare electronic texts of web-pages with written texts and to define in the result of such analysis common features of the investigated texts as well as their differences.

Key words: electronic text, written text, web-page, hyperlink.

УДК 811.161.1'42

М. Р. Желтухина

О СОДЕРЖАНИИ ДИСКУРСА МАСС-МЕДИА

Лектор делает доклад об успехах нашей экономики.

– В городе А. молочный комбинат увеличил количество выпускаемой продукции на 20 % ...

Реплика из зала:

– Я только что оттуда, нет там в магазинах молочных продуктов.

Лектор продолжает:

– В городе Б. начал работу новый колбасный цех...

Тот же голос:

– Два дня назад я там был. Нет там в магазинах дешевой колбасы!

Лектор взрывается:

– А вам, товарищ, нужно поменьше шляться и побольше читать газеты!

При установлении и обосновании общих и специфических характеристик содержательных составляющих масс-медиального дискурса будем опираться на коммуникативный подход. Предпосылками развития языка СМИ являются:

В СМИ четко прослеживаются основные **признаки масс-медиального дискурса:**

1) *групповая соотнесенность* (адресант разделяет взгляды и ценностные ориентиры своей группы);

2) *публичность* (открытость, ориентированность на массового адресата);

3) *диссенсная ориентированность* (создание положения диссенса – противоречия, несогласия – с последующей дискуссией) (Литовченко 2000);

4) *инсценированность и массовая направленность* (целенаправленное воздействие на несколько групп одновременно).

Радио, телевидение, пресса, Интернет, реклама превращают любой текст любого типа дискурса, любого жанра в особого рода текст, сохраняющий свои конститутивные элементы и приобретающий новые, характерные для текстов масс-медиа. Кроме того, масс-медиа могут порождать новые тексты (комментирование текстов и передача содержания), обладающие признаками разных типов дискурса.

Фактор массовости в направленности текстов масс-медиа способствует реализации информационной, оценочной, творческой, семиотической, интертекстуальной и др. функций масс-медиа дискурса, а также пропагандистской и суггестивной функций, доминирующих в коммуникативном пространстве.

Кодируя информацию, адресант пытается максимально создать ситуацию прямого или непрямого воздействия на адресата. Адресат декодирует информацию и вольно или невольно поддается воздействию. Умело воздействуя на чувства адресанта, можно вызывать необходимые кому-либо эмоции и действия.

Участниками масс-медиа дискурса являются журналисты, теле-/радиоведущие, теле-/радиокомментаторы, весь персонал, порождающий, транслирующий и ретранслирующий тексты, а также те, кто воспринимает вольно или невольно поступающую в их поле зрения информацию. Например, пассивный пассажир в автобусе, метро и т.п., не читающий, но видящий мельком рекламу или не смотрящий в данный момент на нее, но знающий о ее существовании, уже подвержен масс-медиа воздействию.

Для воспринимающего масс-медиа текст – это дважды, трижды и более метонимия реконструируемого целостного значения: кем-либо порожденный текст – кем-либо воспринятый, осмысленный и воспроизведенный текст – кем-либо ретранслируемый текст, поданный в определенном контексте – кем-либо воспринятый текст, осмысленный и т.д. Чрезвычайно важный момент процесса массовой коммуникации – это многоступенчатый характер прохождения любой информации, поскольку она вольно или невольно соотносится с мнениями, оценками, суждениями (действительными или предполагаемыми) других людей, и это иногда определяет отношение к полученной информации.

Если говорить о межкультурном масс-медиа пространстве, то необходимо учитывать и культурный компонент вербального или

невербального сообщения. Тогда коммуникативная масс-медиальная цепочка будет выглядеть следующим образом: кем-либо порожденный текст на языке X – кем-либо воспринятый, осмысленный и воспроизведенный текст на X – кем-либо ретранслируемый текст, поданный в определенном контексте на языке X – кем-либо воспринятый текст на языке X, осмысленный и воспроизведенный на языке Y – кем-либо ретранслируемый текст на языке Y, поданный в определенном контексте – кем-либо воспринятый текст на языке Y, осмысленный и т.д.

Стадии, которые проходит сообщение на пути к получателю, в принципе, просты. Коммуникация инициируется медиа-институтами, которые задают типичные и повторяющиеся смысловые рамки. Отдельные сообщения кодируются, часто в форме устоявшихся содержательных жанров (таких как новости, спорт, поп-музыка, мыльная опера, детективный сериал и т.п.), имеющих очевидный смысл и встроенные руководства для их интерпретации аудиторией. Чрезвычайно сложная культура телевидения включает в себе огромное разнообразие дискурсов. Зритель же подходит к содержанию, предлагаемому медиа, с другими смысловыми структурами, которые коренятся в его собственных идеях и опыте [12].

Тексты медиа – это не просто закодированные языком смыслы, но смысловые конструкции, комбинирующие закодированный текст со смыслами, которые атрибутирует тексту его адресат. *Медиа-тексты – это продукты своих адресатов* [8]. Телевизионная программа становится текстом в момент чтения, т.е. когда ее взаимодействие с одной из ее многочисленных аудиторий активирует какие-нибудь смыслы/удовольствия, которые она способна вызвать. Вводимое Дж. Фiske понятие дискурса коррелирует со смысловыми структурами Е. М. Холла. По Дж. Фiske, многозначность медиа-текстов – существенная характеристика средств медиа, делающая их популярными среди самых широких социальных слоев, в разных социальных ситуациях, среди людей с самыми разными рамками понимания, применяемыми к одному и тому же медиа-содержанию. Смыслосодержащий текст расположен на пересечении/соответствии дискурсивного мира аудитории и дискурса, воплощенного в медиа-тексте. Телезритель вносит свой вклад в конструирование смысла текста на основе собственного опыта. Важная переменная ТВ-дискурса – степень реализма или полисемии. При увеличении степени реалистичности программы уменьшается вариативность смыслов, конструируемых аудиторией, а при увеличении многозначности программы отмечается альтернативность смыслов. В то время как данное обсуждение выглядит касающимся содержания и возможного *эффекта* сообщения, на деле анализ восприятия не проводит различий между смыслами текста и удовольствиями, которые получают зрители. Удовольствие, как и сообщение или предполагаемое содержание, должно быть сконструировано получателем.

На наш взгляд, важно также учитывать субъективность передаваемой масс-медиа информации. Антропоцентризм культуры и языка реконструирует консервативные масс-медиаальные институты, вскрывая всегда существующую субъективность этой сферы деятельности. К сожалению, немаловажный фактор времени не всегда и не всем позволяет помнить об этой характеристике дискурса масс-медиа.

Исследования масс-медиаального дискурса наглядно демонстрируют возрастающую унификацию и догматизацию мышления большинства населения, когда воля ослабевает, а сознание стереотипизируется, автоматизируется, авторитаризируется, рутинизируется. Мощность и скорость распространения информационного потока, а также конкуренция масс-медиа на рынке коммуникации не позволяет человеческому мозгу своевременно провести необходимый анализ и синтез воспринимаемой информации, тем более отделить субъективное от относительно объективного, заказного от реально произошедшего и т.п.

В современном обществе необходим объективный взгляд на мир, чтобы человек, зная о механизме цензуры сознания [39], мог всегда критически оценивать постоянно меняющуюся действительность.

Примечательно, что масс-медиа, пытающиеся реализовывать функцию оценки и критики, вместо разоблачения различных слухов, псевдоаргументов, лжи, умышленно распространяемых в целях воздействия на чувства, эмоции, настроения и поведение людей, сами успешно и в глобальном масштабе порождают и распространяют слухи, активно используют псевдоаргументы и ложь. При этом невольно, а чаще всего намеренно масс-медиа достигают поставленных целей, воздействуя на психику и поведение человека. Масс-медиа активно эксплуатируют мифологическую сущность человеческого сознания, опираясь на эмоционально-аффективные и условно-символические образы при передаче информации.

Вербалика и невербалика масс-медиаального дискурса удачно дополняют друг друга при реализации поставленных целей в коммуникативном пространстве. Кроме того, их тандем способствует и саморазоблачению порожденных масс-медиа и передаваемых ими дискурсивных замыслов, открытых критическому человеческому разуму.

Средства массовой коммуникации – это исторически сложившийся специфический социальный институт, который путем быстрой передачи информации решает задачу формирования мировоззрения и общественного мнения большой, разнородной и анонимной аудитории в соответствии с плановыми установками общественно-политической системы. Масс-медиаальный дискурс, будучи опосредованным общением, при котором почти отсутствуют личный контакт, непосредственное взаимодействие людей, постоянная и активная обратная связь, сохраняет такие элементы личного общения, как сопереживание, соучастие и некоторые другие. Сила, действенность,

формы влияния СМИ, преобладание тех или иных функций, осуществляемых ими в обществе, определяются и обуславливаются социальной системой, которую они обслуживают. Телевидение, радио и печать формируют общественное мнение и мировоззрение людей, являются действенным воспитательным и социализирующим средством.

Тенденции политического дискурса [19] распространяются в масс-медиаальном пространстве и на другие типы дискурса:

- 1) *социально-профессиональная дифференциация* (разделения, иерархия на основании наличия статуса и профессии);
- 2) *социальное нивелирование* (повышение в ранге профессионального и социального положения членов общества);
- 3) *гуманизация* (использование эвфемизмов, семантических градаций, слов с очень широким позитивным, нейтральным или измененным значениями, иноязычных заимствований);
- 4) *эгализация* (устранение социальных различий и неравенства путем всеобщей уравнительности).

Средства массовой коммуникации представляют собой учреждения, созданные для открытой, публичной передачи с помощью специального технического инструментария различных сведений любым лицам [37]. Позволим себе не согласиться с односторонним подходом В. Пугачева к данному вопросу, поскольку роль СМИ сегодня заключается не только в передаче информации, но и в формировании настроения, мнения. В результате анализа фактического материала и научной литературы [13, с. 3, 95; 27, с. 9; 37] были выделены следующие *характеристики масс-медиаального дискурса*:

I. Личностный аспект:

– ***фактор адресанта / адресата:***

- 1) невозможность перемены ролей адресанта и адресата;
- 2) объединение коммуникаторов в сложную организацию или работа в индустрии с большими финансовыми средствами;

– ***фактор адресанта:***

- 1) однонаправленность воздействия от адресанта к адресату;
- 2) не прямое, разделенное в пространстве и во времени воздействие адресанта на адресата;

– ***фактор адресата:***

- 1) публичность – неограниченный, надперсональный круг потребителей;
- 2) сравнительно большая разнородная и анонимная аудитория;
- 3) непостоянный характер аудитории (от случая к случаю в результате общего внимания, проявленного к той или иной передаче или статье, событию);
- 4) немедленное восприятие информации большей частью аудитории.

II. Неличный аспект:

– **фактор информации:**

- 1) быстротечность;
- 2) степень важности, значимости, ценности, полезности (достижение целей);
- 3) новизна;
- 4) степень точности, достоверности (надежность, независимость источника);
- 5) определенность/неопределенность (энтропия);
- 6) систематизированность, выстроенность, ориентированность;
- 7) степень избыточности (повышение убедительности и достоверности или снижение ценности информации);

– **фактор организации процесса:**

- 1) наличие специальной техники, аппаратуры;
- 2) тип собственности: частная – позволяющая, государственная – авторитарная, британская – попечительская.

Предположим, что возможность суггестивного воздействия тропов заложена в специфических характеристиках масс-медиального дискурса. Для подтверждения данного тезиса рассмотрим основные **параметры масс-медиального дискурса** (*агональность, диалогичность, оценочность/эмоциональность, инсценированность*).

1. Агональность: масс-медиальный дискурс оказывает сильное влияние на сознание носителей языка. Отмечаются ситуации сознательного формирования определенных свойств языка с целью его дальнейшего воздействия на массовое и индивидуальное сознание и поведение [33, с. 223]. Использование тропов в политическом дискурсе способствует идеологическому воздействию, прежде всего, на формирование эмоциональных и рациональных представлений, опосредствующих критические отношения субъектов к предметам и явлениям политической действительности. К основным признакам масс-медиального дискурса относятся идеологически релевантные лексемы, связанные с идеологической концептуализацией в сознании носителей языка [21, с. 172].

Цель идеологии – внедрить в сознание разных людей определенное общее мировоззрение, классово-политическое восприятие действительности. Разное восприятие человеком одной и той же информации обуславливается его социальным статусом и мировоззрением [38, с. 147]. Языковое манипулирование политическим сознанием в масс-медиальном дискурсе осуществляется путем искажения значений слов за счет идеологичности, оценочности, модальности, подвижности семантики и прагматики слова, вариативности денотативных и коннотативных значений одних и тех же

языковых знаков под влиянием социальных, культурных и других факторов.

Несмотря на то, что язык СМИ в теории речевой деятельности рассматривается как социально-ориентированное общение, которое носит характер информирующей коммуникации, целями его являются стимулирование, убеждение и побуждение, воздействие, а информирование представляет собой лишь фон для формирования у адресата ценностного понимания действительности.

Агональность, т.е. интенция борьбы, свойственна всем жанрам масс-медиального дискурса, но степень ее различна, что зависит от актуальности, продолжительности сообщения. Опираясь на классификацию парламентской речи [31] и анализ фактического материала, можно выделить следующие типы сообщения: информационный, аргументативно-аналитический и императивный.

Информационный тип характеризуется описательно-повествовательным развитием темы, отсутствием конфронтационных элементов, минимальным воздействием говорящего на адресата (сообщения разъясняющего или информирующего плана).

Отличительной чертой *аргументативно-аналитического типа* можно назвать характер рассуждений (выступления с опорой на аргументы и доводы для доказательства бесспорных положений адресанта).

Для *императивного типа* свойственно эффективное и настойчивое воздействие на адресата посредством повелительных форм глагола, экспрессивных оценок, гипербол и т.д., категоричность, резкость, прямота и нелицеприятность, острота суждений и особенно сильное критическое начало, эмоциональность выражения до бестактности (разоблачающие и обличительные речи).

Перечисленные типы языка СМИ отмечаются во всех прототипных жанрах масс-медиального дискурса. Чаще всего преобладают императивные речи, которые, будучи самыми эмоциональными, позволяют журналистам оказывать суггестивное воздействие на адресата в масс-медиальном дискурсе.

Интенция борьбы как специфическая черта масс-медиального дискурса создает предпосылки для реализации в нем суггестивности. Агональность может быть суггестивной или несуггестивной, но всегда будет проявляться определенная степень воздейственности на сознание.

2. Диалогичность. Диалогичность ситуации считается одним из основных свойств дискурса [34–35], в том числе и масс-медиального. Монологичность масс-медиальной коммуникации свидетельствует о ее неэффективности. Диалогичность дискурса масс-медиа является показателем демократичности политического строя. Существует множество концепций и теорий диалога, остановимся на некоторых из них, значимых для исследования масс-медиального дискурса.

Выделенные Й. Швиталлой элементы диалога [23, с. 37] применимы и к масс-медиальному диалогу: лица, участвующие в коммуникации, «центрированное взаимодействие» коммуникантов, т.е. сосредоточение их внимания друг на друге, система символов как коммуникативный посредник, смена ролей адресанта и адресата.

Для диалога как двустороннего движения акустически адекватно поданных и интерпретируемых сообщений характерна обратная связь при передаче и восприятии информации. Этому способствуют сигналы контакта, передачи и захвата инициативы, «обрамления» (сигналы об иронии говорящего, передаче чужих слов, несерьезности речи), сигналы слушающего о понимании, а также нормы, предполагающие честность и релевантность высказываний говорящего и нормы законных и незаконных наблюдателей диалога [10, с. 264–265].

На наш взгляд, масс-медиальный дискурс диалогичен в том смысле, что имеет диалогические жанры. Язык СМИ представляет собой диалог между журналистами (выпуски новостей и т.п.), журналистом и аудиторией (ток-шоу со зрителями в студии), журналистом и политиком, бизнесменом, деятелем науки или культуры и т.п. (интервью и т.д.) Однако диалогичность масс-медиального дискурса как постоянное ощущение в нем присутствия адресата должна сохраняться не только в диалогической форме общения, но и в монологической форме (речь журналиста).

Говоря о социализации диалога [18], мы отмечаем, что диалогичность позволяет журналисту устанавливать и поддерживать социальные отношения, сигнализировать о своей принадлежности к конкретной общественной группе, утверждать свою личностную идентичность, передавать другим определенный образ себя как говорящего и воспринимать образ партнера по коммуникации.

С «социальным заимствованием перспективы» в масс-медиальном диалоге (*soziale Perspektivenübernahme*) связана способность человека к проникновению в чувства другого, т.е. ощущение его переживаний и расположенности [9]. Исходный пункт для эмоциональной операции создает мыслительная операция социального перспективного заимствования, способствующая идентификации с другими, что приводит к эмпатии [9; 15]. Эмпатия в масс-медиальном дискурсе возникает тогда, когда журналист мысленно ставит себя на место другого журналиста, представляет его, думает и чувствует, как он. В данном случае журналист-адресант диалогичен, открыт для адресата (освещение теракта на Дубровке, октябрь, 2002 г.).

Существует два измерения эмпатии: когнитивное и эмоциональное. Когнитивное измерение касается восприятия позиции интересов другого журналиста, политика, спортсмена и т.п. Эмоциональное измерение охватывает возникающие при этом чувства. Из сочувствия журналисты принимают участие в судьбе пострадавшего

лица, желая прекратить его страдания, улучшить его жизненное положение, способствовать его благополучию («Человек и закон»).

Эмпатия побуждает журналиста к справедливости, интересу к моральным и социально-политическим аспектам, которые стоят за положением другого. Идентификация с другими журналистами и возникающее при этом эмпатическое волнение могут вызвать симпатию к ним со стороны адресата. Иначе говоря, диалогичность дискурса журналиста способствует его успеху.

Полагаем, что в диалогичности масс-медиального дискурса заложена возможность реализации суггестивности. Диалогичность, делая речь живой, эмоциональной, позволяет журналистам выражать отношение к окружающей политической действительности, порождать и воспринимать комическое, воздействовать на сознание адресата. Журналистская критика помогает личности журналиста освободиться от монологических ограничений и перейти к диалогу. Нарушение границ монолога преобразует вертикальную связь, основанную на диктате, беспрекословном подчинении и молчаливом согласии, в горизонтальную, признающую равенство голосов.

3. Оценочность/эмоциональность. Нельзя отрицать, что масс-медиальный дискурс – это оценочное явление. Оценочность прослеживается в таких направлениях, как оценка журналистами общественно-политической ситуации в стране и за рубежом, оценка политических, социальных, экономических, культурных и др. событий, оценка политических групп, власти и оппозиции, их политической деятельности и т.д.

Оценочность и эмоциональность в масс-медиальной коммуникации выступают инструментом осуществления журналистами своих или властных интересов. Эмоциональность в языке СМИ проявляется в чувствах, настроениях, страстях, ощущениях, интуиции. Выделяют положительные (радость) и отрицательные чувства (гнев, ненависть) [6].

В масс-медиальном дискурсе важно разграничивать чувства, которые вызываются специально, чтобы пробудить согласие или отвращение, и которые возникают спонтанно из ситуации, как боль, под чем И. Кант понимал не сознание вины, а то, что чувствуют, если узнают о несправедливости. Иначе говоря, речь идет о «разуме аффектов» [26, с. 225], когда действенные чувства связаны с рациональными элементами [16], как, например, нормы и ценностные представления в политических группах.

Демократия, прибегающая к оружию как к последнему средству, живет, прежде всего, чувствами, взаимодействием и диалогом, не забывая при этом о разуме. Функционирование либерально-консервативной демократии возможно лишь тогда, когда апатия и иррациональность масс компенсируется рациональностью и компетенцией правящей элиты [22]. Обычно правящая элита

подстрижена под одну гребенку, а народ представляет собой аморфную массу или «психологическую массу» [17].

Элита ожидает от избирателей не рассудительности и разумности, а эмоционально обоснованного признания себя сторонником основных ценностей общества. Однако этой позиции противоречат базисные демократические принципы, по которым дискредитация и вытеснение чувств (страха, фантазии) являются причиной широко распространившейся апатии в обществе [2].

Отношения между политиками и избирателями базируются на дихотомии: рациональность (правящая элита) и эмоциональность (массы). При этом политикам часто необходима интуиция и страсть, а у избирателей не всегда отсутствует разум и «глазомер» [25]. Эмоциональному убеждению отводится главное место в политике, тем более для этого есть благодатная почва. Избиратели показывают большую открытость своих чувств: гнев в отношении политиков, страх перед катастрофами окружающей среды, возмущение эмигрантами и т.п. В ФРГ, как и в России, отмечается увеличение числа избирателей в больших городах, меняющих политическое направление.

В ФРГ господствует «демократия настроения»/«Stimmungsdemokratie» [20]. В России тоже преобладают настроения в политике, однако государственный строй (официально демократический) представляет собой «анархичность авторитарной демократии». Это достаточно ярко отражается в языке СМИ, так как здесь еще сильны пережитки тоталитарного государства (языковые штампы, управленческий жаргон и т.п.), несмотря на демократическую направленность многих вербализованных идей в общем хаосе политического сознания, объективируемого в политическом и масс-медиаальном языке.

Как отмечает Д. Герцог, основным мотивом работы немецких парламентариев является потребность власти (72%), на втором месте стоит представление интересов граждан (65%), далее следуют профессиональные знания (21%). В России эти показатели приблизительно соответствуют немецким. Однако, мы хотели бы подчеркнуть, что в обоих социумах для успешного адресанта свойственно не только властное сознание, но и выражаемая в интуиции, фантазии и чувствительности эмоциональность.

Для нашего исследования важно, что эмоциональность и рациональность связаны и взаимообусловлены в масс-медиаальном дискурсе. В зависимости от жанра и целей масс-медиаальной коммуникации политик-адресант активизирует тот или иной вид оценочности: эмоциональной или рациональной. В масс-медиаальном общении необходимо культивировать чувства и сенсibilизировать рациональность.

Говоря о положительной и отрицательной разновидностях оценки, необходимо заметить, что отрицательная оценка актуальна и частотна в

масс-медиальном дискурсе, тогда как положительная оценка вызывает некоторое недоверие, опасение, не лжет ли, не лицемерит ли адресант, что он хочет, если он хвалит. Особенно эффективно оценивание с целью дискредитации политического оппонента или бизнес-конкурента и его провоцирования на совершение определенных действий. Оценивая предмет или явление действительности, журналист для достижения поставленной цели должен учитывать факторы адресанта и адресата, частоты и объема оценок [30, с. 51–52].

В результате исследования установлено, что масс-медиальное общение отличается суггестивностью и информативностью, носит негативный и критический характер. Журналисты, оказывающие воздействие на адресата, не только комментируют процесс со стороны, но и принимают активное участие в этом процессе. Это свидетельствует о том, что оценочность и эмоциональность обеспечивают возможность реализации суггестивности в масс-медиальном дискурсе.

4. Инсценированность. Театральность масс-медиального дискурса основывается на ритуализованности [1], предполагает разыгрывание на арене СМИ трагедий и комедий и наиболее ярко раскрывает оценочность масс-медиальной коммуникации. Сравнение масс-медиа, политики, бизнеса с театром традиционно, поскольку эти феномены обладают сущностным ролевым единством.

В социологии и политологии понятие «роль» трактуется вместе с понятием «поведение» и определяется как «ожидаемое поведение», обусловленное статусом человека [21]. Ролевые функции человека обычно рассматриваются в социальной группе, а сама роль усваивается человеком через социализацию. Масс-медиальные, политические и другие роли также ассоциируются с поведением групп, и трудно представить себе журналиста без теле- или радиостудии, партийного функционера без партии, депутата без электората, президента без народа, правительства и советников и т.д.

Несколько иначе трактуются понятия «роль», «театр», «впечатление» в описании способа регулирования взаимодействий между людьми. «Театральный» подход к ситуации трактует ее как драму, где люди стараются произвести друг на друга определенные впечатления. Смущение человека как признание своих ошибок выражает просьбу еще раз дать возможность произвести «хорошее» впечатление [10].

Журналистам и их гостям не всегда удается произвести хорошее впечатление на окружающих, чтобы завоевать и удержать власть. Это объясняется тем, что они отмечены каким-либо клеймом типа «лжец», «подхалим», «вор», «гомосексуалист» и т.д. [24]. На наш взгляд, клеймо может быть и комически окрашено: «клоун», «комик», «острослов» и т.д.

Масс-медиальный, как и политический дискурс, сравнивается с драмой, которая играется одновременно многими и перед многими слушателями различного социального положения [3–7].

При описании отношений коммуникантов в масс-медиаальном дискурсе кроме понятия «роль» используются также понятия «инсценировка», «статус», «дистанция». Инсценировку в масс-медиаальном дискурсе можно рассматривать как обман, манипуляцию и как медийные статусно-ролевые отношения. При этом актеры СМИ заняты одновременно на сцене и в зрительном зале, а масс-медиаальная деятельность в одно и то же время инсценирована и реальна. Действие СМИ как инсценировка не означает четкого разграничения хитрых журналистов и манипулируемой публики. Сцена и зрительный зал постоянно меняются местами. Вовлечение в театральное действие происходит в зависимости от интересов и точки зрения участников. Одни зрители, не ощущая себя участниками инсценировки, играют свою роль. Другие, видящие себя актерами, остаются на деле в зрительном зале. Концепция инсценировки позволяет толковать одно действие как «официальное» (на сцене), так и «неофициальное» (в зрительном зале). Выступают ли официальные образцы действий неинсценируемыми, зависит от «рамки» рассмотрения [14, с. 54–59; 36].

Участники инсценировки делятся на выражающих эмоции и воспринимающих эмоции, эмоциональных и сдерживающих эмоции, смеющихся и осмеиваемых. Смеющийся журналист или политик испытывает радость своего превосходства над осмеиваемым соперником (Л. Парфенов «Намедни»). Амбициозность журналистов проявляется в том, что только они находят у себя (а не окружающие у них) ум, хитрость, проницательность, смелость, удачливость. Несоответствие желаемого и действительного и приводит к комическому эффекту.

Отношение к масс-медиаальному, политическому и др. процессам как к игре, инсценировке, к отдельным журналистам, политикам, бизнесменам и т.п. как к актерам способствует вовлечению масс в процесс игры, особенно во время выборов. Игровая природа журналистики обуславливает развитие способностей в стремлении к цели, в столкновении желаемого и нежелаемого, возможного и невозможного, в воздействии на адресата, побуждении его к определенным действиям. А это создает предпосылки для реализации суггестивности в масс-медиаальном дискурсе.

Итак, в таких **специфических характеристиках масс-медиаального дискурса**, как *агональность, диалогичность, оценочность/эмоциональность, инсценированность*, заложены **основания** для осуществления **воздействия** на адресата, **внушения**.

Литература

1. Alexander R.J. Aspects of Verbal Humour in English. – Tübingen: Gunter Narr Verl., 1997. – 217 p. **2. Bauriedl T.** Die Wiederkehr des Verdrängten: Psychoanalyse, Politik und der Einzelne. – München: Piper,

1988. – 250 S. **3. Edelman M.** Constructions the Political Spectacle. – Chicago etc.: Univ. of Chicago Press, 1988. – 137 p. **4. Edelman M.** Political Language: Words That Succeed and Policies that Fail. – N. Y., 1977. – 119 p. **5. Edelman M.** Politics as Symbolic Action: Mass Arousal and Quiescence. – Chicago: Univ. of Chicago Press, 1971. – 143 p. **6. Edelman M.** Politik als Ritual: Die symbolische Funktion staatlicher Institutionen und politischen Handelns. – Frankfurt: Campus-Verl., 1976. – 202 S. **7. Edelman M.** The Symbolic Uses of Politics. – Urbana: Univ. of Illinois Press, 1964. – 164 p. **8. Fiske J.** Television Culture. – L., N.Y.: Routledge, 1993. – 353 p. **9. Garz D.** Sozialpsychologische Entwicklungstheorien: Von Mead, Peaget und Kohlberg bis zur Gegenwart. – Opladen: Westdt. Verl., 1989. – 282 S. **10. Goffman E.** Das Individuum im öffentlichen Austausch: Mikrostudien zur öffentlichen Ordnung. – Frankfurt, 1974. – 301 S. **11. Goffman E.** Replies and Responses // Language in Society. – L., 1976. – Vol. 5. – №3. – P. 257–313. **12. Hall E.T.** The Hidden Dimension. – N.Y.: Anchor, 1969. – 217 p. **13. Head S.** World Broadcasting Systems. A Comparative Analysis. – Belmont, California, 1986. – P. 3, 95. **14. Holly W.** Politikersprache: Inszenierungen und Rollenkonflikte im informellen Sprachhandeln eines Bundestagsabgeordneten. – Berlin, N.Y.: Mouton de Gruyter, 1990. – 406 S. **15. Kohlberg L., Boyd D., Levine Ch.** Die Wiederkehr der sechsten Stufe: Gerechtigkeit, Wohlwollen und der Standpunkt der Moral // W. Edelstein, G. Nunner-Winkler (Hrsg.): Zur Bestimmung der Moral. – Frankfurt, 1986. – S. 222. **16. Kolakowski L.** In den Sackgassen der Kulturanthropologie // Merkur. – № 391/12. – 1980. – S. 1188–1198. **17. Le Bon G.** La Psychologie Politique. – Paris, 1910. – P. 137. **18. Lyons J.** Semantics. – Cambridge: Cambr. Univ. Press, 1990. – 897 p. **19. Maier H.** Sprache und Politik: Essey über aktuelle Tendenzen. Briefdialog mit Heinrich Böll. – Zürich: Interfrom, 1977. – 61 S. **20. Oberreuter H.** Stimmungsdemokratie: Strömungen im politischen Bewußtsein. – Zürich: Ed. Interform, 1987. – 119 S. **21. Schäffner Chr., Neubert A.** (ed.) Politischer Wortschatz in textueller Sicht (= Linguistische Studien. Reihe A. Arbeitsberichte. 146.). – Leipzig, 1986. – 172 S. **22. Schelsky H.** Systemüberwindung, Demokratisierung und Gewaltenteilung: Grundsatzkonflikte der Bundesrepublik. – München: Beck, 1973. – 130 S. **23. Schwitalla J.** Dialogsteuerung in Interviews: Ansätze zu einer Theorie der Dialogsteuerung mit empirischen Untersuchungen von Politiken-, Experten- und Starinterviews in Rundfunk und Fernsehen. – München: Hüber, 1979. – 350 S. **24. Smelser N.J.** Sociology. – Engelwood Cliffs; N.J.: Prentice Hall, 1981. – 451 p. **25. Weber M.** Soziologische Grundbegriffe // Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftssoziologie. – Tübingen: Mohr, 1988. – S. 541–581. **26. Weizsäcker C.F.** Der Garten des Menschlichen. – München: Hanser, 1977. – 612 S. **27. Wright C.R.** Mass Communication: A Sociological Perspective. 3rd ed. – N.Y.: Random House, 1986. – 223 p. **28. Алещанова И.В.** Газетный текст как разновидность массово-информационного дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр. / Под ред.

В. И. Карасика, Г. Г. Слышкина. – Волгоград: Перемена, 2000. – С. 131–140. **29. Водак Р.** Язык. Дискурс. Политика: Пер с англ. и нем., ВГПУ. – Волгоград: Перемена, 1997. – 139 с. **30. Дмитриев А.В., Латынов В.В., Хлопьев А.Т.** Неформальная политическая коммуникация. – М.: РОССПЭН, 1997. – 197 с. **31. Желтухина М.Р.** Комическое в политическом дискурсе конца XX века. Русские и немецкие политики: Монография. – Москва: Ин-т языкозн.; Волгоград: Изд-во ВФ МУПК, 2000. – 264 с. **32. Капичникова И.Ю.** Пресса как прагматическая среда языка // Вопросы языковой политики и языкового планирования в условиях информационного общества: Тез. докл. междунар. науч. конф. Иркутск, 11 июня 2001 г., Улан-Удэ, 13–14 июня 2001 г. – Иркутск: ИГЛУ, 2001. – С. 59–61. **33. Лукашанец А.А., Щербин В.К., Михневич А.Е.** Общество – язык – политика. – Мн.: Высш. шк., 1988. – 233 с. **34. Михальская А.К.** Основы риторики: Мысль и слово. – М.: Просвещение, 1996а. – 416 с. **35. Михальская А.К.** Русский Сократ: Лекции по сравнительной риторике. – М.: Academia, 1996б. – 188 с. **36. Попова Е.А.** Культурно-языковые характеристики политического дискурса (на материале газетных интервью): Дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 1995. – 236 с. **37. Пугачев В.** Средства массовой коммуникации в современном политическом процессе // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. – 1995. – №5. – С. 48. **38. Стриженко А.А.** Язык и идеологическая борьба. – Иркутск: Иркут. гос. ун-т, 1988. – 147 с. **39. Фрейд З.** Остроумие и его отношение к бессознательному. – СПб.; М.: Университет. книга, 1997. – 317 с.

В статье рассматриваются общие и специфические характеристики содержательных составляющих масс-медиа дискурса, опирающихся на коммуникативный подход.

Ключевые слова: масс-медиа, дискурс, масс-медиа текст, масс-медиа общение.

У статті розглядаються загальні та специфічні характеристики змістовних складових мас-медіального дискурсу, які ґрунтуються на комунікативному підході.

Ключові слова: мас-медіа, дискурс, мас-медіальний текст, мас-медіальне спілкування.

The article deals with the general and specific characteristics of meaning components of mass-media discourse that is based on communicative approach.

Key words: mass-media, discourse, mass-media text, mass-media communication.

Г. В. Звездова

ОТНОШЕНИЕ К ВРЕМЕНИ КАК ОТНОШЕНИЕ К МИРУ: КОНЦЕПТ *ДЕНЬ* В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Известно, что человеку архаического общества было присуще наивно-целостное понимание окружающего мира. Это проявлялось прежде всего в том, что человек ощущал себя неотъемлемой частью Вселенной, а значит ощущал себя неразрывно связанным с космосом и космическими ритмами.

В основе русского летоисчисления, которое увязывалось с круговоротом движения луны и солнца, лежал природно-космогонический творческий акт и биокосмические ритмы, согласно которым и строилась хозяйственная, трудовая и прочая жизнь в Древней Руси. Как следствие этого мира физической и нефизической природы, материальной и духовной жизни были увязаны целостной картиной мира.

Все это нашло отражение в содержании онтологической лексики, к которой принадлежит и временная лексика.

Концепт, выступающий как единица ментальности, реализуется во взаимообусловленных компонентах смысла: образе – понятии – символе. Содержание и взаимодействие последних исторически менялось.

Особенно показателен в этом отношении концепт ГОД(Ъ) в русском языке. В силу сложившейся временной системы в древнерусском языке темпорема ГОДЪ занимала в нем весьма скромное место, если исходить из данных Древнерусского словаря (годъ – 182 случая, а лѣто – 5000). Возможно, именно потому эта временная лексема имела наиболее выраженное качественное, а точнее нравственно-этическое значение, которое дало начало массе однокорневых образований, от **годити** до **годиночек** (диал. «милый, возлюбленный»).

ДЬН(Ь) от лат. *dies*, Диана «богиня света и жизни» самая частотная лексема из ключевых. Она относится к числу тех немногочисленных обозначений времени, этимология которых ясна и не вызывает сомнений. А. Мейе, К. Бругман, А. Преображенский, М. Фасмер, авторы ЭССЯ и др. связывают слово с индоевропейским корнем *dī – «светить». Праслав. *dьnъ и родственные его соответствия обозначают светлую часть суток, а в некоторых языках «светлый день». Многочисленны индоевропейские параллели (др.-инд. *dīna*, лит. *diena*, лат. *nundinae* («9 день, базарный день»), арм. *tiv* «светлый, белый день»). В ряде языков ДЕНЬ означал праздник, «благовещение», с др. стороны, и с.-хрв. *dā* «день» – также мера площади пахоты (ср. также диал. «мера оплаты пастушьего труда»).

ДЕНЬ имеет близкий этимон с **зарей**: «заря», «зорок», «зрю», «зрिति» (ср. лит. *zereti, zriu* «опять светить»).

Глагольные параллели, которые приводит М. Фасмер, можно встретить в оригинальных греческих текстах (протографах). Они использовались и при переводе лексемы **время**, отражая единство восприятия и результата его, как например, *βλέπω* «обладать зрением, видеть», *θεωρέω* «смотреть, наблюдать, созерцать, видеть», *οραω* «видеть, воспринимать». Этот же принцип сработал при возникновении устойчивых словосочетаний с эпитетами **«светлыи днь, ясьныи днь», «бѣлыи днь»**. Авторы ЭССЯ допускают версию связи и.-е. **din* с **diu* (через отношения гетероклитической парадигмы) как у А. Преображенского – день-deus.

Исторические словари по существу не расходятся в семантической характеристике слова **ДЕНЬ** хотя у И. И. Срезневского мы находим стремление более широко представить функциональный аспект значения лексемы с учетом сакральном его характеристики: сутки; светлое время суток, время пути, время, пора; жизнь; погода. Уже из статьи И. И. Срезневского (материалы народного календаря подтверждают это) возникает образ дня: злого (лукавого), доброго, черного/белого, великого, господьского четного, нечетного и т.д. По нашим материалам это действительно самая частотная¹ и, вероятно, самая значимая в обозначении реального времени лексема. Конечно, в отдельных памятниках, для которых важно следование за календарем, будет преобладать **ДЕНЬ** в значении **СУТКИ**, в других же памятниках, в которых важно в целом описание событий в их следовании одного за другим, может преобладать *день* как светлая часть суток, но это встречается значительно реже.

Лексема **ДЕНЬ**, как представляется, определенно явилась тем фокусом, в котором соединение языческого (природного) понимания времени и смоделированного христианского времени налицо. По всей видимости, в этом сыграли роль два обстоятельства: 1) слово **ДЕНЬ** как временная категория отражает самое близкое, конкретно реальное понятие², 2) с другой стороны, средневековая христианская философия трактовала день как «свет», который сотворил Господь в противоположность дохристианской ТЬМЕ. Не случайно уже в словаре XIX в. **ДЕНЬ** толкуется как «свет, видимый нами», и толкование сопровождается цитатой: *Нарече богъ светъ день, а тму ночь* (Быт., 1,5).

Согласно христианской доктрине, вслед за этим возникло **«тварьное» время**, а вместе с тем и жизнь любимого творения Демиурга – Человека, которого Господь возлюбил как дитя свое. Данная концепция с когнитивной точки зрения не противоречила дохристианскому толкованию СВЕТА, который также воспринимался как начало начал (см. **ЗАРЯ**). Достаточно сказать, что К. Индикоплов в своем

произведении рассматривал ДЕНЬ и ДѢЯТИ как однокорневые слова, т.е. СВЕТ – это деяние, это бытийность, «летное», «годное» начало. Довольно широко встречается в памятниках ДЕНЬ в значении «время, пора» и в значении «жизнь». «Жизнь» рассматривается как созначение «времени»: *А человек, суеи которьй уподобитсѧ, днии его, яко сень, приходятъ*. Показательно и диал. **ходить на днях, на денечках** (о женщине, которая вот-вот родит), и *уречени соуи днье чьовекоу*.

Именно через эту лексему выражается настоящее как сущностная сторона биотемпорального времени³.

Данные истории и археологии говорят о том, что у славян уже с IV в. существовал календарь, который, правда, не был поденным. С принятием христианства на Русь пришел календарь в виде святцев, которые регламентировали ежедневную жизнь русского крестьянина. Можно сказать, что каждый день получал освящение. Каждый день с этой точки зрения являлся событием, часто праздничным. Свет – День смыкался с радостью бытия, и каждый день воспринимался как дар свыше. Жизнь, по сути, мерилась днем (см. многочисленные формулы «**дни жизни моей**», «**дни жизни его**», «**дни мои**», «**дни его**» и т.д.). Исход – смерть – также определялся днем: *До смъртнааго днье, днь скончѧня*. День выступал для конкретного человека, как ВЕК (**вечность**) для человечества (ср. о возрасте человека: «**ветхьи деньми**» – формула, встречающиеся и в современных говорах). Соответственно днем вершились все добрые дела, ночью же, напротив, разворачивались негативные события, вроде разгула нечистой силы – «**нощетатство**», «**нощелудие**» и т.д.

Герои произведений считают, что их мать родила ДНЕМ, ДНЕМ они и хотят умереть (заметим, что битвы обычно происходили в ночное время): *Попомним братие, слово и приказ матери своея: днемъ ся родили, днемъ ся мы и скончаемъ*. Особенно показательны в этих значениях те контексты, в которых употребляется ДЕНЬ в ед. ч. со значением «жизнь», «время» (кстати, в словарях мы не находим подобного употребления): *Въ твоя день тако есмь сотворилъ*. Сама вечность обозначалась формулой «**днии неба**», подобно важные вехи христианской эсхатологии именовались **суднии днь, днь вѣка, страшнии день, поледьнии днь** и т.д.

В произведениях XII–XIII века мы находим не прославление события как такового, а прославление **дня – события** (см. «Слово о житии великого князя Дмитрия Ивановича»): *Что нареку день той – день скръби и туги, день тмы и мрака, день бѣды и печали, день въпли и слез, день сѣтования и жалости, день поношения и страсти, день захлипания и кричания недоумѣю рещи – яко день погибели!*

Человек средневековья жил ДНЕМ, о чем свидетельствуют и русские пословицы: *День пришел, так и есть принес; даст бог день,*

даст бог пищу; было бы счастье, а дни впереди; дай бог счастливо день днѣвать, ночь ночевать, был бы жив, а дни будут и т. д.

В христианском календаре каждый день был ознаменован библейским событием. В связи с этим особое место занимали «памятные дни», «дни памяти». В исследуемых текстах и словарных материалах большую группу временной лексики составляют словосочетания ДЕНЬ + определение, что передает форму экспликации значения слова-синкреты. Это дни святых: День Святого Николая, День Святого Павла, Татьянин День и т.д., или библейские терминологические словосочетания: **день очищения**, **день исхода**, **день печали**, **день ведра** и др., которые впоследствии в поздний период русского языка функционируют как фразеологизированные словосочетания, возникающие на метафорической основе. Причем, в подобных случаях, как мы показали, ДЕНЬ и ВРЕМЯ, ДЕНЬ и ЖИЗНЬ выступают как синонимы (см. в произведениях Аввакума «**долгое время дней**»).

Таким образом, текстологический подход к лексеме и ее развитию опровергает мнение, согласно которому ДЕНЬ можно считать конкретной лексемой древнерусского языка.

Наиболее полное с философской точки зрения осмысление ДНЯ мы находим в «Шестодневе», автор и переводчик которого выстраивают синонимический ряд: ДЕНЬ = ГОДЪ = ВЕК = ЛЕТО. Развитие семантики слова идет явно в плане развития основной идеи ДНЯ – «свет», «сияние» и т.д. Синкретное слово, разрушаясь изнутри, дает жизнь чрезвычайно большому количеству слов, многие из которых, первоначально являясь принадлежностью древнерусского языка, впоследствии перешли в нелитературную разновидность. Примерами такого рода явились **днина** («светлое время суток», «целый день») и **днище** «единица измерения расстояния»: *Данило стоя на корейки днину жда вести от них; взявшие оу нихъ вѣсть, аже половци днища вдаль лежать*.

Образование этих двух слов шло по пути вычленения значения за счет суффиксов словопроизводства. Если учесть, что ДЬНЬ (подобно ГОДЪ) изначально являлся атрибутом (см. его значение «светлый день» в некоторых славянских языках или «праздничный день»), то с помощью количественно выделительного суффикса, как можно объяснить, появлялось слово со значением «целый день» как предметность, т. е. светлая часть суток. Правда, если исходить из наличия общего значения ДНЯ, то производное **днина** может рассматриваться как слово с конкретно-предметным значением, образованным с помощью выделительного суф. –ИНА. Благодаря топусуффиксу –ИЩЕ появляется **днище** со значением «длина пути», что подтверждает идею расхождения пространства и времени в самостоятельные из пространственно-временных единиц, к каким относилось и слово ДЕНЬ (ср. и совр. гов. «день пути»).

Ближайшую связь с первообразом слова отражают производные от него глаголы, которые сохранились в других славянских языках и в

русских говорах: словен. deneti «светать», чеш. dneti, dnito «светать», русск. диал. днеть, сев. «рассветать». Ср. также липецкое ободнять «*потеплеть*» (о погоде в течение дня), **денять** «светать» (брянск.). Диалектным стало **днесь** «сегодня» и производное от него **дньшньный**, а также **дневать**, **надневать**, **подневать**. От этих глаголов развивается сеть существительных часто с обозначением обычного дня: **обыдень**, **обуденка**, **обыденка**, **обуден**, **буден**, **подень**, **в обыдень** (в один день, костр.), **обыденникъ**.

Словопроизводство в этих случаях не всегда ясно. Так, глагол **дневалить** считают образованием XIX–XX в., но уже в XVII в. было **дневальный** и **дневанье**. Словообразование с пропуском словообразовательных шагов, на что обратили внимание Н. Крушевский и В. Богородицкий, вполне закономерно. Вместе с тем, может иметь место развитие новых значений и появление новых соотносительных рядов.

В памятниках (и словарях) древнерусской литературы находим чрезвычайно много сложных слов, включающих в качестве компонента **ДЕНЬ**: *равньноденьство*, *ревнодньствие*, *ревение*, а также *нощеденствие*, *тождеденствие*, *долгодение*, *долгоденство*, *долгоденствовати*, *вседенствовати*, *вседневный* и т.д. В большинстве случаев они имеют значение «долгое время» или «постоянный».

Самым активным образом в процессе словопроизводства используются суффиксы и приставки *подневати*, *предневати*, *преденствовати*, *надъневъный* «насущный».

Встретился даже глагол «придневати». Употребительно было слово *тыиждьнь* (ср. и совр. пол. tydzien «неделя») в значении «день через неделю после определенного дня».

В говорах находим много слов, образованных семантическим путем, при котором временные формы начинали использоваться для обозначения предметов: *денка* «рыбная сеть», *денницы*, (деницы), *денички* и *деннички* «руковицы». *Денник* в говорах имеет свыше 20 значений. Активным был в древности и частеречный переход типа: **ДЕНЬКОМ** «в один день», **ДНЕМ** «в день», **ДНИЮ** «за день» и т.д. Поражает количество и употребительность в памятниках формул, с помощью которых также рождались новые значения. Большинство из них, прежде всего канонические, имели ритуально-традиционный характер (*Спасов день*, *Троицын день*, *столовый день*, а также *меженный день*, *злой день*, *сухой день*, *Апостальский день*, *Госпожинъ день*, *оный день*, *дни живоша* (умали-умножишася), *день аче день*, *изъпълненъ деньми*, *не по мнозѣхъ днѣхъ*, *день отъ дне*, *день день* (дне дне, ежедневно), *ономъ дне*, *по днех малѣх* и др).

Многие из этих формул создавались как переводные с греческих и иных источников. Однако многие из них рождались на русской почве, о чем свидетельствует наличие их в говорах (*день в день*, *день за день*, *отъ*

дни вечныхъ, по всяк день, по вся дни, ветъхьи дньми, посяков день, том дни, изо дня в день, день не день, день при дне, день-деньской, дни дняще).

Подобные формулы, в отличие от канонических, отражали процесс восприятия реального времени и освоения временных параметров. Богатая вариантность формул отражала поиски новой формы для вычленившегося из первоначальной синкретной единицы значения. Показательно в этом отношении развитие формулы ДЕНЬ И НОЧЬ в значении «постоянно». Так, памятники XIII в. дают свыше 20 таких обозначений. Причем вариантность характерна в целом как для разных, так и для одного памятника: **нощь и день; днемъ и ношью; по ночамъ и в день; ночью и в день; ни в день, ни в нощь; день и нощь; в день, а в нощь** (уже иное значение), **денно и ношно** (дневать и ночевать). Вероятно, развитие «непрерывно, постоянно» происходило на базе значения ДЕНЬ И НОЧЬ «сутки», но впоследствии в этом значении укрепились слова сложные: **нощедение** (ноштедение), **дънонощие, ношьдние, нощедница, нощеденьница, нощеденство**.

Другим примером сложносемантического развития исходной синкреты является случай **день-полдень** (**полуденье, полдне, полъдни**).

Из многочисленных толкований значения лексем **полдень** и **полночь** интересна гипотеза Д. Н. Демидова, который выводит значение ПОЛЬ в рассматриваемых словах не из «половина», а усматривает в этом случае генетическую связь производного с «середина» (ср. в фольклоре традиционное употребление ПОЛ/У в значении «предельность», **полночь** – «самая темная часть ночи», полдень – «самый разгар, полнота дня/света»).

Однако вероятнее, как нам кажется, предположить, что ПОЛЬ изначально могло восприниматься и как середина, и как половина, сторона, согласно концепции слова-синкреты. Этому соответствует употребление **полдень** в значении «южная сторона». Также подтверждает это обстоятельство употребление формы **на полдняхъ**, когда временное значение вместе с тем воспринимается как производное пространственных циклических процессов.

Параллельное существование **полдень-полудень** как раз и объясняется стремлением языка развести два взаимосвязанных значения: **полдень** «самый разгар дня, когда солнце в зените» и **полуденье** «юг». В СРЛЯ осталась только форма **полдень** в значении «юг» с пом. «трад.-поэт.». В свою очередь **полдень** морфологическим путем рождает ряд производных – **пладние, пладьнина, пладнь, пладьнове**, некоторые из них встречаются в диалектах

Ступенчатое развитие семантики от **беной зори до белого дня** показал В. В. Колесов, когда исходная временная характеристика развертывается в пространственную (**белая заря – белый день – белый свет**).

На ступени имя-глагол в примере с ДНЕМ мы можем наблюдать развитие более раннего признака, содержащегося и имени, в объективное, безличное действие: **день – дьнети – дьневати**. В исторических словарях первый глагол не отмечен, хотя логически оба глагола возникали как две формы одного, только первая форма сохранилась в диалектах, а вторая – в литературном языке. В качестве деноменативов обычно рассматривают **денный, дневной, дневьный, дневый** (блр.). И. И. Срезневский рассматривает все их как синонимы. **Денный** фиксируется и в СРЛЯ с пом. «устар.» в значении «дневной». Эта форма прилагательного остается и говорах, в литературном языке приобретает распространение **дневной**: 1) имеющий отношение ко дню; 2) происходящий и производимый в течение дня. Наши материалы подтверждают данные ДРС, в котором выделяется еще два значения: 1) дневальный, несущий очередную службу; 2) кратковременный преходящий. Это подтверждается и наличием краткой формы **дневень** в значении «невечный, кратковременный»: и сам царь *дневень есть, и дневное обещаеть мне царство*. В сочетании **дьневной хлебъ** прилагательное выступает в значении «насущенный».

На образование форм прилагательного **дьневьный** (дневной) существуют разные точки зрения.

В исследовании Н. П. Зверковской, на наш взгляд, убедительно показано, что еще до XIV в. было много образований с -ЬН от -U-основ, которые явились образцом для производства прилагательных уже от других имен на -А и -О-основ, в том числе и от слова ДЬНЬ.

Таким образом, развитие семантических процессов в микрогруппе ДЕНЬ и его производных шло разными путями, захватывало разные языковые уровни (слово – синтаксема – формула) и отражало многие типичные процессы для языковой семантики древнерусского языка.

Развитие значения концепта идет по пути суживания содержания и насыщенности разными смыслами. Из универсальной единицы, передающей самые разные в плане отношения к времени и миру смыслы, ДЬН(Ь) становится конкретной временной единицей, в которой уже не просматривается целостность мировосприятия.

Примечания

¹ Преобладание слова **лѣто** в историко-хронологических и летописных источниках.

² Анализ текстов с синтаксической точки зрения показывает, что именно в этой единице язык первоначально структурирует реальное время (А. А. Припадчев).

³ Вопреки точке зрения, что «настоящее» для средневекового человека значило очень мало, если совсем ничего не значило (А. Я. Гуревич, Т. П. Вассоевич).

В статье рассматривается онтологическая лексика, к которой принадлежит временная. На примере концепта *ДЕНЬ* показано развитие концепта по пути суживания содержания и насыщенности разными единицами: от универсальной единицы, в которой отражаются разные отношения к времени и миру, к конкретной временной единице, не несущей в себе целостность восприятия.

Ключевые слова: онтологическая лексика, временная лексика, концепт, лексема, метафора.

У статті розглядається онтологічна лексика, до якої належить і часова. На прикладі концепту ДЕНЬ показано розвиток концепту шляхом звуження змісту та насиченості різними одиницями: від універсальної одиниці, у якій відображаються різні ставлення до часу й світу, до конкретної часової одиниці, що не несе в собі цілісність сприйняття.

Ключові слова: онтологічна лексика, часова лексика, концепт, лексема, метафора.

The article concerns the ontological lexics (including temporal). On the bases of the investigation of the concept *DAY* there have been shown the ways of narrowing the meaning and enriching with various units: from a universal unit that reflects different attitudes to time and the world, to a pure temporal unit, that doesn't possess the unity of expression.

Key words: ontological lexics, temporal lexics, concept, lexeme, metaphora.

УДК 811.161.1

Е. В. Маслий

СОВРЕМЕННЫЕ ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА *ЮРОДИВЫЙ* В СОДЕРЖАНИИ КОНЦЕПТА «ЮРОДСТВО»

Одной из актуальных задач современной филологии является изучение концептов. В контексте современных научных представлений концепты осознаются как сложные мыслительные феномены, в содержании которых выделяются образная, понятийная и ценностная составляющие [3, с. 109], а также связанный с ними эмоционально-оценочный, экспрессивный ореол (представления, ассоциации, коннотации) [6, с. 38]. Известно, что лучший доступ к описанию и определению природы концепта обеспечивает язык [9, с. 16; цит. по: 5, с. 90], в связи с чем изучение концептов становится важной задачей языкознания (работы Н. Д. Арутюновой, Т. В. Булыгиной, В. И. Карасика, В. В. Колесова, Е. С. Кубряковой, Ю. С. Степанова, А. Д. Шмелева и др.). С другой стороны, как теоретическое, так и

прикладное концептоведение, будучи относительно новой областью знания, не охватывает в полной мере национальную концептосферу русской культуры. Так, в качестве национально-специфичного концепта может рассматриваться феномен юродства, который не стал еще объектом специального лингвистического осмысления, в чем нам видится актуальность нашего исследования.

Юродство как специфическая форма поведения русского человека обнаруживает совмещение разных, почти взаимоисключающих друг друга планов. Один из этих планов связан с нарушением юродивым практически всех норм социально обусловленного поведения, другой определен неявной связью этого поведения с тем или иным ценностным содержанием, которое проявляется в общей устремленности юродивого к безусловному. Исторически второй план связан с определенным целеполаганием, в силу которого юродивый действует «Христа ради».

Для обоснования национальной специфики рассматриваемого нами концепта можно привести такие аргументы. Своеобразие многочисленных коннотаций слова *юродивый*, связанного с этим концептом, интуитивно или сознательно воспринимаются носителями языка как характеризующие русский национальный тип, о чем свидетельствует частотность случаев рефлексивного обсуждения этого феномена в текстах культуры. Для подтверждения этого сошлемся на Национальный корпус русского языка, содержащий многочисленные примеры употребления слов с корнем *юрод-*, а также широкое использование этого слова в разных дискурсах Интернета. Дополнительным аргументом служит отсутствие дословного эквивалента при переводе на другие языки (как известно, перевод «безэквивалентной» лексики неминуемо упрощает и искажает ее семантику). Ксено-индекс, характеризующий единицу извне, с позиций иных культур [3, с. 92], несомненно, маркирует ее как культурно-специфическое явление (ср.: «...божевілля само по собі, ніколи не бувало в українській культурі предметом культових сакралізацій (на відміну від російської), де юродство святкувалось як духовний подвиг і навіть вважалося атрибутом святості» [2, с. 71]).

В современных представлениях концепт определяется как мыслительный феномен, имеющий динамичную природу. В разное время в концепте актуализируются разные содержательные планы, что неизбежно отражается в языке. Задача нашего исследования состоит в том, чтобы проследить, как изменяется употребление той или иной лексемы, представляющей фрагмент содержательного поля концепта «юродство» (в нашем случае – это слово *юродивый*).

Как показывают словарные данные [1; 7; 8], основными значениями слова «юродивый» можно считать: 1) значение *физической неполноценности, ущербности, уродливости*; 2) значение *умственной неполноценности, разной степени проявления признака (сумасшедший, ненормальный, умственно недоразвитый, неполноценный, психически*

нездоровый, глупый, дурак, идиот); 3) религиозно обусловленное значение *юродивый Христа ради*.

Разделяя мысль о том, что «в словесных формах нет законченного смысла. Слово нуждается в тексте как экспликации его содержательных форм» [4, с. 74], мы рассмотрели контекстуальные значения слова *юродивый*, выявляемые во фрагментах текстов религиозного, художественного, публицистического и научного дискурсов. Условно эти контексты можно разделить на две группы. Примеры первой группы (более 350 контекстов) представляют традиционное словоупотребление, связанное с отмеченными выше значениями. Вместе с тем их контекстуальная семантика не всегда однозначна, что обусловлено тесной спаянностью отдельных значений, невозможностью выделения одного из них: Ср.: *«Открываю глаза – живой. А один юродивый мне говорит: «В душе свербит – Господь простит». Господь простит, я запомнил»* (Б. Акунин «Азazelь»).

Обращает на себя внимание, что для примеров второй условно выделенной группы (200 контекстов) сформулировать отдельное значение рассматриваемого слова достаточно сложно. С одной стороны, это обусловлено характером фрейма как обобщенной модели, которая представляет организацию культурного знания вокруг некоторого концепта, ассоциирующегося с конкретной языковой единицей [6, с. 48]. С другой – своеобразным контекстуальным акцентом в современном употреблении слова, фиксирующим ту или иную особенность исторического *юродивого Христа ради*. В контексте употребления слово, которое связано с целостной ситуацией и с образом конкретного лица, актуализирует одно (или несколько) свойств юродивого, остальные же перемещаются в план неявных коннотаций (содержание этих коннотаций из-за ограниченного объема статьи не рассматривается). Общей особенностью этих контекстов являются те или иные показатели интерпретационного или оценочного модуса. Напр., *«они считали его юродивым»*; *«этакие люди, что юродивые»*; *«обозвал юродивым»* // *«никому не вредны, и их не боятся»*; *«добрый и хороший человек, только какой-то юродивый»*; *«безвредный помешанный»*. Очевидна субъективность толкования содержания самого понятия: для кого-то юродивый – безумец, для кого-то – святой. Это, как представляется, свидетельствует о диффузности значения слова, а характер его употребления выявляет культурную и семантическую компетенцию носителей языка. Особое место в общей выборке занимают контексты, в которых актуализируется ненормальность человека, названного юродивым. В таком случае юродивый предстает как человек, поведение которого не соответствует норме, не вписывается в нее, а сам человек выпадает из общего окружения. В этих контекстах свойство «быть юродивым» противопоставлено ненормальности как психической неполноценности.

Приведем примеры этих контекстов и перечислим списком выявляемые в них значения:

– 'чуждак, живущий по духовным законам', 'не от мира сего' (а значит – не соответствующий нормам этого мира): *«На Руси все православные знают, что кто Библию прочитал и "до Христа дочитался", с того резонных поступков строго спрашивать нельзя; но зато этакие люди что юродивые, – они чудесят, а никому не вредны, и их не боятся»* (Н. Лесков «Однодум»). *«В науке – гений, в политике – идиот. Вспомните гениотов профессора Ломброзо. Вот потому-то главный редактор "Литературной газеты" еврей Чаковский печатно обозвал Сахарова "юродивым"»* (Г. Климов «Протоколы советских мудрецов»);

– 'одержимо идущий к цели и выглядящий, тем самым, юродивым в глазах окружающих': *«Для меня таким эталоном был Циолковский... Он был школьным учителем. Преподавал физику. Глухой, как Бетховен... Зависел от ограниченных, неумных, тупых людей. Они считали его юродивым... с бешеной одержимостью работал для потомков...»* (С. Жемайтис «Вечный ветер»). Очевидно, что главное отличие «секуляризованного юродства» от юродства религиозного проявляется в кардинально изменившемся целеполагании. Однако цель, ради которой человек способен на юродство, по-прежнему, высокая, идеальная, одухотворенная, не совместимая с прагматизмом (теперь «ради» может быть – ради своего спасения, спасения в себе человека, ради любви, истины, идеи, мечты, дела и т. д.). Ср.: *«Перед инженером Акимом был – нищий побироша, юродивый лазарь – юродивый советской Руси справедливости ради, молец за мир и коммунизм»* (Б. Пильняк «Красное дерево»);

– 'не такой, как все, иной': *«Он был добрый и хороший человек, только какой-то юродивый, не такой, как все»* (О. Платонов «Жизнь за царя»);

– 'кажущийся странным или ненормальным':

«– А как к тебе относились? – «Как к юродивой, честное слово, на Руси всегда с почтением относились к ненормальным. Для окружающих я всегда была немного чокнутой» (М. Львова «Саня или двойная свадьба»);

– 'по-детски непосредственный человек', '«чрезмерно» искренний', 'пренебрегающий коммуникативными нормами / условностями': *«Вот я раз в жизни взял да и поступил искренно, и что же, стал для всех вас точно юродивый: хоть и полюбили меня, а все же надо мной, говорю, смеетесь»* (Ф. М. Достоевский «Братья Карамазовы»);

– 'богохулец': *«Разгадка вела на кухню к пани Элизе, где душистыми вечерами собирались тени старой холопской Польши, с юродивым художником во главе. Но был ли юродивым пан Аполек, населивший ангелами пригородные села и произведший в святые хромого выкреста Янека?»* (Пан Аполек). В этом контексте пан Аполек –

странный, сумасшедший, чудака, как бы воплощает парадоксальность исторического юродства, способного в поругании святыни, кощунстве проявлять любовь к земному, грешному; мудрость, видящую в грехе святость;

– 'склонный к крайностям, истеричности, к предельно эмоциональному выражению собственного мессианства, душевному нездоровью или нездоровой экзальтации как эстетически и культурно значимому типу поведения'. Показательно, что в приведенном ниже примере юродивость метонимически связана с именем Достоевского, воплощающего, по мнению многих, «русскую идею». Ср.: *«Вскоре я понял, что Керенский был просто больным человеком с большой долей "достоевщины", актером, поверившим в свое высокое мессианское назначение и несущимся очертя голову в пропасть... России везло на юродивых еще с удельных времен. Что-то от этого юродства было и в Керенском»* (К. Г. Паустовский «Повесть о жизни. Начало неведомого века»);

– 'своеобразный шут': *«В каждом отсеке есть свой юродивый. Артюха – юродивый центрального поста. Юродивый – это тот, кому можно говорить все, что хочется, за человека его все равно не считают, а поскольку выходки его выходят за грань наказуемости и нормальности, то они веселят народ. Когда его "заносит", он и сам удивляется тому, что говорит»* («Артюха (о подлодке)»);

– 'независимый и свободный': *«Моя мысль (юношеская стрела, это верно) уже и в те времена летела, забирая все-таки выше. На ее острие уже тогда сверкала высокая мысль о юродивых и шутах, независимых от смены властей»* (В. Маканин «Андеграунд, или Герой нашего времени»);

– '«новатор», ломающий старое, отжившее, непригодное', 'строящий новое': *«Обэриуты, как и юродивые, действуют по совершенно иной "грамматике поведения". Обэриуты отбрасывают принятую семиотическую модель жизни и пытаются построить ее с самого начала на своих основаниях»* (Г. Почепцов «История русской семиотики до и после 1917 года»);

– 'издевающийся', 'иронизирующий', 'клеящий', 'уничтожающий' и т.д. (значение прочитывается в макроконтексте – тексте всего стихотворения):

*«Так вот, Али, где б ни нашли меня
(узнать меня несложно по фигуре –
фигуре речи – той, что в волчьей шкуре
овечкой появляется, дразня
общественность химер и злобных фурий),
я заведу бесстрастно: "Бисмилля..."»* (И. Паньков «Евангелие от Юрода»);

– 'притворщик' (в память о том, по-видимому, что соответствующий исторический персонаж тоже «играл роль»):

«– Юродивый, – сказал Удинцев, – и этим прикрывает богатство, опасное по своей самобытности в наше время.

– Себе на уме, – решил скептик Попов» (М. М. Пришвин, В. Д. Пришвина «Мы с тобой. Дневник любви»);

– 'нищий': «Выйдя из костромских лесов в форме простых юродивых (нищих), якобы безвредных помешанных, они проникли в Москву и отыскиали меня» (В. Демин «Тайны русского народа. В поисках истоков Руси»);

– 'дурак', 'идиот' (бранное): «Все испортил... Услужливый дурак, юродивый» (Д. Гранин «Иду на грозу»).

Итак, наряду с традиционными значениями, слово *юродивый* имеет широкий спектр значений современных словоупотреблений. Как видим, изначальная синкретичность слова, называющего парадоксальный феномен и поэтому содержащего антиномичные смыслы ('святой' – 'грешник', 'праведник' – 'кошун', 'носитель высшего смысла' – 'безумец', 'трагедийный персонаж' – 'шут', 'не от мира сего' – 'обычный нищий' и т.д.) утрачивается, сохраняясь в отдельных случаях (ср.: юродивый = «гений» – гений+идиот). В связи с уходом религиозного феномена из реальной жизни, совокупность представлений о юродивом (болезнь – тип святости) постепенно вытесняется на периферию языкового сознания. В центре оказывается тип поведения, обозначенный словом «юродивый», но отсылающий к отдельной черте поведения человека, а не ко всей совокупности характеризующих это поведение черт. На смену конъюнкции в содержании значений приходит дизъюнкция, секуляризирующая ценностно значимый план поведения юродивого. При этом акцент в осмыслении этого явления смещается в сторону значимости самого отношения русских к юродству. Не исключено, что эта особенность отчасти предопределяет национальную специфику концепта.

Литература

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. — Т. 4. Р–V. — М., 1980.
2. Забужко О. Шевченків міф України. Спроба філософського аналізу. — К., 2001.
3. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — М., 2004.
4. Колесов В. В. Философия русского слова. — СПб., 2002.
5. Кубрякова Е. С. и др. Краткий словарь когнитивных терминов. — М., 1996.
6. Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику. — М., 2004.
7. Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. — Т. 3. — Ч. 2: Т — [я]. — М., 1989.
8. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного

русского языка. — Т. 2. — М., 2002. 9. Jackendoff R. Semantics and cognition. — Cambridge, 1993.

В статье рассматриваются значения слова *юродивый* как составляющей концепта «юродство». Представленные особенности словоупотребления позволяют продемонстрировать современное содержание данного концепта.

Ключевые слова: концепт, национально-специфичный концепт, концептосфера, юродивый, юродство.

У статті розглядаються значення слова *юродивий* як тих, що входять в поле концепту «юродство». Подані особливості слововживання дозволяють продемонструвати сучасний зміст цього концепту.

Ключові слова: концепт, національно-специфічний концепт, концептосфера, юродивий, юродство.

The article studies the meaning of the word *yurodivy* as a component of the concept «yurodstvo». The usage characteristics presented enable the modern contents of the given concept to be displayed.

Key words: concept, national-specific concept, concept sphere, yurodivy, yurodstvo.

УДК 811.161.2'367

Т. Ю. Мороз

**ХИТАННЯ В ГРАМАТИЧНОМУ ОФОРМЛЕННІ
ІСТОТОВОСТІ / НЕІСТОТОВОСТІ ДЕЯКИХ ІМЕННИКІВ ЯК
РЕЗУЛЬТАТ НЕВИЗНАЧЕНОСТІ БУТТЄВОГО МОДУСУ
РЕАЛІЙ, ЩО НИМИ ПОЗНАЧАЮТЬСЯ**

Осмыслення світу людиною реалізується в мові, передусім в її лексичній та граматичній системах. При цьому якщо лексична система за природою своєю незамкнута (кількість її елементів, їх перерозподіл і групування характеризуються постійними змінами), то граматична становить відносно замкнутий перелік елементів. Елементи граматичної системи мови, зокрема морфологічної, навіть за своєї обмеженості охоплюють всю лексичну систему, підрозподіляючи її на відповідні граматичні єдності – категорії. У лексиці знаходить відображення світ, пізнаний як дискретна множинність, у граматиці ця множинність «пучкується» навколо основних значень. При цьому «кількість граматичних значень у різних мовах неоднакова, бо кожна мова по-

своєму членує світ. Усі мови мають засоби для вираження кількості, якості, часу, простору, віку, статі і т.д. Але далеко не в усіх мовах ці поняття виражаються граматично [1, с. 109]. У цьому розрізі кожна мова становить специфічне утворення, яке тими чи іншими характеристиками різниться від інших близьких і далеких.

Однією зі специфічних ознак слов'янських та, зокрема, української мови є закінчений процес граматикалізації значень істоти / неістоти. Проте особливість цих мов визначається не лише тим, що всі іменники в них класифікуються завдяки наявності відповідних граматичних маркерів як такі, що позначають істоту або неістоту, а ще й тим, що розподіл іменників здійснений саме в площині протиставлення істот і неістот, а не, наприклад, окремо людей і окремо тварин, а потім предметів, що плавають, стоять, змінюються тощо, як те має місце в інших мовах [2, с. 11–13]. Це стверджує важливість для мовомислення цих націй вичленування саме такого протиставлення й розподілу іменників саме на такі класи, а не на які-небудь інші. І хоча Б. О. Серебренников зауважує, що пізнавальна цінність класних показників невелика і відповідно розподіл іменників на класи за певними ознаками «цілком не придатний для наукової класифікації іменників» [2, с. 13], проте такому висновку, зокрема стосовно української мови, суперечить вже те, що процес уніфікації граматичних показників істоти в ній відбувався цілеспрямовано й послідовно. «Історично форми називного відмінка в значенні знахідного давніші. Форми родового для назв живих істот, – зазначають дослідники, – були спочатку характерні лише для іменників чоловічого роду в однині і від назв осіб поширилися на назви тварин. У множині ця категорія назв істот (уживання форми родового відмінка в ролі знахідного) поступово переходила на назви осіб чоловічого роду, далі осіб – жіночого роду і пізніше – на назви тварин» [3, с. 62]. Отже, необхідність такого протиставлення виявилася вкрай необхідною для носіїв мови та й, власне, можна припустити, для самої системи мови (що має ствердити важливість такого протиставлення для наукової класифікації іменників).

Виникає питання, що ж саме зумовило такий розподіл іменників? Чому відбувся процес граматичної уніфікації іменників – назв істот у їх протиставленні до неістот?

Залишаючи поза розглядом можливі причини мисленнєвого рівня, які зумовили важливість для українського мовомислення розподілу іменників саме за ознакою істота / неістота, зауважимо лише, що граматичному оформленню зазначеного протиставлення сприяла необхідність розмежування суб'єкта / об'єкта, активності / інактивності об'єкта в семантичній структурі синтаксичних конструкцій, пор.: *Іван побачив Степана* та *Іван побачив стіл* [4, с. 56]. Разом із тим неможливість формального вираження такої функції на рівні іменників жіночого й середнього родів в однині могла викликати занепад тенденції до граматикалізації протиставлення істоти / неістоти. Однак цього не

відбулося. Навпаки мовна система відшукала ресурс для показу істотовості чи неістотовості всіх іменників на рівні форм множини, які виявилися менш перенавантаженими різноманітними додатковими лексичними та граматичними значеннями. При цьому слід наголосити, що усталення протиставлення назв істот і неістот на рівні форм множини мало своєю причиною не лише необхідність експліцитного вираження цих значень, а ще й те, що критерій істотовості / неістотовості ставав усе більш важливим для адекватного функціонування системи родових протиставлень у сфері іменника, де занепад внутрішньої (визначеної позамовними чинниками) мотивації належності іменника до того чи іншого роду й існування неузгодженості у формальному відображенні роду іменників позбавляли систему рівноваги й стрункості, а відповідно й функціональності.

Отже, розподіл іменників за значеннями істоти / неістоти був зумовлений як позамовними (специфікою осмислення мовцями світу), так і внутрісистемними мовними чинниками (потребою протиставлення суб'єкта / об'єкта, активності / інактивності, необхідністю структуризації системи родових протиставлень), що стверджує значущість цього протиставлення для українського мовомислення та визначає його специфіку, порівняно з іншими типологічно близькими й далекими мовами. Значущість цього протиставлення підтверджується ще й тим, що, з одного боку, розподіл іменників в групі за значенням істоти / неістоти здійснюється на семантичній основі (тобто без додаткових процедур людина вже знає, чи це назва істоти, чи неістоти), а з іншого – забезпечується ще засобами граматичного рівня. Тобто мова ніби продублювала себе, щоб виразити одне й те саме значення в різних кодових системах. І саме ця своєрідна амбівалентність вираження значень істоти / неістоти, забезпечених і лексично, і граматично, зумовила складність наукової інтерпретації досліджуваного протиставлення.

У джерелах із морфології слов'янських мов (зокрема української та російської) висвітлення проблеми статусу опозиції істоти / неістоти характеризується неабиякою суперечливістю. Зазначену опозицію розглядають то як лексико-семантичне групування лексем, то як граматичну категорію, то як номінативну категорію тощо [4–8]. Разом із тим на сьогодні у вітчизняному мовознавстві сформувалася більш-менш загальноприйнята позиція, згідно з якою опозиція істоти / неістоти визначається як лексико-граматична (несловозмінна) морфологічна категорія [6, с. 97]. Щоправда, не менш популярним залишається й погляд, що кваліфікує цю опозицію як семантичну. Н. Г. Озерова висуває такі аргументи стосовно виправданості цього погляду: «Віднесення категорії «живого / неживого» до несловозмінних категорій іменника, таких як, наприклад, іменниковий рід, нам видається недостатньо обґрунтованим, оскільки категорія роду знаходиться на вищому щаблі абстракції, ніж категорія «живого / неживого», яку можна кваліфікувати

як семантичну категорію, пов'язану з явищами позамовної дійсності» [8, с. 17]. Не заперечуючи слушності цієї зауваги, все ж варто зазначити, що тісний взаємозв'язок значень істоти та неістоти з позамовною дійсністю не може стати на заваді визнання морфологічного категорійного статусу аналізованої опозиції, оскільки вона характеризується наявністю протиставлених морфологічних формальних засобів вираження однорідного значення¹ [4, с. 22; 9, с. 10–11]. Отже, є вагомі підстави стверджувати, що опозиція істоти / неістоти є граматичною (морфологічною) категорією.

Однак існування ряду мовних фактів у сфері послідовної реалізації значень істоти / неістоти ставить під сумнів категоричність попереднього висновку. Так, у багатьох дослідженнях із морфології зазначається, що в загалі іменників є багато таких, що порушують принцип, покладений в основу кваліфікації аналізованої опозиції як граматичної (морфологічної). Передусім це стосується іменників – назв істот, які можуть набувати як граматичної форми істоти, так і неістоти, тобто не бути протиставленими в плані форми, позначаючи істоту, наприклад, *пасти коней* – *пасти коні*, *доглядати дітей* – *доглядати діти*, а також іменників – назв неістот, які так само можуть мати непротиставлені форми на позначення неістоти, наприклад, *брати хліб* – *брати хліба*, *прочитати віри* – *прочитати віриша*. Констатуючи наявність таких мовних фактів у сфері морфологічного вираження значення істоти / неістоти, науковці не завжди пропонують їх задовільну наукову інтерпретацію².

Крім зазначених зразків порушень, або хитань, у граматичному (формальному) вираженні значень істоти та неістоти, в мовознавчих джерелах вказується й на ряд інших. Зокрема В. О. Горпинич подає такий перелік груп іменників, які «в своїх лексичних значеннях суміщають поняття істоти і неістоти»: 1) назви мікроорганізмів: *амеба*, *бацила*, *мікроб* та ін.; 2) назви неживих предметів, які ототожнюються з назвами осіб: *лялька*, *покійник*, *мрець*; 3) назви конкретних предметів, які вживаються в переносному значенні як назви осіб із негативною характеристикою: *мішок*, *тюхтій*, *бовдур* та ін.; 4) назви абстрактних понять, що вживаються стосовно осіб і набувають морфологічних ознак істот: *дух*, *геній*, *тип*, *тінь*; 5) назви конкретних предметів-неосіб, в основі яких лежать назви осіб, можуть зберігати морфологічні ознаки іменників-істот: а) слова *вимикач*, *бомбардувальник*, *розвідник*; назви деяких танців: *гопак*, *козачок*, *трепак*; назви машин: «*Тигр*», «*Запорожець*» [10, с. 50]. Із незрозумілих причин дослідник вважає, що в названих групах іменників значення істоти / неістоти суміщені, тоді як в окремих випадках «один і той самий іменник в одному значенні може вказувати на істоту, в іншому на неістоту» [10, с. 51]. До таких іменників він відносить: 1) назви риб, які в прямому значенні належать до категорії істот (*ловити карасів*), у переносному значенні (назви страви) – до категорії неістоти (*їсти карасі*); 2) імена античних героїв є іменниками-

істотами (*розгнівати Марса, Юпітера*), а в назвах планет і зірок – іменниками-неістотами (*досліджувати Марс, Юпітера*); 3) назви художніх творів за іменами їх героїв є іменниками-істотами, але назви міст за прізвищами людей є іменниками-неістотами [10, с. 51]. Детальний аналіз окреслених дослідником груп іменників дає підстави сумніватися в доречності такого переліку, оскільки розподіл іменників у ньому здійснено на різних підставах. Видається, що ближчим до істини є створення більш компактного переліку, який би ґрунтувався на вичленуванні груп іменників з урахуванням не їх лексичного значення чи належності до певного лексико-семантичного розряду, а їх статусу по відношенню до значень істоти та неістоти в первинному (прямому) значенні. Відповідно до цього є підстави виокремити лише три групи:

1) іменники, які в своєму первинному значенні суміщають значення істоти та неістоти (*бацила, паразит, труп*); у вторинному (переносному) значенні ці іменники завжди реалізовуватимуть одну з можливих потенцій первинного значення та форми;

2а) іменники, які в одному ЛСВ (основному) мають значення і форму істоти (*зустріли відомого розвідника*), а в іншому – форму і значення неістоти (*знайшли підбитий розвідник (літак)*); набуваючи вторинного значення, вони можуть також зберігати форму первинного (*знайшли підбитого розвідника (літака)*). Сюди ж слід віднести іменники – назви істот, які можуть набувати форми істоти й неістоти на зразок *пасти корів – пасти корови, доглядати дітей – доглядати діти*, в яких хоча й не відбувається зміни лексичної семантики, однак відбувається зміщення семантичної домінанти по лінії активізації значення множини в значенні недискретної сукупності³.

2б) іменники, які в одному ЛСВ (основному) мають значення і форму неістоти (*знайшли старий мішок*), а в іншому (переносному) – форму і значення істоти (*знайшли старого мішка (людину)*); у первинному значенні іменник може набувати й асиметричної до його значення форми істоти (*знайшли старого мішка*), поява якої активізована значенням квантитативної партитивності родового відмінка⁴, однак для вторинного значення притаманна лише форма істоти;

3) іменники, які виявляють асиметрію змісту та форми без зміни лексико-семантичного значення (*народ, загін, череда, студентство; покійник, небіжчик, мрець*).

За такої класифікації може здатися, що поза контекстом залишаються іменники на позначення рослин, про які в граматиках традиційно зазначається, що поняттєве значення цих іменників як живих (у яких відбувається обмін речовин та ін.) не збігається з їх граматичним значенням і формою як неживих, а отже, з'являються певні підстави зарахування їх до третьої групи іменників із асиметрією форми та змісту. Проте цьому суперечить як їх латентна реальна істотовість, яка є не одного рівня з більш експліцитною істотовістю іменників групи 3, так і їх повна однорядність з іменниками групи 2б. Натомість специфічною

групою іменників, можливо, слід визнати власні назви, істотовість або неістотовість яких детермінується не лексичним значенням відповідного іменника, а модусом існування позамовної реалії (пор.: *мороз* (явище природи, неістота) – *морозу* – *мороз*; *Мороз* (прізвище, істота) – *Мороза* – *Мороза*).

У цілому ж проведена класифікаційна процедура доводить, що морфологізація значень істоти / неістоти є послідовною, що відбивається в здатності мовної системи забезпечувати формальними показниками граматичні значення істоти / неістоти, здиференційовані на рівні лексичної семантики. Певна ж непослідовність у цій сфері є наслідком не стільки несформованості аналізованої категорії як морфологічної, скільки взаємодією та взаємовпливом цілого ряду чинників морфологічного (роду, числа, відмінка іменників) та лексико-семантичного (розряду, переносних та ін. значень іменників) рівнів на шляху вираження того чи іншого граматичного значення категорії істоти / неістоти. Єдине (причому цілком закономірне) відхилення від упорядкованості у сфері морфологічної категорії істоти / неістоти становлять іменники, позначені в запропонованій класифікації як групи 1 та 3. У пропонуваній студії увага буде зосереджена на іменниках 1 групи.

Актуальність більш глибокого аналізу іменників цієї групи зумовлена необхідністю впорядкування відомостей про особливості вираження значень істоти / неістоти в морфологічній системі української мови, що в підсумку вможливить несуперечливе подання відповідної інформації в граматиках. Крім того, осмислення цих мовних фактів є важливим для осмислення явища асиметрії, яке пронизує всю мовну систему [2, с. 217–228], проте яке, на жаль, ще не здобулося на ґрунтовне наукове вивчення.

Мета роботи – встановити специфічність граматичної поведінки деяких іменників української мови, яка виражається в неусталеності (хитаннях) вираження ними значень істоти / неістоти, що зумовлена невизначеністю буттєвого модусу позамовних реалій, та визначити співвіднесеність цього явища з явищем асиметрії.

Специфічним характером вираження граматичного значення істоти / неістоти відзначаються іменники, осмислення яких людиною як істотових або неістотових не усталилося. До них належать іменники – назви предметів мікробіологічного світу на зразок *мікроб*, *вірус*, *бактерія*, *бацила*, що поводяться в мові то як представники розряду істот, то як неістот, пор.: *досліджувати мікробів, вірусів, бактерій, бацил* і *досліджувати мікроби, віруси, бактерії, бацили*, а також іменник *труп*, який так само характеризується двоїстістю граматичної поведінки. Такий амбівалентний поведінковий тип зазначених іменників є наслідком цілком адекватної реакції мовної системи на ситуацію, коли модус існування певної реалії в дійсності, позначеної іменником, не цілком зрозумілий людині, а відтак, і не знаходить однозначної мовної інтерпретації.

Показовими в цьому сенсі можуть бути також іменники, які позначають живих істот низького рівня клітинного організації, наприклад, *амеба*, *інфузорія*, пор.: *ми побачили амеби, інфузорії* – *ми побачили амеб, інфузорій*. Цікаво при цьому відзначити те, що іменник *клітина* однозначно маркується граматикою як неістота, хоча сама клітина в реальності й співвідноситься з уявленнями про біологічну субстанцію, тобто асоціюється із поняттям живого. Разом із тим та ж поодинокі клітина, але вже як складник живого організму амеби може мислитися двоїсто, що й відображається в своєрідному хитанні граматичного оформлення значення істоти / неістоти іменника *амеба*.

У цьому ж контексті не зайвим буде згадати граматичну поведінку таких іменників, як *фагоцит* і *лейкоцит*. Будучи за своєю суттю клітинами, тобто належачи до розряду неістот на підставі гіперонімічних стосунків (*клітина* → *фагоцит* → *лейкоцит*), ці іменники відзначаються своєрідністю в плані граматики. Так, іменник *лейкоцит* завжди позначається як представник розряду неістотових. Разом із тим іменник *фагоцит* виявляє схильність до двоїстого граматичного оформлення, пор.: *досліджувати лейкоцити* – *досліджувати *лейкоцитів*, *досліджувати фагоцити* – *досліджувати фагоцитів*. Такий характер відображення своїх значень іменниками на рівні граматичного оформлення не може бути пояснений лексичною семантикою, оскільки лейкоцити є видовим поняттям до фагоцитів, а відтак, мали б наслідувати на рівні вираження граматичного значення істоти / неістоти характеристику свого родового поняття. Інтерпретацію цього мовного феномена можна знайти в специфіці їх словотвірної семантики: у значенні іменника *фагоцит* реалізована семантика живого (грецьк. *phagos* + *kytos* – клітина, яка поїрає), тоді як в лексемі *лейкоцит* (пор.: грецьк. *leukos* + *kytos* – біла клітина) вказівки на функцію, яка характеризує живі предмети (істоти), а саме на здатність до харчування, немає.

Отже, іменники цього типу виявляють хитання в граматичному оформленні свого номінативного значення живих предметів (істот) внаслідок «непевності» їх істотової сутності для людського мислення. На нашу думку, з усієї сукупності іменників, стосовно яких в наукових дослідженнях зазначається, що вони «у своїх лексичних значеннях суміщають поняття істоти і неістоти» [10, с. 49], лише іменники зазначеної групи можна вважати такими, які суміщають у собі обидва значення – істоти й неістоти – номінативно недиференційовано, розщеплюючись на рівні граматики на протиставлені графеми істоти / неістоти без зміщення семантичної домінанти (оскільки ані їх сприйняття як живих, ані як неживих не супроводжується переосмисленням їх семантики). Навіть у разі їх персоніфікованого вживання на позначення осіб, тобто у випадку вторинної номінації на ґрунті метафоризації на зразок «*Таких «бацил» треба усувати від керування суспільством*», де слово *бацила* є позначенням людей, які хворобливо впливають на що-

небудь, реалізується істотова семантика первинної номінації, яка не входить у суперечність із семантикою вихідної. Натомість у випадку персоніфікації реально неживих предметів спостерігається зміщення семантики, наприклад, іменник *лялька*, будучи за своєю семантикою неістотним, на рівні метафоричного слововжитку набуває значення істоти, що й відображається у його подвійному граматичному вираженні, пор.: *знайти ляльок* – *знайти ляльки*.

З огляду на це є всі підстави відмежовувати іменники на зразок *бацила*, *паразит*, які на рівні первинної номінації характеризуються як двомодусні, що призводить до вираження ними обох значень (істоти й неістоти) на рівні граматики, від іменників інших лексико-семантичних груп, де виявляються своєрідні хитання в граматичному оформленні.

Окремої зауваги потребує й іменник *трун*, щодо якого в більшості студій спеціально зазначається, що він (на відміну від номінативно однорідних іменників на зразок *мрець*, *покійник*, які в граматичному оформленні співвідносні зі значенням істоти [3, с. 62]) асоціюється з уявленнями про неживе, тому поводить у граматичному плані як неістотний. Спостереження засвідчує, що, дійсно, в багатьох випадках іменник формально засвідчує, що він репрезентує неістоту, наприклад: *Вони мали охороняти цей трун до завтрашнього ранку* (Ю. Андрухович); *Мертві дома, мертві вулиці, величезні чорні вози вивозять трупи за брами Стамбула* (П. Загребельний); *Мор страшний кругом, а ти доглядаєш трун* (Є. Гуцало).

Така специфіка вживання іменника як неістотного в граматичному плані зумовлена передусім характером значення, який мовець бажає вкласти в лексему. У цьому разі поняття *трун* асоціюється з уявленнями про *рештки*, *тіло*, що зумовлює його приіменникову позицію на зразок: *Блоковані в Шумейковому урочищі радянські воїни кілька разів підіймалися в атаку, намагаючись вирватися з оточення, але кожного разу змушені були повертатися до вибалку, залишаючи на полі бою своїх товаришів, які лежали там вперемішку з трупами гітлерівців* (Т. Горошко), пор.: *тілами гітлерівців, рештками гітлерівців*. Саме завдяки такій семантичній асоційованості цей іменник питомо вживається на позначення збірної сукупності з актуалізацією семантики речовинності, як, наприклад, у реченнях: *Ліс клеkotів, вибухав, горів, енеївці наклали гори ворожого трупу і відійшли до Ленчинських лісів за Случ*; (У. Самчук); *Скрізь по селах шибениці; Навішано трупу – Тільки старших, а так шляхта Купою на купі* (Т. Шевченко).

Однак у контекстах, де іменник *трун* уживається самотійно, він може цілком набувати формальних ознак істотного. Як засвідчує вибірка, таких контекстів чимало, наприклад: *Але в тій хвилі знов повінуло холодом, острим, пекучим, і він стрепенувся, – замість вічно молодій богині побачив чорного, страшного трупа!* (І. Франко); *То нащо двигати трупа?* (Б. Лепкий); *Павло спочатку не повірив, домагався вияснення справи, але його повели до кімнати, де сиділа Марійка й*

показали *трупа* (У. Самчук); *Трупа* одразу було покинуто, і компаньйони підійшли до чашарника (Ю. Яновський); *Се ви поклали в сьому домі трупа*, що мусив би лежати межі нами неперехідним і страшним порогом (Л. Українка).

Окреслений поведінковий тип іменника *труп* зумовлений тим, що в аспекті буттєвого модусу «труп» як реалія позамовної дійсності поєднує в собі й ознаки живого, й ознаки неживого, що усвідомлюється мовцями й реалізується ними в подвійному вживанні іменника: і як істотогового, і як неістотогового, що врешті відбивається в амбівалентності цього іменника в граматичному плані. У такий спосіб іменник *труп* за своїми характеристиками й граматичною поведінкою цілком збігається з іменниками вище проаналізованої групи на позначення реалій мікробіологічного світу, усвідомлення яких мовцями як істотових чи неістотових характеризується недиференційованістю.

У цілому слід зазначити, що цей іменник, перебуваючи в ряду подібних йому за семантикою лексем *покійник*, *мрець*, *небіжчик*, поступово прагне граматичної уніфікації з ними, керованої законом семантичної аналогії. Тому, очевидно, є всі підстави спеціально не виокремлювати його в наукових працях як форму, що семантично відмінна від аналогічних: його поведінка в контекстах неоднозначна і значною мірою залежить від волі мовця, який або хоче підкреслити своє розуміння сутності предмета, позначуваного лексемою *труп*, як чогось, що було колись живе, а отже, мислиться й по смерті як живе, або хоче зігнорувати цей значеннєвий компонент, актуалізуючи семантику лексеми *труп* у значенні «*рештки*», «*тіло*», що відповідно зумовлює й відповідний вибір граматичної форми.

Отже, здійснений аналіз специфіки деяких іменників в аспекті граматичного оформлення ними значень істоти чи неістоти доводить необхідність виокремлення в загалі класу іменників, чітко розподілених за ознакою істотовість / неістотовість, групи недиференційованих за цими ознаками істотово-неістотових у семантичному плані лексем, які на граматичному рівні реалізують одну із запрограмованих потенцій. Відповідно хитання в їх граматичному оформленні є цілком закономірними й не можуть бути визнані як прояв асиметрії [11; 12] на рівні мовного знака. У цілому ж проведене дослідження засвідчує існування багатьох питань у сфері морфологічної системи української мови, розв'язання яких потребує виходу за межі мови як абстрактної системи й звернення до особливостей мислення й осмислення світу людиною, нацією. Таке звернення, як засвідчує аналіз, суттєво корегує деякі загальноприйняті сьогодишньою наукою положення. Тому дальший аналіз різних фрагментів української мови в аспекті виявлення в них характерних рис, зумовлених як національним способом мислення, так і специфікою психічного устрою людини, є перспективним щодо цілісного й несуперечливого опису мови як функціонально-комунікативної системи.

Література та примітки

1. **Українська мова:** Енциклопедія. — К., 2000.
2. **Серебренников Б.А.** Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление. — М., 1988.
3. **Сучасна українська літературна мова.** Морфологія / За ред. І. К. Білодіда — К., 1969.
4. **Загнітко А.П.** Теоретична граматика української мови: Морфологія. — Донецьк, 1996.
5. **Виноградов В.В.** Русский язык. Грамматическое учение о слове. — М.–Л., 1947.
6. **Вихованець І.Р., Городенська К.Г.** Теоретична морфологія української мови. — К., 2004.
7. **Безпояско О.К., Городенська К.Г., Русанівський В.М.** Граматика української мови. Морфологія. — К., 1993.
8. **Озерова Н.Г.** Взаємодія семантичних і морфологічних категорій російських та українських субстантивів // Мовознавство. — 1990. — № 2. — С. 17–22.
9. **Бондарко А.В.** Теория морфологических категорий. — Л., 1976.
10. **Горпинич В.О.** Морфологія української мови. — К., 2004.
11. **Карцевський С.** Об асимметрическом дуализме лингвистического знака // История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. — Ч. II. — М., 1965.
12. **Ассиметрия в языке** // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. — М., 1990. — С. 47.

¹ О. В. Бондарко висловлює позицію, що формальні показники вираження значення істоти / неістоти є насправді показниками значень відмінка. Це дає йому підстави кваліфікувати опозицію істоти / неістоти як лексико-граматичний розряд [9].

² Наприклад, А. П. Загнітко вбачає причину цього явища в простому впливі граматичної форми, призначеної для втілення одного значення, на іншу форму, вбачаючи в цьому тенденцію до витворення мовленнєвих синонімів [4].

³ Див. детальніше: Мороз Т.Ю. Варіантність форм іменників – назв істот і неістот в аспекті семантико-граматичної асиметрії // Лінгвістичні дослідження. – Вип. 21. – Х., 2007.

⁴ Див. детальніше: там само.

В статтє анализируется проблема колебаний в грамматическом оформлении значений одушевлённости / неодушевлённости некоторых существительных современного украинского языка, причиной которых является неопределённость бытийного модуса реалій, что обозначаются соответствующими существительными. Выясняется соотношение этого явления с явлением семантико-грамматической асимметрии в сфере морфологических категорий существительного.

Ключевые слова: семантико-грамматическая асимметрия, колебания, морфологическая категория одушевленности / неодушевленности, грамматическое значение, грамматическая форма.

У статті аналізується проблема хитань на рівні граматичного оформлення значення істоти / неістоти окремих іменників сучасної української мови, що зумовлено невизначеністю буттєвого модусу реалій, що ними позначаються. З'ясовується співвідношення цього явища з явищем семантико-граматичної асиметрії у сфері морфологічних категорій іменника.

Ключові слова: семантико-граматична асиметрія, хитання, морфологічна категорія істоти / неістоти, граматичне значення, граматична форма, буттєвий статус.

In the article the problem of swaying is analyzed at the level of grammatical registration of meaning of creature / uncreature of separate nouns of modern Ukrainian, that predefined by the vagueness of existential status of realities, that by them are reflected. Correlation of this phenomenon turns out with the phenomenon of semantic-grammatical asymmetry in the field of morphological categories of noun.

Key words: semantic-grammatical asymmetry, swaying, morphological category of creature / uncreature, grammatical meaning, grammatical form, existential status.

УДК 81'42:81-116.3

Л. А. Петрова

ФАТИЧЕСКИЙ КОД ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРТИНЫ МИРА

Постановка проблемы. Будучи целостным и дискретным образованием, художественная картина мира существует в сознании языковой личности и является культурным продуктом. Верификация культурных реалий порождает культурологическое поле, манифестирующее национальное культурное пространство. В понятие русского культурного пространства мы вкладываем содержание, принятое авторами лингвокультурологического словаря «Русское культурное пространство»: «это информационно-эмоциональное («этническое») поле, виртуальное и в то же время реальное пространство, в котором человек существует и функционирует и которое становится «ощутимым» при столкновении с явлениями другой культуры» [1, с. 11].

Несмотря на универсальный характер мышления, освоение окружающего мира происходит особым для каждого лингво-культурного сообщества способом. Бесспорным является тот факт, что культурно-языковая специфика представляется как результат языкового кодирования при описании реалий окружающей действительности, отражающих сущность бытийных и познавательных моделей, принятых языковой общностью. Процесс определения лингвокультурологических

парадигм обязательно учитывает социально-психологические особенности не только языковой личности, но и всего лингвокультурного сообщества.

Проблема эстетической категоризации мира связана с представлением о том, что на определенном этапе познания действительности система мышления и система языка рассматриваются как два взаимно предполагающих и дополняющих друг друга кода. Под кодом обычно понимается способ обработки, передачи и хранения информации при помощи некоторой системы элементов и правил их комбинации. Кодирование – это преобразование информации в код (обращение объекта познания в соответствующую конфигурацию условных обозначений согласно правилам, допускающим обратный переход: от конфигурации условных обозначений к представляемому объекту).

Цель предлагаемой статьи – выявить механизмы речевых средств дешифровки фатического кода художественной картины мира как репрезентанта конкретного культурологического поля. Исследование проводится на материале нарративного дискурса начала XX века, представленного рассказами А. Т. Аверченко, М. М. Зощенко, П. С. Романова и Н. А. Тэффи.

Репрезентируя русское культурное пространство, художественная картина мира эксплицирует универсальные параллели, описывающие некое дискурс. Любое произведение представляет собой субъективный образ объективного мира действительности, поэтому вершину иерархии семантических компонентов текста составляет индивидуально-авторская концепция мира. Исследователи отмечают, что «дослідження художнього дискурсу виявляє тяжіння, «прихильність» письменника високого рівня до тих чи тих концептуальних позицій. У таких концептах концентровано передається духовне кредо, її ідейний стрижень його творчості, визначальні вихідні принципи» [2, с. 25]. Когнитивные механизмы, связанные с восприятием, пониманием и интерпретацией художественной картины мира, направлены на дешифровку вербально зафиксированных эстетических смыслов, кумулированных в художественном тексте.

Фатическое общение традиционно представляется как неинформативное¹. Детальный обзор истории вопроса сделан в работе Е. В. Ключева [3]. Ученый рассматривает точку зрения Романа Якобсона, который выделил фатическую, или контактоустанавливающую, функцию языка.

Начало философскому объяснению фатики положил Л. Витгенштейн. Большой вклад в развитие фатической теории внес Джон Остин. Фатическое высказывание ученый рассматривал как своего рода недовысказывание. Поскольку фатический акт представляет собой лишь одно из условий для нормальной организации локутивного акта, постольку в самостоятельном виде он не производит впечатления

полноценного акта коммуникации. Однако как коммуникативная стратегия фатика оказывается вполне органичной для художественной литературы. В связи с этим Е. В. Ключев выделяет три типа фатики: фатика как банальность коммуникативного хода; фатика как нерелевантность коммуникативного хода; фатика как неадекватность коммуникативного хода. Эффективность использования выделенных ученым типов подтверждается примерами как поэтической, так и прозаической художественной речи (в частности, литературой абсурда).

Впервые в русской лингвистике проблемы исследования фатического общения начала разрабатывать Т. Г. Винокур. В сфере ее внимания находилась область речевого этикета, в котором фатические высказывания широко задействованы. Фатика характеризовалась в нескольких аспектах:

1) функции фатической коммуникации как символа социального общения;

2) цели фатического общения;

3) содержательно-ситуативные типы фатической речи.

Одну из основных функций фатического общения исследователь связывала с ее особым свойством выполнять роль социального символа коммуникации через «максимальное приближение слушателя к личности говорящего» [4, с. 136]. Полагаем, что повышенная авторизация, или субъективация, усиливающая эгоцентрическое начало текста, присуща и художественному произведению. Особенно это проявлялось в литературе начала XX века, когда небольшие рассказы часто носили памфлетный характер. Так, злободневные политические фельетоны Н. А. Тэффи 1917 года свидетельствуют о критическом отношении писательницы к Временному правительству и полному неприятию политики большевиков. Поэтому неслучайно их характер созвучен «Окаянным дням» И. Бунина и «Несвоевременным мыслям» М. Горького.

Поэтому зачастую писатель через художественный текст «навязывает» носителям языка свои представления об окружающей действительности, заставляя воспринимать ее определенным образом.

Л. Н. Мурзин, описывая функции языка, отмечал, что любое сообщение, помимо информации о мире вообще, передает сопровождающие ее сведения: «Информация, сопровождающая сообщение, – это аура. ...язык располагает средствами для выражения ауры, поскольку язык не может ограничиваться только репрезентативной функцией» [5, с. 11–12]. В связи с этим ученый различает внутреннюю и внешнюю ауру. Внутренняя аура представлена языком как таковым. Внешняя аура связывает язык с окружающим миром и соотносится с прошлым и настоящим – с культурой и восприятием. От чего зависит успешность коммуникации? Каждый говорящий стремится произвести впечатление на слушающего. Говорящий апеллирует к партнеру. Эти отношения взаимодействия партнеров по коммуникации (в нашем случае – художественной) отражают единицы суггестивного-риторического

поля языка, которое представляет фатическое общение.

Проблема анализа художественного текста в рамках исследования его суггестивного воздействия неоднократно была заявлена в современной лингвистике. «Язык устроен таким образом, – отмечал Л. Н. Мурзин, – чтобы воздействовать не только на сознание (репрезентативная функция), но и на подсознание и эмоциональную сферу носителя языка (суггестивная функция). Следовательно, суггестивная функция дополняет репрезентативную и в то же время противопоставляется ей» [6, с. 113]. Эту мысль поддерживает З. А. Тураева, которая считает, что текст способен изменить модель мира в сознании получателя, поскольку коммуникация – это вторжение в систему сознания реципиента, построение в его когнитивной системе определенной модели мира [7, с. 105].

Особой магической силой обладают юмористические и сатирические рассказы. Анализируя содержание этих произведений, исследователи отмечают, что в них показано основное свойство современной жизни – пародийность жизни, которая не только заняла господствующее положение, но и претендует считаться настоящей, подлинной. Свою задачу писатели видели в том, чтобы внушить читателю мысль о необходимости обращения к истинным ценностям. Для этого в художественной картине мира сатириков использованы различные стилистические формы и средства суггестивности. Представим некоторые из них.

1. Обращение к мифологическому сознанию читателей. Наиболее явно этот прием проявляется, в частности, в рассказах А. Аверченко «Витязи», «Сентиментальный роман», «Русская сказка», «Новая русская сказка» и др. Специфика мифологического мышления характеризуется тем, что в нем преобладают ассоциативные связи, живые и неживые предметы нередко отождествляются. В результате появляется возможность манипулировать категорией истинности. Опираясь на это свойство, писатель переводит некоторые реальные факты в сферу несбыточной мечты: *«Жил-был папа и у папы была твоя мама, и была она потому, что тогда не было сыпного тифа. И жили твои папа с мамой в квартире из шести комнат, и даже для сына была отдельная комнатка, где стояла его колыбелька»* (Аверченко, Новая русская сказка). С другой стороны, фантастические сцены представляются как реальная жизнь (рассказы А. Аверченко «Разговоры в гостиной», «Володька», «Записки дикаря» и др.). Так, в основе сюжета в рассказе «Крах семьи Дромадеровых» лежит афоризм «Семья – это государство в миниатюре». Буквализация семантики афоризма (превращение семьи в государство и установление между родственниками официально-деловых отношений, основанных на законах экономического развития) приводит к созданию фантастического образа, включенного в реальную обстановку.

2. В качестве средства внушения используются манипуляции с

числительными, которые в художественном тексте могут принадлежать как авторской речи, так и персонажной. Частым приемом является цифровое исчисление времени в семантическом пространстве художественного текста: 20-й век. Годы 1910–1913-й / 13-й век. Год 1920-й / Век – черт его знает какой... Год 1923-й (А. Аверченко, Разговоры в гостиной) (ср.: у П. Романова в рассказе «О коровах» подзаголовок – «Эпоха 1918 г.», в рассказе «Богатство» – «Эпоха 1919 г.»). Авторы обращаются к описанию событий в хронологической последовательности. Однако эта последовательность нарушается несоответствием исчисления века и года. В результате возникает эффект хаотического движения времени, приводящего к разрушению цивилизации: каждый следующий год свидетельствует о движении времени вперед и о снижении уровня общественного развития на многие века назад.

Часто в рассказах числительные используются при описании бытовых сцен. С одной стороны, они фиксируют факты реальной действительности (стоимость какой-либо вещи или услуги), с другой, – усиливают эффект художественного воздействия; ср., например, фрагменты текстов Н. А. Тэффи, П. С. Романова и А. Т. Аверченко:

*Рога на стене волнуются, и тетка стонет, как эолова арфа: – Куда же я с ним денусь? Мавра Семеновна! Сапоги ему купила, не пито, не едено, **пять рублей** отдала. За куртку за переделку портной, не пито, не едено, **шесть гривен** содрал... Милая! Дорога-то, не пито, не едено, **четыре рубля**, милая! (Тэффи, Выслужился).*

*...Федор молча махнул рукой, сплюнул и потом сказал: – А сапоги почему прежде были? Бывало, **пять целковых** отдашь, думаешь, переплатил. – Верно, – сказал Федор возбужденно, – я, помню, **за четыре целковых** покупал. А бабе и вовсе – **за два с полтиной** (Романов, Хороший характер).*

*Закончил я дела, собрался к инженеру Пятеркину, узнала жена, одобрила. Потом спрашивает: – А какое жалованье? – **Три тысячи**. – С ума ты сошел? Не хватит! – Постой... А я уже две недели тому назад покончил с ним. – То было две недели тому назад, а то теперь! Тогда масло стоило **30 рублей** фунт, а теперь **45**, тогда ботинки стоили **тысячу рублей**, а теперь **полторы**. И все так... (Аверченко, Леденящая душу история).*

3. Художественная интерпретация символов (см., например, Предисловие к сборнику «Дюжина ножей в спину революции», «Чертовое колесо», «Новая русская сказка», «Короли у себя дома» и др. А. Аверченко). Символ определяется как «мыслимый образ, в котором видимое, конкретное, событийное выступает лишь неким иероглифом, сигнализирующим о некотором таинственном предмете номинации. Известно, что в символику революции входил красный цвет: красная гвоздика, красное знамя, красные партизаны, Красная Армия и т.д. А. Аверченко переводит революционную символику в сферу

нейтральной или негативной речи: *Состояние его <младшего сына> умственных способностей видно из того, что, когда у него родилась и подросла дочь, – он подарил ей красную шапочку. Почему именно красную? Именно потому, что дурак красному рад; Идти пришлось лесом. Идет <Красная Шапочка>, интернационал напевает, красную звездику рвет* (Аверченко, Новая русская сказка). Знаменательно здесь и использование названия международного пролетарского гимна, гимна коммунистических партий «Интернационал». Гимн – это торжественная песня, принятая как символ государственного единства. В приведенном контексте снимается торжественный характер, в результате Интернационал воспринимается как легкий музыкальный жанр.

Большая сила внушения чувствуется в Предисловии к сборнику А. Аверченко «Дюжина ножей в спину революции». Объясняя читателю свою позицию относительно революции, автор дает художественное определение этому социальному явлению: *«Революция – сверкающая прекрасная молния, революция – божественно красивое лицо озаренного гневом Рока, революция – ослепительно яркая ракета, взлетевшая радугой среди сырого мрака! Похоже на эти сверкающие образы то, что сейчас происходит?»*. Символические образы революции – «молния», «лицо Рока», «яркая ракета» – связывают речевое воздействие с той языковой картиной мира, в рамках которой и формируется определенный тип восприятия и понимания происходящих событий.

4. Одной из основных семантических особенностей суггестивного речевого акта является нагнетание фактов. Этот прием очень широко использовался писателями-сатириками в моделировании художественной картины мира. Нагнетание фактов направлено на то, чтобы вызвать негативную психическую реакцию, стимулировать психические процессы и состояния, связанные с воспоминаниями, сопоставлением и обобщением. Актуальной в данном случае становится задача вызвать в сознании читателя образ предмета и связанные с ним ассоциации.

5. Авторское обращение к читателю. Как известно, структура поведения человека в широком смысле детерминирует наиболее типичные формы осуществления функции воздействия. Во-первых, это привлечение внимания с целью установления контакта. Автор (или рассказчик) выступает в тексте как собеседник, стремящийся установить доверительный контакт с читателем: *«Вы спросите, почему не догадалась она просто-напросто вышвырнуть за окно крахмальную дрянь? Она не могла»* (Тэффи, Жизнь и воротник); *Однако все-таки пойти пришлось. И что бы вы, милые мои, думали? Зашел парень в угрозыск, а оттуда не вышел* (Зощенко, Часы); *Читатель – существо недоверчивое. Подумает: до чего складно врет человек. А я не вру, читатель. Я и сейчас могу, читатель, посмотреть в ясные твои очи и сказать: «Не вру»* (Зощенко, Дрова); *Я прошу извинить, дорогие читатели, что задерживаю вас на таком пустяке, на незначительном факте, не стоящем, может быть, вашего просвещенного внимания,*

устремленного в другие дела (Зощенко, Парусиновый портфель).

Для расположения читателя используется форма «*братец ты мой (братцы мои)*»: «Вчера, братцы мои, иду я к вокзалу...» (Зощенко, Драка). Во многих случаях обращение происходит к герою рассказа, но последующие риторические вопросы или восклицания придают конкретному имени обобщающий характер: «Ох, ох, Василий Иванович, Василий Иванович! Чувствовало ли твое благородное сердце житейский подвох? Предвидел ли ты все мелочи жизни? Не дрогнула ли у тебя стальная рука, привязывая галстук?» (Зощенко, Мелкий случай); «Эх, Пантелей, Пантелей... Здорового ты дурака свалял, братец ты мой!...» (Аверченко, Черты из жизни рабочего Пантелея Грымзина).

Стремясь к достижению определенной реакции в поведении адресата, в его деятельности, автор продуцирует словесные формулы-правила. В сатирико-юмористическом дискурсе они окрашены иронической или шутливой тональностью. В некоторых случаях этим схемам придается смысл «от противного»: *Отдали ли вы все визиты, которые должны были отдать? Получили ли все визиты, которые должны были получить? Подумайте! Припомните! Ведь еще можно, вероятно, поправить все упущения* (Тэффи, Визитерка). *За последние два года жизнь резко изменилась. Главное, интересно отметить, – почти прекратилось воровство. Все стали какие-то положительные, степенные. Воруют мало. И взятки вовсе не берут* (Зощенко, С луны свалился).

Большая эстетическая значимость придается обращению *товарищ*, принятому в качестве выражения особого отношения между равными по положению в обществе, дружески расположенными между собой. Однако в художественной картине мира положительный коннотативный оттенок в структуре значения стирается, а сама лексема приобретает негативную окраску революционного жаргона.

Следует отметить, что семантический процесс поляризации в лексеме *товарищ* – довольно частое явление в сатирических произведениях. Так, например, в рассказах М. М. Зощенко лексема употребляется с самыми разными функциональными оттенками: *Трудно, товарищи, говорить по-русски!* (Зощенко, Обезьяний язык); *А-а, говорю, товарищ, вкапался, гадюка...* (Зощенко, На живца); *Василий Степанович Конопатов прямо в бешенство пришел. Прямо рыдает человек. – Товарищи, говорит, молочные братья! Да что ж это происходит в рабоче-крестьянском строительстве? Без манишечки, говорит, человеку пожрать не позволяют* (Зощенко, Рабочий костюм); *Братцы, говорю, милые товарищи. Да как же, говорю, он может, подлая его личность, в такое время мужу про копилку говорить спокойным голосом* (Зощенко, Муж).

В художественной картине мира употребление данной лексемы не ограничивается функцией обращения, а нередко переходит в разряд оценочных единиц, имеющих широкий коннотативный фон. В таком

случае дешифровка фатического кода обусловлена прагматическими механизмами читателя. Например: *Оно, конечно, всем окружающим я дал номера с просьбой звонить. Но, между прочим, все оказались беспартийные товарищи и к телефону мало прикасаются* (Зощенко, Телефон). Известно, что в первые годы советской власти не было свободного доступа к телефонной связи. Такой привилегией пользовались только партийные работники. Актуален в данном случае и такой пример: *Недавно один уважаемый товарищ, Кульков Федор Алексеевич, изобрел способ против бюрократизма. Вот государственная башка-то!* (Зощенко, Качество продукции). Прилагательное *уважаемый* «достойный почтения, признания каких-л. заслуг, достоинств» дублирует сему «особое отношение», приводя к имплицитному плеоназму и создавая эффект сарказма. В связи с этим оценочная информация объективируется в семантике просторечной единицы *башка*, которая, по мнению автора, передает больше экспрессии, с одной стороны, а следовательно, имеет большую силу воздействия, с другой.

Выводы. Фатическое общение является важным параметром коммуникативно-речевого акта не только между говорящим и слушающим в разговорно-бытовой ситуации, но и между писателем и читателем. Стилистические средства в семантическом пространстве художественного текста, представляя фатическое поле языка, активизируют способность читателя декодировать авторский замысел в системе художественно-образного восприятия. Писатель же, используя различные языковые приемы, преобразует текст таким образом, чтобы при его помощи воздействовать на когнитивные механизмы языковой личности.

Литература и примечания

1. **Русское** культурное пространство. Лингвокультурологический словарь / Под ред. И. В. Захаренко, В. В. Красных, Д. Б. Гудкова. – Вып. 1. – М., 2004.
2. **Кононенко В.** Концепти українського дискурсу. – К.–Івано-Франківськ, 2004.
3. **Клюев Е.В.** Речевая коммуникация. – М., 2002.
4. **Винокур Т.Г.** Говорящий – слушающий: варианты речевого поведения. – М., 1993.
5. **Мурзин Л.Н.** Полевая структура языка: фатическое поле // Фатическое поле языка (памяти профессора Л. Н. Мурзина). – Пермь, 1998. – С. 9–14.
6. **Мурзин Л.Н.** О суггестивно-магической функции языка // Фатическое поле языка (памяти профессора Л. Н. Мурзина). – Пермь, 1998. – С. 108–114.
7. **Тураева З.А.** Лингвистика текста и категория модальности // Вопросы языкознания. – 1994. – №3. – С. 105–114.

¹ Вспомним антиномию В. Фон Гумбольдта: «Всякое понимание есть в то же время непонимание».

В статье рассматривается проблема формирования художественной картины мира, которая представляется как репрезентант национального культурного пространства. Анализируются речевые средства дешифровки фатического кода, позволяющие проследить механизм художественной коммуникации, выявляющий особенности выражения авторской интенции.

Ключевые слова: кодирование, лингвокультурологический код, фатическое поле языка.

У статті розглядається проблема формування художньої картини світу, яка представляється як репрезентант національного культурного простору. Аналізуються мовні засоби дешифровки фатичного коду, дозволяючи прослідити механізм художньої комунікації, що виявляє особливості вираження авторської інтенції.

Ключові слова: кодування, лінгвокультурологічний код, фатично поле мови.

The problem of forming the art picture of the world which is represented as the representative of national culture space is viewed in this article. Communication means of decoding of fatical code are analyzed, which help to trace the mechanism of art communication, revealing the peculiarities of expression the author's intention.

Key words: coding, linguacultural code, fatical field of the language.

УДК 616.89.001.4

З. Н. Хомицкая

КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Язык — это один из наиболее характерных типов когнитивной деятельности человека. Язык — это мысли, звуковым символом которых является слово. «Язык — это мир, который лежит между миром внешних явлений и внутренним миром человека», поэтому «нет ничего внутри человека настолько глубокого, настолько тонкого и всеобъемлющего, что не переходило бы в язык и не было бы через его посредничество познаваемым», — писал Гумбольдт [1].

Система вербализованных знаний, или языковая картина мира, т. е. часть общей концептуальной картины мира (глобальной системы

информации, которую имеет социум или индивид), поименованная с помощью разных знаков языка, является объектом когнитивной лингвистики [2].

Когнитивная лингвистика возникла «как реакция на структурализм и бихевиоризм с их антименталистским подходом к пониманию и исследованию языка. В обоих течениях «ментальные» единицы (прежде всего – значение слова) выносились за рамки компетенции лингвистики» [3]. В работах Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюновой, А. Вежбицкой, Е. С. Кубряковой, С. А. Жаботинской, Е. А. Селивановой, Т. В. Радзиевской, М. Минского, Дж. Лакоффа, Ч. Филмора изложены основные идеи, принципы и методы когнитивной лингвистики.

Интересен опыт когнитивно-ономасиологического анализа в украинском языке названий лекарственных растений, проделанный В. В. Калько [4]. Этот же слой лексики, а именно культурологический аспект и этапы когнитивной деятельности человека в фитонимической лексике, исследует Н. И. Панасенко [5]. Исследования Калько и программу когнитивной ономасиологии, выдвинутую Е. А. Селивановой [6], берет в основу своего анализа когнитивных аспектов терминологии информационных технологий В. Малицкая [7]. Этнонимы в когнитивном аспекте исследует Е. А. Сироткина [8], номинацию природных явлений (экстериоризация когнитивного опыта) С. А. Швачко, И. К. Кобякова [9].

Однако ни один аспект психиатрической терминологии не был рассмотрен на когнитивном уровне. Мы сделаем попытку выяснить, как происходит в мышлении становление профессиональных навыков в овладении терминологией. Что самое важное и каким образом необходимо предъявить реципиенту для того, чтобы его мыслительный аппарат отобрал наиболее значимое для создания собственной базы данных, чтобы в процессе практической деятельности из нее безошибочно и оперативно подавалась информация необходимая для формирования точного диагноза (для специалиста это должно быть также просто, как и для вошедшего в комнату, который моментально, окинув ее взглядом, создает о ней собственное представление) и в дальнейшем успешного лечения.

Для построения собственной базы данных может быть использована теория фреймов (имеющая дело со структурой понятий, их использованием в сфере естественного языка, но ее более локальной задачей является объяснение в приемлемых для кибернетики терминах способность видеть), которая впервые была представлена научному сообществу в публикации 1974 г., принадлежащей известному американскому специалисту в области искусственного интеллекта Марвину Минскому [10].

«Разум, – утверждает М. Минский, – обычно интерпретирует данные восприятия в терминах ранее приобретенных и предназначенных для описания структур — *фреймов*. Фрейм — это один из способов

представления стереотипной ситуации. ...С каждым фреймом связана информация разных видов: одна, относящаяся к использованию данного фрейма, другая, предупреждающая о том, что может произойти дальше, третья, предписывающая, что следует предпринять, если эти ожидания не подтвердятся и т. д.» [11].

Не существует единого подхода к построению фреймовых структур. Разные авторы используют разные виды фреймовых структур, ориентированные на тот или иной языковой материал [12]. С. А. Жаботинская выделяет 5 типов фреймов: предметный, акциональный, поссессивный, таксономический, компаративный [13], но в «чистом» виде ни один не может быть использован.

Теория фреймов быстро приобрела широкую популярность не только среди кибернетиков, но и среди философов, психологов, лингвистов.

Фрейм в когнитивном аспекте является унифицированной конструкцией знания или связанной схематизацией опыта, что обеспечивает концептуальный базис для достаточно значительного корпуса лексического материала. [14]

В традиционной лексической семантике фрейму соответствует дефиниция.

В сознании фреймы возникают мгновенно, сменяя друг друга, но при условии, если предварительно заложена соответствующая информация (*...формирование системы взаимосвязанных фреймов осуществляется в течение всей жизни человека и определяется приобретением им соответствующего опыта* [15]). Для фреймов психиатрической терминологии необходимо, чтобы разумом были созданы концепты, предвещающие безошибочную подачу в сознание фреймов психиатрических терминов.

Фрейм — это «полный инструмент», который позволяет привлекать ту часть «экстралингвистической» информации (или знаний о мире), которая необходима для понимания естественного языкового сообщения. Согласно с концепцией Т. Хофмана, фрейм понимается как способ объединения лингвистической информации и знаний о мире, что позволяет создавать когнитивные структуры, совместные с задачами лингвистического описания [16], поэтому для овладения психиатрической терминологией необходимо, например: для терминов-мифонимов, антропонимов, метафорических переносов, для распознавания ассоциативных терминов — дополнительные энциклопедические данные, знания литературы, искусства. Для простых, производных, сложных, терминов-сочетаний — знание значений терминов-элементов, суффиксов, префиксов, этимологии. Для устранения ложных субфреймов — знание синонимов, антонимов, омонимов, полисемии.

В данной статье более подробно рассмотрим что и каким образом вносит в семантику фреймов аффиксальный способ образования

производных терминов. В результате анализа слотов (тех элементов в сигнификативной или денотативной структуре слова, которые в традиционной лингвистике называют компонентами [17]) делаем вывод, что аффиксальный способ является одним из самых продуктивных способов образования психиатрических терминов. Аффиксы, представленные в психиатрических терминах — это (перечисляем по частоте употребления) префиксы, суффиксы, префиксо-суффиксы, могут быть использованы в построении фрейма однословного термина. Продолжая анализ аффиксов, выясняем, что:

- на *характер заболевания* указывают суффиксы: **–ит** (воспалительный процесс), **–оз** (заболевание), **–ома** (опухоль), **–ия** (болезненное состояние невоспалительного характера) и др.;
- на *изменение функции* указывают префиксы: **а-** (отсутствие), **гипо-** (снижение), **гипер-** (повышение), **дис-** (расстройство) и др.;
- на *место возникновения* заболевания указывают терминологические элементы (в основном греко-латинского происхождения), выступающие в корне слова: **энцефал-** (головной мозг), **мнез-** (память), **псих-** (душа), **эстез-** (чувствительность) и др.

«По данным В. У. Петришиной 500 терминологических элементов, суффиксов и префиксов классических языков дают возможность понять 15 тысяч терминов в современной медицинской терминологии» [18].

Ниже в таблицах приводим наиболее распространенные **префиксы** в производных психиатрических терминах, знание значений которых в совокупности со значением **корня** дают возможность раскрывать значение всего термина (см. табл. 1). Приведение терминов и терминологических элементов на латинском языке позволяет подчеркнуть распространенность калькирования в психиатрической терминологии.

Таблица 1

<i>Префикс и его значение</i>	<i>Термин</i>	<i>Значение корня</i>	<i>Значение термина</i>
а-/ перед гласными ан- (а-/an; греч.) — отрицание, лишение, отсутствие или противоположность, без-, не-; соответствует латинскому ин- (in-)	анэргия (anergia)	эрг- (от греч. <i>ergeia</i>) — работа, действие	понижение до полного отсутствия, психической, двигательной и речевой активности

Префикс и его значение	Термин	Значение корня	Значение термина
	аналгия = аналгезия (analgia=analgesia)	алг- (от <i>греч.</i> algos) — боль	отсутствие чувства боли
	апатия (apathia)	пат- (от <i>греч.</i> pathos) — страдание	бесчувственность, безразличие
	анестезия (anaesthesia)	естез- (от <i>греч.</i> aesthesis) — чувство, ощущение	временная, полная или частичная утрата чувствительности
	астения (asthenia)	стен- (от <i>греч.</i> sthenos) — сила	слабость, бессилие
	аменция (amentia)	менц- (от <i>лат.</i> mens, mentis) — ум, разум	бессмыслие; качественное расстройство сознания
	амнезия (amnesia)	мнез- (от <i>греч.</i> mneme) — память	частичная или полная потеря памяти
де- (de-) — приставка, означающая <i>отрицание,</i> <i>отмену,</i> <i>устранение,</i> <i>лишение,</i> <i>уничтожение,</i> <i>ухудшение,</i> <i>упадок</i>	деградация (degradatio)	град- (от <i>лат.</i> gradus) — степень	снижение личности в отношении интеллекта (изменение личности (упадок интеллекта)
	дегенерация (degeneratio)	генер- (от <i>лат.</i> de-generare, pp. de-generatus, вырождаться, от de+genus, genesis) — род, вид	вырождение — ухудшение физических и психических качеств вследствие патологической наследственности

Префикс и его значение	Термин	Значение корня	Значение термина
	дегипнотизация (dehypnotisatio)	гипн- (от <i>греч.</i> hypnos) — сон	прекращение гипнотического состояния
	деморализация (demoralisatio)	мор- (от <i>лат.</i> mos, moris) — нрав	нравственная деградация, моральный упадок
дис- (dys-) — приставка, обозначающая <i>нечто дурное, порочное или затруднение</i>	дисбазия (dysbasia)	баз- (от <i>греч.</i> basis) — ходьба, шаг	расстройство ходьбы, затрудненная ходьба, прихрамывание
	дисбулия (dysbulia)	бул- (от <i>греч.</i> bule) — воля	общее название патологии воли
	дисгафия (dyshaphia)	гаф- (от <i>греч.</i> haphe) — касание, соприкосно- вание	расстройство осязательности соприкосновения
	дисгенезия (dysgenesia)	генез- (от <i>греч.</i> genesis) — происхожде- ние, зарождение, создание	общее название нарушений в развитии органов и тканей организма
	дисгеузия (dysgeusia)	геуз- (geusis) — вкус	нарушение ощущения вкуса
	дисграфия (dysgraphia)	граф- (от <i>греч.</i> grapho) — писать	расстройство письма

<i>Префикс и его значение</i>	<i>Термин</i>	<i>Значение корня</i>	<i>Значение термина</i>
пара- в сложных словах <i>означает:</i> 1) при, около, вблизи (parabiosis); 2) отклонение от нормы, ошибочное, ложное (paraculis); 3) вовлечение аналогичных частей с обеих сторон (paraplegia); 4) изменение, превращение (paranoia); 5) неявля- ющийся прямым следствием (parasyphilis)	парабулия (parabulia)	бул- (от <i>греч.</i> bule) — воля	качественное расстройство волевой активности, извращенность воли
	парагеузия (parageusia)	геуз- (от <i>греч.</i> geusis) — вкус	качественное расстройство вкуса, состоящее в появлении вкусовых ощущений при отсутствии соответству- ющих внешних раздражителей
	парагнозия (paragnosia)	гноз- (от <i>греч.</i> gnosis) — познание	общее название качественных расстройств познания

<i>Префикс и его значение</i>	<i>Термин</i>	<i>Значение корня</i>	<i>Значение термина</i>
	пара грамматизм (paragrammatismus)	граммат- (от <i>греч.</i> grammata) — умение писать и читать	нарушение устной или письменной речи, заключающееся в неправильном применении правил грамматики
	пара кинез (parakinesis)	кинез- (от <i>греч.</i> kinesis) — движение	бессмысленные, ненужные в данное время, часто стереотипные двигательные акты, жесты, внешне напоминающие сознательные волевые движения
гипер- в сложных словах означает усиление основного понятия, излишек, над, сверх, слишком и т. д.; соответствует латинским приставкам super- , per- .	гипер акузия (hyperacusia)	акуз- (от <i>греч.</i> acusis) — слух	ненормальная острота слуха
	гипер гедония (hyperhedonia)	гедон- (от <i>греч.</i> hedone) — удовольствие, наслаждение	болезненное повышенное стремление к наслаждениям и развлечениям
	гипер эргия (hyperergia)	эрг- (от <i>греч.</i> ergon) — действие, деятельность	повышение активности организма

Префикс и его значение	Термин	Значение корня	Значение термина
	гиперэстезия (hyperaesthesia)	эстез- (aesthesia) — чувство, ощущение	повышенное восприятие различных видов раздражений
	гипермимия (hypermimia)	мим- (от <i>греч.</i> mimos) — подражание	усиление мимических движений
гуро- приставка, означающая уменьшение, ослабление основного понятия, уменьшение ниже нормы, несовершенство	гипергия (hypergia)	ерг- (от <i>греч.</i> ergon) — деятельность, работа	снижение реактивности организма
	гипестезия (hypoesthesia)	естез- (от <i>греч.</i> aesthesia) — чувство, ощущение	понижение поверхностной чувствитель- ности
	гипогеузия (hypogeusia)	геуз- (от <i>греч.</i> geusis) — вкус	понижение вкусовой чувствитель- ности
	гиподепрессия (hypodepressio)	депресс- (от <i>лат.</i> deprimō, pp. depressus) — нажимать, подавлять	неполно выраженная депрессия
	гипокинезия (hypokinesis)	кинез- (от <i>греч.</i> kinesis) — движение	ограничение объема и скорости движений
	гипомнезия (hypomnesia)	мнез- (от <i>греч.</i> mnēsis) — память, вспоминание	ослабление памяти
ката- (kata-) приставка, означающая вниз, внизу,	катаlepsия (catalepsia)	лепс- (kata- lepsis хватание, задерживание от kata-	букв. оцепенение, скованность; двигательное

Префикс и его значение	Термин	Значение корня	Значение термина
<i>очень далеко, после, за</i>		lambano) хватать, нападать	расстройство, при котором больной продолжительно е время сохраняет неудобное и неестественное положение тела и конечностей
	катафазия (kataphasia)	фаз- (phasis) — речь	расстройство речи, выражающееся в многократном повторении в стереотипическо й форме ответа на однажды заданный вопрос
	кататимия (katathymia)	тим- (thymos) — чувство	изменение или искажение психических процессов (мышления, восприятий, воспоминаний) под влиянием сильных эмоций

Суффиксация — одно из средств образования психиатрических терминов. – «словообразовательные элементы, в том числе и суффиксы, обладают определенным значением, хотя и не существуют как самостоятельные единицы языка... словообразовательные категории, в частности суффиксы, как элементы, отвлеченные от конкретных вещей, свидетельствуют об абстрагирующей работе человеческого мышления. Но абстрактное значение суффиксов, как общая категория, проявляется через отдельное, существует только в конкретных словах» [19].

Наиболее продуктивными суффиксами, с помощью которых образуются производные психиатрические термины, являются следующие:

- **-изм** — суффикс, означающий *болезненное состояние, отравление чем-л., распространение чего-л.*, относящиеся к термину, к

которому это окончание прибавлено; напр.: **ментизм** (непроизвольно возникающий, непрерывный и неуправляемый поток мыслей, воспоминаний, «вихрь идей»); **демонизм** (вера в злых духов, в черта; у психически больных является психопатологическим признаком – бредовые идеи), **дисхронизм** (расстройство восприятия времени), **мессианиззм** (от др. евр. messiach- мессия, помазанник Бога), **алкоголизм** (отравление алкоголем; от арабск. al-kohol), **наркотизм** и т. п.

- **-оз** — суффикс, означающий *болезнь, болезненное состояние, обычно — невоспалительного характера, ненормальное увеличение или распространение*; напр.: **псевдогаллюциноз** (психопатический синдром, характеризующийся обильными псевдогаллюцинациями), **конфабулёз** (наплыв, конфабуляций – ложных воспоминаний, образующих последовательный рассказ); **психоз** (психическая болезнь), **невроз** (функциональное заболевание нервной системы), **логоневроз** (группа заболеваний, характеризующаяся нарушением речи),

- **-ит** — суффикс названий *воспалительных заболеваний или воспалений*; напр.: **арахноидит** (воспаление мягких мозговых оболочек головного или спинного мозга, в первую очередь паутинной оболочки (от греч. arachne – паук, eides – подобный), **энцефалит** (воспаление головного мозга (от греч. encephalon – головной мозг), **лептоменингит** (воспаление мягкой и паутинной мозговых оболочек (от греч. leptos – мягкий, meninx – тонкий, нежный).

Из проведенного анализа можно заметить, как много необходимой информации несут аффиксы производного термина. Работы по исследованию терминологии на когнитивном уровне могут служить оптимизации учебного процесса по овладению терминологией будущими специалистами в области психиатрии.

Литература

1. Гумбольдт [цит. по: Бессонова О.Л. Оцінний тезаурус англійської мови: Когнітивно-гендерні аспекти. — Донецьк, 2002. — С. 17]. **2. Бессонова О.Л.** Оцінний тезаурус англійської мови: Когнітивно-гендерні аспекти. — Донецьк, 2002. — С. 17. **3. Левицкий В.В.** Семасиология. — Винница: НОВА КНЬГА, 2006. — С. 141. **4. Калько В.В.** Когнітивно-ономасіологічний аналіз названь лікарських рослин в українській мові: Автореф. дис. ... канд. філол. наук. — Одеса. — 2003. **5. Панасенко Н.И.** Культурологический аспект и этапы когнитивной деятельности человека в фитонимической лексике // Вісн. Луган. нац. ун-ту імені Тараса Шевченка. — № 14 (109). — 2006. — С. 41–

48. **6. Селиванова О.О.** Когнитивная ономазиология. — К.: Изд-во Укр. философ. центра. — 2000. **7. Малицька В.** Когнітивні аспекти дослідження термінології інформаційних технологій (китайська мова) // Проблеми української термінології: Вісн. — Л.: Нац. ун-т “Львів політехніка”, 2006. — № 559 — С. 83–86. **8. Сироткина Т. А.** Когнитивная этнонимика // Культура народов Причерноморья: Науч. журнал № 82. — Т. 2.— 2006. — С. 153–155. **9. Швачко С. А., Кобякова И. К.** Экстериоризация когнитивного опыта (на материале номинаций природных явлений) // Культура народов Причерноморья. Научный журн. — № 82. — Т. 2.— 2006. — С. 238–240. **10. Жоль К. К.** Язык как практическое сознание (философский анализ). — К.: Вища шк., 1990. — С. 90–91. **11. Минский М.** Остроумие и логика когнитивного бессознательного // Новое в зарубежной лингвистике: Сб. ст. — Вып. 23: Когнитивные аспекты языка. — М.: Прогресс, 1988.— С. 289. **12. Бессонова О.Л.** Оцінний тезаурус англійської мови: Когнітивно-гендерні аспекти. — Донецьк, 2002. — С. 42. **13. Левицкий В.В.** Семасиология. — Винница: НОВА КНИГА, 2006. — С. 156. **14. Бессонова О.Л.** Оцінний тезаурус англійської мови: Когнітивно-гендерні аспекти. — Донецьк, 2002. — С. 42. **15. Минский М.** Остроумие и логика когнитивного бессознательного // Новое в зарубежной лингвистике: Сб. ст. — Вып. 23: Когнитивные аспекты языка. — М.: Прогресс, 1988.— С. 290. **16. Бессонова О. Л.** Оцінний тезаурус англійської мови: Когнітивно-гендерні аспекти. — Донецьк, 2002. — С. 66. **17. Левицкий В. В.** Семасиология. — Винница: НОВА КНИГА, 2006. — С. 156. **18. Мякиш Е. А.** Латинские и греч. синонимические морфемы в лексике французского языка. — М. **19. Амосенкова Е. И.** Некоторые принципы образования технических терминов в современном французском языке: Дис. ... канд. фил. наук. — Л., 1953. — С. 8.

В статті предпринята попытка анализа производных психиатрических терминов на когнитивном уровне. Выясняется роль аффиксов в построении фреймов.

Ключевые слова: психиатрическая терминология, аффиксы, информация, когнитивная лингвистика, фрейм.

У статті зроблена спроба аналізу похідних психіатричних термінів на когнітивному рівні. З'ясовується роль афіксів у побудові фреймів.

Ключові слова: психіатрична термінологія, афікси, інформація, когнітивна лінгвістика, фрейм.

The attempt analysis of derivative psychiatric terms of the cognitive level was undertaken in the article. The role of affixes in the construction of frames is clearing up.

Key words: psychiatric terminology, affixes, information, cognitive, linguistics, frame.

Л. М. Цонева

МЕТАФОРИЧНАТА КАРТИНА НА СВЕТА В БЪЛГАРСКАТА ПУБЛИЦИСТИКА

Метафората – една от вечните теми в хуманитарното знание – в последните години напълно закономерно е в центъра на вниманието на учени от различни области. Особено активно метафората (М.) се изследва в лингвистиката, където се формират самостоятелни научни направления, разглеждащи от нови позиции този древен феномен. В редица авторитетни изследвания природата и функциите на М. се анализират в различни аспекти, решават се някои спорни въпроси, разработват се класификации [1–8]. От друга страна, както отбелязват даже признати специалисти, в теорията на М. и днес съществуват многобройни различия, в това число и терминологични.

Въпреки различията съвременните изследвачи на М. са единодушни, че тя заема важно място в езика като негов необходим, неизбежен елемент [7, с. 186], че тя не е само «украшение на речта», а важно познавателно средство, средство за изразяване и получаване на нови знания за света. Именно М. според В. Н. Телия може да направи нагледна невидимата картина на света, създавайки нейната езикова картина, която се възприема чрез вербално-образните асоциации на съставлящите я думи и изрази [6, с. 180]. Големият български философ И. Паси подчертава че, М. обогатява не света, а човешката представа за света, тя открива нови страни на света, които биха могли да останат скрити и именно това обяснява неизчерпаемите възможности на М. както в ежедневно общуване, така и в изкуството и в публицистиката [8, с. 621].

М. като общоезиково явление функционира по различен начин в различните стилове, всеки стил съществено променя качеството на М. Спецификата на М., както подчертава Г. Я. Солганик, се съдържа в източниците на метафоризация, в особеностите на семантичната трансформация, в стилистичния облик на М. и т. н. [9, с. 69].

Предмет на настоящата работа е М. в съвременната българска публицистика или публицистичната М. (ПМ), определяна от някои автори и като политическа М., и нейното място в изграждането на българската картина на света. Анализът е направен на базата на картотека, съдържаща илюстративен материал от български вестници от последните години (без т. нар. жълта преса). Интересът към такава тема е напълно оправдан, тъй като М. в българската публицистика, макар и разглеждана в отделни статии, не е описана достатъчно пълно. Трябва да се отбележи, че руската ПМ е анализирана от много авторитетни учени [9–12].

Особено плодотворна при описанието на ПМ е теорията на концептуалната М., която я разглежда като езиково явление, отразяващо процеса на възприемането на света и заемащо важно място в изграждането на картината на света.

М. и преди всичко ПМ дава представа за политическата история на страната, за конкретната политическа ситуация, за политическите субекти, за настроенията в обществото.

М. и преди всичко ПМ освен това може да бъде и инструмент за социално управление – тя може да внушава, да налага на обществото определен поглед към света, създавайки митологемите (или идеологемите) на времето. Именно това позволява да се говори за «властта на метафората».

Според възприетата тук семантична класификация на М. тя се разглежда в зависимост от тематичната отнесеност на спомагателния субект (или според понятийната област-източник). Именно тази класификация, както подчертава В. П. Москвин, представлява интерес не само за филолога, но и за историка и културолога, защото различните групи М. показват какви интереси, какви идеали формират основата на културата в определен етап на нейното развитие [4, с. 115].

Основните групи М. в българската публицистика според данните на нашата картотека могат да се определят по следния начин: *движение, медицина, война, театър, игра*. Важно място заемат и някои други групи М.: *дом, механизъм, храна, животни, природни явления*. Сравнително нови са М. от групите *финанси, семейство, сексуални отношения*. Естествено, този списък от модели е открит, в него могат да се включат и други различни по обем и по състав модели.

Повечето назовани групи М. могат да се определят като «вечни», като «всемирни» (И. Паси), те имат богата история и се използват в много езици. Такива са преди всичко М. от тези понятийни области, които лесно и естествено се пренасят в областта на социалния живот, на политиката. Ще отбележим, че именно тези М. са най-активни и в съвременната руска публицистика, което е обусловено не само от сходните екстралингвистични условия на създаването на М. в двата езика, т. е. от близостта в особеностите на света, който ражда М., но и от универсалния характер на метафорическия пренос. Естествено, българските и руските М. имат и различия, на които се отделя внимание в някои наши работи [13; 14], но изчерпателният им анализ заслужава по-голямо изследване.

Интересно е да се отбележи, че повечето от тези модели, често определяни като стандартни или традиционни, непрекъснато се развиват и преобразуват, включват се в нови контексти или получават нови, неочаквани семантични компоненти.

Активната метафоризация на думите от тези модели (или метафороспособността на думите) може да се обясни преди всичко с важността за обществото на понятийната област-източник. Именно

актуалността на назованите понятийни сфери, тяхната социална значимост обуславят актуалността и значимостта на М., пренесени от тези области в областта на политиката. Това определя и различната степен на активност на различните М. в определени периоди, понякога сравнително кратки. Така, например, в българската публицистика в началото на 2001 г. в навечерието на парламентарните избори се активизират две групи М. – *война* и *движение*, които отразяват противопоставянето на политическите сили и важната за обществото в това време тема за избора на пътя, на посоката на развитието на страната. През 2005 г. обаче много активни стават М. от групата *финанси*, отразяващи нов тип отношения между политическите сили – договарянето при формирането на комисии, кабинети, коалиции и т. н.

Метафоризацията на думите зависи и от тяхното значение – по-активно се метафоризират думите със широко значение. Важно за ПМ е това, че в нея се актуализират само някои семи (поякога не най-важните), а други остават на заден план. При съпоставянето на двата обекта М. подчертава сходството между тях само в определен аспект, актуален именно в конкретната ситуация, и привлича вниманието именно към него. Метафоричният пренос може да добавя към думите от определена област и нови компоненти, нови оттенъци – М. ги обогатява, подчертава в тях нови, понякога изненадващи аспекти. Именно смелият, неочакван пренос на компоненти на значението определя силата на такива М.: в тях има загадка, която създава странното на пръв поглед свързване на две реалности: *Вече имам захарен памук и в ушите. Толкова много бъдеще, и всичкото хубаво, живописват управляващите, че се чудя дали България, в която живея, е истинската* (Труд 2005/47).

Тези особености на М. изобщо и на ПМ се потвърждават в разгледаните от нас групи М. и конкретните единици в тях. Заради ограничения обем на статията ще разгледаме само някои от назованите метафорични модели.

Много интересна е групата думи, обединени от темата *път*, *движение*, които активно се пренасят в областта на обществения живот и политиката. Добре известно е, че това е една от най-старите М. – още от древността съдбата на народите и на хората се сравнява с лодка (кораб), който плува в морето (в океана, по реката) на живота.

Според нашите наблюдения тази група М. е една от най-богатите в българската публицистика. Метафоричните единици в нея обозначават движението на обществото или важни елементи от него най-често като забавено движение с многобройни препятствия, без ясна цел, даже през последните няколко години, когато посоката на движението на българското общество беше определена – НАТО и Европейският съюз: *Къде гледа капитанът, че за пореден път държавата ни вместо да следва уж ясно очертания от шамандурите на НАТО и ЕС път, пак заора в плитчините?* (168 часа 2004/7). Много често движението на България се определя като движение в кръг. Ярък образ на това кръгово

движение е виенското колело, т. е. безползното и безсмислено движение нагоре-надолу: *Погледнато от известна времева дистанция, кръговото движение у нас се осъществява не в хоризонтална, а във вертикална плоскост. Нещо като виенско колело.*; Въпросът, който трябва да решим, е *защо трябва да се возим на това колело. Има ли начин то да се спре и хората да слязат и да се заемат със смислен труд?* (Седем 2004/1).

Една от най-честотните и ярките М. е *потъващият кораб*, отнесена към държавата изобщо или към правителството, както и към важни обществени явления (партии, икономически обединения и т. н.). През последните години потъващият кораб често се обозначава като «Титаник»: *Акцентирайки върху повърхностни детайли, също като екипажа на «Титаник» и българският икономически екип пренаврежда палубите на кораба, вместо да е нащрек за опасността и да промени курса* (Труд 2003/221).

Многобройните М. от тази група съдържат ярка негативна оценка и отразяват господстващото в българското общество негативно възприемане на неговото развитие - на грешната му посока, несъвременните или технически неизправни средства за достигането до крайната цел и най-вече – на неподходящите безотговорни водачи, които не могат да управляват страната.

Много показателни за състоянието на страната и обществото са и другите метафорични модели с преобладаваща негативна оценъчност, които, както отбелязва А. П. Чудинов, също «мало радуют душу» [10].

Такава е *медицинската М.*, включваща названия и симптоми на болести, средства за лечение и т. н. Обозначаването на обществото като жив организъм с различните му особености, в това число и болести, е една от най-старите М. Активността на този метафоричен пренос може да се обясни най-вече с близостта на двете реалности - обществения организъм и човешкия организъм. Характерни за състоянието на съвременното общество са названията на сериозни хронични болести, много от тях – с фатален край: *Агонията на СДС ще продължи чак до следващите парламентарни избори.* (Сега 2003/253); *Здравната реформа изпадна в колапс* (Труд 2002/302).

Тези болести определят и необходимостта от радикално лечение, от задгранични специалисти или донори: *Евролевицата е в продължаваща електорална кома. Без радикална операция тя не може да бъде спасена* (Сега 2003/3).

Към най-показателните за времето, в което живеем, можем да отнесем психичните заболявания на обществото и важни елементи от него: *Повсеместна шизофрения е обхванала държавицата* (Сега 2003/3).

И в тази група, както и в останалите, най-често липсват оптимистични М., изразяващи надежда за оздравяване на болния обществен организъм.

Интересно се проявява и т. нар. *игрова* или *спортна* М., която обединява развлекателни, спортни, хазартни игри. Обозначаването на политиката като игра не е ново. Най-важното обаче за политическа игра е това, че тя никога не е *fair play* – още през 1938 г. Й. Хьойзинха подчертава: «Съвременната култура вече почти не се играе, а там, където привидно се играе, играта е фалшива. Това най-силно важи, когато се опитваме да направим равностойност на съдържанието на днешната политика като явление на цивилизацията» [15, с. 224]. Например: *След 1 януари 2007 г. българските партии ще трябва да играят политическата игра по нови правила.* (Сега 2007/5); *България е страна на игрите и цялата власт произтича от играчите и принадлежи на играчите* (168 часа 2001/29).

Много «удобни» за такъв метафоричен пренос са названията на отборни игри, най-често футбол, като единиците от това семантично поле се използват за назоваване на правителството, на партии и коалиции, отношенията между тях, участниците в тях и т. н. И докато в тези игри нещата, макар и далеч не винаги, са относително ясни за публиката, то за шахматната игра са характерни скрити, сложни, често непонятни ходове и комбинации и именно тези особености определят изключително активната метафоризация на думи от тази област: *Сините са замислили мат на червения цар в три хода* (Сега 1996/8); *Царят се опитва да разиграе царски гамбит – да пожертвува фигура, за да си открие поле за атака и да спечели играта* (Седем 2003/3).

Към най-новите особености на ПС можем да отнесем активизирането на М., свързани с различни хазартни игри (*рулетка, карти, домино* и др.). Обединяването на тези различни игри формално е условно, но те се сближават благодарение на наличието в тях на семантичните компоненти «случайност» или «късмет, шанс». Например: *Опозиция и власт играят див покер* (Труд 2004/329). Именно наличието на такива компоненти създава негативната оценка в повечето от тези М., тъй като в сериозната област на политиката би трябвало да се разчита не на случайност, а на други качества и фактори.

Друга вечна М. е *театралната*, определяна така по традиция, макар че към нея често се отнасят най-различни «зрелища» или всичко, свързано със сцената. Между театъра и политиката има несъмнена прилика – политическият живот най-често е сцена, политиците се представят като актьори в различни роли или като послушни на чужда воля марионетки, народът е пасивна публика, сценарият обикновено е наложен от някой отвън или отгоре и т. н. Преобладаващата негативна оценъчност се създава най-вече благодарение на актуализирането на семантичните компоненти «имитация, неискреност, маскиране на истинското». Многобройните примери с такива М. ярко илюстрират това: *Театърът работи всеки ден в салоните на МС, НС, президентството и където намери свободна сцена.* (168 часа 2000/16); *Имам чувството, че за нашата сцена се надпреварват двама*

сценаристи. Единият е повече източноевропейски, другият е зад океана (Сега 2001/138).

В съвременната българска публицистика тази стара М. има нови особености, най-вече в разширяването на кръга от метафорични единици, както и в новата съчетаемост на театралната лексика. Тук трябва да се отбележи активизирането на чисто развлекателни, несериозни зрелища и жанрове (*шоу, фарс, комедия* и др.), подчертаващи несериозността на политическия живот: *Защо след **водевила** с преврата ни сервирах **мюзикъла** с президентската република?* (Сега 2000/120). Показателно за българската политическа действителност е и нейното обозначаване като **цирк**: *Държавата е заприличала на **цирк*** (Сега 2001/136).

Активизирането на т. нар. **военна М.** в ПС ярко отразява противопоставянето в обществото, много характерно, както вече отбелязахме, за периодите преди избори, особено преди парламентарни избори. Именно тогава «войната на всички срещу всички», характерна за съвременното общество, става най-ожесточена: *Последните две седмици до вота на 17 юни ще бъдат белязани с **артилерийски огън** от компромати и **удари** към царското движение* (Труд 2001/147). Сериозността на политическите битки в такива периоди илюстрира метафоричното обозначение на изборната ситуация в България през 1995 г.: *В тази нощ за първи път се появи политическата метафора «**Сталинград**». «**Сталинградски**» бяха наречени всички **битки** на втория тур в големите градове* (Труд 1995/268).

Много важна особеност на военната М. е това, че тя се отнася не само към политиката, където сраженията се водят както между политическите противници, така и вътре в партиите; битките са характерна черта на обществото като цяло, включително и на области и институции, сами по себе си «мирни». Активността на «метафориката на войната» не само в предизборни ситуации показва, че битките, които обхващат целия ни живот, за съжаление, не стихват.

Като модел с най-големи различия при съпоставянето му със съответния модел в други езици (например, в руския) можем да определим модела *храна* или *кулинарната М.* Тук названията на съвсем различни ястия или продукти се използват за обозначаване на обществото или различни негови елементи. И в тази група в повечето случаи се актуализират някои второстепенни семантични компоненти, докато основното значение на думата остава на заден план. Най-интересната М. в тази група е *баница*, с която се назовават успешни финансови сделки, доходни отрасли на икономиката, най-често – властта като източник на богатство. Многобройни са примерите на употреба на думата *баница* с определенията *пазарна, приватизационна, народна, държавна*. Например: *Просто у нас вече не остана нищо за прибиране. Политиците отдавна си разпределиха **държавната баница*** (168 часа 2002/23).

При този метафоричен пренос на заден план остават други семантични компоненти, т.е. други важни условия за приготвянето на баницата (качествени продукти, умение, опит), защото най-важното е изяждането на баницата, приготвена от някой друг.

Една от новите за българската публицистика е *финансовата* М. Единиците от това семантично поле, пренесени в обществения живот, са много показателни за нравите в новата българската политика - все по-важно място в нея заема договарянето, сделката, нечестната търговия между формално противоположни политически сили за място във властта: *От известно време държавата ни се превърна в зала за големи търгове. В която вървят с пълна сила още по-големи наддавания* (Новинар 2005/43); *Заговори се успоредно за политически «пазарлъци» и «сделки», макар че и на този «супер» пазар, както и на битака, пазарлъкът би следвало да предхожда сделката* (Труд 2005/40).

Според нашите наблюдения през последните няколко години често се появяват М. от областта *сексуални отношения* – една от «забранените теми» в публицистиката от близкото минало. Тези М. биха могли да се определят като израз на най-новите тенденции в съвременната публицистика, нарушаваща различните ограничения: *Днес премиерът използва като виагра за своята политическа импотентност военната мощ на НАТО* (Монитор 1999/102).

Изключително интересни са многобройните М., които не могат да се обединят в компактни групи, тъй като се пренасят от различни понятийни области, понякога нетрадиционни, неочаквани, които порядко се свързват с обществения живот и политиката. Най-често именно това определя експресивността на такива М.: *Обществената памет е къса, личната – избирателна, а властта е черна кутия. Какво става там, е загадка* (Дума 2002/30); *Неговата оставка е нещо като политическо харакири за НДСВ* (Седем 2003/3); *В продължение на 15 години арсеникът на злополучното управление ни докара дотам, че да бъдем първенци по ниска раждаемост, висока смъртност и застаряло население в Европа* (Труд 2003/349).

Метафоризирането на нови единици от традиционните понятийни области, както и разширяването на кръга на тези области ясно показват, че въображението е абсолютно неограничено в търсенето на изходна област за сравнение [16, с. 34].

Разгледаните тук, както и останалите метафорични модели, изграждащи картината на света в съвременната българска публицистика, естествено заслужават по-подробен анализ. Изключителен интерес представлява и техният съпоставителен анализ с материал от други езици (например с други славянски или с други балкански). Такива изследвания биха допринесли за описанието на публицистичната метафора като част от голямата тема за метафората изобщо и нейното място в изграждането на картината на света.

Литература

1. **Метафора** в языке и тексте. — М., 1988. 2. **Теория** метафоры. — М., 1990. 3. **Скляревская Г.Н.** Метафора в системе языка. — СПб., 2004. 4. **Москвин В.П.** Русская метафора. Очерк семиотической теории. — М., 2006. 5. **Арутюнова Н.Д.** Язык и мир человека. — М., 1999. 6. **Телия В. Н.** Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. — М., 1988. — С. 173–204. 7. **Опарина О.П.** Исследование метафоры в последней трети XX в. // Лингвистические исследования в конце XX в. — М., 2000. — С. 186–205. 8. **Паси И.** Метафората // Избрани произведения. — София, 2003. — Т. 6. — С. 515–656. 9. **Солганик Г.Я.** О специфике газетно-публицистической метафоры (и метафоризации)// Слово и контекст. — М., 2002. — С. 68–79. 10. **Чудинов А.П.** Россия в метафорическом зеркале. Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2001). — Екатеринбург, 2001. — www.portalus.ru. 11. **Ермакова О.П.** Семантические процессы в лексике // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). — М., 1996. — С. 32–65. 12. **Баранов А. Н., Караулов Ю.Н.** Словарь русских политических метафор. — М., 1994. 13. **Цонева Л.** Езиковата игра в съвременната публицистика. — Велико Търново, 2000, 2002. 14. **Цонева Л.** Газетная метафора и картина мира // Styl i kultura. — Opole, 2006. — С. 259–281. 15. **Хьюзинха Й.** Homo ludens (Изследване на игровия елемент в културата). — София, 1982. 16. **Петрова А.** Езиковата метафора и балканската картина на света. — Велико Търново, 2003.

В работе анализируется метафора в болгарской публицистике. В ней рассматриваются основные метафорические модели и особенности метафорического переноса в них. Анализ публицистической метафоры позволяет выявить особенности болгарской картины мира в публицистике.

Ключевые слова: метафора, публицистическая метафора, метафорическая модель, метафорический перенос, картина мира.

У статті подається аналіз метафори у болгарській публіцистиці. Також розглядаються основні метафоричні моделі та особливості метафоричного переносу в них. Аналіз публіцистичної метафори дозволяє виявити особливості болгарської картини світу в публіцистиці.

Ключові слова: метафора, публіцистична метафора, метафорична модель, метафоричний перенос, картина світу.

The paper analyses metaphor in Bulgarian journalistic discourse, discusses major thematic groups of metaphors and specific features of metaphoric transfer. The analysis of journalistic metaphors enables is to find specific features in the metaphoric picture of the world of Bulgarians.

Key words: metaphor, journalistic metaphor, metaphoric transfer, thematic groups, picture of the world.

РОЗДІЛ II

НАЦІОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНА ТА ЕТНОПСИХОЛОГІЧНА СВОЄРІДНІСТЬ СЛОВ'ЯНСЬКОЇ ЦИВІЛІЗАЦІЇ

УДК 811.112.2'373.45

Е. М. Какзанова

ПРЕДСТАВИТЕЛИ СЛАВЯНСКИХ СТРАН В НЕМЕЦКИХ МАТЕМАТИЧЕСКИХ ТЕРМИНАХ-ЭПОНИМАХ

В настоящее время значение математики чрезвычайно возросло. В математике возникают и формируются новые научные направления, новые большие области исследования, например, такие как теория информации, современная вычислительная математика, теория автоматического регулирования и другие. Математика стала применяться там, где не применялась раньше – в экономике, в лингвистике, в биологии. Например, в немецком биологическом журнале «Biologische Rundschau» за 1988 год нам встретилась статья под названием «Mathematische Bearbeitung von Messwerten biologischer funktional-stochastischer Zusammenhänge» [1]. За год до этого целый номер научного журнала по археологии был посвящен математическим проблемам в этой науке с такими статьями, как «Mathematische und statistische Beiträge zur Auswertung und Dokumentation archäologischer Funde», «Die Anwendung mathematischer Methoden in der Archäologie», «Kolmogorov-Smirnov-versus Chi-Quadrat-Test (Beispiele aus der Archäologie)», «Zur Bedeutung und Anwendung mathematisch-statistischer Verfahren in der Archäozoologie» «Statistik bei der radiometrischen Altersbestimmung mit Hilfe der C-14 Methode», «Gedanken und Materialien zur Frühgeschichte der Mathematik in Ägypten» [2]. В монографии Й. Хоффмана по психологии (Hoffman 1993) есть ссылки на деятельность таких математиков, как Клод Эшвуд Шеннон, Алан Матисон Тьюринг и Джон фон Нейман [3]. Все это явилось причиной нашего обращения к научным математическим текстам, как основному объекту исследования. Материалом для анализа послужили монографии классиков немецкой математической науки,

монографии современных авторов, а также научные статьи из математических журналов с 1969 по 2006 годы.

Анализ показал, что абсолютно в каждом немецком математическом научном тексте, будь то статья, монография или диссертация, встречается большое количество терминов с ономастическим компонентом, или терминов-эпонимов. Эпоним в нашем исследовании – это термин, который образуется в результате слияния имени собственного с любым математическим понятием. Имена собственные представлены почти исключительно антропонимами, а именно фамилиями лиц, открывших те ли иные математические явления. Для специалиста-математика термины с именами собственными информативны. Однако из-за превращения математики в разросшуюся макросистему возможны случаи непонимания специалистами отдельных терминов узких математических направлений, когда имя собственное не может служить расшифровкой понятия [4, с. 97]. Е. А. Лобач совершенно справедливо замечает, что в немецких математических терминах с именами собственными наблюдается минимальное отклонение от оригинала, что приводит к трудностям орфографического и фонетического характера [4, с. 99]. Отсутствие таких терминов в терминологических словарях и тезаурусах существенно осложняет пользование математической литературой на иностранных языках, затрудняет обучение студентов и приводит к переводческим искажениям. Учитывая универсальность появления в научных математических текстах терминов с ономастическим компонентом и неразработанность критерия введения данных терминов в существующие математические словари, мы решили составить новый немецко-русский словарь математических терминов с ономастическим компонентом на основании проанализированной научной математической литературы на немецком языке.

Имена собственные в терминах-эпонимах имеют энциклопедическое значение. Составленный нами новый немецко-русский словарь математических терминов по своему назначению является переводным (двуязычным) и энциклопедическим. Если речь идет о российском (советском) ученом, то заголовочная единица написана латинскими буквами в том виде, в каком она встретилась в соответствующем источнике – *Tschebotarjow* (*Čebotarew*), *Nikolai Grigorjewitsch*. В правой части заголовочная единица транслитерируется (*Чеботарев, Николай Григорьевич*) и также содержит энциклопедические сведения, состоящие из основных и факультативных компонентов: года рождения и смерти ученого, страны происхождения, рода занятий и иногда дополнительной информации о данном ученом, представляющей интерес по мнению автора словаря. В наш словарь вошли ученые из 35 стран, в частности, из четырех славянских – России, Польши, Украины и Чехии, и из уже несуществующей славянской страны Чехословакии. Наиболее часто немецкие математики употребляют термины-эпонимы, в

состав которых входят фамилии американских ученых (разного происхождения), итальянских, немецких и французских. Что касается фамилий российских ученых, то чаще всего встречаются в немецких математических терминах-эпонимах фамилии математиков С. Л. Соболева и Л. С. Понтрягина. В термине «конфигурация Быдзовского» встречается фамилия математика Богумила Быдзовского, единственного представителя Чехословакии согласно нашему исследованию. Термины «локально нильпотентный радикал Левицкого» и «неравенство Левицкого» увековечивают фамилию украинского советского математика Володымира Левицки. В большом количестве математических терминов-эпонимов встречаются имена чешских математиков – Карела Заградника («циссоида Заградника»), Эдуарда Чеха («гомологии Чеха», «когомологии Чеха», «ось Чеха», «коцепь Чеха»), Карела Рыжика («функция Рыжика»), Карела Петра («теорема Петра»), Бернарда Плацидуса Йоганна Непомука Больцано («условие Больцано-Коши», «условие Больцано-Вейерштрасса», «теорема Больцано-Вейерштрасса»). Более широко представлена польская математическая школа – двадцатью встречающимися в терминах-эпонимах фамилиями, среди них такой известной как Банах. Количество терминоединиц, в которые входит фамилия Банах, составляет 37. Российская советская математическая школа составляет 10% от общего числа фамилий, встречающихся в математических терминах-эпонимах. Самое обширное терминологическое гнездо образует фамилия Markov – 62, за ним следуют Kolmogoroff – 40, Tschebyschew – 38, Ljapunov – 22. Терминологические гнезда с остальными фамилиями содержат меньше 20 терминоединиц.

Проще всего предположить, что авторами математических терминов-эпонимов являются математики. Но проведенное нами исследование выявило не такую простую картину. Дело в том, что многие из вошедших в исследование математиков, помимо того, что они были математиками, являлись также физиками (как *Александр Александрович Андронов* и *Николай Николаевич Боголюбов*), астрономами (как *Николай Коперник*), экономистами (как *Леонид Витальевич Канторович*). *Бернард Плацидус Йоганн Непомук Больцано* был не только математиком, но философом и теологом. *Тадеуш Банахович* был не только математиком, но еще астрономом и геодезистом. Российский геометр *Евграф Степанович Федоров* был также кристаллографом, минерологом и геологом, а *Александр Данилович Александров* был не только математиком, но и физиком, философом и даже альпинистом.

По своей структуре описываемые в настоящей статье термины-эпонимы представлены, в основном, терминологическими словосочетаниями, а также сложными словами («Banach-Alaoglu-Polaretheorem»). Е. А. Лобач совершенно справедливо утверждает, что термины с несколькими именами собственными чаще всего

информируют не о сотрудничестве великих ученых, а показывают последующее развитие математического понятия, преемственность теоретической мысли или открытие, сделанное одновременно независимо друг от друга несколькими учеными, часто даже разных национальностей [4, с. 100].

С рассматриваемыми в настоящей статье фамилиями можно выделить следующие модели терминологических словосочетаний, некоторые из которых имеют свои разновидности:

I. Существительное (простое или сложное) + предлог (von/nach) + фамилия ученого: *Satz von Ado*.

Разновидности этой модели:

– существительное + предлог + инициалы + фамилия ученого: *Verheftungssatz von A.D. Aleksandrow*;

– количественное числительное (одно или несколько) + существительное + предлог + антропоним: *Null-Eins-Gesetz von Kolmogorov*;

– существительное + предлог + антропоним (один или несколько) + предложная группа: *Satz von Arzelà-Alexandroff über quasigleichmäßige Konvergenz*;

– существительное + предлог + три фамилии трёх ученых: *Satz von Denjoy-Young-Saks, Satz von Kolmogorov-Seliverstov-Plesner*.

II. Образованное от антропонима прилагательное + существительное (простое или сложное, в единственном или множественном числе): *Goluzinsches Funktional*.

Разновидности этой модели:

– образованное от антропонима прилагательное + обычное прилагательное + существительное: *Alexandroffsche bikompakte Erweiterung*;

– комбинированное прилагательное из двух антропонимов + существительное: *Abel-Gontscharowsche Interpolationsreihe*;

– образованное от фамилии одного ученого прилагательное + фамилия другого ученого + существительное: *Banachsche Lie-Gruppe*;

– комбинированное прилагательное из двух антропонимов + существительное 1 + союз + существительное 2: *Alexandroff-Čechsche Homologien und Kohomologien*.

Н. В. Новинская считает, что модель последнего типа интересна своей необычностью, уникальностью способа терминообразования, поскольку в ее составе присутствует союзный элемент [5, с. 13].

III. Образованное от антропонима прилагательное + существительное + генитивная группа из артикля, количественного числительного 1, союза, количественного числительного 2 и существительного: *Kolmogorovsche Fassung des Null-oder-Eins-Gesetzes*.

IV. Существительное + предложная группа из прилагательного от имени собственного и существительного: *Kompaktifizierung im Alexandroffschen Sinne*.

Е. А. Лобач отмечает во всех математических терминах явление метонимии – перенос имени собственного ученых-математиков на их открытия. Такие термины увековечивают имя ученого, становятся своеобразными именными памятниками [4, с. 96].

Литература

1. **Jürgen Peil, Siegfried Schmerling.** Mathematische Bearbeitung von Messwerten biologischer funktional-stochastischer Zusammenhänge // Biologische Rundschau, 1988. — Nr. 26. — S. 317–330. 2. **EAZ**, 1987. — Nr. 28. 3. **Hoffmann Joachim.** Vorhersage und Erkenntnis. — Göttingen/Bern/Toronto/Seattle: Hogrefe-Verlag für Psychologie, 1993. — 327 S. 4. **Лобач Е.А.** Имя собственное в немецкой математической терминологии // Теория и практика научно-технической лексикографии. Сборник статей. — М.: Русский язык, 1988. — С. 95–101. 5. **Новинская Н. В.** Роль имен собственных в формировании современной терминологии // НТТ. — М.: ВНИИТИ, 1987. — № 8. — С. 10–13.

Статья посвящена исследованию терминов-эпонимов в немецких математических текстах. Участвующие в образовании математических терминов-эпонимов антропонимы ограничены в настоящей статье славянскими странами. Описываются терминологические гнезда с фамилиями ученых. Анализируются модели терминов-эпонимов. Сообщается о подготовке нового немецко-русского математического энциклопедического словаря.

Ключевые слова: математика, термины-эпонимы, славянские страны, энциклопедический словарь, имя собственное, антропонимы

Стаття присвячена дослідженню термінів-епонімів німецьких математичних текстів. Антропоніми, що створюють математичні терміни-епоніми, обмежені в цій статті слов'янськими країнами. Описані термінологічні гнізда з прізвищами учених. Дається аналіз моделей термінів-епонімів. Повідомляється про підготовку нового німецько-російського математичного енциклопедичного словника.

Ключові слова: математика, терміни-епоніми, слов'янські країни, енциклопедичний словник, ім'я власне, антропоніми.

The article deals with the investigation of eponym terms in German mathematic texts. The anthroponyms that form mathematic eponym terms, are limited in the article by Slavic countries. The families of scientists surnames were described. The analysis of eponym terms' models was given. There was informed about the preparation of a new German-Russian Mathematic Encyclopedia.

Key words: mathematic, eponym terms, Slavic countries, encyclopedic dictionary, proper names, anthroponyms.

УДК 811.161.1'282.2

Е. А. Кобзина

**ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ПРОЗВИЩ
В РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ
(НА МАТЕРИАЛЕ ЛИПЕЦКИХ ГОВОРОВ)**

В последнее время особое внимание уделяется прозвищам. Очевиден тот факт, что прозвища являются вторым именем, происхождение их мотивированно, а сами они представляют собой систему, не менее сложную, чем система имен. В отличие от последних, прозвища зачастую прямо и непосредственно характеризуют человека, при этом отличительно и то, что прозвище не оглашается прямо в отличие от имен, отчеств и фамилий, относящихся к официальной сфере употребления и не связанных с образными и эмоциональными переживаниями. Прозвища же отягощены различными коннотациями, поэтому они особенно интересны и, безусловно, нуждаются в подробном изучении.

Особенный интерес к проблеме изучения прозвищ возникает в 50–70-е годы. В это время выходят одно за другим работы, в которых исследуются прозвища и где материал уже не просто описан, но и подвергается анализу. Все эти исследования можно разделить на две группы. К первой отнесем те работы, в которых исследователи пытаются определить само понятие «прозвище», ко второй – те, в которых авторы касаются истории происхождения прозвищ. Хотя следует отметить, что разграничение это не совсем четкое. Самым древним термином следует считать имя, которое до XV века употреблялось в самом широком значении. Человека, как и многие предметы, могли именовать, нарекать, называть, прозывать. Таким образом, у слова «имя» была «богатая синонимическая замена» [1, с. 24]. В 18-19 веках происходит определенное дифференцирование при именовании. В. И. Даль отмечал: «Имя предмета – название; Имя животного – кличка; Имя человека – собственное имя, ангельское, крестное и рекло, которое встарь не оглашалось» [2, с. 43]. Словарь Ушакова [3, с. 983] дает следующее определение: «Прозвище – название, данное человеку помимо его имени и содержащее в себе указание на какую-нибудь черту характера,

наружности, деятельности данного лица». Словарь синонимов [4, с. 447]: «Прозвище – название, указывающее на какую-либо черту, особенность и данное кому-либо в шутку, в насмешку».

Противопоставление канонических личных имен русским мирским постепенно привело к сдвигу значения в термине прозвище. До XVII века термин *прозвище* приравнивался термину *личное имя*, обозначая лишь русские имена. С XVIII века прозвище больше употребляется в значении дополнительного, второстепенного именованного лица, часто данного в насмешку.

Исследователи пока не пришли к единому мнению, что же понимать под термином прозвище. Г. О. Винокур определил прозвище как термин, которому «не свойственна интеллектуальная чистота» [5], то есть отрешенность от образных и эмоциональных переживаний, «обычно сопутствующих обиходному словоупотреблению». Е. Ф. Данилина любые образования, которые связаны каким-либо образом с личным именем (то есть с именем церковным), считает вариантом самого имени. По ее мнению, образования типа Марго от Маргарита – формы первичного имени (церковного, канонического). З. П. Никулина относит образования типа Сорока от Сорокин к прозвищам, но полагает, что в семантическом плане они, в общем-то, не мотивированы [6, с. 70].

В. К. Чичагов дает следующее определение прозвищам – это «слова, даваемые людям в разные периоды их жизни по тому или иному свойству или качеству этих людей и под которыми они известны обычно в определенном, часто довольно замкнутом кругу общества» [7, с. 17–18]. Большинство ученых сближает то, что все они к бесспорным прозвищам причисляют негативную окраску, то есть относят к прозвищам шутливую, насмешливую характеристику именуемого лица, все остальные наречения не могут быть однозначны в причислении их к прозвищам. В качестве определения прозвищ многие исследователи используют определения из словарей. Однако Н. Н. Ушаков отмечает, что авторы, касаясь проблемы современных прозвищ, не всегда учитывают тот факт, что словари ориентируются в большинстве своем на художественную литературу, в которой прозвища, в первую очередь, являются насмешливой характеристикой персонажей [8, с. 160].

Подобные разногласия среди исследователей возникают не только в вопросе, что именно понимать под прозвищем, но и в вопросах, касающихся истории их происхождения и функционирования.

Лексема «прозвище», естественно, еще не терминологизированная, впервые засвидетельствована в памятниках письменности XII века в значении «название»: «Ц (е) рк(о)вь... в имя с(вя)т(о)го Спаса Преображения Новгороде на горе, а прозвище Нередице» [9]. Слово было малоупотребительным до XVI века, однако позже его активность резко возрастает. Судя по материалам источников XVI–XVII веков, периода самой высокой частотности бытования слова, расширяется и его семантическая структура.

Помимо старого значения «название», в памятниках деловой письменности (в книжно-славянских текстах прозвище имеет единичные фиксации) появляется ряд новых:

- 1) «имя лица»: «Девушка Марыца прозвище Люба» (1611 г.) [9];
- 2) «именование в целом».

Так, в Новгородских кабальных книгах под 1603 годом записан Истомка Мороз, который далее именуется как «прозвище Истомка Негодяев сын» [10]

При изучении прозвищ, особенно русских, неизбежно возникает проблема соотношения и взаимодействия их с собственными именами. Это связано прежде всего с особенностями становления и развития прозвища и имени собственного в русской антропонимической системе.

Прозвища являются вторым, неофициальным именем, что отмечается почти всеми исследователями, и обладают определенным набором функций. Оппозиция *официальное–неофициальное*, в общем-то, является оппозицией *имя–прозвище*. Официальное имя – то, которое традиционно сложилось для фиксации в письменной форме. То есть сейчас официальное имя есть имя паспортное – то, которое зафиксировано в официальном документе в орфографии, соответствующей норме написания.

А. В. Суперанская в своем итоговом труде определяет специфику собственных имен следующим образом: «Более тесная связь имени собственного с объектом..., в то время как связь нарицательных с предметом осуществляется через понятие» [11, с. 174]. Но А. В. Суперанская понимает термин «личное имя» широко, как «индивидуальное именование субъекта», т.е. не выделяет из данной группы прозвища, т. к. «разница между ними не столько лингвистическая, сколь юридическая, связанная с людьми и традициями того или иного народа, его законодательством в области ономастологии» [11, с. 24].

Другие исследователи, среди которых следует назвать В. К. Чичагова, полагают, что все народные имена не имели официального статуса и не фиксировались в документах о рождении. Данные народные имена являются прозвищными по своей природе и мотивировке, следовательно, они являются вторичными по отношению к церковному имени.

Кроме того, каноническое или календарное имя у крестьянских детей оставалось лишь в церковных записях, а в семье ребенку давали имя совершенно обычное. Например, *Первой* (первенец). Подобное изучение прозвищ и мен ведется в диахроническом аспекте.

А. М. Селищев [12] выделяет 19 мотивировок, благодаря которым могли возникнуть прозвища, из которых потом возникли и фамилии. Мы подобрали для иллюстрации прозвища, функционирующие на территории Липецкой области:

1) обстоятельство появления нового члена семьи, например, *Найден* (ребенок был найден или его подкинули), *Неждаха*;

2) профилактические (т. е. одна из функций прозвищ – заговорная. То есть имя как оберег), например, *Бессон*, *Горе*, *Домовой*, *Ведьма*, *Черт*;

3) семейные отношения (порядок и время рождения), например, *Первой*, *Сирота*, *Одинец*, *Вторышка*;

4) внешний вид (физические недостатки), например, *Беззуб*, *Худяк*, *Безрукий*, *Беспятый*, *Безнос*, *Волосатой*;

5) свойства, например, *Балуи*, *Буян*, *Умной*, *Блудило*, *Важный*, *Глухой*;

6) социальное и экономическое положение, например, *Селянин*, *Мещанин*, *Безродной*, *Граф*;

7) профессия, занятия, должность, например, *Дьяк*, *Митрополит*, *Боцман*, *Бригадир*, *Водолаз*, *Капитан*, *Кузнец*;

8) пришельцы, место происхождения, например, *Несвой*, *Чужой*;

9) церковные отношения и элементы, например, *Аминь*, *Божник*;

10) насмешливые клички, например, *Беспортошник*, *Великие Лапти*;

11) животные, например, *Баран*, *Боров*, *Бобр*, *Барсук*, *Жираф*, *Заяц*, *Зебра*, *Ишак*, *Бегемот*, *Белка*, *Медведь*, *Овца*;

12) птицы, например, *Беркут*, *Индюк*, *Жаворонок*, *Гусь*, *Гагара*, *Воробей*, *Грач*;

13) насекомые, пресмыкающиеся, например, *Блоха*, *Клещ*, *Муха*, *Жаба*, *Жук*, *Змея*, *Крыса*, *Сверчок*;

14) рыбы, например, *Ерш*, *Окунь*, *Щука*;

15) растения, например, *Арбуз*, *Береза*, *Дыня*, *Хрен*, *Ива*;

16) пища. Например, *Блин*, *Борщ*, *Брага*, *Бублик*;

17) имена и прозвища с ориентацией на предмет, например, *Базар*, *Атлас*, *Деготь*, *Дубина*, *Кнопка*, *Кукла*, *Бочка*, *Варежка*, *Кувшин*, *Мешок*, *Плеть*;

18) нерусские имена, например, *Алей*, *Алам*;

19) название народа, например, *Гречанин*, *Немка*, *Болгар*.

Классификация А. М. Селищева активно использовалась в работах более позднего периода, посвященных той же проблеме. Именно от этой работы часто отталкиваются исследователи, представляя свои группы прозвищ. В основе классификации – материал, взятый в основном из древнерусских рукописей, договорных грамот. В. К. Чичагов среди прозвищ различает следующие [13, с. 17–18]:

1) индивидуальные;

2) групповые;

3) профессиональные;

4) возрастные;

5) территориальные;

6) социально-групповые.

В большинстве классификаций обязательно будут представлены индивидуальные и групповые прозвища, в частности – территориальные. При этом очень много работ посвящено классификации прозвищ на материале какой-нибудь одной территории: В. И. Тагунова [14], И. Ю. Карташева [15], И. К. Линдеман [16], В. В. Беланжес [17], И. Ю. Чайкина [18] и др.

Большинство работ, описывающих прозвищный материал, посвящены в основном индивидуальным прозвищам или оценочно-характеристическим. Как замечает З. П. Никулина, «это основная группа в прозвищном ономастике любого говора» [19, с. 111]. С. Г. Крыжановская [20, с. 100] отмечала, что «прозвища связаны с индивидуальными качествами людей». Существует очень много признаков (индивидуальных качеств), по которым человека прозывают, и исследователи по-разному классифицируют эти признаки. Однако основными, выделяемыми большинством исследователей, являются: внешность, род деятельности, прозвища, образованные от имени или фамилии, место жительства.

При формировании имени и отчества в XVI–XVIII веках использовалась определенная модель. Например, Григорий Никитин сын Данилова: Григорий – личное имя, Никитин – патроним, то есть имянарекание отца. Причём В. К. Чичагов отмечает, что отчество или патроним исторически был двух типов:

1) собственно отчество, когда в патронимическом компоненте участвует церковное имя отца, например, *Данилов сын*.

2) прозвищные отчества и прозвищные патронимы, которые состояли из прозвищных имен, например, *Ничай Юрятин сын Новикова* [7, с. 17–18]; сын Данилова – имя бабушки – дедовичество.

При этом если детей было несколько, то каждый ребенок не фиксировался, но использовалась обобщающая развернутая именная формула, которая могла состоять из нескольких ономастических единиц.

Патронимы на -ов-, -ин- были самыми типовыми, их форманты приобретают функцию пассивного значения и становятся со временем отчеством. Из дедовичества вышли современные фамилии любого происхождения [7].

В свою очередь А. М. Селищев отмечает, что происхождение фамилий было различно, например, образование ранних фамилий зависело от принадлежности феодала к своему роду. Среди таких фамилий были и те, которые определяли территориальную принадлежность. Кроме того, были и фамилии, которые определяли определенную социальную среду: так, русские фамилии на -ский- возникали чаще в церковной среде [12]. Таким образом, по фамилии, имени и отчеству можно было определить, к какой территории или даже к какому социальному классу принадлежит человек.

Исследователей в основном интересовал вопрос истории происхождения прозвищ, который изучался в лингвистическом плане:

прозвище рассматривалось как словоформа – лексема в некоторой грамматической форме [21, с. 470], то есть прозвище – слово в грамматическом понимании, которое образовывалось разными способами, например, с помощью суффиксов. В историческом плане изучались вопросы о происхождении прозвища как второго некалендарного, неканонического имени, его связь с фамилией и т.д. Однако все эти исследования отвечают на вопрос, «откуда» взялись прозвища, какова причина их происхождения. Нас же интересуют функции прозвищ, то есть вопросы «зачем» и «почему» в разговорной речи используются именно прозвища. Такое исследование требует несколько другого подхода к их рассмотрению. В частности, необходимо выделить принципиально разные контексты употребления прозвищ или других именовании человека: в одном случае прозвище или имя используется в качестве прямого обращения к прозываемому, в другом – именуемый выступает в качестве объекта.

Литература

1. **Зинин С.И.** Из истории антропонимической терминологии // Антропонимика. – М. 1970.
2. **Даль В.И.** Толковый словарь живого великорусского языка. – СПб., 1903–1909. – Т. 2.
3. **Ушаков Д.Н.** Толковый словарь русского языка. – М., 1939. – Т. 3.
4. **Словарь синонимов** / Под ред. А. П. Евгеньевой. – М. 1975.
5. **Винокур Г.О.** О некоторых явлениях словообразования в рус. терминологии // Тр. Моск. ин-та истории, филос. и лит. – М., 1939. – Вып. 5. – С. 3.
6. **Никулина З.П.** К вопросу о классификации индивидуальных прозвищ // Вопр. лексики и грамматики рус. яз. – Вып. 1. – Кемерово 1970.
7. **Чичагов В.К.** Из истории русских имен, отчеств и фамилий. – М., 1959.
8. **Ушаков Н.Н.** Прозвища и личные неофициальные имена (к вопросу о границах прозвища) // Имя нарицательное и собственное. – М., 1978.
9. **Готье Ю.В.** Памятники обороны Смоленска 1609–1611 гг. – М., 1912.
10. **Новгородские** кабальные книги. – М.–Л., 1938.
11. **Суперанская А.В.** Общая теория имени собственного. – М.: Наука, 1973. – С. 174.
12. **Селищев А.М.** Происхождение русских фамилий, имен, прозвищ // Уч. Зап. МГУ. – Вып. 128. – М., 1948.
13. **Чичагов В.К.** Из истории русских имен, отчеств и фамилий. – М., 1959. – С. 17–18.
14. **Тагунова В.И.** Прозвищные имена в Муромских памятниках письменности 17–18 вв. // Современные прозвища в диалектной речи Муромской земли. – Рязань, 1967.
15. **Карташева И.Ю.** Прозвища в истории рус. фольклористике (на материале Урала) // Региональные аспекты изучения лит. и фольклора. – Челябинск, 1984.
16. **Линдеман И.К.** Поговорочные прозвища жителей Тверской губернии // Твер. о-во любителей истории, археологии и естествознания. – Тверь, 1903. – Вып. 1.
17. **Беланжес В.В.** Коллективные прозвища и этнические эпитеты в жанрах рус. фольклора

Урала // П. И. Чайковский и Урал. – Ижевск, 1983. **18. Чайкина И.Ю.** О традиционных прозвищах в Белозерье // Филол. науки. – 1936. – № 3. **19. Никулина З.П.** Региональные особенности оценочно-характеристических прозвищ // Лексика и фразеология территорий позднего заселения. – Кемерово, 1985. **20. Крыжановская С.Г.** Баба-Яга или ... фантомас (о прозвищах) // Этническая ономастика. – М., 1984. **21. Лингвистический** энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцевой. – М., 2002.

В статье на материале липецких говоров рассматриваются вопросы происхождения и функционирования прозвищ в разговорной речи.

Ключевые слова: прозвище, второе (неофициальное) имя, каноническое (календарное) имя, мотивация, патроним.

У статті на матеріалі липецьких говорів розглядаються питання походження й функціонування прізвиськ у мові.

Ключові слова: прізвисько, друге (неофіційне) ім'я, канонічне ім'я, мотивація, патронім.

The article deals with the investigation of nick-names appearing and functioning in oral speech (on basis of Lipetsk dialects).

Key words: nick-name, second name, canonic (calendar) name, motivation, patronym.

УДК 811.161.1

О. В. Красовская

О КОНВЕНЦИЯХ ОБЩЕНИЯ В СУДЕБНОЙ КУЛЬТУРЕ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

Общеизвестно, что процесс общения регулируется целым рядом речевых конвенций (см. обзор работ о конвенциях общения в статье: [1]). Лингвистов издавна интересует вопрос о правилах речевого поведения. Наиболее активно формулируются они в исследованиях по прагматике и теории речевых актов.

Выявление речевых конвенций важно для построения теории общения и нужд коммуникативной практики.

Очевидно, что в каждой культуре формируются свои представления о социально уместном речевом поведении.

Следовательно, сколько-нибудь полное описание речевых конвенций может быть получено путем соответствующего анализа конкретных культурных подсистем.

Рассмотрим, какие конвенции общения действуют в судебной культуре. Данная работа возникла из наблюдений автора за судебной коммуникацией – общением, которое протекает в ходе судебного разбирательства по гражданским делам. Статья основана на анализе Гражданского процессуального кодекса (ГПК) России (РК) [2], Украины (УК) [3] и Беларуси (БК) [4] и записях судебных процессов в украинских судах.

В рамках судебного разбирательства по гражданским делам протекает специализированный, «упорядоченный» вид общения. Он регламентируется коммуникативными правилами, которые мы объединили в следующие группы:

1. «Общие» коммуникативные правила, не «привязанные» к условиям конкретной культуры, – такие, как **принцип кооперации** П. Грайса [5] и **принцип вежливости** Э. Лича [6].

Анализ гражданско-процессуального законодательства восточных славян показывает, что выделенные П. Грайсом закономерности речевого общения находят законодательное воплощение.

С **постулатом информативности**, который требует «дозировать» передаваемую информацию, связана, например, такая процессуальная возможность, как дополнительные объяснения по делу (ст. 189 РК; ст. 192 УК). Для преодоления фактической неполноты судебного разбирательства законодателем предусмотрен возврат к уже «пройденным» стадиям судебного процесса: повторный допрос свидетелей (ст. 177 РК; ст. 180 УК), назначение дополнительной или повторной экспертизы (ст.ст. 87, 187 РК; ст. 150 УК; ст. 227 БК), возобновление судебного разбирательства после его окончания (ст. 191 РК; ст.ст. 194, 195 УК; ст. 292 БК). В дополнение к этому в законе может оговариваться необходимость оценки судом достаточности доказательств в деле (ст.ст. 67, 152 РК; ст. 241 БК).

Постулат релевантности, требующий говорить по существу дела, обнаруживает себя в процессуальном законе как одно из основных правил сбора доказательств – правило их относимости. В соответствии с ним суд принимает к рассмотрению только те доказательства, которые имеют значение для разрешения дела – подтверждения иска или возражений против него (ст. 59 РК; ст. 58 УК; ст. 180 БК).

Чрезвычайно важным для судебного разбирательства является **постулат истинности**. Его соблюдение в законе обеспечивается рядом мер – в частности, обязательным предупреждением (под расписку!) об уголовной ответственности переводчика, свидетеля и эксперта – за заведомо неправильный перевод (ст. 162 РК; ст. 164 УК; ст. 277 БК), ложные показания (ст. 176 РК; ст. 180 УК; ст. 187 БК) и заключение

(ст. 171 РК; ст. 171 УК; ст. 280 БК). (В украинском кодексе ответственность названных процессуальных участников стала акцентироваться дополнительным процедурным элементом – присягой.)

Особо подчеркнем, что естественным для судебной практики является запрашивание основания истинности предъявленных суду пояснений и др., недопустимое в иных социально-коммуникативных сферах. Ср., например, следующие вопросы судей к свидетелям: *А почему Вы обратили внимание на это обстоятельство?; Вы когда говорили правду – сегодня или в прошлый раз?*

В меньшей мере законодатель заботится о соблюдении при судоговорении **постулата ясности**. Однако в ходе судебного разбирательства происходит неизбежное столкновение обыденного и профессионального уровней судебной культуры. Судьям, по нашим наблюдениям, нередко приходится осуществлять «перевод» существенных для дела высказываний, не пригодных к записи в протокол ввиду их неполноты, нечеткости и т.п., в письменно-протокольную форму. В судебской практике выработались специальные речевые приемы, направленные на проверку точности услышанного. В частности, это уточняющие вопросы, которые содержат в себе переформулированные высказывания участвующих в деле лиц. Приведу только один пример из многих возможных (С. – судья, И. – истец, О. – ответчик):

(Дело слушается в апелляционном суде.)

С. (обращаясь к ответчику) Доводы Ваши послушаем.

О. Я буду опираться...

С. (прерывая) Почему Вы считаете, что решение суда [районного] неправильно?

О. Никто не видел, что ее [И.] ударила моя корова.

С. То есть Вы считаете, что суд не исследовал, ударила ли ее корова?

О. Совершенно верно.

Сложившуюся речевую практику учел законодатель Украины, введя в новый ГПК положение, уделяющее внимание характеру обратной связи судьи с процессуальными участниками. В ее основе лежит техника выяснения: «Если стороны и другие лица, участвующие в деле, выражаются нечетко или из их слов нельзя сделать вывод о том, признают они обстоятельства или возражают против них, суд может потребовать от этих лиц конкретного ответа - "да" или "нет"» (ст. 176); относительно пояснений свидетелей, экспертов и специалистов в законе сформулировано, что суд «вправе выяснять суть» их ответов (ст. 180, 189, 190).

Другим наиболее подробно описанным принципом, которому должно подчиняться речевое общение, является **принцип вежливости**,

разработанный Дж. Личем. В отличие от постулатов принципа кооперации, этические правила практически законодательно не закреплены. Лишь постулат такта отчетливо присутствует в анализируемых нами кодексах – в виде правовых норм о закрытых судебных заседаниях и порядке оглашения переписки и телеграфных сообщений (ст. 10, 182 РК; ст. 6, 186 УК; ст. 17, 198 БК), которые направлены на «охрану личной территории» процессуальных участников.

Вежливость тесно взаимодействует с речевым этикетом. Элементы судебного этикета живут в процессуальной традиции. Часть из них со временем также получает законодательное признание. Так, в новом ГПК России, Украины и Беларуси зафиксированы целесообразные, с точки зрения законодателя, обращения к суду. Это вокативы: *Уважаемый суд!* в российском кодексе (ст. 158), *Ваша честь* в украинском (ст. 161) и *Высокий суд* в белорусском (ст. 271).

2. «Специальные» коммуникативные правила, порожденные особенностями функционирования судебного института. К ним относятся **нормы организации судебного диалога**, который лишен многих признаков естественной диалогической речи [7], а именно:

1) правило мены коммуникативных ролей: процессуальным законом устанавливается порядок заслушивания объяснений по делу, допроса свидетелей, эксперта, специалиста, выступлений процессуальных участников в прениях (ст. 174, 177, 187, 188, 190 РК; ст. 176, 180, 189, 190, 193 УК; ст. 286, 198, 277, 290 БК);

2) правило оформления речевых реакций: например, уместной реакцией сторон на объяснения процессуального оппонента, показания свидетеля, заключение эксперта, консультацию специалиста признается только вопрос (ст. 174, 177, 187, 188 РК; ст. 176, 180, 189, 190 УК; ст. 286, 198, 277 БК);

3) правило использования ритуально-процедурных действий – например, ритуала обсуждения всех просьб (ходатайств), с которыми процессуальные участники обращаются к суду (ст. 166 РК; ст. 168 УК; ст. 281 БК), в том числе таких, которые «обсуждению не подлежат» вследствие их законности, обоснованности и т.п.

Значимыми для судебного разбирательства являются **жанровые конвенции** – представления о содержании и форме судебно-процессуальных жанров. Законодательные требования к ним изложены с разной степенью конкретности: для одних жанров устанавливается тематическая специализация (например, для разъяснения участникам процесса их прав и обязанностей [ст. 165 РФ; ст. 167 УК; ст. 280 БК]); для других – только жанровый сценарий (так, допрос свидетеля начинается с предложения суда рассказать все, что ему лично известно по делу, после чего первым задает вопросы лицо, по заявлению которого вызван свидетель, а затем другие лица, участвующие в деле [ст. 177 РК; ст. 180 УК; ст. 188 БК]); для третьих – шаблонная структура (например,

доклад судьи должен перейти в микродиалог, в котором судья выясняет, «поддерживает ли истец свои требования, признает ли ответчик требования истца и не желают ли стороны закончить дело заключением мирового соглашения» [ст. 172 РК; ст. 173 УК; аналогичная норма содержится в ст. 285 БК]).

3. Нормы принуждения к выполнению правил первых двух групп. Функционирование любого социального института опирается на конвенции, однако суд – сфера, требующая максимально четкого исполнения конвенциональных норм. За их несоблюдение предусмотрены **санкции** – в виде предупреждения участников процесса, удаления из зала судебного заседания и даже штрафа (ст. 159 РК; ст. 91, 92 УК; ст. 168, 272 БК). Вот пример, в котором судья обещает применить по отношению к ответчику меры за несоблюдение «коммуникативного порядка» в судебном заседании: С. (обращаясь к О., постоянно перебивающему И.) *Я сейчас удалю Вас из зала. Вы этого добиваетесь?*

Итак, в судебной культуре восточных славян действуют:

1) «общие» коммуникативные правила, соблюдение которых требуется в любой социокультурной среде;

2) «специальные» коммуникативные правила, обусловленные задачами и условиями осуществления судебно-процессуальной деятельности и

3) социальные санкции. Речевые конвенции охватывают все уровни судебной коммуникации (речеактовый, жанровый и др.), определяя формы ролевого взаимодействия процессуальных участников.

Как справедливо отмечает М. В. Колтунова, «все эти конвенции взаимодействуют и образуют систему, что и является предпосылкой для регламентации, то есть закрепления результатов конвенционализации в институциональном общении» [8, с. 106]. Большинство конвенций судебного общения получает законодательное закрепление: наблюдения свидетельствуют о том, что судебная речевая практика постоянно обобщается, в связи с чем коммуникативно-правовые нормы дополняются и совершенствуются.

Однако коммуникативно-прагматический анализ гражданского процессуального регламента выявляет и некоторые недостатки в законодательной разработке коммуникативных норм, что – наряду с другими факторами – «обязывает» лингвистов заниматься рассматриваемой в статье проблемой.

Литература

1. Колтунова М.В. Конвенции как прагматический фактор диалогического общения // ВЯ. – 2004. - № 6. – С. 100–115.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации. – М., 2006.
3. Гражданский процессуальный кодекс Украины. – Харьков,

2005. **4. Гражданский** процессуальный кодекс республики Беларусь // [http:// www.pravo.kulichki.com](http://www.pravo.kulichki.com). **5. Грайс П.** Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике: Прагматика. – М., 1985. – Вып. 16. – С. 217–237. **6. Leech G.N.** Principles of pragmatics. London – N.Y., 1983. **7. Красовская О.В.** Судебный диалог как конвенциональная коммуникативная форма // ВЯ. – 2006. – № 5. – С. 92–105. **8. Колтунова М.В.** Там же.

На основе анализа Гражданских процессуальных кодексов России, Украины и Беларуси и записей судебных процессов по гражданским делам выделяются конвенции общения, характерные для судебной культуры.

Ключевые слова: речевая конвенция, судебная культура, принцип кооперации, принцип вежливости, правила диалогического взаимодействия, жанровая норма, санкция.

На основі аналізу Цивільних процесуальних кодексів Росії, України та Білорусі й записів судових процесів по цивільних справах виділяються конвенції мовлення, які є характерними для судової культури.

Ключові слова: мовленнєва конвенція, судова культура, принцип кооперації, принцип ввічливості, правила діалогічної взаємодії, жанрова норма, санкція.

On the basis of analysis of the Civil Trial Codes of Russia, Ukraine and Belarus' and records of legal processes by civil affairs there are distinguished the communication conventions, which are characteristic for the juridical culture.

Key words: speech convention, juridical culture, principle of co-operation, principle of politeness, rules of dialogue interaction, genre standard, sanctions.

УДК 811.161.1'373.7

Т. В. Крысенко

РУССКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ ГОВОРЕНИЯ

Актуальной проблемой современной лингвистической семантики является исследование функционирования языка в процессе коммуникации. Языковую систему можно рассматривать как механизм,

обеспечивающий передачу знаний в специфических условиях социального взаимодействия. Передаваясь от одного участника к другому, эти знания влияют на сам инструмент передачи – на естественный язык, фиксируя в нём в той или иной форме наивную картину мира.

Неоднородность, а временами противоположность интерпретаций в научных исследованиях по изучению фразеологических единиц (ФЕ) свидетельствует о сложности объекта изучения и проблематики его изучения. Единственным, бесспорным моментом является выделение способности ФЕ выражать прагматику языка, то есть это свидетельствует о наличии в их содержании прагматического значения. Существует несколько определений прагматического значения [1, с. 9; 2, с. 389–390; 3, с. 336; 4, с. 14–15; 5]. ФЕ, прагматическая ориентация которых выявляется уже в узусе, являются одним из важнейших способов для реализации определённой прагматической заданности текста. Под влиянием эмоционального контекста, реализующего не только мысль говорящего, но и психические переживания, в ФЕ, вместе с семами, которые выявились в системном контексте, зафиксированном в узусе, актуализируются и окказиональные семы, при общем дескриптивном смысле возникают новые эмотивные смыслы.

Общепризнанной является идея, что исследование всей фразеологической системы может быть успешным только при тщательном анализе отдельных микросистем. Поэтому языкознание последних десятилетий отмечено тенденцией к изучению отдельных фрагментов действительности. Однако фразеологические способы отображения процесса говорения человека изучены недостаточно. Частично этих вопросов касались В. З. Демьянков, Е. В. Ковальчук, В. Н. Телия. [6–8]. В «Словаре образных выражений русского языка» под редакцией В. Н. Телия выделена отдельная группа идиом под названием «Говорение» (62 единицы) [9].

Актуальность исследования прагматического аспекта ФЕ обусловлена общей ориентацией современной лингвистики на приоритетный принцип коммуникативного детерминизма как интегрированной общности дискурса говорящего и ситуации его продуцирования, а также важностью комплексного исследования прагматически адекватных/неадекватных ФЕ, играющих важную роль в обеспечении успешного коммуникативного сотрудничества или коммуникативного конфликта.

Уже давно признано, что толкование ФЕ в словарях является недостаточным, так как не берётся во внимание фактически весь коннотативный аспект семантики ФЕ. Анализ отдельных фразеосемантических групп (ФСГ) имеет не только лингвистическое значение, но и способствует дальнейшему изучению связей между языком и мышлением, определению особенностей выражения картины мира языковыми средствами. Актуальность работы в связи с этим обусловлена

и ролью речи в жизни человека. ФЕ со значением говорения составляют один из существенных (по количеству единиц) слоёв во фразеологической системе русского языка. Новизна результатов исследования состоит в том, что нами выявлен большой корпус фразеологических единиц со значением говорения (285 единиц); предложена оригинальная семантическая их классификация ФЕ с учётом прагматического аспекта; установлены основные закономерности формирования фразеологической семантики в ФЕ со значением говорения.

Способность ФЕ выражать прагматику языка позволяет говорить о наличии в их смысле прагматического значения. Существует несколько определений прагматического значения: как внеязыковой (поведенческой) реакции слушающего (Ю. Д. Апресян); как коммуникативного намерения говорящего, которое не вытекает из соединения значений употребляемых слов (Н. Д. Арутюнова, Т. В. Булыгина); как содержания языковых единиц, связанного с выражением эмоций и разных оценок говорящего, а также с влиянием на адресат (Л. А. Киселёва). Рассмотрев всё выше указанное, мы придерживаемся такой точки зрения: прагматическое значение – это смысл языковых единиц (или часть этого смысла), характеризующий говорящего по социально и психологически значимым параметрам его личности и ориентированный на реципиента. Прагматическое значение информирует слушающего об эмоциональном состоянии говорящего, его интеллектуальных потенциях, его конкретных коммуникативных намерениях и т. д.

В семантике ФЕ всё детерминировано основной функцией языка – быть средством коммуникации, формирования и обобщения мыслей о мире и эмоционального отношения к ним. По этим причинам вполне оправданным является обращение непосредственно к прагматике и коннотации, их терминологическому аппарату, и, на наш взгляд, возможным является его применение к фразеологии. Сложность значения ФЕ обусловлена ситуативным характером знака, одновременно выступающим как основа, которая, в свою очередь, является стимулом для эмоциональной оценки. Наслоение субъективно-ориентированных отношений на отображение в дескриптивном смысле образует прагматический аспект в значении ФЕ, при реализации которого возникает экспрессивность, являющаяся языковой характеристикой. Кроме собственно тропеических средств (основное место среди которых принадлежит метафоре как одному из продуктивных способов смыслообразования, организации образного представления, зафиксированного во внутренней форме), в образовании экспрессивности принимают участие необычное сочетание компонентов, парадоксальное сложение смыслов, наличие в ФЕ звукосимволизма. Осмысление важности мотивационного основания ФЕ привело к необходимости исследовать саму образную структуру внутренней формы – её

метафорический, метонимический характер, а также роль в ней разных символов и квазисимволов (например, квазисимвольное прочтение слова *душа* в ФЕ, где этот компонент ассоциируется с несуществующим аналогом сердца: *распахнуть душу, плюнуть в душу* и др.).

Основная задача авторов-составителей фразеологических словарей – дать правильное, детальное толкование ФЕ. Современные лексикографы в большинстве случаев достаточно точно отображают смысл ФЕ в словарях. Но следует внести некоторые уточнения и дополнить толкование новыми пометами. Мы считаем, что можно было бы дополнить «Новый объяснительный словарь синонимов русского языка» Ю. Д. Апресяна [10] фразеологическими синонимами, так как они представлены в небольшом количестве и не к каждому слову. Например, приведен синоним «*плакаться в жилетку*» к «*жаловаться*». А этот ряд можно было бы продолжить. Мы предлагаем построение словаря по семантическому принципу, то есть по комплексным семантическим разрядам и группам. Это может дать в распоряжение исследователя более полную и адекватную картину смыслового членения универсума при помощи фразеологических средств.

Если пользоваться принципом членения по частям речи, то единицы будут повторяться. В выделенных нами тематических группах мы предлагаем построение по алфавиту. Это облегчает поиск нужной ФЕ, тогда как построение словаря по главному слову затрудняет этот процесс.

В диахронии языка идиоматичность ФЕ – относительное свойство, так как со временем некоторые составляющие архаизируются и ФЕ частично или в целом утрачивают своё значение, выходя при этом из употребления полностью или приобретая новое значение. Так, нами выявлено следующее: ФЕ *попасть пальцем в небо*, по данным словарей, означает «*говорить что-нибудь невпопад*», тогда как это выражение часто употребляется в противоположном значении – «*случайно сказать что-нибудь верно, угадать*» (про что свидетельствуют и данные проведенного нами эксперимента, а также данные газетной и тележурналистики): «*Да, он умел слушать людей, чутко улавливать колебания их настроения, поэтому на собраниях и митингах часто **попадал пальцем в небо** – говорил именно то, что от него хотели услышать в данный момент...*» («Сов. Россия», №70, 2000); «*Тут наши журналисты попали пальцем в небо – главная их версия при сложившейся на Северном Кавказе обстановке имеет реальную подоплёку...*» («Итоги», НТВ).

Мы считаем, что на трансформацию значения этой ФЕ повлияло широкое использование таких ФЕ, как *попасть в самую жилку* и *попасть в самую точку*, которые употребляются в значении «*говорить именно то, что нужно, как бы угадав, что именно так нужно сказать*» [11, с. 342]. Подобные случаи отклонения от словарного значения сами по себе являются очень интересным материалом для исследования, но не

позволяют сделать окончательных выводов о реальном употреблении определённой ФЕ в современном русском языке.

Проведенный нами анализ 285 единиц со значением говорения даёт возможность поделить их на три основные группы в зависимости от их общего значения: 1) акустическое впечатление от речи (*пускать/давать петуха; драть козла*); 2) «ненормальная» работа языка по сравнению с нормальным темпом, разборчивостью, громкостью и т.д. (*язык заплетается, не ворочается, прилип к гортани, каша во рту*); 3) стереотип речевого поведения, выходящий на характеристику человека и его оценку (*бойкий на язык, язык без костей, остёр на язык*) [8, с. 93]. Процессы мышления происходят преимущественно в вербальной форме, а результаты познавательной деятельности закрепляются в вербальных знаках. Поэтому язык следует считать одним из компонентов когнитивной деятельности человека. Речевая деятельность человека может быть охарактеризована в разных аспектах: с акустико-физиологической стороны, с точки зрения индивидуальных особенностей говорящего, содержания речи, её эмоциональной окрашенности и др. К когнитивной сфере имеют отношение некоторые из названных параметров речи.

Все ФЕ со значением говорения выражают процесс речи или характеризуют лицо по особенностям речи. В ФЕ в основном отражается «ненормативное» положение дел. Говорение имеет «прагматические валентности»: оно адресовано, имеет мотив, а иногда и цель; оно также включено в систему стимулов и реакций, то есть имеет поведенческий смысл. Основная масса ФЕ говорения сосредоточена на характеристике особенностей лица, на событиях, связанных с акциональными проявлениями этих особенностей, на акциях поведенческого типа, на социальных диспозициях лица; на продуктивном обозначении качественных и количественных признаков говорения, которые не идентифицируют, а квалифицируют их.

Группа ФЕ с компонентом *язык* составляет большинство рассмотренных нами единиц. Это такие выражения: *срываться с языка* (признак ненамеренности действия), *язык отсохнет, язык без костей* (признак естественности усилий), *язык сломаешь* (признак сложности артикуляции), *длинный язык, язык как помело* (инструментальная «избыточность»), *язык чешется* (желание), *придержать язык (за зубами), прикусить язык, язык не поворачивается* (сдерживать инструментальную активность), *держать язык за зубами* (контролировать речевое «производство»), а также *бойкий на язык, попасться на язык, язык проглотил, типун на язык* и т.д. Приведём лишь некоторые примеры употребления этих ФЕ в художественной литературе: *Никто тебя за язык не тянул, Тошка, – сказала Анка. – Хочешь земляники?* (А. и Б. Стругацкие); *Кроме того, наш парень, наглый и очень бойкий на язык дома, совершенно меняется с чужими людьми* (Ю. Трифонов).

Язык в этих выражениях всегда указывает не на способность как таковую, а на орган речи, посредством функционирования которого и описывается речевая деятельность. Хотя сочетаемость данной лексемы достаточно фразеологизирована, она не сводится к ограниченному количеству устойчивых выражений. Возможно бесконечное варьирование на тему существующих идиом. Например, словари дают выражения *острый язык*, *язык как бритва*; ср. однако, пример *язык, как рапира* (В. Маяковский).

Ранее исследователями уже рассматривались семантические функции компонента язык в составе ФЕ: это «язык–станок» и «действующий язык» [6, с. 218–219]. Язык как место, где производится речь, рассматривается как стол или верстак, на котором «изготавливаются» речи и с которого «падают» недоделанные или случайные речи. Для «языка–станка» существенными являются тактильные качества поверхности: с гладкого языка слова «соскальзывают»: *слова слетают с языка, сорвалось с языка*. «Действующий язык» характеризуют как «то, что хорошо или плохо работает, даёт сбой, теряет силы» и т.п. Мы выделили несколько подгрупп в зависимости от качества работы языка:

1) нормально функционирующий язык (*язык хорошо подвешен/привешен*): *Прерывать выступавших особенно старался высокоголовый злодей-подполковник, очень хорошо у него был подвешен язык и имел он перед нами преимущество безнаказанности* (А. И. Солженицын);

2) временное нарушение или потеря речи (*лишиться языка, язык отнялся, язык не поворачивается, язык отсох, язык заплетается, тупун вам на язык* и др.): *И только потому, что автором был Михалков, ни у кого не поворачивался язык сказать, что это антисоветчина («Московский комсомолец», №5, февраль 2000 г.)*;

3) сдерживание языка (*держат язык на привязи, держать язык за зубами, прикусить язык, проглотить язык, укоротить язык*): *Руф хотел спросить у провожатого, много ли таких страшных зверей у них в стране, но вспомнил недавний урок и прикусил язык* (А. Волков);

4) болтливость (*развязать язык, распустить язык, болтать языком, язык чешется, длинный язык* и др.): *Она жалела, что **распустила язык** и ввела в соблазн несдержанного Страшила* (А. Волков).

Анализ каждой ФСГ отдельно позволяет более адекватно описать связь языка с действительностью. А наличие размытого пространства в классификации только подтверждает современную точку зрения, что языковая таксономия оперирует размытыми множествами. Невозможность строгой дифференциации семантического пространства языка на отдельные фрагменты и поля – объективная данность, обусловленная семантической непрерывностью словаря, в том числе и идиоматики: слово или ФЕ связаны множеством нитей со значимыми единицами своего или граничного уровней.

Формирование семантической группы «Говорение» проводилось на основе архисемы, которая выделялась из словарной дефиниции, при этом брался во внимание только смысл концептуального ядра ФЕ. Например, выражение *открывать Америку* сопровождается в словарях эмоциональной пометой *ирон.*, но толкование значения «*говорить, объявлять о том, что всем давно известно*» не связано с высказыванием или обозначением эмоций. Архисема данной единицы передана глаголом «*говорить*», в связи с этим её следует квалифицировать как элемент поля говорения. В одну семантическую группу включают единицы, которые обозначают несколько смежных качеств, находящихся в градуальных отношениях, то есть выражают разную степень интенсивности одного и того же: «плохо отзываться», «дискредитировать» и др. Множество и разнообразие семантических разрядов ФСГ «Говорение» соответствует тому месту, которое занимает речь в «наивной картине мира»: это наиболее сложная подсистема человека; она имеет множество связей с другими подсистемами (всегда и в первую очередь – связи с интеллектом, желаниями, физическими действиями) и находится на вершине иерархии подсистем – составляющих «наивной картины человека». Подгруппа «Речь со стороны её содержания» включает 13 основных семантических разрядов: акустико-артикуляционная характеристика речи; индивидуальная характеристика речи; речь со стороны её содержания; вести пустые разговоры, болтать; очень громко кричать, вопить; критиковать, делать замечания, укорять, ругать; несправедливо обвинять, дискредитировать, плохо отзываться, злословить; откровенно говорить; говорить намёками, непонятно, не по сути; хорошо говорить, хвалить; высмеивать; напрасно говорить; доказывать очевидное; жаловаться. На периферии ФСГ находятся 2 разряда: ФЕ, обозначающие обман, и ФЕ со значением молчания/умолчания [12].

Фразеологические единицы фразео-семантической группы «Говорение» – многочисленная, активно функционирующая группа, составляющая отдельную подсистему общего корпуса русской фразеологии. Говорящий в процессе речи, употребляя ФЕ, реализует при их помощи (в комплексе с другими элементами высказывания) свои коммуникативные интенции и выражает свои эмоции и оценки. Слушающий, воспринимая эти языковые единицы, определённым образом реагирует на них – интеллектуально, эмоционально или деятельностно, соотносит их с названными при помощи указанных ФЕ предметами, совершая тем самым повторные акты номинации тех же фрагментов внеязыковой деятельности. Функционирование ФЕ в языке определяется типом их системного значения, которое обуславливает характер «развёртывания» ФЕ в речи, их актуализацию, сочетаемость с другими элементами высказывания. Можно дать либо позитивную, либо негативную оценку ФЕ. Понятно, что за ФЕ стоит оценка речевого действия. Позитивно оцениваемая речь (*язык*) имеет такие особенности:

она лаконичная, простая, при этом правильная, вызывает положительные эмоции. Разные группы ФЕ характеризуют разные «измерения» *языка*: группа, связанная со звучанием речи, характером произношения звуков, говорит о языке как инструменте звукопроизводства; группа «сказать по норме – много – мало» говорит о языке в значении «речь», отсюда такие характеристики, как лаконичность – многословие и качество речи: нельзя говорить всё, что приходит в голову; ФЕ, указывающие на ограничение свободы *языка*, содержат явную или имплицитную негативную оценку в противовес всегда эксплицированной оценке ФЕ со значением несдержанности на язык; характеристики языка, условно включённые в рубрику «плохой язык», являются универсальными оценочными терминами, не специфичными для языка и приложимыми к любым другим объектам (*злой язык – злые глаза – злая собака*). Установлено, что во фразео-семантической группе «Говорение» преобладают единицы с негативными коннотациями. Этому можно дать объяснение: народная речь чаще всего реагирует на отрицательные стороны предмета, явления, так как положительные для неё норма, обыденность; ещё в восточнославянской книжной письменности язык был включён в систему негативно маркированных образов.

Проведённый нами анализ ФЕ данной группы призван дать представление, хотя и фрагментарное, о культурно–национальной картине мира, зафиксированной в ФЕ, а также о характеристике наиболее сложного вида поведенческой деятельности человека – речевого поведения. Практическое применение работа может найти в лексикографии при усовершенствовании лексикографических описаний и создании учебных словарей новых типов, в преподавании вузовских дисциплин при освещении проблем фразеологии, при создании учебных материалов для преподавания русского языка, в том числе как иностранного.

Література

1. Апресян Ю.Д. Прагматическая информация для толкового словаря // Прагматика и проблемы интенциональности. Ин-т языкознания АН СССР. — М., 1988. — С. 7–44.
2. Арутюнова Н.Д. Прагматика // ЛЭС. — М., 1990. — С. 389–390.
3. Булыгина Т.В. О границах и содержании прагматики // Изв. АН СССР. Сер. «Лит. и яз.» — 1981. — №4. — С. 333–341.
4. Эмирова А.М. Русская фразеология в коммуникативном аспекте. — Ташкент, 1988.
5. Киселёва Л.А. Вопросы теории речевого воздействия. — Л., 1978.
6. Демьянков В.З. Семантические роли и образы языка // Язык в языке. — М., 2000. — С. 193–270.
7. Ковальчук Е.В. ФЕ со значением говорения и молчания в русском и английском языках // «Vocabulum et Vocabularium»/ Под ред. В. В. Дубичинского. — Харьков, 1996. — Вып. 3. — С. 24–26.
8. Телия

В.Н. «Говорить» в зеркале обиходного сознания // Логический анализ языка. Язык речевых действий. — М., 1994. — С.93-98. **9. Словарь** образных выражений русского языка/ Под ред. В. Н. Телия. — М., 1995. **10. Апресян Ю.Д., Богуславская О. Ю., Левонтина И. Б.** и др. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. — М., 1997. **11. Фразеологический** словарь русского языка / Под ред. А. И. Молоткова. — М., 1978. **12. Крысенко Т.В.** О периферийных пластах ФСГ «Говорение»// Вісн. Харків. нац. ун-ту. Сер. «Філологія». — Вип. 34. — №538. — С. 117–120.

Статья посвящена изучению и описанию фразеологических единиц со значением говорения. Проведен комплексный анализ фразеологических единиц фразео-семантической группы «Говорение». Разработана их семантическая классификация с учётом прагматического аспекта, исследовано их функционирование в современном русском языке.

Ключевые слова: фразеологическая единица, прагматический аспект, коннотация, фразео-семантическая группа.

Статтю присвячено вивченню й опису фразеологічних одиниць зі значенням говоріння. Проведено комплексний аналіз фразеологічних одиниць фразео-семантичної групи «Говоріння». Розроблено їх семантичну класифікацію з урахуванням прагматичного аспекту, досліджено їх функціонування в сучасній російській мові.

Ключові слова: фразеологічна одиниця, прагматичний аспект, конотація, фразео-семантична група.

This article is devoted to the study and analyzing of the phraseological units that denote speaking. The basic analysis of the phraseological units with the meaning «Speaking» has been carried out, their semantic classification with involving of the pragmatic aspect has been made. The functioning of the phraseological units with the meaning «Speaking» in the modern Russian language has been analysed.

Key words: phraseological unit, pragmatic aspect, connotation, phraseological semantic group.

В. М. Самусевіч

**ДАМІНАНТНЫЯ СУБСФЕРЫ ЛАГАСФЕРЫ
БЕЛАРУСКАЙ КУЛЬТУРЫ**

У апошнія гады ў беларусістыцы з'явіўся шэраг прац, у якіх заўважаецца імкненне навукоўцаў перагледзець, пераасэнсаваць мінулае і прааналізаваць сучаснае для таго, каб у фальклоры, культурнай спадчыне знайсці вытокі беларускага менталітэту і духоўных каштоўнасцяў. Даследаванне *лагасферы* – маўленча-мысленчай галіны нацыянальнай культуры – на аснове этналінгвістычных крыніц ёсць ключ да разумення спецыфікі ментальнасці народа. Для вывучэння гэтага феномену асаблівую цікавасць уяўляе фразеалогія, бо ў ёй сінтэзаваны веды пра найўнюю карціну свету і ўсе віды адносінаў суб'екта да яе фрагментаў. Па словах В. Тэлія, «фразеалагічны склад – гэта люстэрка, у якім лінгвакультурная супольнасць ідэнтыфікуе сваё нацыянальнае самаўсведамленне» [1, с. 9]. У гэтым сэнсе фразеалагізмы набліжаюцца да «своеасаблівых культурных знакаў, архетыпаў культуры» [2, с. 142].

На матэрыяле беларускіх этнаграфічных крыніц у артыкуле зроблена спроба апісаць карціну свету беларусаў, створаную рэсурсамі мовы ў суадносінах з сацыяпсіхалагічным складам этнасу. Намі прааналізаваны 6032 фразеалагічных адзінкі, 8325 прымавак і прыказак з мэтай вызначэння ключавых канцэптаў лагасферы. Вызначаныя частотна-статыстычным метадам лексемы выразна паказваюць на праявы этнапсіхалагічнага складу беларусаў, характарызуюць іх маўленча-мысленчую дзейнасць. Пры аналізе быў улічаны і ўнутрымоўны рэсурс культурнай інтэрпрэтацыі фразеалагізмаў, прымавак, прыказак – вобразны змест, які служыць «падказкай для культурна-нацыянальнай інтэрпрэтацыі» [3, с. 13]. Такія канцэпты, як *зямля, чалавек, Бог, слова, хлеб, маці і інш.*, з'яўляюцца універсальнымі паняццямі і маюць вербальнае ўвасабленне ва ўсіх мовах. Аднак у розных культурах займаюць неаднолькавае месца ў іерархіі каштоўнасцяў [4, с. 11].

Канцэпты, якія маюць найбольшую каштоўнасць у беларускай мадэлі свету, у сваім вербальным увасабленні размеркаваны намі па субсферах, паслядоўнасць аналізу якіх вызначаецца іх тэматычнай блізкасцю. У артыкуле прааналізаваны выбраныя групы ключавых слоў, што займаюць важнае месца ў іерархіі нацыянальных каштоўнасцяў.

Сацыяльна-псіхалагічныя стэрэатыпы беларусаў. У свядомасці кожнай асобы сацыяльна-псіхалагічныя стэрэатыпы вызначаюць ментальную карціну свету як пэўную норму, характэрную для прадстаўнікоў адной нацыянальнай культуры і якая выступае ў ёй як эталон паводзінаў. Першапачатковая стадыя ў маўленча-мысленчым працэсе беларусаў – гэта вызначэнне суб'екта як «свайго» ці «чужога», а

яго паводзінаў як «добрых» ці «злых». Усе аб'екты рэчаіснасці падзелены ў свядомасці беларусаў на два светы, што абавязкова адзначаецца і ў маўленні (*свая хата, чужая жонка, свая доля, чужая старана, свая бяда, чужая болька*). Слова *свой* па колькасці ўжывання значна пераважае *наш і чужы* (свой – 371, наш – 69, чужы – 169). Многія словазлучэнні сталі ўстойлівымі спалучэннямі – маўленчымі формуламі: «Свая кроў», «Свой хлеб», «Свой брат». Такі падзел з'яўляецца неабходным кампанентам гармоніі свету. Усё навакольнае чалавек асэнсоўваў у святле дыхатанні *сваё – чужое* і веды пра свет «прымяраў» да сябе. Усеагульная амбівалентнасць, семантычная двухнакіраванасць ёсць вынік асаблівасцяў светабудовы і разумення свайго месца ў ёй. Апазіцыя *свій – чужы* ўваходзіць у склад агульнаславянскага шэрагу культурных апазіцый.

Субсфера чалавек. Мадэль свету ў беларусаў антрапацэнтрычная, бо цалкам залежыць ад асобы, ад яе светаўспрымання, яе ментальнасці. Асноўнымі суб'ектамі становяцца продкі (дзяды), нашчадкі (заўтрашні чалавек) і чалавек (сённяшні). Усе суб'екты падзяляюцца на дзве групы – свае людзі (брат, маці, дзеці, жонка, сусед і інш.) і чужыя (ворагі, паны, міфічныя істоты). Асноўным і цэнтральным суб'ектам нацыянальнай лагасферы, па нашых назіраннях, з'яўляецца *добры чалавек*: «Добраму добрая памяць», «Добрым людзям і мы рады будзем». Індэкс частотнасці (**ПЧ** – падаецца ў дужках) – колькасць маўленчых формул, у якіх сустракаецца слова, самы высокі ў канцэпце *пан* (157), але гэты канцэпт мае адмоўную канатацыю. Добры чалавек у свядомасці народа – гэта *мужык*, а маўленчая формула – *братка беларус* (так называлі беларусаў, галоўным чынам за тое, што ў размове яны часта ўжываюць памяншальна-ласкальнае слова *братка* (браток, браточак, братачка). Для субсферы *чалавек* можна вылучыць наступныя характарыстыкі, а ў іх межах – апазіцыйную бінарнасць: 1) класавая: *мужык – пан, поп, цар*; 2) маёмасная апазіцыя: *багаты – бедны*; 3) узроставая: *бацькі – дзеці*; 4) гендэрная: *мужык, хлопец – баба, дзеўка*; 5) колькасная: *чалавек – людзі, народ*; 6) апазіцыя адносінаў: *сябар, прыяцель – вораг*; 7) лакальная апазіцыя: *госць – сусед – чужы*.

Свяшчэнны закон нашай этнічнай ментальнасці – узаемадапамога, згуртаванасць, талочнасць. Гэтым вызначаецца шырокае ўжыванне лексем *людзі, грамада*: «Выводзіць / выбівацца ў людзі», «Людзьмі звацца», «Грамада – вялікі чалавек», «Моцны статак чарадою, а людзі грамадою».

Субсфера сям'я. Суб'ект заўсёды з'яўляецца часткай соцыуму і выконвае ў ім пэўную ролю. Галоўныя суб'екты беларускай ментальнай схемы «свой свет» належаць да аднаго сацыяльнага класа – сямейства, асноўная іерархія якога – сямейная. Паўнацэннай сацыяльнай адзінкай працягу роду з'яўляецца сям'я, у структуры якой чуецца сямёрка: бабуля, дзядуля – бацька, маці – трое дзяцей. Субсферу *сям'я* складаюць словы *муж, жонка, дзеці, бацька, маці, сын, дачка* і інш. Ёсць у беларусаў

выраз – *сям'я з дзвюх сямей* – калі разам, адной сям'ёй жыве сям'я бацькі і сям'я сына (дачкі) ці сям'я сыноў (дачок). У народзе вельмі цэняць такія вялікія сем'і.

Канцэпты *муж* (12) і *жонка* (93). Несправядлівыя, жорсткія адносіны мужа да жонкі, паводле этнаграфічных крыніц, для беларускіх сем'яў неўласцівыя: «З кім жыць, таго не гнявіць», «Жонка тры вуглы дома трымае». Маўленчыя формулы пацвярджаюць раўнапраўнае становішча мужа і жонкі: «Гаспадар і жонка – найлепшая суполка». Выбар жонкі – справа адказная, таму існуе шмат парад: «Жонку выбірай і вачыма, і вушыма». Беларусы галоўнай якасцю добрай жонкі лічылі яе гаспадарлівасць: «Не тая гаспадыня, што збярэ гаспадарку, а тая, што ўдзержыць». Народная мараль асуджала тых, хто шмат разоў жаніўся: «Першая ад бога, другая ад людзей, трэцяя ад чорта».

Канцэпты *маці* (106) і *бацька* (87). Бацькі – самае святае на гэтым свеце для беларуса: «Бацька і маці ад бога ў хаце, хто іх зневажае, добра не знае». Асаблівая павага да *маці* знайшла сваё адлюстраванне ў маўленчай формулезваротку: «Мама дачушцы не «маць» і не «маці», яна – мама-мамка, матка-матулька, мама-матачка». У субсферы *сям'я* індэксальны паказчык канцэпта *маці* значна вышэйшы за іншыя (акрамя канцэпта *дзеці* – 151), вербальны доказ гэтаму прыказка: «Бацька памрэ, то палавіна сіраты, а як маці памрэ, то цэлая сірата». Шэраг прыказак і прымавак паказваюць, наколькі моцна паважаюць і любяць матулю.

Канцэпт *дзеці* (151). Вялікія сем'і ў беларусаў лічыліся шчасцем: «У каго дзеці, у таго шчасце». Аналіз субсферы *сям'я* паказвае на наяўнасць высокага частотнага індэксу ў слова *дзеці*. Гэта яшчэ раз пацвярджае, што самае галоўнае для чалавека – яго дзеці. «Які палец не парэж, то ўсякаму баліць – якому дзіцяці кепска, то бацькам баліць», «Паміраць збірайся, а пра дзяцей думай». Кожнае дзіця ў народным уяўленні – Божы падарунак: «Дасць бог дзеткі, дасць і на дзеткі». Гонар быў бацькам, калі ў іх дружная і вялікая сям'я. Трэба адзначыць, што для нашых продкаў колькасць дзяцей у сям'і была прадвызначана – не менш за тры. (Параўн.: «Адно дзіця – няма дзяцей, двое дзяцей – што адно, а трое – сям'я», «Адзін сын – не сын, два сыны – паўсына, а толькі тры сыны – сын».) Выхаванню дзіцяці надавалі вялікае значэнне, бо «што ў дзяцінстве выхаваеш, на тое ў старасці абапрэшся». Перавагу ў навучанні аддавалі добраму слову: «Не біце дубцамі, навучайце слаўцамі», «Ад дубцоў дурнеюць, ад слоўцаў разумнеюць». Народная мараль вызначыла гуманістычны накірунак у выхаванні дзяцей: «З гадамі дзеці разумнейце, але ні мне, ні людзям не чужэйце», «Не спяшайся, хлопча, вучыцца страляць, а ўмей сеяць, веяць, каваць і гадаваць». Найлепшае пажаданне шчасця ў беларускай культурнай традыцыі: «Каб ты з дзяцей цешыўся».

Субсфера жыццё. У жыцці нашых продкаў было больш гора, няшчасця (202), чым шчаслівых дзён (34). Філасофія жыцця беларусаў рэалізавана ў наступных анталагічных максімах: «Жыві хітра, мудра і з малым дастаткам», «Жыві сваім розумам»; «Лепш самому быць

пакрыўджаным, чым каго іншага пакрыўдзіць». Беларусы шукаюць у жыцці «залатую сярэдзіну», адкідваючы ўсё лішняе, бо лічаць: «І добрага як замнога, то нядобра». Праз прымаўкі і прыказкі высвечваецца яшчэ адна ментальная рыса – памяркоўнасць, нясхільнасць да крайнасцяў: «Усё добра, што ў меру», «У меру еш, у меру пі, у меру і дружбу вадзі». Праўдзівасць (*праўда* (76)– асноўная якасць маўленчага ідэалу беларусаў: «Матка за ўсіх мілейша, праўда за ўсё даражэйша».

Канцэпт *праца* (93). Адным з ключавых у субсферы *жыццё* з’яўляецца слова *праца* (*справа, работа*). Канцэпт *праца* звязваецца ў народнай свядомасці з *хлебам* як умова з вынікам: «Без працы няма чаго хлеба шукаці». *Праца* з’яўляецца дамінантай ментальнай схемы *сродкі існавання*. Асэнсаванне працы як асновы існавання ўласцівае народам розных краін. Трэба зазначыць частае ўжыванне слова *гараваць* – «многа і старанна працаваць, не ведаючы адпачынку». Яно характарызуе характар беларуса і вызначае галоўныя рысы – працавітасць, працаздольнасць, жыццязстойкасць, цягавітасць.

Субсфера смерць. Смерць – канечная тэмпаральная катэгорыя ў адносінах да біялагічнага жыцця чалавека. Смерць ёсць, і ад яе нікуды не дзецца: «Хто радзіўся, той і паміраць мусіць». Такое стаўленне адбілася на маўленчым ідэале: людзі ў гутарках калі і гаварылі пра смерць, пахаванне, дык часцей выкарыстоўвалі апісальныя выразы. Як сцвярджаюць даследчыкі, гэта тлумачылася спачатку верай у магічную сілу слова, потым рэлігійнымі поглядамі, а пазней і проста моўнай традыцыяй [5, с. 164]. Між тым у народным наіўным уяўленні яна персаніфікуецца: «Шукаць смерці не трэба, яна сама прыйдзе».

Субсфера рэлігія. Беларусь з прычыны свайго геапалітычнага становішча апынулася на сумежжы двух светаў, дзвюх культур і ідэалогій, стала своеасаблівай зонай сустрэчы і сутыкнення цывілізацый: праваслаўна-візантыйскай і каталіцка-раманскай [6, с. 138]. Менавіта плюралізм рэлігійна-царкоўнага жыцця з’яўляўся характэрнай рысай беларускага менталітэту. Даследчыкі народнай культуры сцвярджаюць, што ў народнай свядомасці ў пэўнай ступені набліжанымі аказаліся і хрысціянская (праваслаўная, каталіцкая, уніяцкая), і паганская традыцыі [7, с. 21]. Ёсць падставы думаць, што такое становішча ўзбагаціла і канчаткова сфарміравала характар беларусаў.

Чалавеку на зямлі ў асобных выпадках патрэбна дапамога. Па яе ён і звяртаўся да *суб’ектаў нябеснай прасторы* – Бога, святых і душ памёрлых продкаў, якія маглі ўплываць на рух зямнога жыцця: «Як трывога, дык да бога». Намі зафіксавана 10 сэнсавых характарыстык канцэпта *Бог* (287): *язычніцкі бог*: «Дзякуй богу за бога, што бог даў бога»; *нехрысціянскі*: «Адзін Алах ведае»; *памагаты ў любой справе*: «Дай, божа, у добры час пачаць»; *раўнапраўны суб’ект камунікацыі*: «Памагай бог! – Бог казаў, каб і ты памагаў»; *усемагутны пры чалавечых намаганнях*: «Божа памажы, але і сам не ляжы»; *несправядлівы*: «Бог не роўна дзеліць»; *ашуканец*: «Бог ашуканствам жыў: у аднаго адбярэ, а

другому дасць»; *выдуманы суб'ект*: «З богам не паспрачаешся, бо яго няма»; *непатрэбны суб'ект*: «Няма чаго богу маліцца, ён нашых малітваў не прымае». На Беларусі былі шырока распаўсюджаны маўленчыя формулы-прывітанні з упамінаннем Бога, якія ўжываліся ў сітуацыях, калі звярталіся да чалавека, занятага якой-небудзь працай: «Бог у помач!», «Няхай бог дапамагаець!». Богу заўсёды супрацьпастаўляўся *чорт, д'ябал* (287): «Да д'ябла», «Ніякі чорт не бярэ».

Субсфера слова. Беларусы надавалі важнае значэнне *слову* (123), што знайшло адбітак у маўленчай формуле: «Дар слова». Хутчэй за ўсё гэта звязана з характэрнай рысай беларускага менталітэту – з так званым фетышызмам слова – «Жывое слова». Да слоў ставіліся з перасцярогай, раілі не спяшацца нешта сказаць, і гэта замацавалася ў камунікатыўнай максіме: «Будзь спярша выслухачым, а потым апавядачым»; «Трэба ведаць, калі сказаць, а калі памаўчаць». Галоўнае, каб слова было праўдзівым і добрым: «Добрае слова не забываецца». Вялікая колькасць маўленчых формул пацвярджае важнае месца *слова* ў іерархіі каштоўнасцяў нацыянальнай культуры: *апошнія слова, жывое слова, новае слова, чэснае слова, першае слова, слова гонару*. Індэксальны паказчык канцэпта *мова* (10) значна ніжэйшы, чым у канцэптаў *слова* (123), *песня* (41). Фразеалогія – гэта творчасць народа (сялянства), перад якім не стаяла пытанне, на якой мове гаварыць. Яны размаўлялі на сваёй роднай мове. Таму дамінантай субсферы становіцца не *мова*, а *слова*.

Прасторавая і часавая мадэлі свету. Асваенне свету чалавекам прадугледжвае выдзяленне такіх формаў і адносінаў, якія выражаюцца з дапамогай *паняццяў прасторы і часу*. Навукоўцы сцвярджаюць, што розныя нацыянальныя культуры маюць і розныя мадэлі прасторава-часавых адносінаў [8, с. 67], якія, у сваю чаргу, адлюстроўваюць сістэму каштоўнасцяў пэўных соцыумаў і сацыяльных груп. Сістэма ўяўленняў беларусаў аб прасторы і часе складае своеасаблівае ядро беларускай ментальнасці, ад якога залежаць многія ментальныя ўстаноўкі продкаў на ўзроўні наіўнай свядомасці. Уяўленне беларусаў аб часе і прасторы фарміравалася на працягу многіх стагоддзяў пад уплывам разнастайных фактараў, сярод якіх і прыродна-геаграфічны.

Уся прастора падзелена на наступныя часткі: *зямля*, на якой працякае жыццё, *хата, сядзіба, поле і агарод, лес, вада, балота, неба і паветра, падземны свет і пекла* [9]. У сваім даследаванні мы вызначаем не проста асноўныя складнікі беларускай прасторавай мадэлі свету, але і іх месца ў іерархіі нацыянальных каштоўнасцяў. Для земляробчых народаў паняцце часу такое ж важнае, як і паняцце прасторы.

Аналіз моўных фактаў дае падставу сцвярджаць, што час у беларускай ментальнасці накіраваны ў вечнасць, бясконцасць: «На векі вяком!», «Па век вечны». Свой уласны *век* беларус успрымае як прамежак часу, адведзены яму для жыцця на гэтым свеце: «Да веку» – да самай смерці, да канца жыцця. Магчыма, з-за веры ў часовасць свайго

існавання на зямлі і разумення немагчымасці зазірнуць у будучыню для беларусаў характэрна пільная ўвага да мінулага, да сваіх традыцый – так званая *спавертнутасць часу*. У ментальнасці беларусаў заўважаецца пэўная запаволенасць, нетаропкасць руху часу, што адбілася ў маўленчых формулах. Напрыклад: «Хто спяшыць, той спатыкаецца».

На працягу ўсёй сваёй гісторыі беларусы ставіліся да часу як да каштоўнасці. У беларусаў захоўваецца дагэтуль размеркаванне дзён на спрыяльныя і неспрыяльныя, цяжкія для працы, на посныя і скаромныя, шчаслівыя і нешчаслівыя, жаночыя і мужчынскія. Існавалі некаторыя правілы, звязаныя з асобнымі днямі тыдня. Пацверджаннем гэтага стала ўтварэнне дзеясловаў ад назваў дзён, напрыклад, «серадзіць» – пасціць у сераду. Беларусы верылі, што існуе сувязь паміж рухам часу і пэўнымі падзеямі ў жыцці чалавека: калі справу пачаць у спрыяльны момант, то ўсё абавязкова атрымаецца. У беларусаў існуе цэлая «класіфікацыя» гадзін, увасобленая ва ўстойлівыя маўленчыя формулы: *бітая гадзіна, зорная гадзіна, мёртвая гадзіна, шэрая гадзіна і сучасная гадзіна пік*.

Канцэпты *досвітак – дзень – вечар*. Гэты часавы прамежак з'яўляецца значным ў свядомасці беларуса. Даследчык Я. Станкевіч звяртае ўвагу на тое, што «сустрэкаючыся на раніцы здароваюцца адным словам «Дабрыдзень!»». Казаньне «Добрай раніцы» маскалізм, бо ўтворана паводле маскоўскага «Доброго утра!» [10, с. 20]. Беларусы, як і рускія, таксама вылучалі раніцу як часавы прамежак. Напрыклад: фразеалагізм «ад ранку (і) да ранку» – 'цэлымі днямі на працягу сутак (рабіць што-н.), – але ў іерархіі каштоўнасцяў яму адводзілі месца на ніжэйшай прыступцы. Не зафіксавана слова *раніца* і ў субсферы *час*. Для беларускага светаўспрымання больш значны час, калі людзі ўстаюць «да свету» на працу, і менавіта досвітак – гэта пачатак працоўнага дня для беларусаў. «Хто да сонца ўстае, таму Бог дае». Адносіны да такой тэмпаральнай катэгорыі, як *дзень*, вызначаюцца дзвюма асаблівасцямі: дзень як складнік часавых адрэзкаў – суткі і дзень як асобная часавая структураваная адзінка: «Учарашні дзень», «Заўтрашні дзень», «Чорны дзень». Вечар – (адсюль вячэра, вячэраць) – гэта той адзіны час, калі ўся сям'я збіралася пасля працы разам павячэраць.

Жыццё беларусаў моцна залежала ад прыродных з'яў, розных пораў года, таму для іх быў уласцівы *каляндарны накірунак* маўленча-мысленчай дзейнасці. Беларускі народны каляндар выконваў ролю своеасаблівага арыенціру для жыццядзейнасці чалавека ў межах разнастайных часавых цыклаў (гадавых, сезонных, месячных, тыднёвых і сутачных). Параўн.: «Да Юр'я павінна быць сена і ў дурня», «Прыйдзе Ілля – наробиць гнілля», «Прыйшоў Мікола, не пытай ні ў кога, бяры сявеньку і сей памаленьку». Каляндар асіміляваў хрысціянскую традыцыю і прыцягнуў да сваіх урачыстасцяў галоўныя святы хрысціянскай накіраванасці: «Спас – усім рабочы час», «Прыйшлі Пакровы – заганыя у хлеў каровы». У сучасным беларускім народным календары адлюстраваны дзве рознастадыяльныя рэлігійна-культурныя

плыні: народны каляндар, у аснове якога ляжыць культ Сонца (Ярылы), і хрысціянскі каляндар, у аснове – культ Хрыста і Багародзіцы.

З сівой даўніны лічылася, што ў аснове стварэння свету ляжаць чатыры найважнейшыя кампаненты: *зямля, вада, агонь і паветра*. Гэтыя словы, паводле нашага аналізу, увайшлі ў склад апорных слоў агульнай беларускай лагасферы.

Субсфера зямля. Вывучэнне фальклорных адзінак дае падставы вылучыць дамінантны канцэпт *зямля* як феномен культурнай спадчыны, каштоўнасць маральна-імператыўнага зместу, сакральную, святую. У нашых продкаў стаўленне да жанчыны-маці, якой Богам наканавана працягваць жыццё, і да матухны-Зямлі, якая падтрымлівае, сілкуе жыццё чалавечага роду, аднолькавае. *Зямля як сімвал жаночага пачатку ва ўяўленні продкаў паўстае жывой істотай – маці ўсяго жывога*. «Зямля – нас усіх маці, яна нас усіх корміць, яна нас прыгорне». Для беларусаў як землепрацаўчыкаў народа *зямля* была і *асноўнай крыніцай дабрабыту і найважнейшай каштоўнасцю*. «Ня можна і брату верыць, калі зямлю мерыць». У зычэннях *зямля* выступае *эталонам багатыя*: «Будзь багатым, як зямля!». Завостранае пачуццё любові да свайго роднага кутка абумовіла рэзкае размежаванне паняццяў *сваёй і чужой зямлі*. У склад семантычнага поля *свая зямля*, паводле фальклорных крыніц, уваходзяць наступныя словы-характарыстыкі: *бацькаўшчына, сваё гняздо, свой род, родная староначка, родны бок, родны край, дом, зямелька, свой куток, радзінка, радзіма, матка*. Слова *радзінка* перадае найвышэйшую ступень павагі і любові да роднай зямлі. Існуе маўленчая формула «абяцаная зямля», у якой зямля ўзводзіцца ў абсалют, асацыіруецца з раем, усведамляецца як адзіная мара чалавека. Вакол семантычнага ядра апазіцыйнага паняцця *чужая зямля* канцэнтруюцца ацэначныя паняцці – *чужына, чужая старана, мачыха, чужы бок, чужы край, чужыя людзі*.

«Гарызантальная» *прасторавая сістэма* зямнога ўзроўню з'яўляецца антрапацэнтрычнай і акрэслівае ў асноўным тую населеную і асвоеную чалавекам частку зямлі, якая ўсведамляецца беларусамі як «свая»: *гаспадарка – хата-дом, двор, сялянскае поле і рэчка або возера*. Уласная гаспадарка – адна з найважнейшых каштоўнасцяў і асноўны клопат працоўнага чалавека. «Гаспадарка свет корміць». Слова *гаспадарка* – вытворнае ад *гаспадар*, утворанага ад агульнаславянскага *господь*, якое абазначала ў дагістарычную пару старэйшага роду [11, с. 13]. Вялікая колькасць формул паказвае і на локусы "чужой" прасторы – *лес, дарога*. Гэта тэрыторыя невялікая, чым сцвярджаецца прывязанасць беларусаў да «сваёй» зямлі і лакалізацыя месца пражывання.

Субсфера дом. Асноўным локусам у «сваёй» прасторы з'яўляецца *хата* (114). Для беларусаў «свая хатка, як родная матка». Гэта цэнтр жыцця чалавека ад нараджэння да смерці, таму яна павінна быць асяродкам усяго самага добрага для чалавека, абаронцай: «Дома і сцены бароняць». Пры ўваходзе ў хату госць звычайна прамаўляе: «Добры

дзень у хату!». Хата – месца, дзе чалавек адчувае сябе абароненым, куды ён можа заўсёды вярнуцца і адпачыць: «Нідзе так, як дома». Пабудова новай хаты, наваселле – адна з самых значных падзей у жыцці чалавека. Нягледзячы на тое, што беларусы – народ гасцінны, народная мараль асуджала тых, хто прыходзіў незапрошаны на сямейную ўрачыстасць або злоўжываў гасціннасцю гаспадароў: «Няпрошаным гасцям рукі не падаюць». Таму замест запрашэння да стала наведвальнік мог пачуць у адказ на прывітанне «Хлеб да соль!» – «Ядзім, да свой, а ты ў парозе пастой». Гэты адказ важны для характарыстыкі прасторавай структуры хаты. Справа ў тым, што парог уяўляўся нашым продкам як мяжа паміж «сваім» і «чужым» светам, мяжа паміж мінулым і будучым, гэта зона радаводнай памяці [7, с. 72]. Дыяганаль «покуць – печ» вызначала арыентацыю хаты ў прасторы. Нашы продкі ніколі не ставіліся да печы адмоўна: у ёй выпякалі хлеб, гатавалі гарачыя стравы, яна служыла для абагрэву, часта выкарыстоўвалася ў абрадах, печ займала ў хаце цэнтральнае становішча: «Усякай хаце па печы». Печ – гэта і форма прыручэння агню – старажытнага сімвалу жыцця: «У старой печы агонь добра гарыць». Супрацьпастаўленне покуці і печы заканамернае, бо покуць – гэта сфера духоўнага, а печ звязана з побытам. Пасадзіць на покуце – выказаць пашану і павагу, гэта месца для самага працавітага чалавека. «Не абы-каму месца на куце». У кожнай вясковай хаце былі два сімвалы жыцця – *печ* і *стол*, які звычайна стаяў бліжэй да самага свяшчэннага месца хаты – *чырвонага кута*, або *покуці*.

Канцэптавая сістэма, замацаваная ў прыказках, прымаўках і фразеалагізмах, звязана з матэрыяльнай, сацыяльнай і духоўнай культурай беларускага народа і служыць паказчыкам яго культурна-нацыянальнага вопыту і маўленча-мысленчых традыцый. Менавіта ў ёй дакладна праяўляюцца самабытныя рысы ментальнасці народа, стэрэатыпы ўспрыняцця і асэнсавання рэчаіснасці.

Літаратура

1. **Теля В.Н.** Русская фразеология. — М., 1996.
2. **Аксамітаў А. С.** Беларуская фразеалогія ў граматычным, семантычным і функцыянальным аспектах // Слова беларускае / Пад рэд. А. Я. Міхневіча. — Мн., 1994. — С. 142–157.
3. **Данич О.В.** Лингвистический аспект культурно-национальной специфики поведения: Автореф. — Мн., 1998.
4. **Заботкина В.И.** К вопросу об универсальном и специфическом в культурном сознании // Психолингвистика и межкультурное взаимопонимание. — М., 1991. — С. 111–113.
5. **Малажай Г.М.** Эўфемізмы ў беларускай мастацкай літаратуры // Слова беларускае / Пад рэд. А. Я. Міхневіча. — Мн., 1994. — С. 161–167.
6. **Палуцкая С.** Беларусь конца 16 – пачатку 17 ст. Напрамкі культурна-рэлігійнай арыентацыі // Беларусістыка = Albaruthenica: Кн. 3 / Рэд.

А. Мальдзіс і інш. — Мн., 1994. 7. Крук Я. Сімволіка беларускай народнай культуры. — Мн., 2000. 8. Шамякіна Т. І. Міфалогія Беларусі (нарысы). — Мн., 2000. 9. Беларуская міфалогія: Дапаможнік / Уклад. У. А. Васілевіч. — Мн., 2001. 10. Станкевіч Я. Маленькі маскоўска-беларускі (крывіцкі) слоўнічак фразэалёгічны і прыказкаў ды прывітаньні, зычэньні і інш. — Мн., 1944. 11. Аксамітаў А.С. Лексіка беларускіх прыказак XIX ст. у сувязі з агульнай праблемай фразеалогіі. — Мн., 1958.

Константы мышлення в неразрывной связи с формами речи, закрепленными в устном народном творчестве в качестве устойчивых выражений, пословиц и поговорок, стали своеобразной кодовой информацией о мире. Эти речевые формулы отражают концептуальную и языковую картину мира, сохраняют речевые и мыслительные стереотипы прежних эпох существования культуры.

Ключевые слова: логосфера, концепт, субсфера, речевая формула, речемыслительная деятельность, картина мира, мыслительные и речевые стереотипы.

Константи мислення у тісному зв'язку з формами мовлення, які закріплені в усній народній творчості у якості стійких висловлювань, прислів'їв та приказок стали своєрідною кодовою інформацією про світ. Ці мовленнєві формули відображають концептуальну та мовну картину світу, зберігають мовленнєві та розумові стереотипи минулих епох існування культури.

Ключові слова: логосфера, концепт, субсфера, мовленнєва формула, мовленнєворозумова діяльність, картина світу, мовленнєві та розумові стереотипи.

The constants of thinking closely interconnected with the speech forms presented in the oral folklore in form of set expressions and proverbs have become a peculiar code information of the world. These speech patterns reflect conceptual and language picture of the world, preserve speech and cognitive stereotypes of the previous epochs of culture existence.

Key words: logosphere, concept, subsphere, speech pattern, speech-and-cognitive activity, picture of the world, cognitive and speech stereotypes.

РОЗДІЛ III

МІЖКУЛЬТУРНА КОМУНІКАЦІЯ В СУЧАСНОМУ СЛОВ'ЯНСЬКОМУ СВІТІ

УДК 371.671.811.161.1'38

С. В. Варава, Е. С. Бурякова

ПРИНЦИПЫ ОТБОРА И ОРГАНИЗАЦИИ ТЕКСТОВОГО МАТЕРИАЛА В ПОСОБИИ ПО НАУЧНОМУ СТИЛЮ ДЛЯ СТУДЕНТОВ-ИНОСТРАНЦЕВ, ОБУЧАЮЩИХСЯ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ «МУЗЫКАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО»

В последнее время вызывает дискуссии состояние проблемы учета специальности иностранных студентов в процессе овладения ими русским языком и практика создания учебных программ и учебных материалов (в том числе учебных пособий по научному стилю) для различных категорий студентов. Известно, что в методике преподавания РКИ традиционно выделяют следующие профили: «гуманитарный, научно-технический, естественнонаучный, медицинский, сельскохозяйственный и др.» [11, с. 109–110]. Практика показывает, что в большинстве вузов на современном этапе выделяют четыре основных профиля: гуманитарный, медико-биологический, инженерно-технический и экономический. Многие методисты считают нецелесообразным дальнейшее дробление внутри этих профилей. В качестве аргументов такой точки зрения выдвигается тезис о том, что количество сложившихся профилей достаточно «для учета будущей специальности учащихся на уроках русского языка, а вызванная большей специализацией лексическая вариативность (нередко за счет узкоспециальных терминов и номенклатурных наименований) является заботой скорее предметников, нежели русистов [11, с. 110].

В последнее время тезис о «недроблении» на начальном этапе традиционно выделяемого гуманитарного профиля на более узкие

опровергается на практике, в частности, созданием и использованием в учебном процессе учебных программ и учебных пособий, разрабатываемых для студентов конкретных «узких» специальностей.

Цель статьи. В данной статье обосновывается возможность существования, наряду с общепринятой, и противоположной точки зрения, согласно которой дробление широкого профиля, традиционно называемого «гуманитарным», представляется необходимым. В статье предпринята попытка обосновать целесообразность выделения «узкоспециального» профиля «Музыкальная культура и искусство» для этапа пропедевтической подготовки и предложена концепция отбора и презентации текстового материала для студентов, обучающихся на подготовительных факультетах в группах указанного профиля.

В Харьковском национальном университете им. В. Н. Каразина в последние годы обучение студентов на этапе довузовской подготовки проходит с учетом конкретных будущих специальностей студентов. В связи с этим, кроме традиционно выделяемых инженерно-технического, медико-биологического и экономического профилей, внутри гуманитарного разработаны следующие: филологический; изобразительное искусство и дизайн; музыкальная культура и искусство; право, история, культурология; психология. По указанным направлениям разработаны учебные планы и программы, а также созданы и продолжают создаваться учебные пособия [2–6]. Основанием для создания учебных планов и разработки на их основе учебных материалов для студентов, обучающихся по указанным профилям, послужил «Сборник учебных планов и программ», изданный Министерством образования и науки Украины, и примечания к нему [12]. В частности, в пункте 3.1 ученым советам факультетов дается право для специальностей, не указанных в «Сборнике учебных планов и программ», определять названия и объем дисциплин в пределах 36 часов в неделю [12, с. 10].

Кроме того, в некоторых вузах Украины и России также стали появляться учебные пособия, соответствующие «узким» профилям обучения.

В последнее время в разных вузах большое внимание уделяется подготовке будущих филологов, стали появляться пособия по научному стилю и для некоторых других категорий студентов, обучающихся на подготовительных факультетах, например, для юристов, социологов, а также пособия, построенные на материале текстов по истории.

В Национальном университете пищевых технологий (г. Киев) на кафедре русского языка был разработан учебный план для иностранных учащихся подготовительного отделения, обучающихся по специальности «Музыкальное искусство», который включает в себя, помимо русского языка, страноведения и индивидуальных занятий студентов по музыкальной специальности, следующие дисциплины: «Сольфеджио и теория музыки» и «Литературные источники музыки». Данный учебный

план был составлен с учетом рекомендаций профильных кафедр Киевской консерватории им. П. И. Чайковского и Высшего музыкального училища им. Глиэра. Лексико-грамматический и текстовый материал учебных пособий по русскому языку для иностранных студентов начального (довузовский этап) и продвинутого (I, II, III курсы) этапов обучения был отобран на основе анализа учебных материалов, которые изучают студенты вышеназванных учебных заведений музыковедческого профиля по специальности «Музыкальное искусство». Цель разработки данных учебных материалов – обучение иностранных студентов языку будущей специальности. В первой части пособия для этапа довузовской подготовки «представлены микротексты по сольфеджио и теории музыки. Тема второй части – Библейские сюжеты в творчестве западноевропейских композиторов. Третья часть включает биографии композиторов» [8, с. 67].

Попытка создания учебных материалов для студентов-иностранцев, обучающихся по специальности «Музыкальное искусство», была предпринята и в Харьковском национальном университете радиоэлектроники [10].

Создаваемое в Харьковском национальном университете учебное пособие предназначено для иностранных студентов, обучающихся на подготовительных факультетах в группах гуманитарного профиля (специальность «Музыкальная культура и искусство»). Цель пособия – дать лексический минимум, необходимый студентам-иностранцам для занятий на первом курсе вузов музыковедческого профиля, а также помочь студентам овладеть синтаксисом научного стиля речи. Указанное учебное пособие может быть также использовано при работе со студентами, обучающимися на первом-втором курсах вузов по специальностям «Музыкальное искусство» и «Хореография». Пособие включает два раздела: вводный и основной. Уже созданный и опубликованный вводный раздел условно можно подразделить на две части: «Введение в историю искусства» и «Введение в теорию музыки» [5].

Первая часть вводного раздела предваряет введение дисциплины «История искусства», предусмотренной учебным планом подготовительных факультетов для иностранных студентов, обучающихся по специальности «Музыкальная культура и искусство» и «Изобразительное искусство и дизайн». Первые занятия курса истории искусства посвящены проблеме культуры как совокупности достижений человеческого общества в целом и как сфере человеческой деятельности, связанной с областью искусства в частности. В связи с этим в первых уроках вводного раздела учебного пособия по научному стилю также рассматриваются вопросы культурологии, а именно определяются такие понятия, как «искусство» и «культура», выявляется специфика культуры духовной и материальной (лексическая тема урока № 1 – «Искусство»,

урока № 2 – «Культура», урока № 3 – «Материальная культура», урока № 4 – «Духовная культура»).

Во второй части вводного раздела представлен материал по теории музыки, который включает: определение звука как физического явления и краткое описание звуков различного происхождения; определение музыкального звука; сведения об основных свойствах музыкального звука, о музыкальном звукоряде, о высотных отношениях между звуками в пределах музыкального звукоряда и некоторые др. В этой части пособия также изложены основы музыкальной грамоты (названия нот и т.д.). В связи с этим лексические темы формулируются следующим образом: урок № 7 – «Музыкальные звуки», уроки № 8 и 9 – «Основные свойства музыкального звука», урок № 10 – «Музыкальный звукоряд». Помимо теоретических сведений о музыкальном звуке, введено понятие о музыкальном инструменте, а также о музыкальном произведении, его авторе и исполнителе (лексическая тема урока № 5 – «Музыкальное искусство», урока № 6 – «Музыкальное произведение и его исполнитель»).

Учебные тексты вводного раздела адаптированы в соответствии с учебной программой по русскому языку как иностранному для начального этапа обучения (I семестр – падежный концентр). Вводный раздел, включающий 10 лексических тем, содержит минимальный набор лексических единиц и синтаксических моделей, характерных для научного стиля, и направлен на то, чтобы подготовить учащихся к восприятию научных текстов, представленных в основной части пособия.

Основная часть создаваемого учебного пособия состоит из 13 уроков, каждый из которых содержит адаптированный учебный текст и систему предтекстовых и послетекстовых заданий, соответствующих лексико-грамматическому материалу урока. Лексика урока включает минимум общенаучной и специальной лексики, необходимой иностранным студентам для освоения данной темы. Система упражнений позволяет закрепить в сознании учащихся специфические для научной речи грамматические конструкции, сформировать навыки построения предложений на материале русского языка.

В основном разделе излагаются начальные сведения по теории музыки (основы мелодики, ритмики, метрики, гармонии, полифонии и др.) и истории музыкальной культуры. Основной раздел учебного пособия состоит из двух частей: часть I – «Музыка как вид искусства» и часть II – «Музыка и другие виды искусства».

В первой части основного раздела рассматривается специфика музыки как вида искусства, а также система видовых, родовых и жанровых форм музыкальной деятельности человека. Специфика музыки как вида искусства выявляется в сопоставлении с другими видами искусства. Так, музыка рассматривается в ряду таких искусств, как: а) временные искусства, образы которых строятся во времени, а не в реальном пространстве (музыка, литература и др.); б) искусства, которые

пользуются знаками неизобразительного типа, т.е. знаками, не допускающими узнавания в образах каких бы то ни было реальных предметов, явлений, действий и обращенных непосредственно к ассоциативным механизмам восприятия (музыка, хореография, архитектура, декоративно-прикладное искусство, дизайн); в) исполнительские искусства, произведения которых воссоздаются средствами исполнительского мастерства профессиональных исполнителей – музыкантов, танцоров, актеров и т.д. (музыка, хореография, театр, киноискусство). Одновременно музыка противопоставляется таким видам искусства, как: а) пространственные искусства, которые развертывают свои образы в пространстве (живопись, графика, скульптура, архитектура, декоративно-прикладное искусство, дизайн), а также пространственно-временные искусства, образы которых обладают одновременно протяженностью и длительностью, телесностью и динамизмом (хореография, театр, киноискусство, телеискусство и т.д.); б) искусства, которые пользуются знаками изобразительного типа, т.е. знаками, предполагающими сходство образов с чувственно воспринимаемой реальностью (живопись, графика, скульптура – т. наз. изобразительные искусства; литература, театр и киноискусство); в) искусства, которые не требуют исполнения и воспринимаются непосредственно в авторском варианте (более подробно о существующих в искусствоведении классификациях видов искусств см. в [7, с. 476; 9, с. 118–119]).

Сопоставление разных видов искусства в рассматриваемом пособии по научному стилю проводится в рамках адаптированного учебного текста (лексическая тема урока № 11 – «Особенности музыкального искусства»). При составлении указанного учебного текста было отобрано минимальное количество лексических единиц, необходимых для презентации данной темы. Ключевым словом текста является существительное *образ*, а базовым научным положением – *«Все виды искусства отражают жизнь в художественных образах»*. На основе этого положения формулируются и другие положения текста. Например, при описании видов искусства, которые пользуются знаками изобразительного типа, и соответственно видов искусства, которые используют знаки неизобразительного типа, в учебном тексте употребляются следующие формулировки: *Произведения живописи, скульптуры, литературы, театра и кино отражают жизнь в образах, которые имеют сходство с конкретными предметами или явлениями. Произведения архитектуры, хореографии, музыки отражают жизнь в образах, которые не имеют сходства с конкретными предметами или явлениями.* Ср. также формулировки: *Произведения живописи, скульптуры, архитектуры, хореографии отражают жизнь в зрительных образах; произведения литературы – в словесных образах; произведения театра и кино – в зрительных и звуковых образах.*

Произведения музыки отражают жизнь в музыкальных звуковых образах.

Таким образом, предложенная в учебном тексте классификация видов искусства соответствует научной классификации по содержанию, но излагается в значительно упрощенной форме.

Столь детальное изучение особенностей музыкального искусства в сопоставлении с другими видами искусства обусловлено, с одной стороны, необходимостью дать студентам музыковедческого профиля достаточно полное представление об изучаемом ими виде искусства; с другой – необходимостью осуществления межпредметной координации, поскольку музыка в системе существующих видов искусства также является предметом такой теоретической дисциплины, как «История искусства». В связи с этим возникает необходимость максимально приблизить лексико-грамматические средства научного стиля к учебному языковому материалу изучаемого студентами курса истории искусства.

Значительное место в рассматриваемом пособии по научному стилю отводится видам музыкального искусства. Виды музыкального искусства в пособии классифицируются по различным признакам, а именно: по способу исполнения (вокальная музыка, инструментальная музыка, вокально-инструментальная музыка), по содержанию (лирическая музыка, эпическая музыка, драматическая музыка), по сочетанию со словом (словесно-музыкальное искусство, музыкальное искусство), по сочетанию с другими видами искусства (театральная музыка, хореографическая музыка, музыка для кино), по обстановке исполнения (зрелищная музыка, концертная музыка, массовая бытовая музыка). В свою очередь выделенные подвиды музыкального искусства также классифицируются по определенным признакам. Так, вокальная музыка подразделяется на разновидности по стилям (кантилена – певчий стиль; речитатив – декламационный, музыкально-разговорный стиль; украшения в музыке – колоратурный стиль), по количеству исполнителей (сольное пение, ансамблевое пение, хоровое пение), по участию музыкальных инструментов (пение в сопровождении музыкальных инструментов, пение без сопровождения музыкальных инструментов).

Такая четкая классификация видов музыкального искусства облегчает процесс запоминания студентами учебной информации, поскольку, как указывают методисты и психологи, существует прямая зависимость усвоения учебной информации от группировки материала (см. [1, с. 146; 14, с. 220]).

Кроме того, такая детальная классификация видов музыкального искусства позволяет в сжатой форме, в рамках небольших по объему учебных текстов познакомить иностранных учащихся уже на начальном этапе обучения с различными явлениями, связанными с музыкальной культурой, музыкально-общественной жизнью, а также с различными формами профессионального и народного музыкального творчества.

В пособии также нашло отражение различие музыки по родам (оперная музыка, симфоническая музыка, камерная музыка и др.) и жанрам (вокальные сольные жанры и вокальные драматические жанры, инструментальные сольные жанры, инструментальные оркестровые жанры, инструментальные камерные жанры и др.).

Изучению названных родов музыкального искусства не отводится специальных уроков, поскольку оперная музыка рассматривается при изучении вокально-драматических жанров (опера, оперетта, оратория, кантата); симфоническая музыка – при изучении оркестровой музыки и видов оркестра; камерная музыка – при изучении сольных вокальных жанров (песня, романс и др.), сольных инструментальных жанров (соната, прелюдия и др.) и камерных инструментальных жанров (дуэт, октет, а также музыкальные произведения в форме сонатного цикла – квартет, квинтет, секстет, септет).

В ряде случаев презентация учебного материала, в частности, описание таких форм музыкального творчества, как музыкальный фольклор, песенное творчество и другие, а также введение таких понятий, как *музыкальная классика*, *вокальные драматические жанры*, *балет* и другие, сопровождается кратким историческим экскурсом, что позволяет дать учащимся первоначальные знания по истории музыкальной культуры и подготовить их к последующему изучению курсов «История музыки» и «Музыкальная литература», которые являются обязательными учебными дисциплинами в музыкальных училищах и консерваториях.

Содержание лексического материала основного курса пособия можно наглядно представить в виде схемы (см. схему ниже).

Таким образом, создание учебных материалов нового типа для иностранных студентов, обучающихся по «узкоспециальным профилям» представляется не только целесообразным, но и необходимым. Учебные материалы такого типа, несомненно, представляют большой интерес с точки зрения межпредметной координации. С помощью подобных материалов оказывается возможным формирование предметной и коммуникативной компетенции студентов общими усилиями русистов и предметников. С нашей точки зрения, является перспективным и необходимым дальнейшая разработка материалов подобного типа и для других «узкоспециальных профилей» студентов, обучающихся на подготовительных факультетах вузов.

Литература

1. **Алексеева Н.Н.** Методические приемы обучения научному стилю речи при доминирующей роли слушания-письма // Практическая методика преподавания русского языка на начальном этапе / Н. С. Власова, Н. Н. Алексеева, Н. Р. Барабанова и др. — М., 1990. — С. 144–152. 2. **Варава С.В.** Изобразительное искусство: Учеб. пособие для иностранных студентов подготовительных ф-тов, специальность «Изобразительное искусство и дизайн». — 2-е изд., стереотип. — Ч. I. — Харьков, 2006. — 116 с. 3. **Варава С.В.** Програма дисципліни «Образотворче мистецтво» для студентів-іноземців підготовчих факультетів вищих навчальних закладів України / Рекомендовано Науково-методичною комісією з підготовки іноземних громадян Міністерства освіти і науки України 23 березня 2004 р., протокол № 6. Затверджено Міністерством освіти і науки України 7.07.2004. — Навчальні програми (довузівська підготовка іноземних громадян. — Ч. 2. — К., 2005. — С. 152–163. 4. **Варава С.В.** Русский язык. Научный стиль: Учеб. пособие для студентов-иностранцев подготовительных факультетов вузов (гуманитарный профиль, специальность «Изобразительное искусство и дизайн»). — Харьков, 2006. — 412 с. 5. **Варава С.В., Бурякова Е.С.** Русский язык. Научный стиль: Учеб. пособие для студентов-иностранцев подготовительных факультетов вузов (гуманитарный профиль, специальность «Музыкальная культура и искусство»). — Харьков, 2006. — 98 с. 6. **Варава С.В., Захарова Н.Н., Левицкая Л.Г.** Русский язык. Научный стиль: Филологический профиль: Для студентов-иностранцев подготовительных факультетов вузов. — Харьков, 2006. — 688 с. 7. **Каган М. С.** Искусство // Большая Советская Энциклопедия: В 30 т. / Под ред. А. М. Прохорова. — Изд. 3-е. — Т. 10. — М., 1972. — С. 475–477. 8. **Карповская А.С., Клютко В.Я.** Отбор и организация учебного материала при обучении студентов-иностранцев языку специальности «Музыкальное искусство» // Учебный процесс как основа комплексной адаптации иностранных студентов к новой образовательной, социальной и культурной среде: Материалы междунар. юбилейной науч.-практ. конф. 22–24 июня 2005 г. — Одесса, 2005. — С. 67–68. 9. **Мелик-Пашаев А.А.** Виды искусства // Современный словарь-справочник по искусству / Научн. ред. и сост. А. А. Мелик-Пашаев. — М., 1999. — С. 118–119. 10. **Методические** рекомендации по обучению студентов-иностранцев языку специальности «Музыкальное искусство». — Харьков: ХНУРЭ, 2006. — 64 с. 11. **Митрофанова О.Д.** Взаимодействие языковой и предметной компетенции в процессе обучения студентов-нефилологов // Современный учебник русского языка для иностранцев: Теоретические проблемы и прикладные аспекты: Междунар. науч.-практ. конф. 20–22 ноября 2002 г., Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова: Тез. — М., 2002. — С. 109–110. 12. **Навчальні** плани та програми (довузівська підготовка іноземних громадян). — Ч. 1. — К., 2003.

— 56 с. **14. Психология** / Под ред. А. А. Смирнова, А. Н. Леонтьева. — М., 1962. — 559 с.

В данной статье предпринимается попытка обосновать целесообразность дробления широкого профиля, выделяемого в методике преподавания РКИ и традиционно называемого «гуманитарным»; обосновывается целесообразность выделения «узкоспециального» профиля «Музыкальная культура и искусство» и предлагается концепция отбора и презентации текстового материала для студентов, обучающихся на подготовительных факультетах в группах указанного профиля.

Ключевые слова: гуманитарный профиль, «узкоспециальный профиль», специальность, пособие по научному стилю, текстовый материал.

У статті обґрунтовується доцільність розподілу профілю, який традиційно називають в методиці викладання російської мови як іноземної «гуманітарним»; доводиться доцільність виділення вузького спеціального профілю «Музична культура та мистецтво» та пропонується концепція відбору та презентації текстового матеріалу для студентів, які навчаються на підготовчих факультетах у групах зазначеного профілю.

Ключові слова: гуманітарний профіль, «вузький» спеціальний профіль, напрямок навчання, посібник з наукового стилю, текстовий матеріал.

In the article we made an attempt to prove an appropriateness of dividing the wide profile which is detached in a methods of teaching RAF and traditionally named «humanities»; we substantiated appropriateness of detachment of a «highly specialized» profile «musical culture and art» and offered the concept of selection and presentation of text materials for the students of the Preparatory departments studying in groups of the mentioned profile.

Key words: Humanitarian profile, a «highly specialized» profile, specialty, manual on scientific style, text materials.

О. І. Вовк

ОСОБЛИВОСТІ НАВЧАННЯ ІНШОМОВНОГО СПІЛКУВАННЯ СТУДЕНТІВ-ФІЛОЛОГІВ У СУЧАСНОМУ СЛОВ'ЯНСЬКОМУ ПРОСТОРІ

Метою статті є висвітлити особливості навчання іншомовної комунікації в термінах комунікативно-когнітивного підходу і методу активізації резервних можливостей особистості та колективу.

Протягом багатьох років широкий спектр різноманітних проблем з навчання іншомовного спілкування розглядався у дослідженнях великої кількості вітчизняних і зарубіжних науковців, зокрема І. Л. Бім, І. О. Зимньої, Г. О. Китайгородської, Р. П. Мільруда, Ю. І. Пассова, В. Л. Скалкина, D. Hymes, K. Johnson, W. Littelwood, J. Munby, S. J. Savignon, E. Tarone, H. G. Widdowson, D. A. Wilkins, E. Williams та ін. Було досліджено широке коло питань з навчання іноземній мові (ІМ). Головне, що об'єднує науковців, – це загальна спрямованість процесу навчання на формування комунікативної та соціокультурної компетенцій студентів. Водночас, майже не акцентується необхідність формування когнітивної компетенції та діалогу слов'янської й іншомовної культур, що на нашу думку, призводить до ментального збіднення та розчинення своєї національної ідентичності в чужій культурі.

Однією з провідних технологій навчання іншомовного спілкування у ВНЗ є комунікативно-когнітивний підхід [1, с. 178–185], який є комбінованою стратегією, що об'єднує дві основні парадигми сучасної методичної науки: комунікативну та когнітивну, і базується на даних суміжних з методикою наук, переважно когнітивної психології, лінгвістики та дидактики. Особливістю цього підходу є його загальна спрямованість на розвиток діалогу та інтеграції слов'янської та англomовної культур, а також на формування не лише комунікативної, а й когнітивної компетенцій. *Когнітивна компетенція* є готовністю до здійснення комунікативно-розумової діяльності, тобто до вирішення мовленнєво-розумових задач за допомогою сукупності мовленнєвих дій і мисленнєвих операцій. Мовленнєві дії забезпечуються комунікативними навичками і вміннями. Мисленнєві операції забезпечуються *когнітивними навичками* – ментальними здібностями, за допомогою яких людина обробляє зовнішні стимули [2, с. 137], тобто вхідну інформацію у вигляді таких завдань, які стимулюють розвиток когнітивних процесів. Формування когнітивної компетенції має місце у процесі *мовленнєво-розумової активності* студентів, яка є цілеспрямованим, вмотивованим та осмисленим процесом пізнання дійсності мовленнєвими засобами [3, с. 6].

Процес пізнавальної активності керується двома рівнями: 1) нейрофізіологічним і 2) когнітивним [4, с. 84]. На першому рівні знаходяться генетично успадковані знання. На їх базі здобуваються первинні знання, які набувають статусу апріорних і слугують основою для здобуття нових знань – або на емпіричній основі, або силогічним шляхом. Процес пізнання має місце і на другому (когнітивному) рівні, коли знання розглядаються як проблема і накопичена мозком інформація, яка може бути використана для здійснення мислення та вирішення практичних завдань. Такі знання є результатом процесу пізнання дійсності і мовленнєво-розумової активності.

Стимулювання мовленнєво-розумової активності студентів відбувається за рахунок створення на заняттях *проблемних ситуацій*, тобто таких, в яких виникають задачі, що пов'язані з інтелектуальною діяльністю. Проблема задача характеризується наявністю перешкоди, певного утруднення на шляху до мети, якою є розв'язання задачі; необхідністю вибору одного з декількох варіантів вирішення; зіткненням протилежних точок зору; «інформаційною нерівновагою» тощо [4, с. 434].

Вважається, що розумова активність, яка пов'язана з вирішенням проблеми, є евристичною. *Евристика* – це метод відкриття знання чи вирішення проблеми за допомогою проб і помилок, коли не існує чіткого алгоритму. Будь-яка евристика, що використовується для вирішення проблеми, є когнітивною, а отже вона вимагає інтелектуального напруження, розумової активності та *когнітивних здібностей* – якостей, в основі яких лежать певні механізми мислення, а саме орієнтування в ситуації, прийняття рішень, прогнозування, вибору, комбінування, конструювання тощо [2, с. 323].

Таким чином, слід створювати такі умови навчання, які б стимулювали студентів розв'язувати проблемні задачі засобами мови у процесі здійснення мовленнєвої діяльності. Використання мовленнєво-розумових задач різного рівня проблемності та складності сприяє розвитку механізмів мислення, тобто таких мисленнєвих операцій, які забезпечують формування когнітивної компетенції.

Одним із методів, що може реалізувати комунікативно-когнітивне навчання іншомовного спілкування, є метод активізації резервних можливостей особистості і колективу (Г. О. Китайгородська), який спрямований на прискорене оволодіння іноземною мовою (ІМ) за рахунок сугестії, ігрових прийомів, широкого використання творів образотворчого мистецтва, класичної музики (Г. Лозанов рекомендує стиль «барокко»), індивідуалізованого навчання через групове тощо.

В інтенсивному навчанні базовим текстом, який містить основну навчальну інформацію, є текст-полілог (ТП), що є сплетінням ситуацій, які слугують моделями мовленнєвої поведінки студентів [5, с. 73] і який певною мірою є джерелом знань. Для його повного розуміння та осмислення студентам необхідно володіти не лише мовними знаннями, а

й системою понять. У тексті-полілозі, поряд із досліджуваними мовними та мовленнєвими явищами, є певна кількість різних реалій, які властиві лише певним націям і народам. Знання реалій допоможе студентам інтегруватися в іншу культуру, що нерозривно пов'язана з мовленням, яке є найбільш видимим і доступним проявом цієї культури [6, с. 114].

Розрізнено факти, що містяться в тексті, є фрагментарними, складними для цільного сприйняття та запам'ятовування, а об'єднані єдиною сюжетною лінією за допомогою різних ситуацій, у комплексі, легше осмислюються, сприяють створенню нестандартної навчальної атмосфери на заняттях, а також завдяки асоціативним зв'язкам міцніше запам'ятовуються. У цьому контексті доречно буде згадати *принцип специфічності кодування інформації*, сформульований Е. Тульвінгом і його колегами [7, с. 381–391], відповідно до якого інформація, що зберігається в пам'яті, завжди тісно пов'язана з ситуацією, в якій вона запам'ятовувалася. Тому викликати щось з пам'яті завжди легше в тому контексті, в якому відбувалося запам'ятовування.

Пов'язуючи факти і події, що містяться в ТП, студенти «запускають», активізують блоки інформації, що зберігаються в пам'яті. Ф. Бартлетт назвав їх *схемами*, під якими він розумів активну організацію минулого досвіду, що впливає на процеси переробки інформації [8, с. 121]. Схеми, або структури знань, є пакетами інформації, які зберігаються в пам'яті чи створюються в разі потреби з компонентів, котрі в ній містяться, і забезпечують адекватну когнітивну обробку стандартних ситуацій. Ці структури відіграють істотну роль у функціонуванні природної мови: за їх допомогою встановлюється зв'язність тексту на мікро- і макрорівнях, забезпечується вихід необхідних умовиводів та їх активація. Вони також «поставляють» контекстні очікування, що дозволяють прогнозувати майбутні події на основі подібних за структурою подій, які зустрічалися раніше [9, с. 8].

Для сприйняття, осмислення і продукування текстів істотну роль відіграють контексти ментального рівня, тобто культуральний, ситуативний і особистий (за В.Я. Шабесом [10, с.88]). *Культуральний* контекст є сукупністю соціальних конвенцій, прийнятих у даному суспільстві. До них відносять також і комунікативні конвенції. Вважаємо, сюди можна віднести й максими спілкування (*maxims of conversation*) Р. Грайса [11, с. 217–237]. Вони передбачають, а відповідно й окреслюють принципи комунікативної взаємодії. Це: максима якості, тобто правдивість комунікації; максима кількості – достатня (не перебільшена) інформативність; максима відповідності темі; максима стилю – чіткість і зрозумілість комунікації. Комунікативні конвенції, принципи чи максими спілкування можуть знаходити різне втілення й відображення в різних культурах, але загальний принцип комунікативної взаємодії слід розглядати як універсальний.

Для повноцінного і коректного спілкування необхідно також враховувати так звану *рутинну поведінку* чи індивідуальні акти

поведінки, які в різних культурах можуть мати різне значення [6, с. 51]. Це передбачає знання того, як носії мови, зазвичай, поведуться в певних соціальних ситуаціях; культуру дискурсу, а саме знання мовленнєвих формул, які використовуються в повсякденному житті, наприклад, як починати, підтримувати та закінчувати розмову, брати слово в діалозі; які засоби мови обирати для формального / неформального дискурсу, знання прототипічних цінностей народу, ставлень, переконань й відчуттів, що відображені у відомих фразах – прислів'ях і приказках; культури невербальної комунікації, тобто знання кінетичних, мімічних і проксемічних засобів, які супроводжують спілкування й доповнюють його позитивно чи негативно. Ця інформація є одним із компонентів знаннєвого простору людини.

Отже, оволодіння іншою мовою передбачає також оволодіння й іншою культурою, тобто *аккультурацію* – процес адаптації до нової культури, для якого необхідне переорієнтування мислення та набуття нових комунікативних навичок [12, с. 34]. Спеціалістами вводиться також поняття *соціальної відстані* як емоційної конструкції для пояснення місця оволодіння культурою у процесі оволодіння ІМ. Соціальна відстань відноситься до когнітивної та емоційної близькості двох культур, що перетинаються всередині індивіда. «Відстань» використовується в абстрактному смислі, щоб позначити розбіжність між двома культурами [13, с. 116]. Досить велика соціальна відстань може призвести до емоційного зриву, відчуття психологічного дискомфорту, який переживає людина, що знаходиться в іншому культурному середовищі та вивчає іншу мову в іншій культурі. Мова йде про *культурний шок*, який деякими дослідниками вважається «природним досвідом» людини, що вивчає ІМ [12, с. 43]. Зменшити ступінь соціальної відстані, ентропії (невизначеності) та комунікативних невдач, які можуть призвести до культурного шоку, можливо завдяки моделюванню таких навчально-мовленнєвих ситуацій, які б враховували культурні та комунікативні конвенції, принципи спілкування та правила рутинної поведінки носіїв мови.

Вважається, що хоча ми стикаємося з проявами різноманітних культур, ми схильні вірити, що наша власна дійсність – це «правильне» сприйняття. Але, як відомо, сприйняття завжди суб'єктивне. Воно вміщує фільтрацію інформації та її зберігання в пам'яті. Що здається нам точним і об'єктивним, представниками іншої культури бачиться незначним і суб'єктивним. Отже, можливі непорозуміння між членами різноманітних культурних спільнот. Тому необхідно навчити студентів толерантно ставитися до культурних проявів представників неслов'янських культур та адекватно розв'язувати проблемні питання в різноманітних соціально детермінованих ситуаціях, де стикаються декілька культур. При цьому, бажано зважати також і на власні культурні та комунікативні особливості, щоб мав місце діалог культур.

Модельовані ситуації, які містяться як у тексті-полілозі, так і створюються на заняттях, будуть складати *ситуативний* контекст, котрий є окремим випадком культурального контексту, тобто це контекст певної ситуації, що визначає стиль комунікації та поведінки [10, с. 88]. На нашу думку, необхідно акцентувати увагу студентів на залежність їх мовленнєвих творів або інтерпретацій від контексту ситуації. Ситуативна закріпленість мовлення в різних мовах різна. Як наслідок, неофіційність, невимушеність спілкування носіями різних мов сприймається й оцінюється неоднаково, що також необхідно мати на увазі у процесі формування культури іншомовного спілкування: студенти повинні знати національно-культурні особливості мовленнєвої поведінки її носіїв.

Мовленнєвий етикет пропонує мовцям використання певних формул у залежності від ситуації спілкування. Носії мови, що опанували правила мовленнєвого узусу в процесі соціалізації, інтуїтивно здійснюють вибір необхідних одиниць, орієнтуючись на екстралінгвістичні умови, серед яких особливе значення має ступінь офіційності обстановки і відносин між комунікантами [14, с. 73]. Відповідно, до ситуації, в яку потрапили партнери по комунікації, змінюються й мовні та мовленнєві засоби, які вони вживають, тобто стиль їхнього спілкування. Це своєрідне мета-послання, яке вказує, як індивідам слід розуміти та інтерпретувати вербальне повідомлення, або контекст комунікації [15, с. 166]. Тут майстерність мовця виявляється не лише в культурі його мовлення, а й в умінні знайти найвідповідніший для кожної конкретної ситуації стилістичний засіб мови для досягнення певної мети та реалізації інтенції.

Приватні знання, позиції та емоційні відносини комунікантів складають *особистий* контекст [10, с. 88]. Особистий контекст впливає на процеси осмислення і породження текстів. Глибина цих процесів залежить не лише від широти знаннєвого простору студентів, а й від їхніх оцінок, думок, емоцій тощо щодо змісту певного тексту. Передбачається, що слід навчити студентів вживати ті чи інші мовні засоби з урахуванням їхньої комунікативної функції для вираження певного комунікативного наміру. Але, оскільки вони мають різний соціальний досвід, мовну та мовленнєву компетенцію, володіють широким спектром емоцій і екстралінгвістичних знань, то й обрані ними засоби і стилістичне забарвлення їхніх мовленнєвих творів можуть різнитися в залежності від їхніх емотивних і конотативних уявлень та оцінок, комунікативного досвіду, а також ступеня їхньої включеності в глобальний контекст спілкування чи співпричетності до нього.

Таким чином, під час оволодіння ІМ лінгвістичний, когнітивний, комунікативний, а отже і культурний розвиток студентів відбувається паралельно, взаємодіючи один з одним. За допомогою когнітивних процесів комуніканти, базуючись на експліцитно вираженій текстовій інформації та власній ментальній спроможності, конструюють своє власне уявлення про інформацію, яка ними обробляється та

використовується у спілкуванні. Це уявлення формується у процесі осмислення з огляду на відповідні контексти, які істотно впливають на адекватність, якість та стилістичне забарвлення мовленнєвих творів студентів. Успішність протікання іншомовної комунікації забезпечується обов'язковою включеністю студентів у глобальний контекст спілкування. Процес іншомовного спілкування передбачає врахування характерних особливостей і відмінностей соціальних і культурних конвенцій країн виучуваної мови, реалій, рутинної поведінки, максим спілкування тощо та відбувається на ґрунті інтеграції культур.

Перспективу розвитку проблеми, що розглядалася, ми вбачаємо у компаративному дослідженні особливостей вербальної і невербальної поведінки представників англomовної і слов'янської культур.

Література

1. **Вовк О.І.** До питання про сучасну стратегію навчання іншомовного спілкування у вищих навчальних закладах // Вісник Луган. нац. пед. ун-ту імені Тараса Шевченка: Філол. науки – Луганськ, 2005.
2. **Eysenck, M.W.** Principles of Cognitive Psychology. – Padstow, Cornwall, UK., 2001.
3. **Мильруд Р.П.** Основные способы стимулирования речемыслительной деятельности на иностранном языке // Ин. яз. в shk. – М., 1996.
4. **Психологический словарь** / Под общ.ред. Ю. Л. Неймера. – Ростов-н/Д., 2003.
5. **Китайгородская Г.А.** Система интенсивного краткосрочного обучения иностранным языкам: Дис. ... д-ра пед. наук. – М., 1987.
6. **Томахин Г.В.** Реалии-американизмы. – М., 1988.
7. **Tulving, E., Pearlstone, Z.** Availability Versus Accessibility of Information in Memory for Words // Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior, 1966.
8. **Bartlett, F.C.** Thinking. – N.Y., 1958.
9. **Герасимов В.И., Петров В.В.** На пути к когнитивной модели языка // Когнитивные аспекты языка: Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XXIII. – М., 1988.
10. **Шабес В.Я.** Соотношение когнитивного и коммуникативного в речемыслительной деятельности (событие и текст): Дис. ... -ра. филол. наук. – Л., 1990.
11. **Грайс Г.П.** Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1985.
12. **Brown, D.** Principles of Language Learning and Teaching. – San Francisco State University, 1987.
13. **Почепцов Г.Г.** Теория и практика коммуникации. – М., 1998.
14. **Фаенова М.О.** Обучение культуре общения на английском языке. – М., 1991.
15. **Грушевицкая Т.Г., Попков В.Д., Садохин А.П.** Основы межкультурной коммуникации. – М., 2003.

В статье идёт речь об особенностях обучения иноязычному общению в рамках коммуникативно-когнитивного подхода и метода активизации резервных возможностей личности и коллектива. Внимание акцентируется на необходимости формирования когнитивной компетенции, а также диалога славянской и англоязычной культур.

Ключевые слова: когнитивная компетенция, речемыслительная активность, культуральный, ситуативный и личный контексты, рутинное поведение, аккультурация, социальная дистанция, культурный шок.

У статті йдеться про особливості навчання іншомовного спілкування в межах комунікативно-когнітивного підходу та методу активізації резервних можливостей особистості і колективу. Увага акцентується на необхідності формування когнітивної компетенції студентів, а також діалогу слов'янської й англomовної культур.

Ключові слова: когнітивна компетенція, мовленнєво-розумова активність, культуральний, ситуативний та особистий контексти, рутинна поведінка, аккультурація, соціальна відстань, культурний шок.

The article deals with the problem of English language acquisition within the framework of the communicative-cognitive approach and the method of stimulation of the reserved potentials of a personality and a collective. The author highlights the necessity of cognitive competence development and integration of Slavic and Anglophone cultures.

Key words: cognitive competence, thinking and speech activity, cultural, situational and personal contexts, routine behavior, acculturation, social distance, cultural shock.

УДК 811.161.1: 37.001.7

О. И. Горбич

ДИАЛОГОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ФИЛОЛОГИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В последние десятилетия во многих дидактических и методических работах пишется о личностно-ориентированном и, одновременно, технологизированном подходе к обучению русскому языку. Главным же в личностно ориентированных технологиях в образовании является развитие интеллектуальных, коммуникативных, творческих способностей учащихся, их духовное и нравственное совершенствование. Одной из основных, в ряду современных педагогических технологий, наиболее качественно решающих

перечисленные задачи, является, на наш взгляд, диалоговая технология. Данная технология по своей сути является формой сотрудничества на занятии педагога и учащихся, а также учащихся между собой, сотрудничества, в результате которого развивается критическое и логическое мышление, формируются речевые умения, а также этические умения работы в эмоционально-напряжённой обстановке.

Анализируя более чем двухвековой опыт преподавания русского языка в школах России (5 августа 1786 года – Указ Екатерины II об обучении на родном языке), мы можем констатировать тот факт, что интерес к диалогу на уроках словесности как одному из главных компонентов, развивающих мышление и речь детей, способствующих духовному росту, возник в методической науке давно.

Например, Н. Ф. Кошанский, лицейский учитель А. С. Пушкина, писал: «Разговор (диалог) есть такое прозаическое сочинение, в нём собеседуют вводимые лица... Диалог пошёл от драматической прозы и от способа древних учить философии посредством Диалогистики или Диалектики, путём вопросов и ответов» [5, с. 5].

Н. Ф. Кошанский разработал упражнения, которые содержали вопросы. Ответы на них, что особенно важно, предполагали обсуждение в форме диалога. «Размышление полезно потому, что образует способность рассуждать, которая прибавляет к читаемому своё, присваивает себе чужое, но часто новое и даже оригинальное» [5, с. 4].

Приведём пример того, как был организован диалог с учащимися в школе Кошанского. Например: «Учащийся не должен резвиться. Почему?... потому что резвость мешает учиться. – Прилежание полезно. Почему?... потому что служит средством к приобретению успехов.... Должно почитать родителей. Почему? (скажите сами) – ...Чтение книг полезно. Почему?» [5, с. 8].

О «двояком способе преподавания» размышлял уже в середине XIX века Ф. И. Буслаев: учитель или заставляет ученика самого доискиваться и находить то, чему его хотят научить, или же предмет преподавания даётся ему готовый. Первый способ, или «методу», Ф. И. Буслаев называет гейристической, вторую – историко-догматической [3, с. 32].

Ф. И. Буслаев особо выделил мысль о том, что сущность гейристической методы в разговорном, диалогическом изложении. Он подчёркивал универсальность метода, применимого к преподаванию математики, философии и языка отечественного [3, с. 32].

Но при этом учёный считал, что «в отношении субъективном гейристическая метода и в преподавании отечественного языка требует известных ограничений: малые дети, без запаса наглядного знания и без умения выражаться о чём-либо определённо, не могут с первого раза обучаться гейристически. Поэтому весьма ошибаются те, которые употребляют так называемую сократическую методу в первоначальном

преподавании; ученики Сократовы были опытные мужи и взрослые юноши, владевшие языком и многими знаниями» [3, с. 32].

Идеи Ф. И. Буслаева о значении гейристической (сократической) методы и целесообразности её применения, а также некоторых условий, зависящих от возраста учащихся, являются своеобразными дидактическими рекомендациями по развитию диалогической речи детей, которые актуальны и в наше время при создании диалоговых технологий обучения.

В «Грамматике» Ф. И. Буслаева есть также наблюдения, касающиеся развития логического мышления ребёнка при обучении русскому языку. Он утверждал, что язык есть выражение мысли, а поэтому следует начинать с детьми прямо от языка и потом уже переходить к мысли, так как, изучая язык, они изучают и то, что им выражается, то есть мысль. Ф. И. Буслаев отмечал, что для детей логические категории гораздо понятнее в языке, чем в отвлечённых умствованиях. Он писал о логических отношениях грамматических понятий. Все формы суждений и умозаключений и множество иных категорий, по его мнению, выражаются в грамматике формами языка и объясняются во всех видах и отношениях.

Вывод Ф. И. Буслаева таков: не логика предшествует обучению грамматике, а наоборот, грамматика приуготовляет детей к логике [3, с. 44–45]. Ф. И. Буслаев подчёркивает, что обучение отечественному языку чрезвычайно многоаспектное и сложное развивающее ученика явление: во-первых, это развитие положенного в ребёнке дара слова, во-вторых, это руководство ученику в искусстве читать, говорить и писать, в-третьих, это органичное соединение грамматики и языка в обучении чтению, разговору и письму [3, с. 63–68].

Эти положения необходимо учитывать при развитии диалогической речи учащихся, так как правильное употребление языка важно не только при чтении или письме, но и при разговоре, тем более если он ведётся во время учебного диалога в классе.

Говоря о развивающих функциях диалога при коммуникативном обучении, нельзя не отметить размышления Ф. И. Буслаева о развитии нравственных качеств ребёнка при изучении отечественного языка:

- посредством языка человек становится членом общества;
- язык возбуждает в нём искру мысли;
- развивающиеся духовные способности ребёнка выражаются в слове;
- словом возбуждается и приводится в действие нравственное чувство в человеке;
- высшее раскрытие дара слова становится нравственной целью человека в обществе [3, с. 380–381].

Другой русский учёный И. А. Бодуэн де Куртенэ в 1904 году в статье «Языкознание» писал о возможности развития умственной деятельности при ведении диалога о языке: «Вообще умственная

деятельность по отношению к человеческому языку проявляется в следующих направлениях: 1) просто мышление о лингвистических вопросах, 2) чтение и беседы по этой части и вообще обучение других, и 3) писательская, литературная деятельность» [2, с. 97].

Изучив труды И.А. Бодуэна де Куртенэ, мы пришли к выводу, что одной из главных наук, развивающих эрудицию школьников, он считал языкознание, а вспомогательными науками языкознания предлагал считать: психологию, социологию, анатомию, физиологию, акустику, механику (действие органов произношения), математику (применяются количественные понятия), антропологию, биологию (биология животных), этнографию, археологию [2, с. 99].

Основываясь на лингвистическом и педагогическом наследии И. А. Бодуэна де Куртенэ, осмелимся предположить, что развитие лингвистического мышления учащихся он считал одной из главных интеллектуальных задач.

В статье «Значение языка как предмета изучения» он пишет: «...задача школы и обучения вообще состоит в следующем: с одной стороны, дать известный запас полезных в практическом отношении и интересных сведений и умений, с другой же стороны, приучить к самостоятельному мышлению, развивая ум как в дедуктивном, так и в индуктивном направлении.

К числу полезных в практической жизни и украшающих голову сведений и умений принадлежат, между прочим: ...умение грамотно писать и толково выражаться (как устно, так и письменно), некоторое знание литературы и словесности, знание разных языков и т.д.» [2, с. 129].

Далее учёный пишет: «...на обучение следует прежде всего смотреть как на средство развития ума и приучения его к самостоятельному отношению к действительности.

Изучение должно состоять прежде всего в непосредственном наблюдении существующего и происходящего и в надлежащем освещении действительных фактов путём постепенных отвлечений и обобщений. ...

Сами ученики должны наблюдать, группировать явления, делать обобщения и выводы, а преподаватель играет при этом роль руководителя, роль, по выражению Сократа, акушерки, помогающей мыслям родиться» [2, с. 135–136].

Мы видим, что само понятие «диалог» не присутствует в рассуждениях И. А. Бодуэна де Куртенэ, но, по нашему мнению, речь идёт о развитии диалогической речи учащихся. Не случайно употребляется имя Сократа, мастера диалога. Ничто так не развивает речь ребёнка, как умение наблюдать, думать, группировать явления, обсуждать, делать обобщения и выводы, вступать в беседу, рассуждать, вести диалог.

Изучив педагогическую деятельность и труды Л. Н. Толстого, писателя и одновременно учителя Яснополянской школы, создавшего свою методику преподавания, можно утверждать, что основой обучения он считал развитие устной и письменной речи детей [9, с. 15].

Л. Н. Толстой в своих статьях не употребляет слово «диалог», но основа обучения в его школе была именно диалогическая. Во-первых, он приветствовал вопросы учеников, возбуждённые самою жизнью [9, с. 17]. Во-вторых, утверждал, что для успешного обучения нужно не принуждение, а возбуждение интереса ученика [9, с. 50]. Л. Н. Толстой заинтересовался опытом лучших школ Германии и Англии, «где успели заимствовать эту прекрасную и лучшую методику. Это, изволите видеть, – искусство заставлять детей думать» [9, с. 53–54].

Важность такого положения очевидна для развития диалоговых технологий на уроках русского языка. Гарантированный качественный образовательный результат складывается на таких уроках из ежедневных тренировок, упражнений, искусно подобранных вопросов, тем для обсуждения.

Идея диалогового обучения широко представлена и в трудах великого русского педагога К. Д. Ушинского. Он считал, что на уроках учитель должен своими вопросами постоянно заставлять школьников вникать в смысл изучаемого, возбуждать их интерес, активизировать внимание, пробуждать желание вступить в равноправный диалог с учителем [10, с. 315].

Итак, мы можем сделать вывод о признании формирующих творческое мышление функций диалога учёными и мыслителями двух прошедших столетий. По их мнению, обучение отечественному языку – это многоаспектное и сложное развивающее ученика явление, поэтому развитие лингвистического мышления учащихся – одна из главных интеллектуальных задач, которая может быть решена при ведении со школьниками диалога о родном языке.

В начале XXI века, в условиях становления новой системы образования, обусловленного развитием инновационных процессов в педагогической теории и практике, по-прежнему большое внимание уделяется гуманистическим, личностно-ориентированным подходам, среди которых и диалогическое обучение.

Проблема использования педагогических технологий в преподавании русского языка в школе волнует учёных и педагогов-практиков давно. Например, идеи программированного и проблемного обучения широко обсуждались и внедрялись в преподавание русского языка советскими учителями ещё в 60-е – 70-е гг. XX века (теория программированного обучения: В. П. Беспалько, Н. Ф. Талызина и др.; проблемное обучение: М. А. Данилов, В. П. Есипов, И. Я. Лернер, А. М. Матюшкин, С. Л. Рубинштейн и др.). Эта дидактическая традиция развивается и находит всё большее применение в современной школе. Ориентиры преподавания при этом направлены в сторону развития

педагогической теории и практики за счёт поиска и внедрения новых идей и технологий.

Процесс технологизации образовательной деятельности в преподавании русского языка в школе естественен в условиях возрастающего объёма информации, мощного развития техники, изменения социальных условий. Однако технологизированный подход к обучению и, в первую очередь, обучению русскому языку как предмету, имеющему в школе особый статус (предмета обучения и средства познания других предметов) оправдан лишь тогда, когда имеет гуманистический, личностно-ориентированный характер.

Анализ состояния методики преподавания русского языка в последние десятилетия позволяет сделать вывод о заинтересованности современной школы в создании диалоговой технологии обучения. Насущная необходимость разработки такой технологии определяется в значительной мере тем, что требования к уроку сегодня значительно отличаются от тех требований, что предъявлялись к уроку несколько десятилетий назад. Задача современной школы состоит не только в том, чтобы дать учащимся ту или иную сумму знаний, но и помочь личности школьника в самоопределении и самореализации; развить мышление детей и их речь, активизировать познавательную деятельность, сделать гармоничным и цельным восприятие мира, преобразовать сознание коммуникантов-оппонентов. Реализация идеи диалогового обучения поможет педагогу вывести ученика на новый «уровень отношений с собой и с миром – уровень диалога» [1, с. 315].

Очевидно, что продуктивная коммуникация возникает на основе эмоционально значимых ценностных представлений учащихся о явлениях окружающего мира, например, осознания языковой картины мира, которая включает русский язык как родной.

Говоря об идее создания и использования диалоговой технологии в курсе языкознания, следует учитывать ряд принципиально важных моментов: создание диалогической среды обучения в целом; изменения в целеполагании; определённое содержание урока, ограниченное рамками смыслового поля диалога (мировоззренческий характер учебного материала при обогащённости его лингвистической информацией); привлечение дополнительных форм, методов и приёмов обучения; использование специальных дидактических материалов; «овладение культурой выражения внутреннего во внешнем» [7, с. 65].

Понятие «педагогическая технология» рассматривается в современной науке по-разному: это и «модель совместной педагогической деятельности по проектированию, организации и проведению учебного процесса», и «совокупность приёмов», и «системный метод», и «содержательная техника реализации учебного процесса» и т.д. [8, с. 215].

Так или иначе, для нас ясным является одно: если говорить о реализации проблемы создания и применения диалоговой технологии на

уроках русского языка, то нужно иметь в виду то, что такая технология – это многоаспектное и сложное развивающее ученика явление, которое предполагает чёткую логику выстраивания этапов работы в соответствии с конечной целью – формирование личности, свободно ведущей диалог по учебно-научным и мировоззренческим проблемам, личности, мыслящей творчески и критически, способной группировать и анализировать явления, не бояться выходить за рамки общепринятого. Реализация данной цели обеспечивается выполнением определённых условий: прогнозирование результата, определение единицы измерения процесса (в нашем случае – это урок-диалог, на котором выявляется степень сформированности того или иного умения и навыка), диагностика исходного уровня готовности к диалогу, поэтапное обучение с использованием ежеурочных тренировок, упражнений, искусно подобранных тем и вопросов для обсуждения.

В современной дидактике созданы теоретические предпосылки в развитии этой идеи, определены структурные компоненты образовательной технологии.

Как правило, в структуре технологии обучения выделяются такие компоненты:

1. **Диагностика** уровня усвоения учебного материала и отбор обучаемых в группы с однородным уровнем уже имеющихся знаний и опыта.

2. **Мотивация и организация учебной деятельности учащихся.** Основная задача учителя на этом этапе – привлечение учащихся к занятиям познавательной деятельностью и поддержка этого интереса.

3. **Действие средств обучения.** Этот этап и есть собственно процесс обучения, на котором происходит усвоение учебного материала учеником при взаимодействии со средствами обучения.

4. **Контроль качества усвоения материала.**

Эти компоненты выявляются в различных технологиях обучения при изучении русского языка: модульная технология обучения (Т. И. Шамова, Т. И. Третьяков, И. Б. Сенновский), технология развивающего обучения (И. С. Якиманская, Л. В. Занков и др.), игровая технология (Ш. А. Амонашвили, О. В. Канарская, Д. Б. Эльконин), проблемно-эвристическая технология (А. В. Хуторской), обучение в малых группах, метод проектов, информационные технологии (Е. С. Полат), информационные технологии на основе алгоритмов (Н. Н. Алгазина) и др. [6, с. 174–175].

Возникает вопрос, чем же отличаются эти современные технологии от традиционных способов обучения и как они соотносятся с ними?

В основном методисты, учитывая проблемы практики преподавания русского языка, шли в направлении внедрения современных методов и форм обучения в традиционную структуру урока.

Однако в последние десятилетия в практике преподавания русского языка сложилась уже система нетрадиционных уроков:

- интегрированные уроки, основанные на межпредметных связях;
- уроки в форме соревнований (лингвистический турнир, лингвистический бой);
- уроки, основанные на формах, жанрах и методах работы, известных в общественной практике (интервью, репортаж, лингвистическое исследование);
- уроки на основе нетрадиционной организации учебного материала (урок мудрости, урок презентация);
- уроки с использованием фантазии (урок-сказка);
- уроки с имитацией публичных форм общения (пресс-конференция, аукцион, бенефис, телепередача);
- уроки, основанные на имитации деятельности организаций и учреждений (заседание учёного совета, дебаты в парламенте),
- уроки, имитирующие общественно-культурные мероприятия (заочная экскурсия, урок-путешествие, гостиная, лингвистический театр) [4, с. 31].

Однако новые образовательные технологии, к числу которых мы относим и диалоговую, предлагают инновационные модели построения такого учебного процесса, где на первый план выдвигается взаимосвязанная деятельность учителя и ученика, нацеленная на решение как учебной, так и практически значимой задачи.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что диалоговая технология, впитав предшествующий её возникновению дидактический и методический опыт, не повторяясь, а расширяя рамки ранее накопленного в педагогической теории и практике, предлагает современному педагогу-русисту коммуникативно, когнитивно и исследовательски направленную творческую стратегию в преподавании родного языка.

Литература

1. Белова С.В. Диалог – основа профессии педагога. — М., 2002.
2. Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. 2. — М., 1963.
3. Буслаев Ф. И. Преподавание отечественного языка. — М., 1992.
4. Гац И. Ю. Методический блокнот учителя русского языка. — М., 2003.
5. Кошанский Н. Ф. Общая риторика. — СПб., 1829.
6. Обучение русскому языку в школе: учебное пособие для студентов педагогических вузов. — М., 2004.
7. Развитие устной и письменной речи учащихся на уроках русского языка в 5–9 и 9–11

классах и подготовка студентов педвузов к работе в школе. — М., 1999. 8. Селевко Г. К. Современные образовательные технологии. — М., 1998. 9. Толстой Л. Н. Педагогические статьи. Издание «Посредника» № 932. — М., 1911. 10. Ушинский К. Д. Избранные педагогические сочинения: В 2 т. — М., 1974.

В центре внимания автора статьи оказывается одна из основных современных педагогических технологий – диалоговая технология. Подобный диалог имеет свою языковую специфику, которая зависит от психологических особенностей участников образовательной ситуации. Рассматривается развитие метода в XIX–XX вв.

Ключевые слова: диалог, технология, образование, русский язык, преподавание.

Увага автора статті зосереджена на дослідженні однієї з найважливіших у сучасній педагогіці технологій – діалоговій технології. Такий діалог має свою мовну специфіку, яка залежить від психологічних особливостей учасників навчальної ситуації. Аналізується розвиток цього методу протягом XIX–XX ст.

Ключові слова: діалог, технологія, освіта, російська мова, викладання.

This article tells about the history of dialogue's technology as a method of school's education. This dialogue has its own language specificity that depends on psychological peculiarities of people, taking part in educational situation. Dialogue as a method of school's education develops in XIX–XX centuries.

Key words: dialogue, technology, education, the Russian language, teaching.

УДК 81` 246.3 (163.3)

И. В. Грибанова

ЮЖНОСЛАВЯНСКИЙ ПАНСИОН – ЮЖНОСЛАВЯНСКИЙ ИНСТИТУТ: ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ТРАДИЦИЙ

В феврале 2007 г. исполнилось 140 лет со дня открытия в г. Николаеве Южнославянского пансиона. Южнославянский пансион – учреждение, замечательное тем, что на протяжении 25 лет в нем воспитывались юноши из находящихся под турецким гнетом южнославянских стран (прежде всего Болгарии, а также Сербии,

Черногории и др.). Основателем и директором Южнославянского пансиона был Тодор Николов Минков, обратившийся к России, выражаясь его словами, «как единственной доброжелательнице и защитнице угнетенных славянских народов». Обосновывая важность выбора России как страны обучения болгарского юношества, Тодор Минков писал: «Между всичките страни, където е възможно да се обучават българи, трябва да се отдаде нужното внимание на Русия, тъй като тя е родствена на българите по религия и произхождение и когато българинът се завърне в родината си, няма да се чувства чужд на обкръжаващата го среда. Освен това руският език е близък на родния му език, така че на българина е нужно малко време, щото да го научи. Освен това западните учебни заведения, които приемат българите, се отнасят небрежно към тях, така че с успех завършват курса тези, които полагат изключителен личен труд и енергия. А в руските учебни заведения не отличават при образованието българите от руските младежи и еднакво се грижат за успеха както на едните, така и на другите»¹ [БИА, ф.29, а.е.4, л.55].

Выпускники Южнославянского пансиона (а их было, по разным свидетельствам, от 500 до 800) впоследствии немало пользы принесли родной Болгарии. Среди них были и выдающиеся государственные и военные деятели (Д. Благоев, П. Волов, П. Ванков, П. Груев, П. Абрашев, А. Малинов, П. Пешев, Т. Тодоров, Д. Тончев, К. Никифоров), и блестящие журналисты и писатели (Алеко Константинов, Георги Кирков, Георги Стаматов), и знаменитые ученые (П. Матов, Г. Кирков, П. Райков, А. Каблешков). Южнославянский пансион – достойный пример дружбы и взаимопомощи родственных славянских народов. В Николаеве в трудное для Болгарии время помогли получить образование сотням молодых людей. Система воспитания в пансионе способствовала духовному росту личностей, осознанию своей этнокультурной принадлежности. Особое внимание Тодор Минков уделял преподаванию болгарского языка. Все воспитанники овладели русским языком. Отнюдь не случайно то, что выпускники Южнославянского пансиона, вернувшись на родину, так много сделали для нее, сохранив благодарность к городу и стране, давшим им образование.

Известно, что в Болгарии высоко оценивали (например, судя по отзывам в вестнике «Свобода») значение Южнославянского пансиона.

При несомненной исторической значимости Южнославянского пансиона, с сожалением можно констатировать не только недостаточную изученность архивных и других материалов, касающихся 25-летнего его существования в г. Николаеве, но и абсолютное отсутствие в экспозициях музеев (прежде всего краеведческого) г. Николаева каких-либо сведений об этом. Информация о Южнославянском пансионе содержится в архивах России, Украины, Болгарии. На сегодняшний день вся эта информация разрозненна, не сведена воедино.

Конечно, нельзя говорить об отсутствии исследований по данной теме. В болгарской, русской и украинской историографии факты, касающиеся деятельности Тодора Минкова и существования Южнославянского пансиона, рассматривались первоначально еще выпускниками Южнославянского пансиона (например, П. Абрашевым в очерке «Южнославянский пансион на Ф. Н. Минков в Николаев») [2].

Изучение в разных аспектах деятельности Южнославянского пансиона было продолжено Д. Ганчевым, М. Керемедчиевым, Р. Биневой-Стояновой, П. С. Соханем (в «Очерках истории украино-болгарских связей»), С. Н. Никитиным (в «Очерках по истории южных славян и русско-болгарских связей в 50–70 годы XIX в.») [3; 5; 6]. Сегодня эта тема исследуется И. Милковым, Е. Хаджиниколовой, Э. П. Стояновой и некоторыми другими. Большую работу по изучению данной темы проводит Национальный Музей образования в г. Габрово.

Нельзя не отметить разработку данной темы николаевскими учеными: Ю. Н. Ивановым («Документи Миколаївського облдержархіву про російсько-південнослов'янські культурні зв'язки другої половини XIX ст.») [1]; Е. Г. Мирошниченко и др.

В частности, Ю. Н. Иванов говорит о 48 документах в Николаевском госархиве, связанных с темой обучения южнославянской молодежи на Николаевщине в 50–70-е гг. XIX в.

Перспективы изучения темы широки. Не появилось до сих пор серьезное монографическое исследование, посвященное выдающемуся деятелю болгарского образования Тодору Минкову, не исследовано до сих пор начало творческого пути Алеко Константинова, не определена роль П. Матова в работе комиссии, подготовившей орфографическую реформу болгарского языка и пр.

Весьма интересные факты о пребывании в Южнославянском пансионе Алеко Константинова, касающиеся его первых шагов в сочинительстве, приводит в статье из последнего номера нашего «Славянского альманаха» Э. П. Стоянова [7]. Это опыт перевода двух поэм А. С. Пушкина «Полтава» и «Бахчисарайский фонтан». Мы же, в свою очередь, обращаем внимание на созданные А. Константиновым в Николаеве два поэтических произведения – «Огледало» («Зеркало») и «Защо» («Зачем») [4, с. 147–150]. Это первые опубликованные стихи будущего «рыцаря болгарской литературы». Особенно показательно для становления личности будущего обличителя пороков стихотворение «Защо» [4, 147]. Стихотворение «Защо» («Зачем?»), написанное во время пребывания А. Константинова в Южнославянском пансионе, было опубликовано в вестнике «Свободная Болгария» в апреле 1881 г. Это стихотворение было откликом на появившийся в издаваемом в г. Русе вестнике «Работник» мнении одного из авторов, выразившего некие надежды на улучшение положения дел если не в Болгарии, то в России после гибели Александра II.

Алеко Константинов, как и в целом общественность Болгарии, увидел в этом факте проявление кощунства по отношению к памяти Царя Освободителя. В своих стихах юный поэт выражает горячую благодарность русскому царю-мученику, чье имя должно вызывать благоговение в сердцах болгар. Приведем текст этого юношеского поэтического опыта, тем не менее так много говорившего о необыкновенно развитом у Алеко Константинова чувстве справедливости.

ЗАЩО?

*Ний имахме червени, имахме и бели,
но пак това е нищо – бяхме чисти;
а знаете ли, българи, че веч успели
да се завъдят между нас и нихилисти.*

*Нима, Българио, захвана вече ти
таквиз неблагодарни синове да раждаш?
Но знай, че семето ти, вместо да цъфти,
с тез синове във пропаст гибелна проваждаш.*

*Защо сте между нас вий, пакостна отрода?
Защо ни тъпчете, безбожни, областта?
Защо зацапвате очите на народа?
Защо го гнусно срамите вий пред света?*

*Защо ни клеветите вие пред Европа,
че ний сме подли и неблагодарни хора?
Защо “Работник” смело взема търнокопа
и гробница захваща да копае втора?*

*Защо на тази скръб злорадствувате вий,
която обладава всичките славяни?
И този, що успя бащата да убий,
вий го въздигате, безочливи тирани.*

*Затуй ли, че царят от ярем избави
и с драгоценната войнишка кръв и пот
към пътя на живот свободен ни управи?
Такъв ли нашта благодарност ражда плод?*

*О, българи, ний трябва да благоговеем
сега пред мъченика Цар Освободител,*

*а ний? О, срам! Ний чухме гнусност, а немеем,
немеем, кат четем “Работника”-губител.*

*Немеем! О, уви! Не виждаме, че туй
е на България за срам и унижение
и заради това Европа като чуй,
тозчас ще ни дарува с слюнка и презрение.*

Николаев, 29 март 1881 г.

Это произведение, несмотря на юный возраст его автора, свидетельствует об осведомленности человека (заметим, находящегося за пределами родины), о его гражданской зрелости. Замечательно, что Алеко Константинов сознает меру ответственности за печатное слово. И еще один важный мировоззренческий аспект поднятой поэтом темы хочется подчеркнуть. Ключевыми словами текста являются: *неблагодарни синове, неблагодарни хора, благодарност, трябва да благоговеем*, да и заглавие, конечно, «*Защо?*». В лингвоментальности болгар концепт благодарности один из наиболее значимых. Об этом свидетельствуют и данные социологических и лингвокультурологических опросов последних лет. Стихи Алеко Константинова «Защо» — яркое проявление социальной и лингвоментальной позиции, формированию которой, надо думать, способствовал и факт пребывания поэта в Николаеве, в Новороссии, где он получил образование и, очевидно, чувствовал поддержку и помощь. И нет сомнений, что в сердце самого Алеко Константинова жила благодарность России. Может быть, благодарная память — самый главный итог 25-летнего существования в нашем городе Южнославянского пансиона. Важность восстановления единого образовательного, культурного, душевного и духовного пространства славянских православных стран была актуальна как в 50–70-е гг. XIX в., так и сегодня.

Болгария же — та страна, с которой исторически теснейшим образом связан город Николаев. В Николаеве и Николаевской области есть болгарские поселения (с. Терновка). Заметим попутно, что терновский говор как редкий островной болгарский говор вызывает неизменный интерес как диалектологов Украины, так и ученых из БАН. Эта диалектная система изучается и кафедрой славянской филологии Южнославянского института.

В июле 1997 г. в ознаменование 130-й годовщины создания Южнославянского пансиона решением Николаевского горисполкома нашему институту, открытому в 1995 г., было присвоено наименование Южнославянский институт. В уставе института закреплены те же основополагающие идеи, которые были заложены еще Тодором Минковым – идеи единства культурного, образовательного, информационного пространства славянских стран, воспитание молодого поколения, осознающего свою причастность к духовным ценностям славянского мира. С 1996 г. в Южнославянском институте существует филологический факультет. Концепция подготовки специалистов-филологов в нашем институте изначально имела свои особенности, т.е. была ориентирована не только на обучение английскому и другим романо-германским языкам, но и предполагала выход в широкую сферу непосредственного межславянского общения. Только в Южнославянском институте, единственном из всех николаевских вузов, можно получить образование по аккредитованной специальности «английский язык и литература, болгарский язык». С нового учебного года объявлен набор на специальность «болгарский язык и литература, новогреческий язык». Наш институт как духовный преемник Южнославянского пансиона сохраняет традицию сотрудничества с Болгарией. С рядом высших учебных заведений Болгарии заключены и действуют долгосрочные договоры о безвалютном обмене студентами, стажировках, языковых практиках, совместном издании научных трудов и пр. Студенты-болгаристы выезжают на ежегодную языковую практику в Болгарию и практически за 10 минувших лет побывали во всех ведущих университетах этой замечательной страны. В будущей профессиональной деятельности пригодятся и полученные в Болгарии сертификаты. Заметим, что наши контакты с болгарскими высшими учебными заведениями не являются односторонними. Так, в 2002 г. Южнославянский институт организовал производственную практику для студентов сразу нескольких специальностей из Ямбольского филиала Фракийского университета. Болгарские ученые ежегодно принимают участие в славяноведческих чтениях Южнославянского института, приуроченных к Дню равноапостольных святых Кирилла и Мефодия. И, соответственно, ведущие специалисты нашего института участвуют в наиболее значимых научных форумах («Преславска книжовна школа», «Киприанови четения» и пр.).

В Южнославянском пансионе большой популярностью пользовался рукописный журнал «Братский труд». Именно на страницах этого журнала окрепло перо не только Алеко Константинова, но и Георгия Киркова и другой пишущей братии пансиона. Продолжая столь славную традицию, Южнославянский институт издает сегодня «Славянский альманах» на нескольких славянских языках: украинском, русском, болгарском и польском. В альманахе печатаются статьи

ученых-славистов из Украины, России, Болгарии, Польши, преподавателей и студентов Южнославянского института.

В сложном глобализированном мире важно воспитать у молодого поколения способность сохранить свою причастность к миру славянской культуры, сохранить свое неповторимое лицо. Именно поэтому взаимодействие родственных славянских языков и культур, межславянский дискурс – предметы изучения славистическим центром Национальной академии Украины, действующим при Южнославянском институте.

Литература и примечания

1. Иванов Ю. М. Документи Миколаївського облдержархіву про російсько-південнослов'янські культурні зв'язки другої половини XIX ст. // Архіви України. — №1 (153). — 1979. — С. 61–63. **2. Абрашев П.** Южнославянский пансион на Ф. Н. Минкова в Николаев (Спомени). — София, 1909. **3. Бинева-Стоянова Р.** Тодор Минков – действителни статски съветник // Русия, 8 — 14.09.2006. — С. 14. **4. Константинов А.** Събрани съчинени: В 4 т. — Т. 4. — София, 1981 / Под редакцията на Илия Тодоров / Стихотворенията са на 147–150 с. **5. Никитин С. Н.** Очерки по истории южных славян и русско-болгарских связей в 50–70 годы XIX в. — М., 1970. — С. 147. **6. Сохань П. С.** Очерки истории украинско-болгарских связей. — К., 1976. **7. Стоянова Э. П.** Алеко Константинов – в Европу или назад? // Славянский альманах. — Николаев. — 2007. — Май (в печати).

¹ «Из всех стран, где возможно обучение болгар, нужно обратить особое внимание на Россию, близкую болгарам по религии и происхождению, и то обстоятельство, что, когда болгарин вернется на родину, он не будет чувствовать себя чужим. Кроме того, русский язык близок его родному языку, поэтому для обучения болгарина требуется немного времени. Западные учебные заведения, принимающие болгар на обучение, относятся к ним невнимательно, и успешно закончить курс могут только те, кто приложил исключительный личный труд и энергию. А в русских учебных заведениях не противопоставляют болгар русской молодежи и одинаково заботятся об успехах как тех, так и других».

В статье прослеживается связь между воспитательной и образовательной традицией, сформировавшейся в Южнославянском пансионе г. Николаева в 60-80-е годы XIX в., и современными тенденциями в деятельности Южнославянского института Киевского славистического университета.

Ключевые слова: образование, межславянский дискурс, концепт, преподавание болгарского языка.

В поданій статті розглядається зв'язок між виховною та освітньою традицією, сформованою в Південнослов'янському пансіоні м. Миколаєва в 60-80 роки XIX, та сучасними тенденціями в діяльності Південнослов'янського інституту Київського славістичного університету.

Ключові слова: освіта, міжслов'янський дискурс, концепт, викладання болгарської мови

In the given article connection between pedagogical and educational traditions, moulded in South Slavonic boarding school (Nikolaev) in 60s-80s of XIX c., and modern tendencies in teaching in South Slavonic Institute Kyiv Slavic University is traced.

Key words: education, inter-Slavic discourse, concept, teaching of the Bulgarian language.

УДК 372. 881. 116. 11. 001. 7

Т. Б. Жулий

СТАРАЯ МЕТОДИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА С ПОЗИЦИЙ НОВОГО СОЦИУМА. ОПЫТ. ПОИСКИ

Методика преподавания русского языка, как и общая лингводидактика, в течение трех десятилетий активно ведет поиск путей повышения эффективности обучения языку в целом и, орфографии, в частности. И безуспешно. Приемов такой работы, технологий – не счесть. Иной раз, используя их, учитель едва ли не эквилибрирует на уроке. А орфографический воз школьников не только по-прежнему там, а вовсе откатился на безрадостно далекие позиции.

По-видимому, настало время осмыслить динамику процессов развития методики орфографии, определяя источники прежней результативности в обучении школьников письму и условия, ее тормозящие.

Считая социальный заказ общества самым важным обстоятельством, определяющим развитие как общей дидактики, так и лингводидактики, мы предлагаем сделать небольшой исторический «экскурс».

Показательным в этом плане является XX век. Его начало ознаменовано, как известно, революционными событиями 1917 года. Безграмотные в плане владения письменной речью люди оказались на ключевых государственных постах и, как следствие – открытие ликбезов, рабфаков. Методика русского языка «откликнулась» на эту ситуацию и

«приняла» социальный заказ общества: она объявила грамматику, старательно изучавшуюся в течение нескольких предшествующих веков в российской школе, «служанкой» орфографии.

Основными школьными учебниками по русскому языку стали орфографические справочники, своды правил правописания, снабженные небольшими приложениями в виде сборников орфографических упражнений. Так было почти 2 десятилетия – до 1933 года, пока государство, со всеми его структурами, не испытало другой потребности: иметь граждан, не только научившихся правописным нормам, но и способных участвовать в разных видах речевой коммуникации. В ответ на социальный заказ того времени появился учебник русского языка С. Г. Бархударова и С. Е. Крюčkова, в котором грамматика заняла достойное место, хотя по-прежнему орфография считалась основным критерием результативности обучения предмету.

Конец XX века – это новый этап политической, экономической и общественной жизни страны. Широкие межкультурные контакты, развитие средств массовой коммуникации, в том числе Интернет, определили в качестве приоритетных устное общение и, в последнее время – общение виртуальное. Таким образом, новый социальный заказ обусловил необходимость оптимизации развития речевой деятельности школьников в целом, в том числе и письменной, однако теперь уже орфографическая грамотность перестала быть единственным мерилом культуры письменного общения. И это верно!

Между тем, разноплановая работа методистов все еще не дает нужных результатов в обучении орфографии, во всяком случае, по критериям, официально существующим в нашей школе.

Может быть, нужно изменить критерии? Может быть, нужно менять концептуальный подход к обучению орфографии? Может быть, иначе «прочестъ» социальный заказ сегодняшнего дня? А затем откорректировать объем необходимых выпускнику школы орфографических знаний и умений, и определить новые пути овладения ими?

Думается, что ответом на эти вопросы может быть обращение к проблеме компетентностного подхода в образовании, при котором результаты образования признаются значимыми за пределами системы образования. По мнению российских коллег «компетентностный подход – это подход, акцентирующий внимание на результате образования, причем в качестве результата рассматривается не сумма усвоенной информации, а способность человека действовать в различных проблемных ситуациях» [1].

Выделяя четыре аспекта реализации названного подхода в школьном образовании, ученые называют усиление прикладного, практического характера всего образования, обеспечивающего «приложимость» его в дальнейшем употреблении. Нам представляется совершенно верной трактовка такого подхода, предлагающего

деятельностный характер содержания образования, что означает овладение способами, а не знаниями о способах. Не без гордости отмечаем, что подобный подход в обучении русскому языку (в том числе и русской орфографии) был осуществлен И. М. Подгаецкой, профессором ЛНПУ имени Тараса Шевченко, и описан ею в книге «Воспитание у учащихся интереса к русскому языку» [6].

Практическое внедрение этих идей характеризует журнал «Живое слово», в котором, к примеру, студенты говорят об основных положениях книги М. Т. Панова «Занимательная орфография» (1992 г., № 3), представляют театр лингвистических миниатюр и лингвистический спектакль «Орфография приглашает в свои владения» (1990 г.), разрабатывают нестандартные орфографические задания под девизом «уча других, мы учимся сами» (Сенека) (1988 г.) и др.

Известно, деятельностный подход предполагает такое обучение, при котором акцент переносится с преподавательской активности учителя на учебную деятельность, основанную на инициативе и ответственности самих учащихся. Вполне оправдана в такой ситуации позиция тех дидактов, которые иначе видят действия традиционных принципов обучения: «современная наука теперь характеризуется не как свод незыблемых знаний, а скорее определяется научностью способа их получения, анализа и интерпретации их, природосообразность дополняется социосообразностью, доступность определяется во многом ролью учителя как консультанта, а не «легкостью» самого материала, а прочность знаний дополняется практической применяемостью [1].

Не менее значима идея релевантности содержания образования современным тенденциям общественной жизни. Естественен в этом случае разговор о реформировании русской орфографии, но это, к сожалению, не является прерогативой украинских русистов.

Думается, что актуально говорить в данном случае о педагогике возможностей, в основе которых находится мотивация компетентности, мотивация ориентации на перспективные цели развития личности.

Ведь говоря о компетентности личности, следует иметь в виду не только когнитивную и операционально-технологическую составляющую, но и мотивационную, этическую, социальную и поведенческую. Как уже ранее говорилось, она включает результаты обучения (как личностные достижения), систему ценностных ориентаций, привычки, ответственность за последствия совершенных действий и др.

Понятно, в связи с этим, что реализация компетентностного подхода зависит от всей образовательно-культурной ситуации, в которой живет и развивается подросток. Нынешняя социокультурная ситуация в Украине далека от благодатной для формирования русской орфографической грамотности, да и вообще культуры письменной речи в целом. Декларируемая в течение многих лет идея гуманитаризации школьного образования тонет в очевидном безразличии к гуманитарному, в данном случае – лингвистическому знанию.

Красноречивой иллюстрацией этого тезиса является не только полубезграмотная устная и, тем более, письменная речь обывателя, но и почти такая же речь «сильных» мира сего. Мало от них отличаются служители пятой власти.

Что же может быть методическим спасателем орфографических умений школьников сейчас, в данном социокультурном контексте? По-прежнему много писать с целью автоматизации орфографического навыка? Но ведь известны результаты опроса учащихся (2000 год), которые не выразили интереса к русскому языку как к учебному предмету в первую очередь из-за утомительного однообразного письма...

Учить наизусть формулировки правил? Методика отказалась от этой практики.

Оправданной, с нашей точки зрения, является идея учителей-экспериментаторов (Т. Я. Фролова, Н. В. Митюшкина и др.), которые пытаются привести в соответствие методы обучения орфографии с психологическими особенностями подростка, в частности, с особенностями его мышления, памяти. Опора на образную сторону учебного материала может освободить подростков от мучительного усвоения скучного учебного материала и «вдохнет» в них интерес к изучению русского языка. В таком случае в разных направлениях «работает» память школьников, выраженная в сохранении ярких, наглядных образов. В этом случае образные представления являются как бы переходной ступенью от восприятия к представлениям. Теоретический языковой материал усваивается с опорой на конкретно-образные методы обучения, а они, в свою очередь, способствуют быстрому усвоению правила и выработке навыков грамотного письма [4].

В наше время выросла роль электронных коммуникативных систем. Доминирование вербальной культуры в ее письменной форме сменяется символикой образов виртуального пространства. Это означает изменение акцентов в обучении коммуникативной письменной компетенции.

Не случайно в общем перечне коммуникативной компетенции школьников называют следующие умения: научиться пользоваться справочниками и словарями, на последующих этапах очевидной становится задача ясно и конкретно выражать свою мысль, используя разные стили письма, структурируя нужным образом материал, соблюдая при этом правила правописания (владея навыками использования программ проверки орфографии).

Таким образом, современная лингводидактика в структуре письменной компетентности главное место отводит тексту (цель написания текста, определение жанра, адресата, выбор стиля письма, его структурирование), и вместе с тем – соблюдение общих правил орфографии, пунктуации и грамматики. Лингводидактическая традиция кафедры русского языка ЛНПУ уже давно (даже с некоторым

опережением) отмечала роль лингвистической сказки (миниатюры) в формировании коммуникативной компетенции; работа с миниатюрой обеспечивает мотивационную готовность учащихся не только к усвоению смысловой структуры текста, адекватность его понимания, индивидуальность его восприятия, но и способствует образности восприятия норм правописания. Примером такого текста может быть миниатюра «Префиксальные войны, или разрядка орфографической напряженности». По нескольким ее фрагментам можно судить об орфографической насыщенности лингвистической сказки:

«Приставка ПРИ- примчалась и, едва притворив дверь, приступила сразу к делу. От волнения она не могла ни присесть, ни прилечь, а только нервно пританцовывала на месте.

– Господа придворные! – обратилась она к притихшим Корням. – Призываю вас к бдительности. У нас появились опасные соперники.

Корни, принаряженные по обыкновению Суффиксами и Окончаниями, приклонив головы, придав лицам заученное серьезное выражение, молча внимая бушующей Приставке. Никто даже не пытался рта открыть.

– Эта приставка ПРЕ-! О, эта презренная ПРЕ- превзошла самое себя! Преступив закон, перешла разделяющий нас предел, приближается к нашему пределу. О превратности судьбы! Мне известны ее намерения: приманить, присвоить, прикарманить вас, моих дорогих придворных. Я призираю вас, как могу, даю вам приют, надежно охраняемый привратниками-правилами. А она вас приневолит, приучит работать на себя, прижмет, придавит, да при этом еще будет презирать, несмотря на преклонный возраст многих из вас. О горе вам! – причитала приставка ПРИ-» [2].

Выбор типов упражнений при работе над миниатюрами – наиболее важная методическая задача. Они могут быть следующего характера:

1. Вспомните правила правописания гласных в приставках **при-** и **пре-**. Выпишите из текста слова, распределив их на группы в соответствии с правилами.
2. Правописание каких слов с приставками **при-** и **пре-** можно определить только с помощью контекста и почему?
3. Как называются слова типа *прибывать* – *пребывать*? Продолжите ряд таких слов.
4. Составьте предложения с такими словами, при необходимости уточнив их значение по словарю. Каким словарем вы будете пользоваться?
5. Почему приставка ПРИ- говорит о «преклонном возрасте» многих корней?

6. Придумайте, что могла бы ответить приставка ПРЕ- на этот гневный монолог коллеги. Представьте, что она по характеру – полная противоположность ПРИ-. Какой будет тональность ее речи, какие слова и выражения она постарается употребить?
7. Из слов, использованных в миниатюре, составьте словарный диктант, напишите его, поработайте в парах, и проверьте написанное друг у друга.

Логику каждого задания, их последовательность можно считать опытом деятельностного подхода к обучению учащихся орфографии, к приобщению школьников к самостоятельным попыткам строить свое письменное высказывание, изучать, описывать и интерпретировать те лингвистические сведения, которые являются основой его письменной речи.

Говоря о коммуникативной компетентности, нужно отчетливо представлять, в каком контексте она формируется: родной язык учащихся, неродной язык; условия билингвизма или, более того – полилингвизма... другими словами, нужно еще раз посмотреть на эту проблему не только с точки зрения лингводидактики, но и с позиций современного социума. Наблюдая опыт работы учителей-экспериментаторов последнего времени, с уверенностью можно говорить о перспективности некоторых направлений интенсификации обучения правописанию. Среди них:

1. Использование укрупненных дидактических единиц. Примером может служить комплекс обобщенно-сопоставительных орфографических правил: «В глаголах и наречиях **Ь** после шипящих пишется всегда. В кратких прилагательных не пишется никогда [7].

2. Формирование у учащихся представления о русском языке как об интересном учебном предмете. Реальную связь между орфографией, словообразованием и семантикой слова может, к примеру, показать текст в виде лингвистической миниатюры [6].

3. Стимулирование квазитворчества учащихся на лингвистическую тематику. Примером такой работы, как уже отмечалось, может быть работа коллективов учащихся по созданию авторских образцов материалов на лингвистическую тему, интерпретация известных работ, театрализация лингвистического знания и др.

Поиск эффективных, успешных путей обучения продолжается, но он, очевидно, будет идти в варианте интеграции языкового и неязыкового знания.

Литература

1. **Иванов Д.А., Митрофанов К.Т., Соколова О.В.** Компетентностный подход в образовании. Проблемы. Понятия.

Интерпретация / РЯ и лит. в шк. Украины. – 2007. – № 2. 2. Жулий Т., Теплицкая О. Сказки и были...: Лингвистические миниатюры. – 2-е изд., перераб. и доп. – Луганск: Янтарь, 2003. – 124 с. 3. Жулий Т.Б. Лингвистические игры. – Луганск: Янтарь, 2004. 4. Мельникова Л.В., Рухманова О.И. Коммуникативно-ситуативные упражнения как средство развития ключевых компетентностей учащихся / РЯ, лит., культура в шк. и вузе. – 2006. – №3. 5. Митюшкина Н. Русский язык: Тетрадь-справочник по рус. яз. – Черкассы, 2006. 6. Подгаецкая И.М. Воспитание у учащихся интереса к русскому языку. – М.: Просвещение, 1985. 7. Фролова Т.Я. Методика интенсивного обучения правописанию русского языка. – Симферополь, 2002.

В статье сделан краткий обзор основных тенденций в развитии методики орфографии и предложен путь ее интенсификации в структуре компетентностного подхода в современном образовании.

Ключевые слова: орфография, компетентностный подход, деятельностный подход, лингвистический текст.

У статті зроблено короткий огляд основних тенденцій у розвитку методики орфографії й запропоновано шлях її інтенсифікації в структурі компетентнісного підходу в сучасній освіті.

Ключові слова: орфографія, компетентнісний підхід, діяльнісний підхід, лінгвістичний текст.

The article deals the short review of the mail tendencies in development of spelling methodology. Also the article gives the way of intensification in the structure of competential approach in the modern education.

Key words: spelling, competent approach, activities approach, linguistic text.

УДК 378 (477)

А. С. Зеленко

ПРО НЕОБХІДНІСТЬ РЕФОРМУВАННЯ ОСВІТНЬОЇ СИСТЕМИ В УКРАЇНІ

До всього нами тут констатованого епіграфом мали б стати слова нинішнього міністра Міністерства освіти і науки держави Станіслава Ніколаєнка, виголошені ним, коли ще він був головою Комітету ради з питань науки й освіти «Будущее Украины зависит от образования»

(«Товариш». Газета социалистической партии Украины: Русскоязычный выпуск. № 45 (579). 13–19 ноября 2003 года. – С. 2).

Необхідність у її реформуванні, найперше, бачимо зумовленою зміною соціально-економічного укладу держави. І це основний чинник на користь реформування. Ми ж зупинимося на цілому ряді похідних, зумовлених основним.

Думається, що нинішня саркастична еkleктика дожовтневого, радянського й модерного західного не лише в історика вітчизняної педагогіки, але й в пересічного громадянина України, в якого залишився хоч якийсь здоровий глузд і якого не опанувала апатія після провалу Майдану, не може задовольнити. До речі, у досить великому розміром документі європейських експертів з приводу прилучення до європейської асоціації університетів одного з українських вузів констатувалося, з одного боку, велике бажання й значні зусилля ректорату, викладачів і студентів, але й те, що усі піонерські зусилля цього й інших колективів через неусталеність соціально-економічної ситуації у державі можуть завершуватися покручами.

Не секрет, що це констатують об'єктивно налаштовані європейці, які аж ніяк не мають наміру зробити конкурентноздатним у Західній Європі випускників пострадянської республіки-держави.

В автора достатньо фактів, досвіду й бажання об'єктивно розібратися у нинішній ситуації усієї освіти України, а найперше – вищої. Це десятки років безпосередньої роботи у школах, ВНЗ, головування на деках тощо.

Отже, мабуть, слід би почати розмову з необхідності територіального розподілу вузів. Очевидно, національним має бути кваліфікований столичний – університет Св. Володимира (а не політизованого Тараса Шевченка). У процесі проведення адміністративно-територіальної реформи, на нашу думку, після оформлення дванадцяти регіонів стане можливим визначити дванадцять регіональних класичних університетів, що готуватимуть регіональну еліту. До речі, нинішні відомчі й галузеві університети й академії, зокрема при Президенті, Верховній Раді, повинні бути позбавлені такого права, перетворившись у вузи післядипломної галузевої перепідготовки й підвищення кваліфікації. Як і в дореволюційній Росії, мабуть, має утвердитися практика, що суддя, директор гімназії тощо має бути випускником відповідного факультету класичного університету.

Зрозуміло, що поряд з класичними університетами можуть бути галузеві інститути (університети) ветеринарії, медицини, техніки тощо. Зрозуміло, що до класичного університету мають вступати випускники гімназій, тоді як до галузевих університетів (інститутів) – випускники загальноосвітньої середньої та середньої диференційованої за галузями виробництва чи сфери обслуговування галузевої школи (колишніх реальних училищ). Сучасна гіпертрофована практика має бути забута. Слід зважати на реальні психічні індивідуальні можливості учнів,

матеріальні статки батьків, потребу у відповідних кадрах, нарешті, економічні потреби й можливості держави. Хибну практику не зважати на усі названі чинники у зв'язку з демократизацією суспільного життя країни й утвердженням ринку треба забувати, бо вона аморальна, антилюдяна по відношенню не лише до всього суспільства, але й окремої людини. Не всякий має бути Президентом, губернатором. Сучасне віртуальне здобуття вищої освіти поодинці екстерном і всіма за допомогою колективного модулю при постійному нагадуванні про економічне виживання європейсько-тоталітарного гігантського покручавуза – це шлях на узбіччя Європи, бо така система не готує кваліфікованих самостійних фахівців, а прислугу й чорнороба не лише за кордоном, але й вдома.

До гімназії мають йти обдаровані діти, здатні засвоїти основи наук, національну й світову культуру, оволодіти кількома іноземними мовами. Лише це має стати умовою вступу до класичного університету. До речі, участь держави має виражатися у визначенні квоти державнокоштных місць у гімназії й класичному університеті для справді обдарованих дітей з родин з низьким прожитковим рівнем. Останні стануть справді державними службовцями і будуть розподілятися за призначенням.

Лише для випускників класичних університетів потрібні магістратура й аспірантура. Сучасна ж практика, схвалена МОіН, дискредитує останні, бо в нинішніх умовах студенти старших курсів намагаються влаштуватися на роботу й на заняття не ходять. Вузи з цим мають миритися, бо наступний набір бюджетників визначається Міністерством освіти і науки залежно від кількості працевлаштованих.

До речі, слід традиційно європейський гібрид одночасного поєднання спеціаліста й магістранта зліквідувати. Думається, час уже упорядкувати й співвіднесення магістратури, аспірантури й докторантури, бо ніяк незрозумілий статус сучасної магістратури, як нелогічною постає докторантура.

Корпоративній корумпованості на заваді стала б належним чином реалізована посадова структурованість викладачів – від асистента до завідувача кафедри, професора. Чомусь при акредитації й атестації кафедр, факультетів стало звичним не помічати, що у віці професор, завідувач кафедри сидить і працює годинами серед гамірних асистентів. Здається, загальна й професійна психологія не виправдовує таку методику. Ще прикріше, коли на одній кафедрі працюють викладачі теоретичних і прикладних, часом – зовсім несумісних спеціальностей. Мабуть, безпосередня повсякденна практика нівелює негативи, але все те не на користь справі.

Викликає подив, як через оперативність склалася недоречна ситуація у структурі вищої школи, коли поряд з бакалавром та магістром функціонує ще й спеціаліст. Прикро, коли студенти часто поєднують одночасно навчання за рівнем спеціаліста та магістра.

З приводу кафедр у вузах змушені констатувати найгірше. Абсолютна більшість їх ніяким вузівським стандартам не відповідає. Найголовніше це те, що вони не є науковими осередками, а здебільшого групами викладачів (навіть не завжди) споріднених спеціальностей. Часом цинічно завідуючим новоствореної кафедри призначається ректор чи проректор (далекі за науковими спрямуваннями з викладачами цієї кафедри). Не поодинокі випадки, коли кафедра-покруч об'єднує викладачів різних фахів (філологів, діловодів тощо).

Комбіновані кафедри, зрозуміло, не сприяють зростанню наукового рівня викладачів, бо дуже часто не можна одночасно зібрати членів кафедри, які працюють на різних факультетах.

На жаль, методичне керівництво кафедрами ні з боку Міністерства освіти й науки, ні з боку Інституту вищої школи не відчувається. Це особливо болісно відчувається, коли відкривають у вузах нові спеціальності. Навчальні плани, навчальні програми навіть державні вузи не можуть отримати, бо їх не готують. Самодіяльність же щодо методичного забезпечення обходиться дорогою ціною, значними втратами у фаховій підготовці.

Постає питання про визначення статусу галузевих університетів (інститутів) та галузевих (нині в основному комерційних) факультетів класичних університетів). Очевидно, більшість студентів у них має бути комерційними і лише певна частка бюджетниками. До речі, слід пам'ятати про престижні (що обіцяють великі заробітки одразу після вузу) й елітні (що готують до важливої суспільної діяльності) вузи.

Заслуговує на увагу питання про повноцінні приватні вузи (не ті, що розташовані у будинках шкіл, навіть часом у районних центрах). Викликає тривогу доля суспільно необхідних (уже непрестижних і неелітних) педагогічних та медичних інститутів (університетів). Вони фактично опинилися при всій показній увазі до них поза увагою у вузах і в державі. Слід констатувати, що немає потреби гаяти час і витратитися на утримання кількох зайвих років навчання для майбутніх шкільних учителів і домашніх лікарів, які після третього курсу (особливо у педвузі) знаходять роботу і фактично під статусом вільного відвідування занять не відвідують їх. Ця категорія студентів має бути державнокоштовними і розподілятися за обов'язковим призначенням. Достатньо чотирьох років навчання: молоді люди одружувалися б, народжували людей, а вже потім планували б навчання у магістратурі (вже після відповідних кваліфікаційних екзаменів). Нинішня ж практика залучення максимальної кількості (усіх без винятку) бакалаврів, зумовлена намаганням одержати позабюджетні кошти, у кінцевому наслідку не просто хибна, але й шкідлива, бо девальвує освітню галузь.

Ще раз наголошуємо, до речі, що ми далекі від думки про абсолютизацію прагнення нинішніх чиновників від освіти зробити останню рядовим бізнесом. Наш заклик до упорядкування не узгоджується з нинішніми гіпертрованими прагненнями багатьох

ректорів створювати на взірець гігантів освіти й науки у США вузи-гіганти на десятки тисяч (навіть за рахунок перелицьованих у коледжі й ліцеї ПТУ). Інтереси останніх заходять у суперечність з інтересами загальнодержавними. Це пояснюємо тим, що вбачаємо відродження в нинішній освітній системі хибної практики мати будь-яким способом максимальну кількість студентів. Забувається про те, що централізований державний бюджет не розрахований на забезпечення професійних коледжів, ліцеїв, бо ті утримуються за рахунок місцевих.

Думається також, що практика нелогічного поєднання підготовки учителів і редакторів тощо себе не виправдовує, бо призначення випускників дуже різне й потребує різних, відмінних форм навчання. Підготовка учителя – суто індивідуальна, побудована на міжособистісних контактах і не може компенсуватися самотійною роботою, пошуком в Інтернеті, дистанційним навчанням. Це допоміжні способи й засоби. Ще нелогічніше сподіватися, що так можна готувати загальнонаціональну й регіональну еліту. Названі форми доречні при підвищенні кваліфікації: конкретна настанова на оволодіння певною сумою знань і навичок з певною сумою знань і навичок з певної галузі не йде ні в яке порівняння з виформуванням виховного гуманного людського учителя або європейськи освіченого національно усвідомленого елітного управлінця-чиновника чи аналітики-науковця.

До речі, підготовка майбутньої еліти могла здійснюватися й вже забутим вітчизняним способом. Маючи відомості про наміри Міністерства освіти й науки України створити кілька справді елітних вузів, хотілося б згадати про класичний досвід Росії. Наприклад, в Острозі нібито відновлена Острозька академія, але то лише зовні ніби все так, бо згадані заклади мають бути вищого порядку, ніж рядові університети. У даному випадку має спрацювати регіональний чинник, бо майбутні чиновники вищого рангу також мають бути підготовлені з врахуванням регіональних особливостей. Саме тому має бути визначена структура вищих і середніх елітних навчальних закладів рівномірно в усіх зонах держави.

Справа за сучасними меценатами. Маємо усе серйозно зважити у даному випадку. Так, подальша доля університетів (інститутів) у багатьох районних центрах під сумнівом, бо вони стають неконкурентними з вузами у промислових центрах уже хоча б через невеликі можливості місцевої влади і відсутність спонсорів. При тому їх традиції та приміщення органічно поєднуються з вигідними природничо-кліматичними умовами.

Може б, слід почати з того, що Ринат Ахметов взяв би на забезпечення Слов'янський, а Віктор Пінчук Ніжинський елітні університети. Такі вузи не повинні бути великими, бо в них втратиться діяння людського чинника – спілкування викладача-вихователя зі студентом. Саме тому, очевидно, елітні вищі (може, й середні) навчальні заклади мають бути у цілому ряді невеликих населених пунктів і

функціонувати у закритому режимі, що практикувалось у Росії і нині практикується в Західній Європі. В Україні для їх організації можна було б використати збережену інфраструктуру давніх науково-освітніх осередків: у Ніжині (продовживши традиції гімназії вищих наук князя Безбородька, у Глухові на базі учительського інституту, у Старобільську – на базі учительського інституту, у Кременці, у Слов'янську, Переяславі-Хмельницькому, Новгород-Сіверську, Кам'янці-Подільському, Острозі тощо.

Ми вже зачіпали функціонування аспірантури у зв'язку з її невизначеністю стосовно магістратури. Безумовно, тут слід визначитися остаточно, бо тоді докторантура зайва. Заслуговує на увагу відбір і атестація аспірантів.

Якщо виходити з положень про підготовку кандидата й доктора наук, визначених ВАК України, то лише в доктора наук, що розробляє загальнотеоретичну проблему, має бути претендент на кандидатську дисертацію. Останній розв'язує якусь часткову проблему, визначену керівником-доктором. Ці кроки роблять неможливими, так би, „перезахоплення” здобувачів або „підхоплення” випадкових, що ніяк не узгоджується з науковою підготовкою наукових кадрів. Захист дисертації має відбутися на вузькогалузевій спеціалізованій раді за участю усіх провідних фахівців цієї галузі. Отже, кількість рад зменшується, ліквідується практика участі у роботі кількох рад одного науковця. Захист перетворюється у дискусію представників різних шкіл певної галузі. Захист дисертації стає одномоментним актом, відпадає потреба у ВАКу.

Перипетії змін партійної належності керівників освітнього відомства при їх високому інтелектуальному й професійному рівнях, мабуть, пояснюють численні недоліки в управлінні освітою, особливо вищою, що не відповідає зростим вимогам в умовах соціальної трансформації. Очікувана стабілізація соціально-економічної ситуації й кадрова спадкоємність вселяє оптимізм. Ця розвідка – одна зі спроб проаналізувати сучасну ситуацію в освіті й визначитися на перспективу.

В статье в процессе анализа современного состояния образования предлагаются некоторые меры по усовершенствованию образовательной системы в Украине.

Ключевые слова: реформирование, образование, экспертный совет, высшая школа, образовательная система.

У розвідці у процесі аналізу сучасного стану освіти пропонуються деякі заходи по удосконаленню освітньої системи в Україні.

Ключові слова: реформування, освіта, експертна рада, вища школа, освітня система.

In this paper the author analyses the contemporary system of education in Ukraine, and makes his own propositions, concerning its improvement.

Key words: reformation, education, Expert Committee, high school, educational system.

УДК 811.161.1'271

В. И. Ковалёв

БОЛЕЗНИ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ РЕЧИ: ДИАГНОСТИКА, ЛЕЧЕНИЕ, ПРОФИЛАКТИКА

Проблемы культуры речи и коммуникативной компетенции личности в конце XX – начале XXI вв. неизменно находятся в центре внимания лингвистов и лингводидактов. (Прежде всего вспомним работы М. В. Горбаневского, Ю. Н. Караулова, В. Г. Костомарова, Л. А. Кудрявцевой, Н. И. Формановской, В. М. Шаклеина, А. Г. Балакая, Т. А. Ладыженской, Н. Ю. Щербининой...) И это не случайно. Коренные социально-экономические преобразования, происходившие в последние два десятилетия на постсоветском пространстве, логично совпали по времени с существенными и быстрыми изменениями языковых норм, а также речевых вкусов и привычек носителей русского языка.

В таких условиях, на наш взгляд, языковеды должны чётко и оперативно регистрировать языковые факты, определяющие новые направления развития языка; давать прогностические оценки этим направлениям и вырабатывать рекомендации по культуре речи, актуальные для различных социальных групп.

К сожалению, нынешнее поколение лингвистов успешно справляется только с первой задачей: богатый и интересный речевой материал, иллюстрирующий своеобразие коммуникативного поведения типичных носителей русского языка, уже накоплен и классифицирован в разнообразных монографиях и словарях. А вот остальные задачи практически не решаются. Нет среди языковедов даже единого мнения по такому ключевому вопросу: как оценить современное состояние русского языка – как здоровое развитие или деградацию, как норму или патологию?

Вот почему в рамках данного исследования мы поставили перед собой следующие цели.

1. На протяжении 2006 – первого квартала 2007 гг. собрать в доступных нам сферах публичной коммуникации максимальное число

речевых примеров, которые можно квалифицировать как отклонения от языковой нормы с точки зрения традиционной стилистики.

2. Выделить в них те словоупотребления, которые интуитивно воспринимаются как неуместные в данной ситуации общения, портящие русский язык, а затем проанализировать их с точки зрения коммуникативной целесообразности и классифицировать.

3. Наметить практические рекомендации по повышению культуры речи современных носителей русского языка.

Всего было собрано 537 примеров, анализ которых позволил прийти к следующим выводам.

Использование медицинских аналогий (метафор) при описании и анализе современного коммуникативного поведения представляется оправданным ввиду стабильного и долговременного снижения уровня массовой речевой культуры в странах, составлявших СССР. Этот процесс имеет такие масштабы и направление, что приходится говорить не о своеобразии или отклонениях от нормы, а именно о болезнях современной русской речи. Кроме того, применение общеизвестных медицинских терминов делает более доходчивой просветительскую работу по культуре речи в средствах массовой информации и учебных заведениях.

По нашему мнению, в число наиболее опасных болезней, массово поразивших речевое сознание носителей русского языка, входят: **перенасыщенность заимствованиями** (чаще всего – из английского языка), **стилевая интерференция** (неоправданное употребление в высказываниях определённого жанра языковых средств разной стилевой принадлежности, смешение стилей) и **эстетическая глухота речевого сознания** (снижение эстетического уровня речевого слуха).

Последовательно рассмотрим типичные проявления названных болезней речи в конкретных коммуникативных ситуациях.

*1. «КАМАЗ» может стать таким же брэндом Вооруженных Сил России, как автоматы Калашникова, истребители Сухого... 2. В Интернете можно **нон-стоп** работать 24 часа в сутки. 3. Нынешний **ребрендинг** для Внешторгбанка акция неслучайная и давно запланированная. 4. О результатах переговоров журналисты узнавали почти **он-лайн**. 5. Сегодня мы с вами увидим **дерби** лидеров. 6. Никто из **топ-пилотов топ-команд** не стал рисковать.*

Здоровый в речевом отношении русскоязычный человек легко и успешно заменил бы выделенные неологизмы на хорошо знакомые и более выразительные слова: 1) *символ, знамя, отличительный знак, эмблема, марка*; 2) *без перерыва, без паузы, не переставая, непрерывно, постоянно, безостановочно*; 3) *смена названия, переименование, обновление (преображение) имени*; 4) *мгновенно, мигом, вмиг, моментально, молниеносно, с быстротой молнии, сразу, в ту же секунду*; 5) *поединок, схватка, бой, боище, дуэль, противостояние*,

сражение, битва; б) лидеры, ведущие (первые, основные, лучшие) пилоты.

Заметим, что первый пример взят из телеинтервью тогдашнего министра обороны России Сергея Иванова (эфир – в программе «Новости недели» на канале РЕН-TV, 7.07.2006). Второй – из монолога первого заместителя председателя правительства России Дмитрия Медведева в ситуации подготовленного общения с молодёжью (телеэфир – «Вести» на канале РТР 13.12.2006). Третий – из пресс-конференции руководителя пресс-службы Внешторгбанка России (телеэфир – «Вести», РТР, 23.10.2006). Четвёртый – из комментария журналиста тех же «Вестей» (эфир – 10.03.2007). Следующий – из футбольного телерепортажа профессионального спортивного комментатора (канал НТВ+Спорт, 5.11.2006). И последний – из монолога телекомментатора программы «Новости спорта» (канал РЕН-TV, эфир 10.03.2007).

Как видно, все примеры взяты из подготовленных публичных монологов представителей коммуникативных профессий, причём все коммуниканты относятся к той возрастной группе (30–50 лет), для которой характерны полная сформированность стереотипов и ориентиров речевого поведения и высокий уровень сопротивляемости разного рода поветриям. Этот факт наглядно подтверждает, что использование словесного «секонд-хенда» уже не является отличительной чертой молодёжи, которая только ищет упомянутые стереотипы и ориентиры, а потому регулярно экспериментирует с разнообразными коммуникативными средствами.

Более того, в нашей коллекции есть примеры неоднократного употребления новозаимствованного слова *волонтёры* вместо стили- и смыслообразного *добровольцы* в газетных статьях 85-летнего русскоязычного генерала Сергея Герасимова, председателя Союза ветеранов вооружённых сил Украины.

Регулярное привлечение новых, плохо освоенных языком заимствований для выполнения той коммуникативной работы, с которой успешно справляются многие исконно русские и давно освоенные слова, постепенно делает русскую речь всё менее русской и может быть **диагностировано** как болезнь речи. На высокую степень опасности этого заболевания указывает его широкое распространение в публичном общении представителей коммуникативных профессий всех возрастов.

Отметим попутно, что все наши соображения об этой и других болезнях русской речи в равной степени относятся к русской речи носителей языка, живущих и в России, и в Украине. Вероятно, при всём несходстве государственной языковой политики двух соседних стран – глубинная общность процессов, влияющих на массовое речевое сознание, является преобладающей.

...Если записать в одну строку все примеры **смещения разнородных стилистических средств** в текстах современных русскоязычных СМИ – такая строка, вероятно, протянулась бы до Луны.

Будучи объективно одним из многих экспрессивно-риторических приёмов, **стилевая интерференция** – ввиду неумеренной частоты употребления – субъективно воспринимается большинством нынешних носителей языка как обязательное украшение любого общения. Логичным результатом этого заблуждения является следующая болезнетворная иллюзия: любое слово может быть использовано в любом тексте для достижения любой коммуникативной цели. Стрелка индивидуального стилистического компаса современного русскоязычного человека указывает не на «Уместно», а на «Оригинально» или «Модно».

Именно гипертрофированная представленность сниженной лексики во всех жанрах общения может быть **диагностирована** как болезнь современной русской речи. На уровне индивидуального речевого сознания заболевание обычно проявляется следующим образом.

Первая стадия: носитель с удовольствием употребляет сниженную лексику в различных ситуациях и жанрах устного общения, при этом способность к выбору между просторечием и нейтральным словом сохраняется. Вторая стадия: сниженная лексика проникает в письменную коммуникацию, при речепорождении память в первую очередь предлагает разговорные и просторечные слова-кандидаты, а межстилевые и высокие синонимы припоминаются во вторую очередь, с трудом или совсем не вспоминаются.

О третьей стадии мы, к радости, можем судить пока только прогностически. Но никакой радости этот прогноз никому не подарит: при отсутствии лечения постепенно наступают примитивизация речевого сознания, неспособность понять и передать большую часть коннотаций, стилистическая слепота, глухота и немота.

Попутной болезнью по отношению к вышеописанной является частичная **эстетическая глухота**, или **снижение эстетического уровня слуха**. Сфера её распространения – преимущественно устное общение. Такой диагноз может быть поставлен, если говорящий неосознанно произносит слово, вызывающее незапланированный грубо-комический эффект.

*1. Валерий Андреевич, разрешите **ксерануть** один документ. 2. Ксюха, что ты **ксеришь**? 3. А ты не хочешь пойти **пошопить**? 4. Я – **шопоманка**. 5. У нас в **шопе** есть всё! 6. **Пресервы** рыбные. Кусочки в горчичном соусе. 7. «У нас во дворе сидят молодые люди. На руках у них какие-то девочки. Все курят, пьют, разговаривают друг с другом спокойно, но только **матом**. Они не ругаются, это уже их повседневная лексика. [1, с. 13].*

Первый пример – из устного делового общения подчинённого (20 лет, образование среднее) с начальником (35, высшее). Второй взят из дружеского разговора студенток. Тема коммуникации в обоих случаях связана с ксерокопированием, а регион общения – г. Луганск, Восточная Украина. Следующие два примера – прямая речь персонажа (женщина,

лет 30) документального фильма, посвящённого любителям проводить время в магазинах (эфир – 1-й канал (ОРТ), лето 2006). Пятый пример – из региональной радиорекламы начала 90-х гг. Шестой – надпись на этикетке рыбных консервов (производитель – «Новый океан», Луганская область, Восточная Украина, 2006).

Отдельно следует остановиться на цитате из интервью директора Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина – Ирины Антоновой. Здесь немногими пронизательными словами изображена типичная для начала XXI века картина бытования сквернословия в русской речи.

Русское сквернословие на территории России и Украины получило широкое распространение в устном неофициальном и даже профессиональном общении, а также сильно помолодело: сейчас оно постепенно входит в активный словарный запас 7–9 летних школьников. Однако самое, на наш взгляд, тревожное – многие непристойные слова и выражения не только широко употребляются в функции универсальных оценочных слов, междометий, вводных слов и местоимений, а ещё и не воспринимаются носителями языка как непристойные, оскорбительные для адресата и окружающих.

Всё это, по нашему мнению, тоже является результатом нарастающей эстетической глухоты речевого сознания.

Прежде чем писать о лечении и профилактике вышеобозначенных болезней современной русской речи, кратко рассмотрим причины их массового распространения.

Не ставя под сомнение влияние социально-экономических процессов, мы всё же считаем, что главными факторами, определяющими уровень культуры массового речевого сознания, являются: речевая практика средств массовой информации и коммуникации (телевидения, радио, газет, Интернета) и общественная активность носителей высокой коммуникативной культуры.

Речь СМИ традиционно воспринимается рядовыми носителями языка в качестве стандарта, образца. А в последние два десятилетия этот стандарт был весьма патогенным, телевидение, пресса, Интернет выступали и выступают возбудителями и переносчиками упомянутых болезней.

В то же время филологи фактически самоустранились от исполнения обязанности – быть законодателями и оценщиками речевой моды. Показательно название одного из разделов всем известной монографии «Русский язык конца XX столетия», написанной авторитетнейшими лингвистами из Института русского языка им. В. В. Виноградова: «Мы не нормализаторы». Но место нормализатора тоже пусто не бывает. Если языковеды-профессионалы отказываются быть нормализаторами, не подают привлекательных примеров красивой и здоровой речи – за это дело по-дилетантски берутся профессионалы из других сфер. (Когда молчит Шерлок Холмс – болтает инспектор

Лестрейд, и доктору Ватсону поневоле приходится прислушиваться к тому, что звучит регулярно.)

Публичное молчание экспертов дезориентирует школьных русистов и рядовых университетских преподавателей, и они не ведут координированной эффективной работы по формированию коммуникативной культуры учащихся. В результате у современных школьников вырабатывается следующий стереотип: литературный язык – это для уроков в школе (ужасном месте, где ставят двойки и заставляют учиться), а вне урока, в лучшей жизни – все речевые средства хороши, а лучший пример подскажет телевизор.

Вот почему основной целью **лечебных** мероприятий должно стать оздоровление русской речи СМИ. А стратегическим направлением в **профилактике** вышеупомянутых болезней является формирование в каждом человеке с детских лет, посредством СМИ и учебных заведений, сильной коммуникативной личности, способной самостоятельно диагностировать «здоровые» и «нездоровые» языковые средства и речевые привычки, а также ориентированной в своём коммуникативном поведении на здоровую и красивую речь.

Решающую роль в этом играет публичная активность неравнодушных к судьбе русского языка филологов и других носителей высокой речевой культуры. Создать на телевидении и радио передачи, в Интернете – сайты, а в газетах – рубрики, где остроумно и убедительно создаётся привлекательный образ здоровой и красивой речи – и отвратительный образ речевых болезней... Стать «речевыми тренерами» для авторитетных представителей публичных профессий: политиков, певцов, телеведущих, журналистов... Написать новые эффективные справочники, учебные и методические пособия по коммуникативной культуре для высших и средних учебных заведений... Разработать систему новых речеведческих терминов, оптимальных с точки зрения воздействия на массовое речевое сознание... Сочинить программу действий по оздоровлению русской речи и добиться от руководителей Российской Федерации её поддержки на государственном уровне...

Всё это нам по силам. Именно в этом мы видим главную перспективу решения отмеченных в данной статье проблем.

... Современная русская речь похожа на прекрасный океанский лайнер, капитан и штурман которого заперлись в каюте и то ли умерли, то ли играют в карты – судно дрейфует, пассажиры и экипаж занимаются кто во что горазд, и так продолжается около 20 лет. За это время на корабле выросло новое поколение, которое не знает, что палуба должна быть чистой, а воздух в каютах свежим и которому вонь неубранных нечистот уже кажется нормальным запахом, а то и ароматом.

Капитан-государство и штурманы-филологи должны вернуться к исполнению своих обязанностей по отношению к русскому языку. Иначе в ближайшем будущем может стать типичной реальностью мрачное

наблюдение современного сатирика: «Русский язык стал мусорником, в который происходит слив слов-уродов».¹

Литература и примечания

1. **Антонова И.** Снимите агрессию, сходите в музей // Аргументы и факты. – 2005. - №48. – С. 13.

¹ Михаил Задорнов (телевизионный моноспектакль, эфир на «Первом канале» 24.03.2007).

В статье анализируются негативные тенденции в развитии современной русской речи (перенасыщенность заимствованиями, стилевая интерференция, снижение эстетического уровня речевого слуха) и предлагаются способы повышения уровня массовой речевой культуры.

Ключевые слова: болезни речи, здоровая и красивая речь, сильная коммуникативная личность.

У статті аналізуються негативні тенденції розвитку сучасного російського мовлення (перенасиченість запозиченнями, стильова інтерференція, зниження естетичного рівня мовленнєвого слуху) і пропонуються засоби підвищення рівня масової мовленнєвої культури.

Ключові слова: хвороби мовлення, здорове і красиве мовлення, сильна комунікативна особистість.

Negative consequences and reasons of excessive borrowings in Russian spoken language, cross-style interference, aesthetic deafness of linguistic consciousness are analyzed in Valery Kovalyov's article "Diseases of Russian Spoken Language: Diagnostics, Treatment, Prophylaxis", and ways to raise communicative competence of speakers of contemporary Russian language are suggested.

Key words: illness of speech, healthy and beautiful speech, a strong communicative person.

Ю. В. Низкодуб

**СКВЕРНОСЛОВИЕ КАК ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКАЯ
ПРОБЛЕМА
(ПО ДАННЫМ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОПРОСА)**

Русское сквернословие представляет собой большую и болезненную социальную и научно-методическую проблему. По данным ВЦИОМ России матерные слова используют в речи 25% женщин, 44% руководящего состава и 50% рабочих [1].

Вот наблюдения Ирины Антоновой, директора Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина: «У нас во дворе сидят молодые люди. На руках у них какие-то девочки. Все курят, пьют, разговаривают друг с другом спокойно, но только матом. Они не ругаются, это уже их повседневная лексика» [2, с. 13].

По нашему мнению, проблема культуры и чистоты речи актуальна и для Донбасса. Бранную лексику можно услышать везде: в общественных местах, учебных заведениях, СМИ. Но работа по повышению уровня речевой культуры, которую, по идее, должны проводить языковеды и методисты, школьные учителя и вузовские преподаватели, общественные работники и журналисты, – почти не заметна.

А между тем академическая лингвистика начала XXI века накопила немало актуальных теоретических и практических наблюдений над сквернословием. Особое значение, на наш взгляд, имеет монография В. И. Жельвиса [3]. В ней ярославский исследователь, на основе анализа большого объема языкового материала, выделяет следующие функции сквернословия в современной коммуникации:

- основная функция, от которой производны остальные, – средство выражения земного, карнавального начала, противопоставленного сакральному, священному;
- средство получения психологического облегчения;
- понижение социального статуса адресата;
- выражение дружеского расположения, приглашение или признание равноправных отношений;
- дуэльное средство;
- пароль, по которому члены данной социальной группы узнают друг друга (демонстрация принадлежности говорящего к определенному кругу людей, сигнал: «Я свой»);
- средство психологической войны;
- маскировка страха и неуверенности;
- ритуал;

- средство вербальной агрессии (наказание, возмездие);
- междометная;
- заменитель физического воздействия;
- промокательная, очищающая функция: благодаря этим словам не загрязняются другие (нейтральные или высокие) слова [3, с. 209].

Интересные научные результаты отражены в сборнике статей [4].

А. Ю. Плущер-Сарно рассматривает историческую изменчивость семантики и стилистической отнесенности обсценных слов.

В. В. Дементьев анализирует влияние брани на межличностные отношения. Автор ищет точки соприкосновения инвективного способа общения с такими жанрами, как светская и дружеская беседы.

В статье В. В. Карасика и Г. Г. Слышкина предлагается детальная классификация и анализ разнообразных речевых запретов.

В. Ю. Михайлин исследует проблему происхождения и эволюции русского мата как мужского обсценного кода.

А. А. Панченко пишет о взаимоотношениях русского мата с язычеством и православием.

С. Салупере рассказывает о возможности и способах перевода ненормативной лексики.

В. И. Жельвис предлагает вниманию читателей анализ бранной лексики, используемой в политике и философии.

В. Д. Девкин даёт убедительную и подробную классификацию обсценных слова и выражений, доказывает необходимость изучения инвективной лексики

О. Ю. Трыкова рассматривает роль бранной лексики в детском фольклоре.

Г. Г. Тертышный описывает методы и средства биофизического полевого управления в биологических системах и экспериментальным путем доказывает негативное влияние осмысленного употребления обсценной лексики на любой живой организм.

Л. В. Бессмертных приводит уникальный библиографический указатель словарей и другой справочной литературы, содержащей русскую обсценную и воровскую лексику.

Результаты этих академических исследований интересны и полезны не только для специалистов по лингвистике, но и для широких кругов читателей. Однако эти научные выводы и наблюдения почти не оказывают влияния на решение обозначенных проблем. Для выхода из сложившейся культурно-языковой ситуации необходимо обобщение и популяризация научной информации. Следует адаптировать полученные сведения к потребностям и условиям просветительской работы среди разных общественных групп, а также разработать эффективные практические рекомендации для родителей, воспитателей, учителей, работников СМИ и т.п. К сожалению, на данный момент эта необходимая человечеству работа еще не проведена. Хотя существуют некоторые исключения, например [5; 6].

Исходя из остроты проблемы сквернословия, мы очень хотим, чтобы данная работа была полезна разным жителям нашего региона и за его пределами. А это, на наш взгляд, будет возможно, если практические рекомендации будут основываться на объективной информации о том, какое место занимает сквернословие в речевом сознании и коммуникативном поведении современных луганских носителей русского языка. Поэтому на первом этапе работы мы провели устный индивидуальный социологический опрос, чтобы выяснить отношение современной луганской молодежи к актуальным проблемам, связанным со сквернословием. Изложение и анализ наиболее важных результатов нашего опроса и составляет основную цель данной статьи. Всего в ходе индивидуальных неформальных бесед мы опросили около 50-ти респондентов. По своему социальному и гендерному статусу всех участников можно разделить на 4 группы, которые приблизительно равны по количеству.

Первая группа – юноши, студенты Луганского национального педагогического университета имени Тараса Шевченко, которых мы условно будем называть «юноши – будущие педагоги»;

Вторая группа – девушки, студентки Луганского национального педагогического университета имени Тараса Шевченко, то есть «девушки – будущие педагоги»;

Третья группа – студенты Политехнического колледжа ЛНАУ, которых в дальнейшем назовем «юноши – непедагоги»;

Четвертая группа – студентки того же колледжа, соответственно «девушки – непедагоги».

Всем опрошенным было от 17 до 20 лет. Это именно тот возраст, в котором происходит формирование взрослой системы ценностей, в том числе завершается развитие речевых вкусов и стандартов.

Все вопросы, которые были заданы респондентам, можно условно разделить на 4 группы.

Первая группа включает вопросы, которые выясняют субъективное отношение молодежи к сквернословию в различных сферах общения.

1. В каких ситуациях Вы считаете употребление нецензурных выражений оправданным?

2. В каких случаях, по Вашему мнению, использование брани абсолютно неуместно?

В ответах на первый вопрос подавляющее большинство как юношей, так и девушек высказало мнение, что сквернословие может быть оправдано в стрессовых ситуациях, то есть при острой душевной боли, в порыве гнева, при глубокой обиде.

На втором месте с заметным отставанием прозвучали такие ответы: в веселой компании друзей, при рассказывании анекдотов.

На третьем месте оказалась следующая позиция: «Употребление брани неуместно ни в каких ситуациях». Любопытно, что наибольшее число подобных ответов дали юноши-непедагоги, многие из которых сами активно сквернословят. Таким образом, у них наблюдается противоречие между собственным речевым идеалом и своей же речевой практикой.

А сейчас рассмотрим наиболее характерные ответы на второй вопрос, а именно: «Когда использование брани неуместно?».

Точка зрения юношей-непедагогов такова (приведем цитаты):

«Когда в обществе парней находятся девушки»;

«Неуместно всегда и везде, особенно при девушках и пожилых людях»;

«Я считаю, что девушка и мат - это несовместимо!».

Юноши – будущие педагоги в своем большинстве полагают, что мат неуместен в следующих случаях:

«В разговоре с родными и близкими, старшими по возрасту, учителями»;

«В публичных местах, только если в этом месте не собрались однодумцы (например, стадион)».

Среди девушек, как педагогов, так и непедагогов, преобладает мнение о неуместности сквернословия во всех ситуациях общения. Кроме того, приведем несколько особых позиций некоторых девушек:

«Мат неуместен в общественных местах, особенно в библиотеке, чтобы заучек не распугать» – между прочим, это фраза одной из студенток нашего факультета;

«В семье, тем более потом нечего будет удивляться, что дети ругаются»;

«При старших, на экзамене, на работе».

Ко **второй группе** относились вопросы, помогающие получить информацию о наиболее частой и типичной реакции современной молодежи на сквернословие. Первый вопрос второй группы звучал так: *«Как Вы реагируете на брань, если кто-либо произносит ее в разговоре с Вами (но не в отношении Вас лично, а просто для красного словца)?»*

Для юношей-педагогов характерна отрицательная, но пассивная реакция, например:

«Отношусь негативно, но рот ведь не закрыть таким людям и не перевоспитать их уже»;

«Очень плохо, не хочется с такими общаться, но я к этому давно привык».

Девушки – будущие педагоги единогласно придерживаются мнения, что ругающиеся матом люди «вызывают неприязнь и общаться с такими нет желания». Вот некоторые цитаты:

«Я стараюсь не общаться с людьми, которые не уважают ни себя, ни окружающих»;

«Я обязательно сделаю замечание и попрошу при мне матом не выражаться. А иногда я очень гневаюсь, переживаю из-за этого и очень эмоционально возмущаюсь».

Юноши и девушки-непедагоги в большинстве случаев приняли позицию нейтралитета и пассивности. Вот примеры:

«На брань реагирую нормально, не придаю этому особого значения»;

«Моя реакция на бранную лексику зависит от того, с кем я общаюсь. Если этот человек мне мало знаком, намного старше меня, тогда негативно, а если мой давний знакомый или друг, в общем, человек, с которым я чувствую себя раскованным, тогда даже положительно!».

Следующий вопрос второй группы выяснял *реакцию на сквернословие случайно услышанное от незнакомых людей, а именно:*

- а) девушек,*
- б) юношей,*
- в) мужчин среднего возраста,*
- г) женщин среднего возраста,*
- д) детей.*

В ответах на этот вопрос проявился резкий контраст в позициях девушек и молодых людей.

Большинство девушек осудили ВСЕ указанные случаи сквернословия, но активную реакцию проявили только в отношении детей, например:

«Нецензурная лексика среди детей вообще недопустима, я попытаюсь поставить их в неловкое положение культурной речью, показав контраст»;

«Скажу детишкам, что знаю их маму и могу ей рассказать»;

«Обязательно сделаю замечание (хотя это иногда опасно)».

Следует заметить, что эффективной подобную реакцию назвать нельзя. Видимо, несмотря на частотность ситуаций, алгоритма действий у респонденток нет.

Все юноши осудили грубые слова в исполнении девушек и детей, а к остальным случаям большинство проявило терпимость и снисходительность. При этом конкретных примеров активных реакций на сквернословие почти никто не предложил. Вот единичное и своеобразное исключение:

«Все дело в том, что у девушек нет культуры мата, они часто даже не знают значений употребляемых слов, вставляя их как попало в свою речь. В общем, материться УМЕТЬ надо - вот и составь пособие для девушек с определениями и переводом, а также списком мест предполагаемого использования матов».

И, наконец, последний вопрос, относящийся ко второй группе, представляет самую близкую нам с профессиональной точки зрения ситуацию. Всем участникам опроса было предложено *представить*

обычный урок в школе, в ходе которого один из учеников произносит нецензурное слово или выражение (но, разумеется, не в адрес учителя). Респонденты должны были привести примеры удачных и неудачных реакций учителя на данную ситуацию.

Здесь прозвучало большое количество конкретных предложений, но их сложно назвать эффективными и перспективными с точки зрения воспитания культуры речи подрастающего поколения. Вот что считают студенты Политехнического колледжа (как юноши, так и девушки):

«Такому ученику надо слегка дать подзатыльник и в угол на горox на колени поставить минут на 20 – только так можно с матами справиться»;

«Можно попросить объяснить значение этого слова, его происхождение и тогда ученик точно задумается и обломается»;

«Необходимо выгнать с урока, но не бить»;

«Надо так опозорить этого ученика при всем классе, чтоб он не то что маты, а свое имя на время забыл»;

«Нужно заставить ученика дежурить неделю подряд одному».

А вот некоторые цитаты из ответов наших коллег – девушек и молодых людей – будущих учителей:

«Нужно сделать так, чтоб другие дети не последовали потом примеру этого ученика, поэтому надо выставить его в очень неловкое положение или выгнать из класса»;

«С такими горе-учениками надо только строгими методами поступать – к директору или родителей в школу»;

«Учитель должен заставить ученика при всех попросить прощения, добиться прилюдного раскаяния. Ни в коем случае не должен делать вид, что не заметил».

И для разнообразия приведем две совершенно особенные позиции:

«В совсем гиблых случаях учитель может сказать в ответ мат еще круче, чтоб ученик онемел»;

«Дети сейчас намного мобильнее, чем взрослые, время другое. Учитель не имеет права наказывать, ведь матерные слова – это часть нашего богатого русского сленга, и тем более у нас в стране свобода слова».

Очевидно, что никто из респондентов не имеет позитивного опыта и плана действий в подобных ситуациях и это обидно, потому что ни один из 50-ти человек не привел примера эффективной педагогической реакции, актуальной для современных условий.

В связи с этим приведём интересный и поучительный случай, который нам поведал В. И. Ковалев на практикуме по русскому языку. Его бывшая студентка, ставшая молодой учительницей, очень оперативно отреагировала на безадресное сквернословие со стороны одного из своих учеников на уроке английского языка в 7-м классе. Мальчик произнес известное всем из американских фильмов бранное

слово. Учительница не растерялась и придумала оригинальный и полезный с воспитательной точки зрения способ разрешения этого конфликта. Она вызвала этого ученика к доске и дала такое задание: «Запиши то, что ты только что сказал, на английском языке, сделай транскрипцию этого слова, а потом переведи его на русский язык. Но учти: если ты напишешь неверно, то получишь двойку по английскому языку, а если запишешь правильно, то получишь “неуд” по поведению». Естественно, после услышанного ученик растерялся и признал свою вину. Это хороший пример правильной и результативной педагогической реакции.

Третью группу составляет следующий вопрос: *«Нужно ли противостоять нецензурной лексике? Если да, то какие, по Вашему мнению, методы борьбы самые эффективные?»*. Отвечая на этот вопрос, наши респонденты должны были подняться над личным опытом и оценить проблему с точки зрения всего социума.

Примерно половина опрошенных независимо от пола считает борьбу с инвективной лексикой необходимой, но заранее обреченной на неудачу. Вот цитаты из ответов:

«Да, бороться обязательно нужно. Но эффективных методов назвать не могу, так как каждый человек должен любить и уважать себя, чтобы различать, что хорошо, а что плохо. Запретить употребление матов в школе и других учебных заведениях можно, но если человек считает их употребление нормой, то никакие запреты не повлияют»;

«Противостоять брани бессмысленно, она была, есть и будет. Если воспитывать молодежь в коммунистических традициях, то вряд ли будет столько матерщинников, но такое воспитание сейчас уже невозможно и неактуально».

Кроме того, предлагаются разнообразные конкретные меры, эффективность которых вы можете оценить сами:

«В школе надо ввести за это штрафы»;

«Лучший способ для детей – это витамин Р (ремень). Или заменять маты научными терминами: *Ах ты, гидроперит калия!*»;

«Бороться нужно только в тех случаях, если человек управляет. Я, к примеру, отучила подругу ругаться фразой! *Твой рот как помойное ведро!*».

А вот еще пара интересных наблюдений:

«Я стараюсь не выражаться матом, потому что заметила одну особенность: если человеку ответить простым русским цензурным языком, его это поражает больше, нежели нецензурщина... Непривычнее, видимо»;

«Бороться нужно, но запреты на эти слова ничего не изменят. Вот, например, когда заходишь в Машуниверситет, аж плохо от этих слов становится, а когда к нам, в Пед., – приятно, ведь эти слова очень редко можно услышать. Хотя ни в первом, ни во втором случаях нет

официальных запретов на маты. Все зависит от культуры человека. А законы ничего не изменят, ведь для некоторых они и существуют, чтоб их нарушать».

И, наконец, **четвертая** целевая разновидность вопросов: *«Каким одним словом можно назвать все сквернословие?»*. Для нас проблема терминологии очень важна, так как существующие научные термины не имеют той объяснительной и внушающей силы, которая необходима, чтобы сформировать у людей отвращение к сквернословию, а для ведения просветительской работы по культуре речи и с детьми, и со взрослыми необходимо, чтобы термины, называющие негативные явления, имели ясную для всех отрицательную коннотацию.

В ответах наших респондентов преобладают традиционные термины и наименования: «мат», «ругань», «нецензура», «матерщина», «брань», «ненормативные слова», но эти определения не отвечают поставленным нами задачам.

Интерес вызывают единичные окказионализмы: «противные слова», «свалка отходов», «гадостные слова», «словесный мусор». Эти выражения имеют ярко выраженную отрицательную коннотацию – их, скорее всего, можно использовать в работе с детьми.

Кроме того, некоторые студенты во время бесед выходили за рамки поставленных вопросов и высказывали интересные наблюдения. Вот некоторые из них:

«Я не ругаюсь вообще. Но есть одна поправка: употребляю крепкие словечки в парочке любимых и замечательных анекдотов (но это не ругательство, а юмор) и пару раз в жизни применял крепкие слова для серьезных ситуаций, а так как это непривычно, то на людей, знающих меня, это действует лучше, чем ведро ледяной воды»;

«Ругаюсь часто, но только в определенных кругах. Только не подумайте, что я матерщинник заядлый, – нет, никогда у меня не выскакивало матерное слово при культурных людях, родителях – там ненормативку держу под контролем. И даже в этих самых "определенных кругах" я **не** подкрепляю каждое слово словом, которое начинается на букву Б и заканчивается буквой Б. Нужно уметь ругаться со смыслом!».

«По-моему, и "елки-палки" сказанные со смыслом и нужным ударением могут звучать не менее к месту и способствовать выпуску пара. Несмотря на то, что я знаю, как ругаться матом, я понял следующие: у каждого своя фантазия, любимые выражения, обороты речи. И мат частенько не может выразить предельно точно весь смысл на понятном собеседнику языке. А если описать ситуацию довольно полно, то собеседник и сам поймет, что за эмоцию ты хотел выразить в обычном цензурном слове. Вроде мат появляется от лени»;

«Мат – очень энергозатратная штука. Ругаешься - отдаешь энергию; не ругаешься, соответственно, сберегаешь для других дел».

Опрос, который мы провели, помог нам лучше понять, в каких направлениях следует продолжать исследование.

Во-первых, разработать систему научно-популярных терминов и эмоционально-оценочных эпитетов, которые целесообразно использовать для выработки правильного, то есть отрицательного отношения к сквернословию.

Во-вторых, собрать коллекцию примеров удачных реакций на нецензурную лексику в различных ситуациях, прежде всего в педагогическом общении (как, например, в той ситуации на уроке английского языка, о которой мы рассказали).

В-третьих, создать практические рекомендации для учителей и студентов по совершенствованию коммуникативной культуры учащихся.

В-четвертых, отдельно скажем о СМИ. На телевидении явно не хватает молодежных передач, где бы современно, ярко и занимательно создавался бы привлекательный образ красивой и чистой речи и сильной в речевом плане личности, с которой хочется взять пример. Сами журналисты такой программы не создадут – им нужна помощь филологов, то есть наша.

И последнее, пятое. Очень важно привлечь к решению этих проблем различные роды и виды искусства. Такая работа уже начата и необходимо ее продолжить. Так, в 2001 году в нашем университете студентами был создан сборник афоризмов [7]. Один из разделов этого сборника посвящен как раз теме чистоты речи. Вот некоторые афоризмы, которые представлены в сборнике: «Бранное слово в беседе как таракан в супе: нет никакого желания разбирать, почему он туда попал, – хочется просто прервать обед», «Бранные слова в речи как трещины в стене: постепенно ведут к разрушению», «Произносить бранные слова – что надевать грязную одежду: никому не захочется с тобой общаться».

Литература

1. **Известия.** – 2000. – 12 апреля.
2. **Антонова И.** Снимите агрессию, сходите в музей // Аргументы и факты. – 2005. – №48. – С. 13.
3. **Жельвис В.И.** Поле брани: Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. – М., 2001.
4. **«Злая лая матерная...»:** Сб. ст. / Под ред. В. И. Жельвиса. – М., 2005.
5. **От обидного слова навек ссора** // Риторика. 10 класс: Учеб. пособие для общеобразовательной шк. / Под ред. Т. А. Ладыженской. – М., 2002.
6. **Щербинина Н.Ю.** Вербальная агрессия. – М., 2006.
7. **Валеологическая афоризмотека.** / Под ред. Н. А. Пересадына. – Вып. 2 – Луганск, 2001.

В статье приводятся данные социолингвистического опроса молодежи г. Луганска по проблемам сквернословия и предлагаются способы повышения массовой коммуникативной культуры.

Ключевые слова: сквернословие, социолингвистический опрос, коммуникативная культура.

У статті приводяться результати соціолінгвістичного опитування молоді м. Луганська з проблем лихослів'я та пропонуються способи підвищення масової комунікативної культури.

Ключові слова: лихослів'я, соціолінгвістичне опитування, комунікативна культура.

In the article the results of sociolinguistic questionnaire of Luhansk youth on the problem of the usage of «bad words» are revealed. Also the author suggests the ideas how to improve mass communicative culture.

Key words: bad words, sociolinguistic questionnaire, communicative culture.

УДК 811.161.2: 378.147: 39

О. М. Самусенко

СТВОРЕННЯ ЛІНГВОКРАЇНОЗНАВЧОГО ОБРАЗУ УКРАЇНИ В ПРОЦЕСІ ВИКЛАДАННЯ УКРАЇНСЬКОЇ МОВИ СТУДЕНТАМ-ІНОЗЕМЦЯМ

Дослідження відображеної у мові картини світу в сучасній науковій літературі здійснюється на ґрунті різних підходів і напрямків. У лінгвістиці склалася традиція розрізняти картину світу, мовну картину світу, або мовно-концептуальну картину світу, і міфопоетичну, або етноміфопоетичну картину світу. Як справедливо зазначають дослідники, феномен картини світу є таким давнім як і людина. Термін «картина світу» був висунутий у фізиці на межі дев'ятнадцятого й двадцятого століть, пізніше він стає методологічною категорією природознавчих наук, а згодом набуває загальнофілософського статусу. Власне поняття «картина світу» знаходиться у стадії свого формування з другої половини двадцятого століття. Як об'єкт гуманітарних досліджень картина світу постає набагато пізніше, незважаючи на те, що проблема мовного світосприйняття була сформульована ще в XIX ст. В.Гумбольдтом у теорії «внутрішньої форми мови», а потім у XX ст. Е.Сепіром і Б.Уорфом у «теорії лінгвістичної відносності» [1]. Згідно з цими теоріями, у мовному моделюванні дійсності основна роль належить мові, різні мови розглядаються як різні світобачення, а специфіку певної мови обумовлює мовна свідомість народу, що на ньому говорить. У XX ст. дослідження картини світу велися переважно в

культурологічному, етнолінгвістичному та лінгвосеміотичному напрямках і були присвячені реконструкції архаїчної колективної свідомості на матеріалі міфів і фольклору, аналізу фрагментів мовної картини світу тієї чи іншої етнолінгвокультурної спільноти. Наприкінці минулого століття поняття картини світу з'являється також у розробках теорії штучного інтелекту як синонім поняття «модель світу» і розглядається в аспекті семантики модальних та інтенціональних логік.

Сучасна наука нараховує декілька концепцій поняття картини світу: філософську, культурно-семіотичну, лінгвістичну, природно-наукову, кібернетичну тощо, тому спектр дефініцій цього поняття дуже широкий. Сучасна парадигма визначень картини світу може бути представлена такими твердженнями: філософськими: картина світу – це «сам світ, його суще в цілому» [2, с. 49], «сукупність усіх істинних думок є образ світу» [3, с. 36]; лінгвістичними: поняття картина світу трактується як «сукупність знань про світ» [4, с. 15], як «вторинне існування об'єктивного світу» [4, с. 18] і являє собою не дзеркальне відображення світу, а його інтерпретацію, тобто «суб'єктивний образ об'єктивної реальності» [5, с. 21]; культурно-семіотичними: картина світу – це «скорочене і спрощене відображення усієї суми уявлень про світ усередині даної традиції, узятих у їх системному й операційному аспектах» [6, с. 5]; «глобальний метаобраз світу», «раціонально-чуттєвий феномен людської свідомості» [7, с. 102]; «система інтуїтивних уявлень про реальність» [8, с. 127]. Вочевидь, у сучасних концепціях картини світу остання трактується як спосіб відображення дійсності у свідомості людини, що лежить в основі сприйняття цієї реальності крізь призму мовних і культурно-національних особливостей, властивих певній етнолінгвокультурній спільноті [9, с. 156]. Таке розуміння знайшло своє відображення, зокрема, в лінгвоетноцентричних та логіко-концептуальних дослідженнях, в яких на базі розуміння мови як національного феномену ведуться пошуки елементарних смислів, чи концептів, властивих будь-якій природній мові; пропонується систематизація й аналіз мовних концептів світової культури і визначається їхнє місце в картині світу.

Серед основних аспектів лінгвістичного вивчення картини світу варто виділити такі: дослідження мовної картини світу на всіх рівнях мовної системи (історія формування мовної картини світу у природній мові розглядається як історія розвитку його категорій – самостійних і службових частин мови і, таким чином, мовна картина світу розуміється закріпленою і вираженою в лексиці і значимих граматичних категоріях); вивчення мовної картини світу в контексті антропологічного підходу: з одного боку, у надрах мови формується мовна картина світу, а з іншого – сама мова виражає й експлікує інші картини світу; гендерні дослідження особливостей мовних картин світу чоловіків і жінок, різних соціальних шарів населення; співвідношення мовної картини світу і індивідуально-поетичної моделі світу.

У сучасній науковій парадигмі етноміфопоетична картина світу осмислюється як особлива, сакральна, архаїчна, усталена підсистема мовно-концептуальної картини світу певного етносу, усвідомлюється як творче, духовне джерело, що має витoki в глибинах людського буття і пов'язана з таїною людської психіки. Термін «міфопоетична картина світу» відносно новий, становлення ж цього поняття відбувалося насамперед в аспекті вивчення мовно-концептуальної картини світу, яка постає одним з фундаментальних понять, що виражає специфіку людського буття, взаємин людини зі світом, найважливіших умов його існування і розглядається як «цілісний глобальний образ світу» [5, с.19].

На тлі цих постулатів цікавим і актуальним постає проблема створення цілісного лінгвокраїнознавчого образу України у процесі викладання української мови студентам-іноземцям, що приїжджають до нас не лише з метою вивчити українську мову, але й познайомитися з українцями як певним етносом. Перед викладачами майбутніх філологів та перекладачів стоїть завдання не лише навчити мові, не лише допомогти засвоїти ще один код, але й залучити студентів-іноземців до нової культури, до іншого способу мислення і уявлень про світ. Саме тому у процесі викладання української мови як іноземної важливим є ознайомлення студентів з цілою низкою понять, таких як: культура, цивілізація, ментальність, позамовна дійсність, міжкультурна комунікація, країнознавство, етнолінгвістика, народознавство, лінгвокраїнознавство, картина світу, етноміфопоетична картина світу, а також національно-культурна семантика мовних одиниць, їх країнознавчий потенціал, безеквівалентна та фонові лексика тощо. Це завдання, як правило, вирішується у лінгвокраїнознавчих курсах, де зосереджується увага на вивченні іноземної мови в безпосередньому зв'язку з культурою народу-носія мови, вивчаються номінативні одиниці української мови як джерело національно-культурної інформації українського етносу, особлива увага приділяється безеквівалентній та фоновій лексиці, визначається національно-культурний потенціал онімів (антропонімів, топонімів, теонімів тощо), фразеологічних одиниць, звертається увага на національно-культурний компонент одиниць різних рівнів мови, аналізуються тексти в лінгвокраїнознавчому аспекті.

Варто зазначити, що лінгвокраїнознавчий аспект вивчення української мови як іноземної сьогодні лише починає набирати силу, незважаючи на те, що розвідок етнографічного, культурного та мовного характеру досить багато. Але цей матеріал має бути опрацьованим для викладання в іноземній аудиторії, на першому етапі вивчення мови навіть дозованим, оскільки сприйняття і розуміння національно-культурною специфіки є одною з найважчих, але водночас і найцікавішою складовою у процесі вивчення будь-якої мови як іноземної [10]. Пропонована стаття якраз і присвячена проблемі формування лінгвокраїнознавчого образу України в іноземній аудиторії.

Залучення до української самобутності починається з перших кроків вивчення мови, не лише лексики, але й у процесі знайомства з особливостями фонетики, словотвору, самостійними та службовими частинами мови, значимими граматичними категоріями, специфікою синтаксису, а також традиційними комунікативними формулами, культурою спілкування, віковими, гендерними відмінностями тощо. Так, у процесі знайомства студентів з основними українськими формами звертання (*добродію / добродійко і пане / пані*) великий інтерес в іноземній аудиторії завжди викликає той факт, що українська мова зберігає багато пестливих форм звертання до батьків як свідчення шанобливого ставлення, почуття любові, турботи за них: до батька – *батьку, пане-батьку, батечко, дєдю, неню, тату, татусю*; до матері – *мамо, мамочко, мамонько, мамуню, мамуленько, мамулечко, мамусю, мамусенько, мамунечко, матусю, матусенько, матінко, матіночко, нене, ненько, ненечко, пані-матко* та інші. Можна також зазначити, що хлопці один одного кликали: *брате, побратиме*; дівчата – *любко, сестро, дівонько*. Для студентів-іноземців переклад і розуміння таких термінів родичівства, як: *дід, баба, прадід, прабаба, онук, онучка, брат, сестра, дядько, тітка, племінник, племінниця* – не викликає труднощів, але слова *небіж, небога, двоюрідний брат, двоюрідна сестра, вітчим, мачуха, пасинок, пасербиця, свекор, свекруха, тесть, теща, свати, зять, невістка, дівер, зовиця, свояк, шурин, братова, дядина* потребують пояснень, а також коментарів щодо кровного родичівства, родичівства по шлюбу, сімейних традицій, народної моралі українців [11].

Формування країнознавчої та лінгвокультурологічної компетенції студентів-іноземців є важливим чинником для вільної орієнтації у процесі спілкування з носіями мови, для правильного тлумачення художніх та спеціальних текстів і відбувається, зазвичай, у процесі вивчення культурологічної лексики. Носіями національно-культурної інформації, насамперед, є іменники, які часто і називають культурологічною лексикою. Ця лексика може якнайповніше створити лінгвокраїнознавчий образ України. Першим помічником для студента-іноземця, звичайно, має бути лінгвокраїнознавчий словник, де можна знайти не лише тлумачення слів, але й країнознавчий коментар, що ознайомить з різними аспектами минулого і сучасного життя українців, культури, традицій тощо. Такі лінгвокраїнознавчі словники тільки починають з'являтися в Україні. Лексика в них подається за тематичним принципом і передбачає знання груп слів, пов'язаних з особливостями культури, історії, звичаями, традиціями, побутом, мистецтвом тощо [12].

Кожна безеквівалентна чи фонова лексична одиниця актуалізує не лише мовні, але, в першу чергу, позамовні можливості слова, розгортається інформативно і тягне за собою цілу низку інших понять, що також несуть у собі національно-культурну семантику, відкриваючи шлях до пізнання сутності українського етносу. Так лексема “хліб” вміщує в себе максимум інформації щодо образу України як

хлібодайного краю і може бути представлена характеристиками мовного й позамовного характеру: безліч прикметників до іменника “хліб” (добрий, пшеничний, чорний, білий, печений, український, пухкий, смачний, хрумкий, круглий, сухий тощо); низка сталих словосполучень (святий хліб, насущний хліб, тяжкий хліб, легкий хліб; жити не хлібом самим; жити на сухому хлібі; перебиватися з хліба на воду; зустрічати хлібом-сіллю; відривати собі шматок хліба від рота; мати хліб і до хліба); приказки та прислів'я про хліб (Хліб – усьому голова; Буде хліба й солі при добрій волі; Має хліб роги, а нужда ноги; Хліб їж, а правду ріж; Хліб та вода – козацька їда; Не бий землі – не дасть хліба; Без хліба половина обіда; Дасть Бог хліб, дасть і до хліба; Батьків хліб не навчить); назви хлібних виробів повсякденного харчування (перепічки, пампушки, пиріжки) та назви обрядового хліба, які тягнуть за собою інформацію про звичаї і обряди щодо кожного з них (коровай, калачі, калита, жайворонки); символізм та обрядовість хліба (хліб – символ гостинності, добробуту та доброзичливості; символ сонця, символ життя; в християнстві хліб символізує тіло Ісуса Христа; займає найпочесніше місце серед оберегів; є необхідним компонентом обрядових свят, з ним пов'язані важливі фази життя людини (родини, весілля, похорон) тощо; екстралінгвістичний коментар (посідає чільне місце у щоденному харчуванні українців; пекли у печі раз на тиждень, переважно з житнього борошна; пшеничне тісто готували у неділю та на свята; це робили жінки, рідше дівчата; виготовлення хліба було своєрідним ритуалом, тому існували певні заборони і обмеження: коли саджали хліб у піч, заборонялося відчиняти двері, голосно говорити) тощо [11–14].

Широке поле для ознайомлення студентів-іноземців з побутом та працею хліборобів дають назви місяців українського календаря. В українців збереглися прадавні назви місяців, що походять від спостереження прашурів за природою, від особливостей сезонної праці хліборобів. Пояснення внутрішньої форми назв місяців українського календаря (січень – в січні сікли ліс, готували ділянки під поля, лютий – люті морози, березень – береза дає сік, квітень – цвітіння дерев, травень – від трави тощо); звернення до прислів'їв, приказок та народних прикмет про місяці (Місяць лютий питає, чи взутий; Сухий березень, теплий квітень, мокрий май – буде хліба врожай; Коли квітень з водою, то травень з травою; Прийшов липень до хати – нема коли спочивати; Серпень збирає, а зима поїдає; Листопад – вересню онук, жовтню син, а зимі рідний брат; Плети влітку рукавиці – в листопаді пригодиться; Як листопад дерев не обтрусить – довга зима бути мусить) [15]; характеристика синонімічного ряду давніх назв місяців (наприклад: січень – тріскун, сніговик, льодовик, переломзими, перезим'є, поросинець; травень – май, травник, пісенник, місяць-громовик; серпень – копень, гедзень, хлібосол, живець, спасівець, різносол, густої) [16, с. 75–77] – такий підбір мовного матеріалу дає змогу іноземним студентам відчутти самотність української культури.

Підсумовуючи, необхідно зауважити, що українське лінгвокраїнознавство потребує розробок як теоретичного, так і прикладного характеру. Необхідність лінгвокраїнознавчих словників та довідників, особливо з ілюстраціями (оскільки в іноземній аудиторії якнайкраще спрацьовує правило: краще раз побачити, ніж сто разів почути), посібників, збірок текстів лінгвокраїнознавчої тематики для студентів-іноземців з різним рівнем знань української мови відкриває широкі перспективи для подальших розвідок у цьому напрямку.

Література

1. Гумбольдт В. фон Избранные труды по языкознанию: Пер. с нем. – М., 1984.
2. Хайдеггер М. Время и бытие: Пер. с нем. / Сост. В. В. Биbihин. – М., 1993.
3. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат: Пер. с фр. / Общ. ред. В. Ф. Асмуса. – М., 1958.
4. Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке. – М., 1990.
5. Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Под ред. Б. А. Серебrenникова. – М., 1988. – С. 8–69.
6. Цивьян Т.В. Лингвистические основы балканской модели мира. – М., 1990.
7. Лазебник Ю.С., Ярмак В.И. Поэзия XX века: слово, текст, мир. – К., 1992.
8. Руднев В.П. Словарь культуры XX в.: Ключевые понятия и тексты. – М., 1999.
9. Штерн І.Б. Вибрані топіки та лексикон сучасної лінгвістики: Енциклопедичний словник. – К., 1998.
10. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвистическая проблематика страноведения в преподавании русского языка иностранцам. – М., 1971.
11. Вудвуд Л.Ф., Вудвуд І.М. З родини йде життя людини. Народознавство. – Донецьк, 1998.
12. Україна в словах: Мовоукраїнознав. слов.-довід.: Навч. посібник / Упор. Н. Данилюк. – К., 2004.
13. Вудвуд Л.Ф. Відкривай духовні острови. Українське народознавство. – Донецьк, 1998.
14. Українське народознавство: Навч. посібник / За ред. С. П. Павлюка. – К., 2004.
15. Скуратівський В. Місяцелік. Український народний календар. – К., 1993.
16. Лозко Г.С. Коло Свароже: Відроджені традиції. – К., 2004.

Стаття присвячена вивченню мовної картини світу, зокрема актуальній проблемі створення лінгвокраїнознавчого образу України в процесі викладання української мови іноземним студентам. Розглядаються основи формування лінгвокультурологічної компетенції студентів-іноземців.

Ключові слова: мовна картина світу, лінгвокраїнознавство, національно-культурна семантика, українська мова, іноземні студенти.

Статья посвящена изучению языковой картины мира, в частности актуальной проблеме создания лингвострановедческого образа Украины в

процессе преподавания украинского языка иностранным студентам. Рассматриваются основы формирования лингвокультурологической компетенции студентов-иностранцев.

Ключевые слова: языковая картина мира, лингвострановедение, национально-культурная семантика, украинский язык, студенты-иностранцы.

The article deals with the study of language picture of the world. This paper is devoted to the actual problem of linguistic: the creation of linguocultural image of Ukraine in the process of teaching Ukrainian for foreign students. The shaping of linguocultural knowledge of Ukraine was described.

Key words: language picture of the world, area studies, national cultural meanings, Ukrainian language, foreign students.

УДК 378.147.82И

Е. Я. Титаренко, Хе Чжунхуэй

ОБУЧЕНИЕ КИТАЙСКИХ УЧАЩИХСЯ КИРИЛЛИЦЕ

Современная русская графика представляет несколько измененную графику старославянского языка, так называемую кириллицу. Хотя письменность на Русь пришла от южных славян, создатели первых русских рукописей старались подражать не болгарским, сербским или македонским образцам, а их общему первоисточнику — рукописям греческим. На византийские рукописи ориентировались не только русские писцы, но и книжники других христианских стран, соседствующих с Византией, например, книжники Грузии и Армении.

С X в. старославянская графика стала применяться на Руси при переписывании уже существовавших книг и при создании оригинальных произведений письменности. Теории письма и правил правописания в то время не существовало. В XII–XIII вв. русское письмо все более освобождается от старославянского влияния и постепенно превращается в самостоятельную систему, сближающую письмо с живой речью.

В силу исторического развития языка крепнувшие традиции русского письма оказались в некотором противоречии с закономерными изменениями в фонетической и грамматической системе языка. Так возникло несоответствие между графической и звуковой системой русского языка, между складывавшейся традицией письма и произношением. Однако установившаяся традиция письма (опора на произношение) не была особенно действенной в обозначении парных по

звонкости-глухости согласных, а также в отношении аканья. Озвончение – оглушение согласных и аканье, появившиеся в фонетической системе языка, не получили широкого отражения в письме. Произношение и традиция — эти противоречивые факторы письма — оказались прогрессивными и одинаково действенными в развитии русской графики и орфографии. На рубеже первой половины XVIII в. вопросы графики и орфографии связываются с вопросами русского литературного языка и приобретают общественное значение.

Чтобы научиться письменной речи на иностранном языке (как и на родном), надо овладеть техникой письма, т.е. умением правильно писать буквы (соотнося их со звуками, которые они обозначают) и слова изучаемого языка. К сожалению, преподаватели русского языка как иностранного не всегда осознают важность выработки навыков правильного написания русских букв (каллиграфии) и уделяют слишком мало внимания этому аспекту на начальном этапе обучения. В методической литературе редко освещаются вопросы обучения русской графике, научной литературы по проблемам обучения иностранных студентов русской графике и орфографии мало, а в сопоставительном плане обычно рассматриваются только проблемы интерференции латинского и русского алфавитов, возникающие в ходе обучения иностранцев, пишущих на латинице [1; 2 и др.].

Между тем обучение русской графике представителей иероглифического письма представляет собой отдельную и весьма актуальную для преподавателей РКИ проблему. Цель статьи – показать специфику работы по обучению русской графике китайских учащихся на основе сопоставления русской и китайской теории письма. Актуальность темы обусловлена тем, что «навыки письма вырабатываются и закрепляются очень быстро, и неправильные навыки оказываются настолько устойчивыми, что усилия, направленные в дальнейшем на корректирование сложившейся неправильной манеры письма, нередко оказываются безуспешными» [1, с. 65]. Почерк китайских студентов, к сожалению, часто является неразборчивым, не соответствующим нормам русского письма, неаккуратным.

В задачи обучения русской графике входят:

- 1) знание студентами русских букв, русского алфавита, звуко-буквенных соответствий;
- 2) владение правилами каллиграфии в написании отдельных букв и их сочетаний; в том числе — преодоление влияния норм латинской каллиграфии;
- 3) преодоление смешения букв русского и латинского алфавитов при обозначении звуков в русском языке;
- 4) освоение некоторых правил русского правописания; именно той части орфографии, которая определяет приемы и способы буквенного обозначения звуков речи как таковых:

- а) безотносительно к конкретным словам, их формам или морфемам;
- б) безотносительно к традициям написания;
- в) с учетом характера самих звуков, их сложения в словах, характера их окружения, — что входит в задачи графики [3].

Знакомство с алфавитом происходит в процессе вводно-фонетического курса. Учащиеся знакомятся со звуками русского языка и буквами, которыми эти звуки обозначаются (печатными и рукописными, прописными и строчными). Одновременно они учатся каллиграфии, т.е. умению правильно писать рукописные буквы. Последовательность изучения русских букв зависит, с одной стороны, от трудности звука, ими обозначаемого, и, с другой стороны, трудности начертания самой буквы для учащихся каждой национальности. Преподаватель должен уделять достаточное внимание не только написанию букв, но и звуко-буквенным соответствиям, так как пишущий всегда отталкивается от слышимого слова и его произношения. Собственное произношение слова помогает самопроверке написанного. Установлено, что на начальной стадии обучения письму больше половины ошибок является следствием плохого усвоения фонетики изучаемого языка. Устранение этих ошибок зависит от работы над произношением, выполнения слуховых упражнений. Помогают также написание букв со слуха, списывание с дополнительным заданием (подчеркнуть определённые буквы, отметить слова, где количество букв не совпадает с количеством звуков).

По окончании вводно-фонетического курса учащиеся должны знать все буквы и их расположение в русском алфавите. Они должны запомнить порядок следования букв (для пользования словарём) и названия букв (для правильного чтения аббревиатур).

Как известно, термин «каллиграфия» включает в себя понятие «писать правильно и красиво». В Китае каллиграфия издавна считалась одним из традиционных видов высокого профессионального искусства, наряду с живописью. И это неслучайно. Иероглифы дают обильную пищу для восприятия их не просто как знаков письменности, а как определённых художественных образов, содержащих не менее многообразную информацию, чем содержание самого текста, и способность доставлять эстетическое наслаждение. В Китае умение писать иероглифы правильно и красиво всегда считалось и до сих пор считается неотъемлемым признаком интеллигентности. Однако техническая революция, связанная с массовым использованием компьютеров, оказывает не самое хорошее воздействие на китайскую систему письменности и традиционное искусство каллиграфии. Сейчас в Китае, также как и в других странах, где используется иероглифика, пишут не так уверенно и красиво, как раньше. Но в принципе для китайского человека характерно отношение к письму как к искусству.

Любая система письма может быть отнесена к одному из двух основных типов. Первый из них (фонетический) включает системы, знаки которых служат для записи звучания тех или иных языковых единиц. Сюда относятся алфавиты, включающие буквы и записывающие отдельные звуки, и слоговые письменности, фиксирующие целые слоги.

Второй тип письменностей (идеографический, или иероглифический) характеризуется тем, что знаки служат для записи лексического значения речевых единиц – слогов или слов. Китайская система письма относится именно к этому типу [4].

Иероглифическая письменность отличается от алфавитной или слоговой тем, что включает значительно большее число знаков. В алфавите может быть два – три десятка букв, в слоговых системах – сотни знаков, а в иероглифических – несколько тысяч или даже десятков тысяч.

В китайском языке каждый значимый слог (морфема) передаётся отдельным иероглифом; для записи слова требуется столько иероглифов, сколько в нём слогов. Всего в китайском языке около 400 слогов, различающихся звуковым составом; наличие тонов увеличивает это число в 3–4 раза. Количество же разных морфем во много раз больше, что объясняется наличием омонимов, в результате этого в китайской письменности так много иероглифов.

Огромное количество иероглифов и их сложность делает китайскую письменность одной из труднейших письменностей мира. Очень важным фактом для понимания сущности системы китайской письменности является то, что иероглиф состоит из *графем* (значимых составных частей). Иероглифы, разложимые на графемы, несут в себе значительно больше информации, чем знаки алфавитного письма. В своём первоначальном виде графемы представляли собой рисуночное изображение отдельных предметов или их сочетаний. Поэтому если для китайского студента иероглиф – это картинка, несущая уже сама по себе значение, то буквы русского алфавита – всего лишь набор черт, не имеющих собственного значения, следовательно, не столь важных.

Современные китайские иероглифы представляют собой комбинации некоторого числа строго определённых черт, кроме того, количество черт в одном иероглифе строго определено, при прописывании иероглифа необходимо соблюдать последовательность черт, которая подчиняется очень строгим правилам:

1. Иероглиф пишется сверху вниз.
2. Иероглиф пишется слева направо.
3. Сначала пишутся горизонтальные черты, а потом вертикальные и откидные; нижняя горизонтальная черта, если она не пересекается, пишется после вертикальной.
4. Сначала пишется откидная влево, затем – откидная вправо.
5. Сначала пишутся черты, составляющие внешний контур знака, затем – черты внутри его; черта, замыкающая контур снизу, пишется в

последнюю очередь.

6. Сначала пишется вертикальная черта, находящаяся в центре, затем – боковые черты.

7. Точка справа пишется последней [4].

Учитывая такую национальную специфику, очень важно показать китайским студентам столь же строгую и определённую последовательность в написании букв русского алфавита, обратить их внимание на основные элементы, из которых может состоять русская буква, и отработать написание сначала этих элементов, а затем букв; при этом немаловажно постоянно сосредотачивать внимание на количестве элементов, из которых состоит та или иная буква.

Иероглиф любой сложности должен вписываться в квадрат заданного размера, поэтому писать иероглифы рекомендуют на бумаге в клетку, а в Китае для этого существуют определённые тетради – прописи, предназначенные для написания иероглифов. Есть такие тетради – прописи и для обучения русскому письму, хотя они не так часто используются, а это в значительной мере помогло бы при обучении русской каллиграфии. В «Учебнике русского языка для говорящих по-китайски» даны образцы русских рукописных букв, однако их начертание, на наш взгляд, устарело, они снабжены огромным количеством завитушек, не применяемых в современном письме, в результате чего некоторые буквы (например, прописная буква *С*) [5, с. 17] вообще изменены до неузнаваемости. Гораздо более удачными и простыми были прописи в комплексе «Старт» (см. [2, с. 124–125]).

Естественно, что начертанием русских букв легче овладевают жители тех стран, где принято письмо на основе кириллицы или латиницы. Для китайских же студентов это составляет определённые трудности, хотя многие из них владеют в большей или меньшей степени английским языком и латинским алфавитом.

Основными отклонениями при обучении русской каллиграфии китайских учащихся являются:

1. Написание только строчных букв. Для китайской графики не характерно использование прописных и строчных букв, поэтому и в русском письме китайские учащиеся забывают использовать прописные буквы.

2. Неправильное соединение букв или отсутствие соединительных элементов между буквами. Это связано с тем, что чаще всего китайский иероглиф состоит из отдельных черт, которые не соединены между собой, хотя при китайской скорописи иероглиф пишется без отрыва руки, при этом одна черта плавно переходит в другую.

3. Отступления от одного из основных правил русского письма – строгой параллельности средних элементов букв. Учащихся следует информировать об обязательности расположения прописных букв на линейке. Это правило касается букв *З, У, Ф*. В буквах *Ц, Щ* опущенная петля опускается под линейку.

4. Смещение некоторых букв, таких например, как *Ш* и *Щ*, *И* и *Й*, *Т* и *Ш*, *М* и *Т*, *М* и *Ш*.

5. Нарушение правил русской каллиграфии, проявляющееся в отсутствии или неправильном начертании небольшого закругления книзу, с которого начинается написание букв *л*, *м*, *я*, и своеобразие соединения этих букв с предшествующей в месте этого закругления (в буквах *ц* и *щ*).

6. Отсутствие элемента *опущенная петля*, которого нет ни в китайской, ни в латинской графике.

7. Не соблюдаются различия в высоте строчных букв (в русском языке высокими являются только две строчные буквы – *б* и *в*).

8. Орфографические ошибки, являющиеся следствием плохого усвоения фонетики русского языка. Преподаватель должен уделять достаточное внимание не только написанию букв, но и звуко-буквенным соответствиям, так как пишущий всегда отталкивается от слышимого слова и его произношения.

Таким образом, чтобы научиться письменной речи на русском языке, китайским студентам надо овладеть кириллицей, т.е. умением правильно писать буквы (соотнося их со звуками, которые они обозначают) и слова. Китайская и русская графика настолько различны, что в какой-то мере это осложняет, но в какой-то степени и облегчает обучение китайских студентов русскому письму. При их обучении следует учитывать некоторые особенности, характерные для китайцев: уважительное отношение к письму как к искусству, важность соблюдения последовательности написания черт русских букв, различия прописных и строчных букв, необходимости использования прописей.

Литература

1. Вагнер В.Н. Методика преподавания русского языка англоговорящим и франкоговорящим на основе межъязыкового сопоставительного анализа: Фонетика. Графика. Словообразование. Структуры предложений, порядок слов. Части речи. — М., 2001.
2. Капитонова Т.И., Московкин Л.В. Методика обучения русскому языку как иностранному на этапе предвузовской подготовки. — СПб., 2006.
3. Кушнарева И.М. О создании учебного пособия по графике русского языка для иностранных студентов // Уч. зап. Таврич. нац. ун-та. Сер. «Филология». — Т. 15 (54). — №2. — 2002. — С. 277–283.
4. Задоев Т.П. Хуан Шуин. Начальный курс китайского языка. — М., 2004.
5. Учебник русского языка для говорящих по-китайски / Балыхина Т.М. и др. — М., 2000.

В статье рассматриваются вопросы становления современной русской графики и проблемы обучения китайских учащихся технике русского письма.

Ключевые слова: графика, кириллица, каллиграфия, техника письма.

У статті розглядаються питання становлення сучасної російської графіки та проблеми навчання китайських учнів техніці російського письма.

Ключові слова: графіка, кирилиця, каліграфія, техніка письма.

The article deals with formation of modern Russian graphics and with the problems of teaching Russian language writing technique to the Chinese students.

Key words: graphics, Cyrillic alphabet, calligraphy, writing technique.

РОЗДІЛ IV

СЛОВ'ЯНСЬКИЙ МЕНТАЛІТЕТ У ДЗЕРКАЛІ СЛОВЕСНО-ХУДОЖНЬОЇ ТВОРЧОСТІ

УДК 811.161.1'42

О. А. Бондаревская

КОНЦЕПТ *БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ* В ОДНОИМЕННОМ РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Заглавие романа «Братья Карамазовы» не только называет и выделяет образы главных героев произведения, но и подчеркивает как текстовую доминату словосочетание *братья Карамазовы*. С одной стороны, братья Карамазовы – центральные фигуры художественного мира романа, с другой – *БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ* – особо значимые слова текста, являющиеся символами и несущие огромную смысловую и эстетическую нагрузку.

«В художественные символы романа автор вписывает свое учение о личности. Концепцией соборной личности определяется построение романа. Все произведения Достоевского персоналистичны: действие их всегда концентрируется вокруг личности главного героя. Главный герой «Карамазовых» – три брата в их духовном единстве. Три личные темы развиваются параллельно, но в духовном плане параллельные линии сходятся: братья, каждый по-своему переживают единую трагедию, у них общая вина и общее искупление» [5, с. 302].

Заглавие романа Достоевского как емкий символ несет в себе раскрытие самой важной темы романа. Эта тема – проблема выбора героями жизненной позиции, – одного из двух начал человеческой природы – духовного единения людей или эгоистического отчуждения, «братства» или «карамазовщины» [1, с. 10].

Само словосочетание *братья Карамазовы* в своем единстве рождает новый уровень символики, который и определяет направление концептуального анализа языковой канвы произведения. «Многозначность, сосредоточенность смысловых потенций заглавия готовы к дальнейшему разворачиванию в сюжете произведения», – отмечает А. П. Власкин [1, с. 7]. И грамматические признаки играют здесь важную роль. Изначально в грамматическом значении

собирабельного существительного «братья» и во флексии словоформы «Карамазовы» заявлена категория множественности. В процессе «развертывания», раскрытия заглавия в тексте к общекатегориальному значению «множественности», «собирабельности» добавляется концептуальное значение «духовной общности людей», «братства», «соборности». Доминанта текста, таким образом, выражает авторское видение всей изображаемой этической ситуации, реализует замысел как целостность.

Первый компонент заглавия – концепт *БРАТЬЯ* – является начальной авторской интерпретацией произведения. Еще за двадцать лет до того, как Достоевский приступил к своему итоговому произведению, в «Зимних заметках о летних впечатлениях» он утверждал, что братство становится действительно жизнестойким и всех объединяющим гуманистическим мироотношением лишь при одном условии – нужно, чтобы оно «бессознательно в природе всего племени заключалось». Такое братское начало – Достоевский надеялся на это – заключено в России: «Я говорю лишь о братстве людей и о том, что ко всемирному, ко всечеловечески-братскому единению сердце русское, может быть, из всех народов наиболее предназначено, вижу следы сего в нашей истории...» [3, с. 537]. Именно благодаря этому началу, по Достоевскому, возможно примирение «цивилизации с народной жизнью», соединение всех на почве братской любви.

Языковой прототип художественного концепта *БРАТ* относится к древнейшему пласту индоевропейской лексики, обозначающей систему родства. Слова этого ряда входили в архаический тип склонения с основой на *-er*: мать, отец, сын, дочь, брат, сестра; особенность их состоит в том что эти лексемы не поддаются дальнейшей этимологизации.

«Малый академический словарь» включает четыре значения слова «брат». «1. Каждый из сыновей в отношении к другим детям этих же родителей. 2. *Высок.* Всякий человек, объединенный с говорящим общими интересами, положением, условиями. 3. Фамильярное и дружеское обращение к мужчине, юноше, мальчику. 4. Член религиозного братства; монах. Многозначность слова является определенной предпосылкой для концептуального функционирования слова в языке и речи. Словарь приводит также достаточно для этого утверждения примеров фразеологически связанных сочетаний со словом брат: «двоюродный брат, крестовый брат, названный брат, брат милосердия, на брата – на каждого, ваш брат (обычно с приложением) – вы и вам подобные, свой брат (*обычно с приложением*) – подобный кому-л.» и др.

Обратимся к смысловой первооснове концепта, к данным этимологии. Словарь М. Фасмера рассматривает эту лексему в контексте славянских и индоевропейских языков: брат, укр., блр. *брат*, ст.-слав. братръ, брать, сербохорв. бра̑т, словен. brat, чеш. bratr, польск. brat, в.-

луж. bratr, н.-луж. bratš. ...Родственно др.-прусск. brāti, уменш. bratīkai «братья», ...лтш. brātarītis «братец» (лит. диал. brotas «любовник»...), <...> др.-польск. braciá, в.-луж. bratřa, которые соответствуют греч. φράτρία; ср. также др.-инд. bhrātryam «братство» [6, т. 1, с. 207–208].

Как видно из приведенного ряда однокоренных слов, этимологически близкими являются понятия «брат» и «любовник» (лит. диал. brotas «любовник»...), то есть близки корни *брат-* и *люб-*.

«Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля наряду со значением «каждый из сыновей одних родителей...» приводит словосочетания «...*брат на духу*, с кем вместе говел, исповедывался и приобщился. *Братья по свече* покупают свечу складчинною и держат в церкви, во время херувимской, поочередно; это *братская свеча*, а державшие — *братья по ней*. *Братья крестовые*, — по кресту, обменявшиеся тельными крестами, в залог дружбы и братства; названные, принявшие братство по дружбе, по условию, по взаимному уговору» и т. д. Собирательное существительное *братья* автор словаря толкует с помощью синонимов «братство, товарищество, община, общества, соглас, кружок, круг, сословие».

Сведения данной словарной статьи подводят к раскрытию смысловой первоосновы концепта *БРАТЪЯ*, которая предстает как некая смысловая синкрета понятий брат по крови и брат по духу. Особо значимый материал статьи в этом отношении приводится ниже: «*Любовь братская — союз христианский. Братская любовь пуще (лучше) каменных стен...Братолюбие* ср. любовь к брату; к ближнему; ... *братолюбивый* человек или *братолюб*...любящий братьев или собратьев, людей, человеколюбивый ... *Братотворение* ср. стар. обряд братства, побратимства, совершавшийся обрядливо, в церкви. *Братоубийца* об. кто убивает, губит чем либо брата, собрата; иногда принимается в общ. знач. убийцы тела или духа человека. *Братоубийство*, плотское и духовное, смертный грех» [2, т. 1, с. 124–125].

Лексемы «братский» и «любовь» становятся взаимодополняющими в рассмотренных паремиях. В сложных словах находят сочетание корни *брат-* и *люб-*. Толкование устаревшего «братотворение», а также антонимичных лексем «братоубийца, братоубийство» доказывает сакральность понятия «братство» наряду со священным чувством христианской любви, благоговейное отношение к нему. Все это свидетельствует о синонимической спаянности понятий «любовь» и «братство» в русской ментальности и дает основание выделить словосочетание «братская любовь» в качестве самостоятельного концепта.

Экскурс в раннее наследие Достоевского и выявленная в его пятикнижии романов смысловая доминанта *БРАТСКАЯ ЛЮБОВЬ* (с учетом ее основополагающей христианской роли) также сигнализирует о наличии в итоговом романе иного, не конкретно семейного уровня осмысления событий, но масштабного, общечеловеческого уровня.

Первый компонент заглавия, *братья*, высвечивает сквозную оппозицию романа – *БРАТЬЯ–ВРАГИ*, которая раскрывается через отношение героев к деятельной любви. Свободное подчинение своей жизни вектору братской любви или, напротив, свободное отречение от него являются показателем потенциала внутреннего мира героев Достоевского. «Фактически любой значимый образ романа может быть представлен как бы в силовом поле борьбы этих двух начал человеческой природы: деятельная братская любовь или гордое отречение от нее. <...> Соответственно многочисленные антитезы, обнаруживаемые в содержании произведения, предстают как разнообразные проявления исходной, заглавной антиномии: «За и против», «бог и дьявол в сердцах людей», «идеал Мадонны и идеал содомский» [1, с. 9].

Достоевский рисует объединенными братской любовью старца Зосиму и его духовных чад, в том числе и младшего Карамазова – Алексея, Дмитрия Карамазова и Грушеньку Светлову, разделивших одно наказание, мальчиков у могилки Илюши.

Гордыми, поправшими братство, предстают в романе Иван Карамазов, а также плод его воображения – Великий Инквизитор.

В этой связи концептуальными синонимами ключевого слова «братья» в романе оказываются такие слова-символы как *СВОБОДА* (в тексте – «совершенная свобода» (кн. 1, гл. 5)), *СОВЕСТЬ* (в тексте романа эта лексема с учетом всех словоформ встречается 59 раз), *КРАСОТА* («красота Мадонны» (кн. 3, гл. 3)), *ВЕРА* («чудо от веры» (кн. 1, гл. 5)), *ДРУЖБА* («соединение в добром хорошем чувстве» (эпilog, гл. 3)), *ХРИСТИАНСТВО* («Христово общество» (кн. 2, гл. 5)).

БРАТЬЯ в романе Достоевского интерпретируются как «Христово общество», в котором все «братья» любимы «матерью Церковью», «и даже самого преступника» такое общество – «братство» «охраняет..., исправляет и в другого человека перерождает, и это... единственно лишь закон Христов, сказывающийся в сознании собственной совести» (слова старца Зосимы (кн. 2, гл. 5)).

Второй компонент заглавия – собственное наименование «Карамазовы». *КАРАМАЗОВЫ* – центральный антропоним текста, ставший метафоричным уже в романе. Этимологический подтекст данного антропонима выявляет сему «черный» и синонимичные ей смыслы – «темный», «мрачный». «Карамазый, черномазый, чернявый, смуглый (кара – татар. «черный») [2, т. 2, с. 90]. «Карамазый – смуглый (с лица). От тюрк. кага – «черный» и «мазать»; ср. «черномазый» [6, т. 2, с. 192].

Собственная номинация-символ *КАРАМАЗОВЫ* приобретает противоположные первому, выше рассмотренному, компоненту заглавия смыслы.

Карамазовы в романе – «случайная семья», даже «семейка», судя по характерному названию первой книги (кн. 1, ч. 1). (Здесь показателен аффикс -ейк- с явной авторской пренебрежительной коннотацией.) Уже в

заглавии *книги первой* («История одной семейки») автор как бы варьирует общее название романа. Главные герои – «братья Карамазовы», и все-таки они не члены «одной семьи», а «одной семейки» (достаточно значимая для Достоевского стиливая разница). Весь роман если и является, судя по названию, историей «братьев Карамазовых», то это верно лишь на первый взгляд – и, в частности, для *первой книги*, в которой изложена предыстория семьи Карамазовых. Итак, концепт *КАРАМАЗОВЫ* становится семантическим центром следующего круга контекстуальных синонимов: «сладострастие», «стяжательство», «шутовство», «юрродство». Приведем примеры из текста: «Федора Павловича, *сладострастнейшего* человека...»; «Федор Павлович...был только злой *шут* и больше ничего» (кн. 1, гл. 1); «Алексей...из таких юношей вроде как бы *юрродивых*...он как бы вовсе не знал цены деньгам» (кн. 1, гл. 4); «В этом весь ваш Карамазовский вопрос заключается: *сладострастники, стяжатели и юрродивые!*» (слова Ракина Алексею (кн. 2, гл. 7).

Ф. П. Карамазов, пожалуй, наиболее колоритного в своих безобразиях героя романа, часто называется «шутком». Он сам говорит о себе: «Именно мне все так и кажется, когда я к людям вхожу, что я подлее всех и что меня все за шута принимают, так вот «давай же я и в самом деле сыграю шута, не боюсь ваших мнений, потому что все вы до единого подлее меня!»

В тексте романа выстраиваются ассоциативные ряды контекстуальных синонимов. Один ряд возглавляет концепт *БРАТЬЯ*, другой – *КАРАМАЗОВЫ*. Как показывает анализ текста, по отношению друг к другу эти ряды полярны.

Концептуальное наполнение словосочетания *БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ* как заглавия романа происходит с разворачиванием сюжета.

Первое значение концепта можно определить как *конкретное*: оно выделяет главных героев – трех братьев Карамазовых – Дмитрия, Ивана и младшего Алексея. В этой начальной интерпретации словосочетание *БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ* не обогащено авторскими метафорическими смыслами.

Второе значение – *концепт-оксюморон*. В его основе лежит соединение двух понятий, противоречащих друг другу, логически исключающих одно другое. При таком подходе первым его компонентом является концепт *БРАТЬЯ* и его текстовые репрезентанты – «действенная любовь», «смирение», «церковный суд сожаления» и другие, вторым компонентом – авторский концепт *КАРАМАЗОВЫ*, который вербализуют в романе такие лексемы, как «разнузданность», «сладострастие», «шутовство». Данная интерпретация заглавия предопределяет видение динамики художественно-философской идеи произведения, ситуацию выбора: останутся ли «братья» в мире «карамазовщины» или же «стихийная карамазовская сила» преобразится в «братство»?.. Именно в

таким осмыслении заглавия уместны выводы о третьем речевом мире романа, мире «общего и согласного муравейника», «социализме без Бога» (кн. 1, гл. 5).

Третье значение – *концепт-метафора* – предстает как сочетание ядерных концептов романа в их финальном варианте. Концепт *КАРАМАЗОВЫ* расширяет здесь свои семантические границы до исторических масштабов. Теперь это не только «русская черноземная сила», хранящая духовные заповеди предков, но и зарождающееся общество будущего, способное под «знаменем хлеба небесного, ...свободы» (кн. 5, гл. 5) повести все народы к братскому единению. Модель подобного общества, объединенного живой, деятельной христианской верой и «добрым хорошим чувством» (эпилог, гл. 3) – дружбой, показана автором в финале романа – это собравшиеся у могилки умершего друга 12 мальчиков и их духовный наставник – Алексей Карамазов. Эти 12 – и есть новые «Братья Карамазовы».

Таким образом, концепт *БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ* обладает емкой символикой, не только высвечивающей главную идею романа, но и отсылающей к духовным основам русской ментальности.

Литература

1. Власкин А.П. Идеологический контекст в романе Ф. М. Достоевского: Учеб. пособие по спецкурсу / Челябинский государственный педагогический институт. – Челябинск, 1987. **2. Даль В.И.** Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М.: Диамант, 1995. **3. Достоевский Ф.М.** Дневник писателя: Избр. страницы / Авт. вступ. ст. и коммент. Б. Н. Тарасов. – М.: Современник, 1989. **4. Малый** академический словарь русского языка / Под ред. А. П. Евгеньевой. – М., 1981–1984. **5. Мочульский К.В.** Гоголь. Соловьев. Достоевский. – М.: Республика, 1995. **6. Фасмер М.** Этимологический словарь русского языка: В 4 т.: Пер. с нем и доп. О. Н. Трубачева. – СПб.: Терра–Азбука, 1996.

В статье рассматривается концептуальное наполнение словосочетания *братья Карамазовы* в процессе развертывания сюжета в одноименном романе Ф. М. Достоевского; словосочетание *братья Карамазовы* в своем единстве рождает новый уровень символики, который и определяет направление концептуального анализа языковой канвы произведения.

Ключевые слова: концепт, концепт-оксюморон, концепт-метафора, концептуальный анализ, символ.

У статті розглядається концептуальне наповнення словосполучення *брати Карамазови* в процесі розгортання сюжету в однойменному романі

Ф. М. Достоевського; словосполучення *брати Карамазови* в своїй єдності створюють новий рівень символіки, який і визначає напрямок концептуального аналізу мовної канви твору.

Ключові слова: концепт, концепт-оксюморон, концепт-метафора, концептуальний аналіз, символ.

The attempt how in novel F. M. Dostoevsky the combination of words *brothers Karamazov* acquire of concept contain creating new symbol standard. It's defines direction of concept language analyze.

Key words: concept, concept-oxymoron, concept-metaphor, concept analyze, symbol.

УДК 821.161.1-2

Е. Л. Лаврова

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ М. ЦВЕТАЕВОЙ

Философия жизни, какой она предстаёт перед нами в первой половине XX века, не есть поиск некоего «жизнепонимания», или поиска смысла жизни, поскольку оно всегда являлось предметом внимания философии. М. Цветаева не стремится, размышляя о жизни, искать её смысл, поскольку этот смысл для неё давно был найден, и настолько очевиден и бесспорен, что говорить о нём просто пустая трата времени. Другое дело попытка понять жизнь, как сущность мира, как центр мирового целого, и как источник и основу творчества. Взаимоотношение жизни и творчества привлекает особое внимание Цветаевой, и она пытается постичь глубину тайны, предстающей взору поэта.

Понятие «жизнь» многозначно. Это, прежде всего, объект «переживания». Человек хочет «вжиться» (Г. Риккерт) в то, что пытается познать, жить заодно с миром. Далее, жизнь не только переживаема, но и «изживаема», то есть она стремится к убыванию. Кроме того, живой жизни противостоит «отжитая» жизнь, т.е. окаменевшая и неживая. Эта противоположность живой жизни есть смерть, и без этого противопоставления невозможно понимание живой жизни. Но живая жизнь сама и производит смерть, ибо всё живое рано или поздно умирает, и, следовательно, жизнь сама становится тем звеном, который соединяет её и смерть. Говорить о жизни, не говоря о смерти, значит, обеднять и обесценивать само понятие жизни. Цветаева это отлично понимала. Кроме всего сказанного, следует упомянуть ещё и о способах,

которыми совершается сама жизнь. Этих способов множество, но нас интересует только те способы, какими проживала свою жизнь Цветаева. Очевидна связь между способами проживания жизни и её качеством. Качество своей жизни человек замышляет осуществить смолodu и выбирает соответствующие его представлениям этому качеству способы. Цветаева избирает для себя три главных способа переживания жизни, которые наиболее полно отвечают её представлениям о цели и смысле жизни. Первый способ можно рассматривать как общепринятый и наиболее распространённый: реализация через брак и деторождение своей женской сущности. Этот способ переживания жизни доступен практически почти любому человеку, и его можно назвать житейски-бытовым. Второй способ переживания жизни, менее общепринятый, чем первый и поэтому не слишком распространённый: реализация творческого потенциала, заложенного в личности. Между первым и вторым способами переживания жизни лежит бездна. Брак и деторождение накладывают определённые ограничения на количество и качество переживаемой жизни. Жизнь, вследствие этих ограничений, невозможно развёртывать во всех направлениях. Напротив, второй способ переживания жизни требует отмены всяческих ограничений, и требует развёртывания жизни во всех направлениях, в особенности, в тех направлениях, которые могут питать творчество: например, любовные взаимоотношения с другими людьми, неоднократные переживания всех этапов любовного чувства и всех эмоций, которые оно может дать, что весьма важно для поэта. Когда человек почувствует себя готовым стать «орудием» своего предмета, тогда он получает право и основание: «...выразить пережитое содержание – излить его в форме сонета, романа, сонаты, статуи, картины, исследования, философского «описания», богословского трактата, проповеди, нового закона, или зрелого совестного поступка» [1, с. 724]. И, наконец, есть и третий способ переживания жизни, наиболее редкий, и наиболее глубокий, тесно связанный со вторым способом, и менее всего связанный с внешним, житейски-бытовым, первым способом переживания. Этот способ переживания жизни свойственен творческим личностям. И. Ильин называет этот способ «напряжённым созерцанием или духовным вслушиванием» [1, с. 724]. Второй и третий способы переживания жизни требуют от художника свободы, которую он употребляет не для субъективных капризов и произволов, а для постижений внутренних потребностей и следования их требованиям. Художник употребляет свою свободу для созерцания предмета и погружения в предмет до тех пор, пока предмет не овладеет им, пока художник не почувствует этот предмет с силою очевидности [1, с. 724]. У М. Цветаевой этот третий способ переживания жизни имеет огромное значение, и она даже посвящает ему цикл из двух стихотворений в мае 1923 года: «**Так вслушиваются**». В этом цикле стихотворений использован ряд глаголов с приставкой «в», означающий высшую степень погружения в предмет

до полного игнорирования внешнего мира, внешней жизни: «вслушиваться», «внюхиваться», «всматриваться», «вчувствоваться», «влюбливаться», «вглатывать», «вработываться», «вплакиваться», «вшёптываться», «вплясываться», «вкрикиваться», «вмалчиваться», «вбаливаться», «впадываться». Ряд использованных в цикле существительных указывает на ведущее значение в них глубины, в которую устремлено внимание созерцателя: «исток», «устье», «бездна», «пропасть», «любовь». Последнее слово «любовь» - ключевое в этом списке, потому что именно «любовь» и переживается как бездонная глубина, притягивающая к себе, готовая поглотить человека. Понятно, что соединить в одной судьбе индивида все три способа переживания жизни задача невероятно трудная. Некоторые художники сводили к минимуму бытовое переживание жизни. Они переживали жизнь в основном вторым и третьим способом (Леонардо да Винчи, Микельанжело, Ван Гог, П. Чайковский). М. Цветаева попыталась выполнить эту задачу. То, что ей удалось, свидетельствует об её физическом, умственном и психическом здоровье.

Если отвлечься от способов переживания жизнью индивидом, и взять её, как центр мирового целого, как поток действий, совершаемых людьми и живыми организмами в целом, если присовокупить сюда и природу, то сознанию М. Цветаевой жизнь представляется хаосом, сырьём, а сырьё на потребу искусства не идёт. В письме к А. Тесковой М. Цветаева излагает свой взгляд на житейски-бытовую сторону жизни: «Я не люблю жизни, как таковой, для меня она начинает значить, т.е. обретать смысл и вес – только преображённая, т.е. – в искусстве. Если бы меня взяли за океан – в рай – и запретили писать, я бы отказалась от океана и рая. Мне вещь сама по себе не нужна» [2, с. 344]. В конце письма – фраза: «Страшно не нравится жить» [2, с. 344]. Это письмо написано в 1925 году, когда М. Цветаева с семьёй переехала в Париж и жила в квартире О. Е. Колбасиной-Черновой. Жить в условиях, когда в одной комнате набито четверо человек, и невозможно писать, поскольку постоянно отрывают от тетради дела, разговоры, люди, для М. Цветаевой воистину – пытка, ибо второй и третий способ переживания жизни становится для неё первостепенными, в то время, как житейски-бытовой пласт жизни есть только дань условности и традиции. К сорока годам М. Цветаева подвела кое-какой итог своей жизни: «Жизнь я прожила в случайных местах, с случайными людьми, без всякой попытки коррективы» [3, с. 453]. М. Цветаева не пыталась, что называется, строить жизнь, переламять ситуации. «Строить свою жизнь» - да, если бы на это были даны все времена и вся карта. А выбирать - друзей – из сотни, места – из десятка мест – лучше совсем не вмешиваться, дать жизни (случайности) самочинствовать до конца. Я в это неправое дело – не вмешиваюсь» [3, с. 453]. М. Цветаева была фаталисткой. Она была недовольна своей жизнью, но ничего не пыталась изменить: «Все

события *моей* жизни настолько меньше моей *силы* и моей жажды, что я в них просто не вмешиваюсь: чего тут исправлять!» [3, с. 453].

В 1913 году М. Цветаева пишет несколько стихотворений на тему смерти. Похоже, что в этот год она ни о чём другом не может думать, настолько её поглощает эта тема. В стихотворениях этого года Цветаева выражает бурный протест против безразличия и пустоты смерти, противопоставляя ей трепет жизни: *«Слушайте! - Я не приемлю! / Это – западня! / Не меня опустят в землю! / Не меня. / Знаю! Всё сгорит дотла! / И не приютит могила / Ничего, что я любила, / Чем жила»*.

Воображая себя уже умершей, М. Цветаева пишет стихотворение-эпитафию: *«Идешь, на меня похожий...»*, в основу которой легла латинская фраза «sister, viator» - «остановись, прохожий». Где будет душа после смерти? Об этом молодая М. Цветаева не упоминает. Если мёртвый способен говорить из-под земли с прохожим, значит, там и душа? Но ведь Цветаева примерно месяц назад, утверждала, что могила не приютит ничего, что связано с жизнью. Представления М. Цветаевой о смерти в этот период зыбки, неустойчивы, неопределённые.

Молодой М. Цветаевой бесконечно жаль себя. Кстати, она всегда представляет себя в гробу молодой, от этого жалость к себе многократно усиливается. Жалость к себе – могущей умереть - порождает чрезмерную требовательность к близким людям. М. Цветаева требует к себе жалости так, как будто она одна осуждена умереть, а все остальные – бессмертны: *«За быстроту стремительных событий, / За правду, за игру... / Послушайте, ещё меня любите / За то, что я умру»*. А началось стихотворение осознанием, что смертны – все: *«Уж сколько их упало в это бездну / Развёрстую вдали. / Настанет день, когда и я исчезну / С поверхности земли»*.

В молодости М. Цветаева постоянно балансирует между жизнью, которую безумно любит, и смертью, которая странно влечёт её к себе и соблазняет своею тайной. Влечение к жизни, к счастью, мощнее влечения к смерти, но это не умаляет значения последнего. Влечение к смерти придавало остроту влечения к жизни. М. Цветаева признаётся, что в этот период от неё шла мощная сила жизни. Однако любая случайность, вроде разрыва с тем, кого она любила, могла стать причиной непоправимой катастрофы. Вообще, М. Цветаеву спасает не только мощное влечение к жизни, но, более всего, творчество. Высказавшись в стихах, излив боль в строки, М. Цветаева избавляет влечение к смерти, ибо боль переживаний утоляется в высказывании.

М. Цветаева духовно растёт и развивается. Преждевременная смерть может всё остановить. М. Цветаева начинает осознавать себя орудием высших сил и чувство ответственности, начавшее в глубинах её души свою тихую и кропотливую работу ещё в 1913 году. М. Цветаева говорила, что нельзя судить о человеке по юношеству. Она начинает преодолевать любование вещественным миром, любование мелочами. Постепенно она перестаёт культивировать первый способ переживания

жизни, вытесняя его на периферию и замещая вторым и третьим. Между 1915 и 1916 годом происходит переоценка ценностей. Происходит постепенное возвращение веры в Бога. Немало этому способствует, по всей вероятности, её подрастающий ребёнок. Не исключено, что какое-то влияние оказала на М. Цветаеву верующая старшая подруга С. Парнок. Смерть постоянно напоминала М. Цветаевой о себе: умирали близкие, знакомые. М. Цветаева в постоянном напряжении – не она ли следующая? Между М. Цветаевой и смертью начинается что-то вроде игры. В 1919 году в дневнике М. Цветаевой впервые появляется размышление о смерти: «Смерти нет, своей смерти нет. Что такое смерть? Почувствовать себя мёртвым. Но раз мы чувствуем, значит, мы не мертвы, раз мы мертвы, мы не чувствуем. «Боюсь смерти», - неверно. – «Боюсь боли, судорог, пены у рта», - да. Но боль, судороги, пена у рта – это всё-таки жизнь. Две возможности: или я, вздохнув в последний раз, становлюсь вещью (не чувствую), или последнего вздоха – нет. (Бессмертие.)

Я же никогда не узнаю, что я умерла! И в ответ – дьявольская мысль:

- «А вдруг – может быть всё-дело в том? – узнаешь?!»

Смерть. – Хочу допонять.

«Боюсь смерти.» - Боюсь, что буду чувствовать запах собственного разлагающегося тела – боюсь своих своих жёлтых, холодных, не поддающихся рук, своей мёртвой, как у Моны Лизы улыбки (О, сейчас поняла! Ведь Джоконда - мертвец! Оттого её всю жизнь так ненавидела!), - боюсь монашек, старушек, свечек, развороченных сундуков, мешочков льда на животе, - *боюсь, что буду себя бояться.*

И червей боюсь – о!!! – по лицу!

- Но это смешно. Оттого-то тебя и нет, что черви ползают по лицу.

Есть чужая смерть, т.е. твоя живая боль. Есть поездки на кладбище – весной – и грубые хвойные – с бумажными цветами – веночки, купленные у заставы, - есть – чёрные на фарфоре – портреты детей и военных (<...>), есть твоя деловитая забота, как бы получше устроить могилу (<...>) – и твоё умиление над деревьями – над тем, кто под ними – и главное! – над собой.

И это всё, что мы знаем о смерти. Смерть, наверное, такой же океан, как жизнь. Говорю ересь, ибо смерти – нет» [4, с. 440].

Христианскую концепцию смерти, имеющей продолжение жизни за гробом, М. Цветаева оставляет на этот момент без внимания. Она не может двигаться дальше в размышлениях о бессмертии души, не разгадав тайну смерти, – тайну умершего тела.

В 1921 году, размышляя о только что умершем А. Блоке, М. Цветаева набрасывает черновик письма к А. Ахматовой в дневнике: «Смерть Блока. Ещё ничего не понимаю, и долго не буду понимать. Думаю: смерти никто не понимает. Когда человек говорит: смерть, он

думает: жизнь. <...> Смерть, это когда меня *нет*. Я же не могу почувствовать, что меня нет. Значит, своей смерти нет. Есть только смерть чужая: т.е. местная пустота, опустевшее место (уехал и где-то *живёт*), т.е. опять-таки жизнь, не смерть, *немыслимая*, пока ты жив. Его нет здесь (но где-то есть). Его нет – нет, ибо нам ничего не дано понять иначе как через себя, всякое иное понимание – попугайное повторение звуков. Я думаю: страх смерти есть страх *бытия в небытии*, жизни – в гробу: буду лежать и по мне будут ползать черви. Таких как я и *поэтому* нужно жечь. Кроме того – разве моё тело – я? Разве оно слушает музыку, пишет стихи и т.д? Тело умеет только служить, слушаться. Тело – платье. Какое мне дело, если у меня его украли, в какую дыру и под каким камнем его закопал вор?

Чорт с ним! (и с вором и с платьем) [3, с. 52].

М. Цветаева приходит в своих размышлениях о смерти к выводу, который теперь вполне согласуется, с одной стороны, с платоновской концепцией души и тела, с другой стороны, с христианской концепцией смерти: умирает тело, а не душа. Тело это только орудие души в земных условиях. Таким образом, смерть это конец времени и пространству для тела. Рассуждая о смерти, М. Цветаева повторяет то, что до неё говорили философы, в частности, Эпикур. Его знаменитое изречение - «когда мы есть, то смерти ещё нет, а когда смерть наступает, то нас уже нет» - несомненно, была М. Цветаевой известна. М. Цветаева волей-неволей берёт внешнюю сторону смерти: ужас перед смертью живого человека, взгляд живого человека со стороны на мертвеца. М. Цветаева хочет допонять, но допонять это невозможно, потому что нет своего опыта. А чужим опытом воспользоваться нельзя, ибо тот, кто мог бы рассказать, уже никогда не расскажет. И, собственно говоря, это единственный вывод, который делает М. Цветаева. Тайна умершего тела так и остаётся неразгаданной.

В жизни М. Цветаевой нет такого периода, когда она не думает о смерти. Когда жизнь М. Цветаевой протекает без катаклизмов, жизнь кажется вполне сносной, и даже, как в юности, М. Цветаева предпочитает её – обещаниям священников о рае: *«Здравствуй! Не стрела, не камень: / Я! – Живейшая из жён : / Жизнь...<...> - Мой! И о каких наградах / Рай – когда в руках, у рта: / Жизнь: распахнутая радость / Поздороваться с утра!»*. Однако таких радостных минут в жизни мало. Жизнь это цепь разлук, потерь, лжи, трудностей, лишений: *«Некоторым без кривизн – / Дорого даётся жизнь»*. Понятие жизни нередко у Цветаевой ассоциируется с не-истиной, с ложью, впрочем, как и любовь: *«Неподражаемо лжёт жизнь: / Сверх ожидания, сверх лжи.../ Но по дрожанию всех жил / Можешь узнать: жизнь!»*. В 1922 году М. Цветаева формулирует: жизнь и смерть не противоположности. Жизнь и смерть – одно и то же. Жизнь включает в себе смерть, в смерти заключена жизнь. Смерть есть безусловное зло, поскольку, во-первых, обрывает жизнь, а во-вторых, содержит в себе неразгаданную тайну. Но

одновременно смерть есть утешительница. Жизнь даёт радости бытия, но одновременно она тяжела, полна лишений, и чревата смертью. Жизнь соблазнительна, но соблазнительна и смерть. М. Цветаева любит вспоминать строки Пушкина: *«Есть упоение в бою, / И бездны мрачной на краю»*. Она подхватывает идею: «...не в страхе Божиим растворимся, а в блаженстве уничтожения», и добавит: «Блаженство полной отдачи стихии, будь то Любовь, Чума – или как ещё их там зовут» («Искусство при свете совести»). В тяжкие жизненные минуты, подступает соблазн смерти. М. Цветаева, снова уверовав в Бога, верит теперь и в иной мир, куда отправляется душа человеческая после смерти тела. Таким образом, для зрелой М. Цветаевой смерть есть уход в иной мир. Тоска М. Цветаевой по иному миру, так ясно выражаемая в стихотворениях 20-х гг. это та самая тоска, о которой писал Н. Бердяев («Самопознание»)..
Это тоска по трансцендентному миру, не похожему на земной мир, где вершится несправедливость и зло. Трансцендентный мир, это мир, в котором люди сбываются по образу своей души, мир справедливый и благой, мир Божий. С течением времени у М. Цветаевой появляется всё меньше оснований любить жизнь, как таковую. Мир оказался алогичным, непонятным, абсурдным и безумным, и не стоил любви. Нельзя любить революцию, хаос, голод, холод, гибель, насилие. Трансцендентный мир, в который открывает дверь смерть, это мир, где не будет ни революций, ни голода, ни насилия, ни гибели, где будут разрешены все конфликты, и где будет восстановлена справедливость. В 1923 году М. Цветаева спрашивает свою корреспондентку Л. Чирикову, верит ли та в существование иного мира и отвечает на поставленный вопрос: «Вы верите в иной мир? – Я – да. Но в грозный, Возмездия! В мир, где царствуют умыслы. В мир, где будут судимы судьи. Это будет день моего оправдания, нет, мало: ликования! Я буду стоять и ликовать. Потому что там будут судить не по платью, которое здесь у всех лучше, чем у меня, и за которое меня в жизни так ненавидели, а по сущности, которая мне здесь и мешала заняться платьем. Но до этого дня – кто знает? – далёко, а перед глазами целая вереница людских и юридических судов, где я всегда буду *неправой*» [2, с. 307].

Именно вера в то, что трансцендентный мир есть продолжение и противоположность миру земному, заставляет М. Цветаеву думать, что жизнь и смерть есть одно целое, не противопоставленное одно – другому. Смерть есть окончание земной жизни, но она являет нечто третье, иное по качеству. Натерпевшись лишений во время революции, терпя бытовые лишения в эмиграции, М. Цветаева стала воспринимать жизнь, как ад на земле. Цветаева называет жизнь – насильницей душ, убожеством (убыванием божества), лживым фарсом. Чтобы защититься, М. Цветаева делает своим домом – душу и тетрадь. Она никогда не делала дом – душой. Да и дома-то своего никогда не было. М. Цветаева признавалась, что отсутствует в своей жизни, что её никогда нет дома, что у неё атрофия настоящего, она в нём не живёт. Усталость от жизни,

неприятие жизни всегда у М. Цветаевой соседствуют с мыслями о смерти.

Смерть начинает казаться не просто способом, при помощи которого можно уйти от проклятой действительности, но достижением желанной свободы, которой не может или не хочет предоставить жизнь. Быть может, смерть всегда привлекала её обещанием вечности.

Растущий с каждым годом конфликт между жизнью как таковой и представлением, какой она должна быть, приведёт, в конце концов, к трагической развязке, и отказу от жизни. Страшна не смерть, а жизнь. Жизнь доканывает человека. Она мчится за ним и настигает его, как охотник дичь, стремясь измучить и уничтожить его. М. Цветаева решает проблему жизни в духе С. Кьеркегора – не стоит бояться смерти, потому что жизнь является несчастьем гораздо худшим. Что я в жизни видела, кроме чёрного хода? И чернейших людских ходов? – вопрошала М. Цветаева. Единственное спасение от жизни – смерть. Что нужно жизни от человека? – Душу живу! Уничтожить – не значит убить. Забрать душу и сделать человека безропотным пленником, исполнителем её воли, её желаний. Человек вроде бы жив, но он не живёт. Жить не значит: есть, пить, спать, размножаться, развлекаться. Жить, по М. Цветаевой, любить, творить, мыслить, но именно этого и не даёт делать жизнь. Жизнь любит низводить всё на самый низший, примитивный уровень природного существования. Обида на жизнь перерастает у Цветаевой в негодование, в гнев. И гнев приводит к решению проблемы путём отказа: *«И всё же праведным / Объевшись гневом, / Рукою правой / Мы жили – левой!»* Отказ не означает поражения. Это не есть капитуляция перед врагом, перед проклятой действительностью, но есть победа высоты и твёрдости духа, не желающего уступать свои высоты и спускаться в низины.

Необходимо признать, что отношение Цветаевой к самоубийству никак нельзя назвать христианским. Христианство, как известно, осуждает самоубийство. Но именно в этой части М. Цветаева не приемлет христианскую догму, требующую от человека терпения и смирения перед любыми тяготами жизни. Но даже христианская догма отступает перед мужеством людей, принявших добровольную смерть, дабы не жить той жизнью и в том обществе, которое церковь называет – бесовскими.

М. Цветаева не боится смерти. Наблюдая за собою и другими людьми в их отношении к смерти, она замечает: «Одни на кладбище приходят – учиться, другие – бояться, третьи (я) – утешаться. Все примерять» («История одного посвящения»). Чем же способен утешить М. Цветаеву вид могил? Утешение, по-видимому, в том, что в могиле – только тело, а душа – в мире ином. Смерть ставит нас перед вопросом, ради чего мы живём? А поскольку М. Цветаева отдаёт себе отчёт, что живёт она ради поэзии, и, прежде всего, ради выполнения своей миссии

на земле – быть поэтом, то прежде, чем она не выполнит эту миссию, она не должна умереть, как бы ни было трудно жить.

Всю свою жизнь М. Цветаева готовилась принять смерть. Она готовила себя к избавлению от жизни, чтобы в нужный момент не быть рабой обстоятельств, лишаящих человека чувства собственного достоинства. Кроме того, М. Цветаева верила в рок и неоднократно говорила о гении рода. Никто никогда не скажет с полной уверенностью, что побудило М. Цветаеву покончить с собою. Здесь есть множество домыслов, предположений, догадок, версий, излагать которые нет смысла, в виду их предположительности, бездоказательности и недостоверности. Общество, в котором М. Цветаевой довелось существовать последние два года жизни, было, по выражению Э. Дюрнгейма «генератором самоубийств» [6, с. 168]. Да и сама М. Цветаева заметила как-то в письме к А. Тесковой, что в России мор на поэтов. О. Мандельштам сказал, что смерть художника не следует выключать из цепи его творческих достижений, а следует рассматривать как последнее заключительное звено.

Литература

1. Ильин И. А. Путь к очевидности. — М.: ЭКСМО-ПРЕСС, 1999.
2. Цветаева М. Собр. соч.: В 7 т. — Т. 6. — М.: Эллис Лак, 1997.
3. Цветаева М. Неизданное. Сводные тетради. — М.: Эллис Лак, 1997.
4. Цветаева М. И. Неизданное. Записные книжки: В 2 т. — Т. 1: 1913-1919. — М.: Эллис Лак, 2000.
5. Цветаева М. Собр. соч.: В 7 т. — Т. 4: Воспоминания о современниках. Дневниковая проза. — М.: Эллис Лак, 1994.
6. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. — М.: Политиздат, 1992.

Статья посвящена исследованию отношения М. Цветаевой к жизни и смерти. Жизнь в представлении зрелой М. Цветаевой страшнее смерти, ибо жизнь подобно хищнику преследует свою добычу. Смерть в представлении зрелой М. Цветаевой есть избавление от преследований жизни. Смерть это выход в иной мир – мир вечный и справедливый.

Ключевые слова: жизнь, смерть, иной мир.

Стаття присвячена дослідженню відношення М. Цветаєвої до життя та смерті. Життя в уяві зрілої М. Цветаєвої, страшніше за смерть, бо життя як хижака, переслідує свою жертву. Смерть, в уяві зрілої М. Цветаєвої, є позбавлення від переслідування життям. Смерть – це вихід в інший світ – світ вічний та справедливий.

Ключові слова: життя, смерть, вічний світ.

The article is the investigation of M. Tsветаeva's attitude to life and death. Life seems to be more destructive than death because life is like tiger who persecutes his victim. So in some cases death is more preferable because it is the God eternal world of freedom and justice.

Key words: life, death, eternal world.

УДК 811.161.1

О. В. Ланская

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА В ОЧЕРКЕ А. И. ЛЕВИТОВА «ДВОРЯНКА»

Современному читателю имя Александра Ивановича Левитова (1835–1877) известно мало, творчество его с точки зрения языковых единиц практически не изучено. Вместе с тем необыкновенная чуткость этого писателя «ко всякому проявлению социального зла, его неизменное сочувствие униженным... человечность и сострадание в соединении с удивительным поэтическим даром «лирика в прозе» восхищали замечательных деятелей русской культуры от Аполлона Григорьева до Ивана Бунина и Максима Горького» [1, с. 6].

Вызывают интерес произведения А. И. Левитова и в настоящее время, т.к. написаны они ярким, живым, образным языком, отражающим душу народа, его чаяния и стремления.

Среди этих произведений обращает на себя внимание очерк «Дворянка», созданный в 1863 г. В нем описаны трагические судьбы простых русских женщин.

Начинается очерк «Дворянка» с метафоры, создающей трагический образ города: «Ах, какие у этих столиц и вообще у больших губернских городов длинные и цепкие руки!» [2, с. 201]. Междометие *ах*, открывающее текст, выражает возмущение, горе и отчаяние. Далее возникает противопоставление «город – село»: «Неустанно шарят они (руки. – О. Л.) по нашим глухим степным захолустьям, и все, что мы бережем про свои редкие радости, все, что скрашивает нашу жизнь горемычную, – безжалостно хватают эти руки и волокут к себе на недолгую потеху городских душ разжирелых...» [2, с. 201–202]; «Всех девок тащат от нас в большие города к себе на работу» [2, с. 202]. При этом противопоставление «город – село» раскрывается через сквозные семантические ряды. Город – это *столицы, Москва, петербургские улицы* (т.е. Петербург), *большие губернские города, большие города*. Он

воспринимается как чудовище, губящее юных девушек, их души. Село – это *степное захолустье, села, пригородные села, деревня*. И, в первую очередь, люди, их чувства.

Во второй, третьей и четвертой главах очерка повествуется о несчастной жизни Забаихи, её сестры и племянницы, погубленных городом. Трагические судьбы героинь раскрываются через текстовые синонимы:

1) *Забаиха (Забаихой, Забаиху, у Забаихи, от Забаихи, к Забаихе, в Забаихе, с Забаихой) – старуха (старухой, у старухи), старая бабка, круглая сирота, молодая девка, святой человек, сумасшедшая женищина, сумасшедшая, безумная тётка, тётка (тёткой, у тётки, тётки), старая дура, стариуха, сестрица, черничка (от чернички, черничку, на душе чернички, в чернички, черничке), христовая невеста, Анна Ликсевна, Ликсевна, Ликсевнушка, заговорительница всякого чужого несчастья, девица, умудрённая богом;*

2) сестра Забаихи – *Сестра (сестрица, сестрёнка), молодая золотошвейка, загубленная, меньшая сестра;*

3) племянница Забаихи – *племянница (про племянницу, к племяннице, племянницу, племянницей), дитя, девочка (девочкой, девочку, без девочки), сирота (на сироту), девушка, дурушка, дворянка (дворянку, личико дворянки, с дворянкой), сестра, барышня (барышню, с барышней), невеста, Наташа.*

Обращает на себя внимание то, что указанные номинации имеют семы «родственные отношения», «отсутствие родителей», «владелица дома», «возраст», «болезнь», «прозвище», «происхождение, социальное положение», «имя собственное», «образ жизни», «внешность», «профессия», «человек женского пола», «внешность», которые указывают на происхождение самого повествователя, местность, где разворачивается действие, отношение героев друг к другу.

Особо хочется выделить антропоним *Забаиха*, прозвище, которое выявляет отношение окружающих к героине и восходит к глаголам *баить, забай(я)ть*. По «Словарю» Даля, слово *баить* употребляется в старинном значении «шептать, знахарить, заговаривать» [3, т. 2, с. 39], имплицитно «помогать, жалеть»; *забай(я)ть* – ...*баять, заговорить; // кого, занять, забавить*» [3, т. 1, с. 550].

Можно предположить, что имя *Забаиха* на основе явного сходства сближается со словами *баю* или *бай*, *баюшки, баюканье*. Баюшки – «припѣвъ для усыпленія, укачиванія ребёнка»; баюкать – «пѣствовать, баукать, убаюкивать, припѣвая качать, укачивать, усыплять»; баюкала – «пѣстун, нянька, припѣвала» [3, т. 1, с. 57].

Прозвище *Забаиха* свидетельствует и о том, что героиня отличалась какой-то необыкновенной добротой, любовью сначала ко всем людям, особенно к детям, затем – только к детям. Влияние Забаихи на детей выражается в тексте через антонимы, определения с семой «характер, поведение»: «Самые крикливые и капризные ребятёнки, с

которыми матери не могли сладить ни лаской, ни таской, мгновенно делались смиренными и послушными [2, с. 205]. Её любовь к своим маленьким друзьям передаётся с помощью обращений, «которые отражают... свойственные разговорной речи интонации нежности, участия» [4, с. 401], номинациях, ассоциирующихся с фольклорными образами, символикой мифов: «— *Солнышко, солнышко ты моё светлое! О чём же ты плачешь, — спрашивала она ребёнка*» [2, с. 206]; «Ну, вот и перестал, *милый ты мой!* Вот умник теперь! Пойдём, я тебя за это кваском попою, — мне ноне серая лисица молодой квас — то сварила, говорила Забаиха» [2, с. 206].

Слова *солнышко* и *светик* с уменьшительно-ласкательными суффиксами в переносном значении имеют семы «жизнь», «добро», «любовь», «радость» и т.д.

В самой Забаихе много детского. Жалела она ребёнка, а «сама в это время тоже малым ребёнком будто бы делалась» [2, с. 206]. Целые дни проводила она с детьми: рассказывала им сказки, организовывала разные игры, в том числе игру, которую условно можно назвать «набор». Исполняла роль генерала, затем полковника. Отсюда употребление в тексте номинаций с семей «воинское звание»: *за генерала, генералы, из инаралов, инаралом, полковником, в полковники*.

Всю любовь свою отдала Забаиха сначала сестре, затем её дочери, дворянке, как прозвали девочку в деревне. По отцу героиня и на самом деле была дворянкой, но ребёнком незаконнорождённым, поэтому номинации *дворянка, барышня*, указывающие на принадлежность к высшим классам общества, имплицитно связаны со значениями «сирота», «незаконнорождённая», «отверженная», «опозоренная», «обречённая на нищенское существование». Героиня не была, таким образом, ни дворянкой, ни крестьянкой, ни барышней. С самого рождения это определило её дальнейшую жизнь. Это особенно ярко выражено в диалогах детей и взрослого человека — отца Вани, друга маленькой героини и её самой.

В первом диалоге, имеется в виду эпизод, условно названный «Объяснение детей в любви», ключевым словом является слово *любовь*. Любить — значит «чувствовать любовь, сильную к кому привязанность» [3, т. 2, с. 282]: «— Я тебя, Ваня, пуще всех люблю, пуще тётки» [2, с. 218]. Любовь для девочки — это желание видеть своего друга рядом, мечта о замужестве и сомнение, что это возможно: «за тебя... замуж пойду» [2, с. 228]; «Только ты, пожалуй, не возмёшь меня» [2, с. 218]. Глагол *не возмёшь* (в значении «не женишься») имеет сему «препятствие». По мнению героини, препятствует браку возраст: «— Я скоро *вырасту*, — обещала девочка. — Я, когда захочу чего, я сейчас сделаю. Ты только *расти* поскорее» [2, с. 219].

Значение «препятствие» имплицитно представлено в словах *дворовый, синее платье, грамота*: «Только ты, пожалуй, не возмёшь меня, потому ты *дворовый*, отец у тебя в *синем платье* ходит и грамоту

знает» [2, с. 218]. *Дворовые люди*, по Далю, это «прислуга въ барскомъ домѣ; бывшіе безземельные крѣпостные, на всѣмъ барскомъ содержаніи» [3, т. 1, с. 423]. Грамота – «умѣнье читать и писать; иногда одно только первое, умѣнье читать» [3, т. 1, с. 390]. Синее платье, т.е. «синий цвет одежды, указывал на довольно высокий социальный статус её владельца и на полученное им «образование»: крестьянин, её носящий, владеет каким-либо ремеслом» [5, с. 64]. Препятствием для будущего брака мог стать и выбор родителей. Так, отец Вани, узнав, что дворянка собирается замуж за его сына, шутливо ей говорит: «– Вряд ли он тебя возьмёт, девушка! Я ему настоящую барышню высватаю» [2, с. 220]. В связи с этим утверждением в тексте возникает противопоставление «настоящая барышня – барышня, дворянка». Второй компонент данного противопоставления имплицитно выявляет значение «ненастоящий», а также «социальное неравенство», что в будущем должно определить взаимоотношения героев, их судьбу.

Любовь, чувство взаимной привязанности детей выражается и с помощью ключевого слова *скучно*, его производных, номинаций, фиксирующих переживания героев, их действия. Особенно ярко это выражено в эпизоде, повествующем о том, как отец начал учить Ваню грамоте и запретил ему гулять на улице, играть со своей маленькой подругой: «– Я убег, я по тебе очень скучился, – печально отвечал я» [2, с. 219]; «*Скучно* стало в избе одному сидеть» [2, с. 219]; «Нам друг без друга *скучно*» [2, с. 220]; «Мне без ней *скучно*...» [2, с. 220]; «Так как же ты, дворянка, насчёт Ванюши-то говоришь? Скучно вам друг без друга? А? – *Скучно*, дядюшка! – отвечала барышня...» [2, с. 220]; «Горько плакала девочка, слушая эти слова» [2, с. 220]; «девочка сидит теперь где-нибудь в уголке и *тоскует* по мне, – я воочию видел её *горькие слёзы* и, забывши про строгий отцовский указ *смирно сидеть* без него в избе и учить урок, *стремительно бежал утешить* мою маленькую подругу» [2, с. 219].

Ключевыми в тексте являются также слова с семой «наказание»: «Всего чаще отец принимался меня *хлестать*, несмотря на мои рассказы» [2, с. 220]; «– *Не бей, не секи* его, дядюшка!» – наконец вскрикивала она с улицы» [2, с. 220]; «– А ну-ка он тебя сечь будет, – тревожилась за меня девочка» [2, с. 214]; «– Ну-ка он тебя до крови *исхлещет*» [2, с. 219]; «– *Исхлещет* и есть! – угрюмо соглашался я» [2, с. 219]. Они также связаны с лексико-тематической группой, отражающей переживания героини. Автор использует в тексте определения, развёрнутое сравнение, чтобы выразить чувства девочки, которая страдала, когда видела, как наказывали её маленького друга: «в окно нашей избы пристально уставлялось маленькое личико дворянки, *встревоженное, облитое слезами*» [2, с. 220]; «...юлит под окнами нашей избы. Юлит, как *птичья мать над гнездом, когда завидит, что разбойники – мальчишки, разоривши это гнездо, вытаскивают из него её малых птенцов*» [2, с. 220].

Слово *любовь* в тексте имплицитно содержит и сему «дружба». Так, когда отец Вани понял, что его сын не может учиться, потому что всё время думает о своей подруге, решил, что дети будут заниматься вместе. Они начинают читать, у них появляются общие интересы. Значение «учеба» отражено в номинациях, обозначающих книги, а также авторов: «четыре священных истории», четья минея, божественные книги, «Граф Монте-Кристо», исторические сказки Дюма, «Хрестоматия» Галахова, «Басурманин»; Пушкин, Лермонтов, Гоголь (синтагма *великие тайны горького гоголевского смеха* [2, с. 222]).

Четвёртая, последняя глава, которую условно можно назвать «Встреча», начинается обозначением времени: «Целых десять лет прошло, прежде нежели я увидел дворянку» [2, с. 222]. Скупые детали фиксируют изменения, которые произошли во внешнем облике героев: «я решительно не приметил, как мои *дырявые сапожонки* в один момент истерзали одно необыкновенно шикарное *шёлковое платье*» [2, с. 223]. Синтагма *дырявые сапожонки* (сема «бедность») противопоставлена в тексте синтагме *необыкновенно шикарное шёлковое платье* (сема «относительный достаток»). Синтагма же *рассказ её был недлинный, обыкновенный рассказ* имплицитно означает значение «трагическая судьба женщины, обманутой и опозоренной, униженной и оскорблённой». Об этом же говорит употребление эмоционального обращения, вопросительных предложений, глаголов *опозорила, опорочила*: «—Сестра моя! Сестра моя! Что же это ты сделала над собой? Зачем ты нашу честную родину опозорила?» [2, с. 223]; «Говоря про родину, я и не думал, что с нею вместе барышня опорочила и любовь мою» [2, с. 223].

Итак, в очерке А. И. Левитова «Дворянка» с помощью лексико-тематических групп, текстовых синонимов, антонимов, характеризующих героев, разговорной лексики, противопоставления «город – деревня» создаётся языковая картина русской действительности второй половины XIX века, раскрываются трагические судьбы людей того времени.

Литература

1. **Афанасьев Э.Л.** «Глубоко верю в грядущее России...» // Левитов А.И. Очерки и рассказы. – Воронеж, 1980.
2. **Левитов А.И.** Дворянка // Левитов А.И. Очерки и рассказы. – Воронеж, 1980.
3. **Даль В.И.** Толковый словарь живого великорусского языка. – М., 1978.
4. **Голуб И.Б.** Стилистика русского языка. – М., 2002.
5. **Грязнова А.Т.** Язык и стиль очерка А. Ф. Писемского «Питерщик» // РЯШ. – 2001. – №2.

В статье анализируется с помощью лексико-тематических групп, текстовых синонимов, антонимов, характеризующих героев, разговорной

лексики, противопоставления «город – деревня» языковая картина мира русской действительности второй половины XIX в. на материале очерка А. И. Левитова «Дворянка».

Ключевые слова: языковая картина мира, антропоним, лексико-тематическая группа, тестовые синонимы, текстовые антонимы.

У статті аналізується за допомогою лексико-тематичних груп, текстових синонімів, антонімів, які характеризують героїв, та їхньої лексики, противопоставлення «місто – село» мовна картина світу російської дійсності другої половини XIX ст. на матеріалі очерку О. Левітові «Дворянка».

Ключові слова: мовна картина світу, антропонім, лексико-тематична група, текстові синоніми, текстові антоніми.

The article deals with analysis of linguistic image of the world of Russian reality in the second half of the XIX century with the help of lexics-thematic group, textual synonyms, antonyms, that characterize the characters, speech lexics (on the materials of a short story «Dvoryanka» by A. Levitov).

Key words: linguistic image of the world, antroponim, lexics-thematic group, textual synonyms, textual antonyms.

УДК 821.161.1-3.09+929 Даль

М. М. Радецкая

УКРАИНА В ПОВЕСТЯХ В. И. ДАЛЯ

Тема Украины занимает заметное место в повестях В. И. Даля, хотя ни одна из них не построена полностью на украинском материале – это область его малой прозы [1, с. 55–63]. Украина в повестях представлена либо эпизодами, либо сюжетной линией, связанной с персонажами-украинцами.

К теме Украины в повестях В. И. Даля обращались многие исследователи чаще всего в плане общей постановки проблемы. В 70-е годы XX века опубликованы несколько работ А. Н. Гулак. В 90-е годы – Ю. Н. Ененко, в том числе книга его «Слово про Козака Луганського». В 1999 опубликована монография Ю. П. Фесенко «Проза В. И. Даля: Творческая эволюция». Наконец, в последние годы появилась диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук Н. Л. Юган «Жанрово-стилевое своеобразие «Былей и небылиц» В. И. Даля (2004), в которой

украинский «след» детально рассмотрен на материале одного произведения.

Цель нашей публикации – рассмотрение органического включения в повести украинского бытового, фольклорно-этнографического материала, использование украинской лексики с сохранением особенностей живого произношения в тексте их. Особое внимание уделяется характеристике В. И. Даля национальных типов, пейзажей, народного быта в сопоставлении их с реалиями российской действительности. Этим обусловлено обильное цитирование в статье текстов повестей В. И. Даля.

Мы исходим из того, что украинская тема в «большой» прозе писателя воплощена по преимуществу в реалистическом социально-бытовом повествовании. Предшественниками его в этом плане были «Малороссийская деревня» И. Кулжинского, «Путешествие в полуденную Россию» В. Измайлова, «Украинские мелодии» Я. Марновича, «Ярмарка» и «Кренчун» С. Закревской, реалистические повести гоголевского «Миргорода», бытовые повести В. Нарезного, «Были и небылицы» О. Сомова.

В повести «Небывалое в былом, или Былое в небывалом» одна из сюжетных линий связана с Андреем Ефимовичем Горностаем – потомком известного в своё время полковника малороссийских казаков, пожалованного императрицей Екатериной II за службу прекрасным именем. В седьмой главе повести – «Надежда и Украина» дается этнографическая справка о типе украинца, ярким представителем которого был Горностаи: «В Малороссии вы видите лица более продолговатые, губы тонкие, с особенным выражением; нос дугою, глаза карие, волосы темно-русые, каштановые или даже черные, стан более гибкий» [2, с. 61].

В словесном портрете этого героя, нарисованного Далем, черты индивидуальные, сочетаются с чертами, выражающими этнический типаж («образец запорожца»), внешний портрет дополняется авторской характеристикой, включающей элементы психологического анализа героя. Реалистическая портретная живопись В. Даля в чем-то унаследовала лермонтовскую портретную манеру, но без ее романтических деталей и предшествует тургеневской словесной портретной живописи: «Андрей с виду чрезвычайно походил на образец запорожца: лоб прямой и очень высокий, при темно-русых, несколько жестких волосах; глаза большие, карие, лицо довольно продолговатое, в рябинках, нос тонкий и умный, дугой; уста тонкие, сжатые, с выражением какой-то угнетенной, насмешливой улыбки. Стан у него был рослый, ловкий, и видный, но уши, руки и ноги очень велики. Взгляд его был резок и очень настойчив, губы иногда шевелились без речей, когда душа кипела, а черты лица были вообще резкие, выразительные, но отнюдь не грубые» [2, с. 64].

С гоголевской манерой лирических отступлений в «Мертвых душах» сближаются в сказовой манере Казака Луганского как бы идущие от автора описания, включающие целые ботанические симфонии, море красок, ароматов растений щедрой украинской земли – «волнистого моря трав и цветов». Мы цитируем лирический фрагмент похвалы щедрой, «благодарной» земле украинской: «Да, благодарная Украина! Как бы там ни было – а у тебя за пазушкою жить еще можно. Где только сел человек на материнских персях твоих и слепил себе хатку, там сама природа приветствует укротное жилье его роскошными травами и цветами, которых семенами незримо упитана вся почва и ждет только, чтобы к ней прикоснулся с легкой руки человек. Огромные стебли голубых петровых батогов, золотистого коровьяка, красной как мак рожи, темного царь-зелья с синими колпачками и красивого, хоть и колючего будяга, поднимаются вокруг одинокого хутора; лиловые пахучие васильки, чебрец, пуговки, горошек, дрок, медуница прорастают сквозь густой пырей и буркунец; ружа, щавлий, мяты разных родов и пахучие, душистые зелья колышались по ветру; тут и там вдалеке стоит куст съедобного катрана. Оглобля, брошенная на землю, за ночь зарастает травой, каждый прут, воткнувшийся мимоходом в тучный чернозем, дает вскоре тенистое дерево. Как сядешь на одинокий курган, да глянешь до конца света – так бы и кинулся вплавь по этому волнистому морю трав и цветов – и плыл бы, упиваясь гулом его и пахучим дыханием, до самого конца света!» [2, с. 69–70].

Даль-повествователь продолжает (теперь уже с оттенком социально-этнографическим) хвалу «благодарной Украины», сопоставляя быт, обстановку, стиль жизни украинского и русского мужика не в пользу последнего. Приводим подробную цитату: «А белая, мазаная хатка под вербами, плетень или камышевый низенький тын и такие же ворота? Все видно, что делается во дворе, все весело, уютно; сад и огород при каждом дворе.

Хаты не лепятся сплошь, а каждая отставлена и отделена двором, огородом, покрыта соломой. На кровле белая труба, два оконца на улицу, два на двор, дверь и окна обведены по белому полю каймой из желтой глины, в палисадничке бархатки, шапочки, ноготки, подсолнечники, пшенка, – а там груши, сливы, яблоки, вишни, черешни; казак, вышед, песню запел о Богдане, о гетманщине, о битвах с ляхами, да с татарами, о братьях в Карпатах...

Зайдите в хату: все беленько, скрыня в углу на колесах; все приглажено, примазано; битый пол усыпан мятой, чебрецом, рутой, васильками; в углу стоит свежий полыньковый веник; тараканов не знают; хозяйка и дочка ее в белых сорочках; девки с утра убрали голову цветами, так они и на работу пойдут, так и домой придут, с

песнями. Хозяйка варит горячее не только каждый день, но к обеду и к ужину; гуси, куры, утки, индейки на каждом дворе; без этого мужик не хозяин.

...Борщ с салом, каша с маслом, и масло не прогорклое и топленое, а свежее пахтанное. Пришло лето, и овощей огородных, плодов всякого рода вволю: это не покупное, а у всякого под рукой свое.

...клен, берест, черноклен, грабина, ясень, тополь, грецкий орешник, каштан, вишня, слива, груша, яблоня, шелковица... все есть; не отказывается, спасибо, земля ни от чего, все принимает и все отдает с лихвою! А как арбузы поспеют, так и пива не надо!» [2, с. 72].

Органическое единство всех деталей пейзажной сюиты подчеркнуто синтаксисом и пунктуацией текста с обилием перечислений порой диалектных однородных членов предложения, щедро расставленных точек с запятыми. И среди этого красочного изобилия зоркий художник выводит собирательный образ хозяина-«казака», поющего о лицах и событиях славного исторического прошлого.

Несколько риторический, выпренный тон повествования о русском все пропивающем мужике, свалившемся в канаву, смягчается юмором, с каким Казак Луганский говорит о не теряющем головы даже на попойке малороссе: «А наш – идет домой на своих ногах; разве шапку только, коли она новая, понесет в руках или положит за пазуху, чтоб не потерять» [2, с. 75].

Украинский материал, быт, нравы, украинская речь, украинские типы щедро разбросаны в повести В. Даля «Савелий Граб или Двойник». Украина включена в хронотоп повествования, изобилующего реалиями украинского быта: «В одной из полуукраинских губерний наших проживал помещик Сергей Сергеевич Бабачек» [2, с. 207]. За женой он взял в приданое деревеньку Шпиговку, двое детей его служат гардемарины в Черноморском флоте. С Украиной связаны маршруты его подданных. Так между прочим, в связи с эпизодом именин дочерей помещика мы узнаем, что на съедение гостям был предназначен «старый вол, который сходил уже раз одиннадцать под Перекоп за солью или в Одессу с арнауткой» [2, с. 209]. Сергей Сергеевич ездил в Киев, чтобы купить себе гусли взамен разбитых. Родители другого персонажа купили «хуторок с садочком, в котором росли вишни, яблони, груши, сливы» [2, с. 306].

Героем эпизода именин становится майор Степан Власович Пушка, носящий типологические приметы украинского этноса во внешности, речи, манере поведения: «Степан Власович был хохол в полном смысле слова: гостеприимен, радушен, шутлив, криклив, шумлив, остряк, горяч, хитер, вспыльчив, как порох, добр, иногда

готов отдать другу последнюю рубаху; если же майора чем-нибудь раздражали, зол и лют до того, что уже не помнил себя» [2, с. 211].

«Подгулявши, Пушка был гораздо добрее, его не легко было рассердить, хитрость его ему изменяла, и он всякому поверял свои тайны». Украинская речь майора, безусловно, дворянина с казацкой фамилией служит не только средством индивидуализации, но и передачи грубоватого народного юмора. «Що там таке?» – спросил Пушка». Ему ответили, что Ирина Титовна упала в обморок, ей сделалось дурно. Все повскакивали. «Впала? – возразил майор, – ще та буйволиця колысь кого-небудь задавить» [2, с. 212–215]. Когда хозяева снова попросили садиться, «майор, встав, громогласно сказал: «Не садиться, бо впять будете уставать; за здоровье имьянынныци, кто жив, кто у Бога вируе, кричить ура!» [2, с. 216]. Он разбил рюмку вдребезги о каблук, заметив: «...шкода, що нема шпорыв!» [2, с. 216].

С майором Пушкой связаны и другие эпизоды повести. Его письмо к Васильку, двойнику главного героя Савелия Граба, написано на украинском языке, в нем цитируются слова двух украинских песен, известных и фольклорных записях В. Даля: «Дид рудый, баба руда», «Ой, бачиться, що не плачу, // А слизоньки льються». Еще один из персонажей повести – Савка – рассказывает сказку о князе Крутояре. В этом эпизоде В. Даль воплотил существенную тенденцию «украинского» повествования русских писателей своего времени – обращение к романтическим сюжетам из истории Киевской Украины – Руси. Вспомним повесть Вельтмана «Святославич», Бенидиктова «Старец Киев предо мною», стихотворение Башилова «Здравствуй, Днепр широшумный» и др. Отметил в речи майора Пушки, как черту характерологическую В. Даль, как и другие беллетристы, пишущие на украинскую тему, и такую особенность речи своего героя, как вкрапления в разговорный язык отдельных украинизмов: «Когда майор рассказывал об этой встрече, то хохотал, заливаясь и утирая очи в два кулака, и кричал бывало только: «гой, братцы мои казаки! Годи уже, видпустить душу мою грешную на покаяние, уже не буду бильше, ей-богу не буду» [2, с. 239].

Чтобы не быть голословными, приведем пример из «Героя нашего времени» М. Лермонтова, опубликованного восьмью годами раньше повести В. Даля. Слепой мальчик из «Тамани» вкрапляет в свою русскую речь украинизмы: «Ни», «сирота убогой», а «бис его знает», «утикла за море с татаринном».

Повесть В. Даля «Расплюх» вводит читателя в прекрасно знакомый ему как военному врачу мир армейских нравов, обычаев россиян, принимавших в 20–30-е годы XIX века участие в забалканских походах, не прекращающихся военных конфликтах с Турцией, позволившим русским солдатам и офицерам ближе

присмотреться к быту и нравам молдаван, украинцев, евреев, поляков. Герой повествования «маменькин сынок» поручик Охин и его эскадронный командир из малороссов Орест Карачун оказались на стоянке в русской части Польши с ее смешанным, разноязычным населением. Особенно пристальное внимание автора привлекает экзотический для Охина быт, обычаи, буквально воспроизводимая речь украинского населения. В тексте В. Даля понятия «хохол», «лях», «жид» лишены элементов негативной оценочности и выступают лишь этнографическими реалиями:

«Далеко ли до Чаповца? – спросил Охин, расставший от жару как леденец, ехавшего навстречу им, на паре огромных серых волов, мужика. Хохол снял высокую черную баранью шапку, кивнул головою, замахал батогом своим, закричал: соб, соб, соб, малый! – чтобы дать всадникам дорогу, и потом отвечал: «До Чаповца? Як мини, то далеко; а як панам, то близко!» – «Как так?» – спросил Охин – «Бо у панов кони добри!» – А горы есть? «Е» – Много? – «Одна» – Велика? – «Як звиттыля, то не дуже, а як туди, то гай, гай, гай...» [2, с. 316]. Кроме речевых характеристик персонажей-украинцев, повесть передает колоритные бытовые картинки нравов, социально-национальных взаимоотношений в крае: «Здесь дворянство польское, а мужики все малороссы» [2, с. 318].

Яркий пример бытового конфликта, в который оказались втянутыми поручик и его драгуны – сцена подле корчмы. Они услышали шум, крики: «Ратуйте, кто в бога вируе! Ратуйте» [2, с. 316]. Охин становится свидетелем потасовки, конфликта на национально-бытовой почве. Мужик-малоросс вез с баштана арбузы и дыни на базар, их хотел купить у него еврей-корчмарь. Они договорились, жена и дети корчмаря стали сгружать арбузы, но в последнюю минуту упрямый торговец в чем-то не поладил с покупателями, началась свалка. «Неповоротливый хохол в кожухе и в свитке среди жаркого лета метался как угорелый во все стороны, сопровождая это метание криками, «цур вам, пек вам» [2, с. 317]. Командир эскадрона не преминул кинуть камушек в огород «хохла», как он называл Карачуна, заметив, что «безмозглые земляки его сами этому /стычкам – М. Р./ причиной» [2, с. 318]. На что следует исполненный национального достоинства ответ «хохла»: «Не поддавайся, так и помыкать тобою не будут» [2, с. 318].

Не принадлежа по крови ни к одной из охарактеризованных в повести народностей, В. Даль дает в духе физиологического очерка характеристику трех славянских народов, с представителями которых встретились герои его повести: «Русский мужик сметливее, расторопнее хохла, это правда; но и у этого нет недостатка в уме природном. В нем южная кровь, он любит лежать в просе на печи,

но его грешно называть тупым и глупым, как это нередко делают не довольные его знающие; напротив, все острые шутки его, я это смело утверждаю, облагорожены каким-то особенным духом простодушия, замысловатости и, в то же время, чуждым всякого самохвальства и притязания» [2, с. 319].

Далее он сравнивает «хохлов» с поляками и русскими. «Поляк или хвалится, пустословит, или коварно льстит, но никогда не выскажет истинных чувств своих; русский мужик с прямым, открытым нравом шутит намеками, но он не вкрадывается простодушием своим в доверие ваше, чтобы потом вас озадачить. Малоросс, напротив, охотнее всего прикидывается простачком, олухом; а между тем дурачит всякого, кто сам дастся в обман, – а это с тупым умом несовместимо» [2, с. 319].

Поскольку панегирик уму и лукавству малоросса вложен в уста его земляка, офицер-лифляндец Герстенмейер не без иронии предложил Карачуну полюбоваться на умного земляка своего, который четырьмя парами волов вспахивает столько же, сколько мужик в Лифляндии вспашет на одной кляче.

Защищая честь малороссийского хлебороба, Карачун рассказывает анекдот-бывальщину, до которых Даль – художник слова был великий охотник, как, впрочем, большинство русских писателей, обратившихся к украинской теме, Гоголь, например. Это был о том, как богатый помещик в Малороссии, вздумав стать преобразователем, выписал из Англии плуг орехового дерева, с медной полированной оковкой. В воскресенье выгнал он все село в поле, чтобы новым плугом вспахать пробную десятину. «Хохлы в ожидании пана своего, собрались в кучу около нового плуга, толковали и рассуждали» [2, с. 320]. Когда пан приехал, все почтительно сняли шапки, расступились. «Пане! спросил тогда старинного закала чубатый хохол: «спытаюсь я у пана, кто ты плуги робит? – «Англичане, отвечал пан. А что, не хорошо?» – «Нема що казаты», продолжил тот: «а чом же воны, тыи галичане, до нас в Одест за хлибом издять? Чуєте, пане, теперечки воны до нас издять, а як мы тыми плугами будемо ораты, то уже мы до них за хлибом поидемо!» [2, с. 320]. Наблюдательный писатель не только демонстрирует природный ум «чубатого хохла», но и народную этимологию его речи: «англичане» – «галичане», «Одесса» – «Одест».

Товарищи Карачуна захохотали, а он продолжал, что голую почву здесь припекает солнце на фут-полтора. Поэтому, чтобы она дала обильный урожай, ее нужно вспахать на большую глубину. Пробная же десятина не дала и посева, и плуг орехового дерева не окупился!

Отметим, что Белинский в отзывах на сочинения Казака Луганского подчеркивал сообразительность, смекалку его героев-

мужиков. Подобно Далю, он брал под защиту его природный ум: «Ломоносов родился мужиком, и мог бы умереть мужиком, но обстоятельства помогли ему показать миру, что иногда кроется в глубине мужицкой натуры, чем иногда может быть мужик» [3, с. 557]. «Одним из лучших» очерков В. Даля критик назвал очерк «Русак» о простом работнике Телушкине, который удивил весь свет, в одиночку починив шпиль Адмиралтейства в Петербурге.

У критика нет специальных суждений о менталитете изображенного Казаком Луганским украинского мужика, с его показным простодушием и лукавой находчивостью. Но, во-первых, большинство «украинских» сюжетов в повестях В. Даля, написанных после 1848 года – после смерти критика, во-вторых, все сказанное им о российском мужике в полной мере можно переадресовать далевскому труженику – малороссу.

В. Даль, возможно, за косностью домашнего быта и хозяйства «простого работника» видел косность всего хозяйственного русского уклада. Смышленость и находчивость мужика были в глазах писателя не только от природы, но и оттого, что «Нужда хитрее мудреца, и что неволя ума дает». Даль рисовал веками сложившуюся в крестьянской среде консервативность, боязнь нововведений. Но как художник, объяснял причину этой консервативности неприкосновенностью веками сложившегося патриархального уклада, национального быта.

В уста истого украинца-юмориста В. Даль вкладывает еще один анекдот. Карачун предлагает товарищам рассказать еще «подобную шутку» о том, как один помещик издерживался и разорялся на охоту и собак. И однажды затравил зайца в поле, в нескольких шагах от пахаря. «Пане!» – спросил его почтительно мужик, лаская собак и любясь на зайца, на лошадей: «...що коштуе тый заяц?» Пан рассмеялся неуместному вопросу и отвечал: «рубль». «А хорт?» т. е. – а собака?» – Сто рублей. – «А вин панський? а барская лошадь?» продолжал неотвязчивый допросчик. – «Пятьсот рублей». – «А пан сам», опять начал хохол: «то уж звистно, що неоциненний; стало быть, рубель утикае, сто догоняе, а як пятьсот споткнеться, то наш неоциненний убьеться!» [2, с. 321].

Драгуны засмеялись, а Карачун им сказал: «Прошу вас показать на словах убедительнее и проще ничтожность ея (этой разорительной страсти) и малодушие ей подпавшего» [2, с. 321].

Кроме украинских анекдотов-бывальщин, в тексте повести немало пословиц и поговорок, порою с указанием на их источник: «Засохло, як на собаце», «Если не прогневаешься на малороссийскую поговорку, гласящую истину» [2, с. 339].

Через повесть проходят картины природы Подолья: «Отряд наш поднялся на гору, за которою, в глубоком яру, лежал Чаповец. На Подоле есть местоположения, изумляющие проезжего дикостью

и разнообразием своим, особенно, если он едет из южных степных губерний. Рыхлый чернозем обильно питает соком своим поля пшеницы, кукурузы, дынь и арбузов; на песчаных отлогостях зеленеются шпалерами виноградные лозы; плодовые сады прилегают к изгибам ручья; дикий камень грядками пролегает по гребням высоких гор и пригорков; гребельки с водяными мельницами и белые мазаные хаты животворят природу. Таково было местоположение Чапавца» [2, с. 327].

Ю. П. Фесенко в статье «Два рукописных наброска В. И. Даля «Силистрия», «Кулевичи» обратил внимание на эпизоды, выпавшие из окончательного текста повести «Болгарка», основанные на его дневниковых записях как участника-очевидца событий русско-турецкой кампании 1829 года на Балканах. В одном из них старик, урядник черноморского пешего войска, рассказывает об участии украинцев в войсках России: «Так теперечки, – говорил он малороссийским наречием своим, – и у день и у ночь ездил, не пивши не евши, бо нема хлеба, нема часу, нема кого слухать; кто ударит-с, того и веземо! У меня два сына було на службе; одного – гарный був хлопец! – убили пид Анапою; другой, тут гдесь був, та щось не чутьничого – мабуть и його немае! Треба служити богу да цареву, и я уже служу 27 лет!»

В этой же повести рассказывается о встрече ее героев-воинов с земляками-казаками, запорожцами из-за Дуная, и их кошевым Йосипом Гладким. Даль наблюдал, как запорожцы строили переправу, помогая русским солдатам. Разговор с ними писатель передает на украинском языке.

Изучение темы «Даль и Украина» сохраняет и сегодня свою актуальность. Писатель в своих повестях достаточно объективно, полно и художественно осветил многие грани жизни современной ему Украины, быт, природу, менталитет ее народа. Но даже при достаточной интенсивности обращения исследователей к интересующей нас теме комплексное углубленное изучение ее пока еще далеко от завершения.

Литература

1. **Радецкая М.М.** Украина в малой прозе В. И. Даля // Наследие В. И. Даля в контексте общечеловеческих национальных ценностей: Девятые Междунар. Далевские чтения. – Луганск, 2006.
2. **Даль В.И.** Полн. собр. соч.: В 13 т. – Т. 2: Повести и рассказы. СПб.; М., 1897.
3. **Белинский В.Г.** Повести, сказки и рассказы Казака Луганского // Полн. собр. соч.: В 13 т. – Х, М., 1956.

В статье анализируются жанры, сюжеты, образы персонажей, пейзаж, реалии быта и языковые особенности повестей В.И. Даля, посвященных украинской тематике.

Ключевые слова: Украина, повести, реализм, менталитет, пейзаж, реалии быта.

У статті аналізуються жанри, сюжети, образи персонажів, пейзаж, реалії побуту й мовні особливості повістей В.У. Даля, які присвячені темі України в творчості письменника.

Ключові слова: Україна, повісті, реалізм, менталітет, пейзаж, реалії побуту.

In the article is analysed genres, subjects, characters, landscape, way of life, and language specialities of V.I. Dal's stories dedicated to Ukrainian theme.

Key words: Ukraine, stories, realism, mentality, landscape, way of life, and language specialities of V.I. Dal's stories.

УДК 81'37:821.161.1 – 1 Тарковский

Т. Е. Суханова

АГЕНТИВНАЯ ФУНКЦИЯ АВТОРСКОЙ МИФОЛОГЕМЫ ПОЭТ В МИФОПОЭТИЧЕСКОМ МИРЕ А. А. ТАРКОВСКОГО

Исследование мифопоэтической семантики текста остаётся актуальным. Целью данной статьи является рассмотрение одного из аспектов изучения авторской мифологемы *поэт* в поэтическом дискурсе А. Тарковского.

В мифопоэтическом мире А. Тарковского субъект поэтического дискурса описывается рядом отождествлений и предикатов, определяющих его как делателя (мы пользуемся термином «делатель» как обобщающим обозначение лица, занятого продуктивной деятельностью): бетонщик, плотник, каменщик, точильщик, стекольщик, пильщик, кузнец и т. п. Данные отождествления представляются важными, так как семантический признак «делать» входит во внутреннюю форму лексемы поэт. Слово поэт восходит к древнегреческому ποιητής, которое имело значения: «делатель», «создатель», «стихотворец» [1]. Однокоренные слова в переводе с

греческого означают: ποιέω – делать, производить, творить, совершать, строить и т. д. [1]; ποιήμα – произведение, работа, вещь [1].

С другой стороны, в мифопоэтической традиции, по словам В. Н. Топорова, задачей поэта является «творчество – творение, делание (как у демиургов), и орудие этого творчества Речь, Слово – особая творческая сила, с помощью которой происходит двойное творение: создается мир в слове и происходит пресуществление обычного текста в поэтический». И далее «архаичная мифопоэтическая формула *Мысль – Слово – Дело* наиболее точно описывает эту ситуацию (уместно подчеркнуть, что делом поэта является слово)» [2, с. 33–34]. Слово, прежде всего поэтическое, воплощает мысль людей, которая сама по себе принадлежит к миру богов (божественное слово – человеческая мысль), но оно должно быть оформлено поэтом по вполне известной технологии. И здесь неслучайно появление вполне «ремесленной» терминологии. Слово (стих, текст и т. п.) делается, вытесывается, выковывается, ткется, прядется, сплетается и т. п. Соответственно и поэт выступает как делатель, плотник, кузнец, ткач и т. п. [2, с. 34]. Как делатель субъект поэтического текста у А. Тарковского описывается следующими предикатами: ковал, стал городить, строил, толлок, точил, помог ковать и т. д. (стихотворение «Кузнечики I» 1935 – 1946 гг.).

Наиболее полно субъект-делатель в мифопоэтическом мире А. Тарковского представлен как поэт-кузнец. Это выражено в стихотворении «Кузнец» 1962 года. Здесь кузнец выступает одновременно субъектом, предметом и орудием действия. Выражение «сам на себе я самого себя самым собой ковал» представляется аномальным с точки зрения действительного мира. Осмысленным оно является только, если его толковать символически, предположив, что я – это поэт. Тогда указанное выражение истолковывается следующим образом: я – делатель, я – орудие делателя, я – объект деятельности, материал, я – результат действий. Действительно, поэт является субъектом творчества, в то же время его внутренний мир есть главное орудие творческого процесса, его опыт – материал, результатом же может быть образ автора, в целом самоконституирование творческой личности.

Это обогащается мифологическими представлениями о кузнице, в которых данный персонаж наделен сверхъестественной созидательной силой. В мифопоэтической традиции он связан с огнем и обладает функциями демиурга – верховного божества или бога – помощника одного из главных богов, культурного героя и (или) предка. Кузнец не ограничен в своей деятельности рамками обычного кузнечного ремесла и часто выступает как «божественный мастер» вообще. Он создает самые разные предметы и их изображения (скамеечки для ног, туфли, чаши<...>), включая и целую модель мира в металле, основные небесные светила, солнце и луну. Кузнец может выковать песню, свадьбу, слово [3, с. 21–22].

Субъект-делатель в мифопоэтическом мире А. Тарковского органично связан с субъектом-демиургом. Он в мифопоэтической традиции, по утверждению В. Н. Топорова, первоначально был лишь особой ипостасью демиурга или его трансформацией [14, с. 56]. В мифопоэтическом мире А. Тарковского поэт-демиург представлен следующими предикатными структурами: выпустил птиц из рукава, вытряхнул светила из шапки, следствие которых представлено в выражении «земля <...> моим рифмовником жива», находящимися в тексте «Степная дудка I» 1962 года.

Аномальные с точки зрения действительного мира действия субъекта в поэтическом дискурсе А. Тарковского могут быть интерпретированы как акт творения, совершаемый посредством предметов, а именно шапки и рукава, которые в мифопоэтическом мире А. Тарковского имеют сакральное значение, как и в традиционных мифологических представлениях. Особое значение шапки в свадебных, похоронных и родильных обрядах отмечено Б. А. Успенским: «Шапка, в частности, играет заметную роль в свадебных обрядах: так, в некоторых местах жених должен находиться в шапке в продолжение всей свадьбы или сидит в шапке за столом перед выходом из дома в церковь, идет в шапке к венцу, не снимая ее, несмотря ни на какую встречу и т. п.; в других случаях шапку надевают при сватовстве <...> В Закарпатье, а также в Сербии принято надевать шапку на покойника в гробу <...> Весьма любопытна роль шапки в родильных обрядах <...> Священник вычитывал молитву и имя «в шапку» приехавшему за нею мужу или другому родственнику роженицы, а тот, мгновенно нахлобучив освященную шапку на голову, бережно вез ее домой, чтобы вытрясти из нее молитву над больною» [4, с. 172].

Исследования Арнольда ван Геннепа подтверждают сакральное значение шапки. Геннеп указывает на то, что голову покрывают затем, «чтобы отделиться от мирского и находиться только в сакральном мире» [5, с. 153]. «Когда поклоняются богам, участвуют в жертвоприношении или свадебных обрядах и проч., под покрывалом скрываются временно. Но в других случаях (обряды отделения или приобщения или то и другое) носят покрывало постоянно. Таков, например, порядок для мусульманок, евреек Туниса и др. С одной стороны, они принадлежат к сообществу одного пола, с другой – к определенному семейному сообществу и поэтому должны изолировать себя от остального мира, скрываясь под покрывалом. То же в католицизме: перейти из начальной стадии (послушничество) в стадию окончательного приобщения к сообществу монахов называется «скрыться под покрывалом». Наконец, у некоторых народов вуаль, которую носит вдова, отделяет ее от умершего мужа или от других замужних женщин либо только на время траура, либо навсегда» [5, с. 153].

Сакральное значение шапки и рукава связано с мифологическими представлениями о магической связи между человеком и его одеждой [6, с. 245]. Рукав соответствует руке, шапка соответствует голове.

Подтверждение соответствия шапки голове представлено в исследованиях О. Н. Трубачева: «Основа *lur-* в хетт. *lur-anni* 'шапка, диадема' (как возможно, и суффикс, если он не должен считаться постпозитивным артиклем, характерным для хурритизованных часто лувийских, а не собственно хеттских имен существительных новохеттского времени) представляется возможным сопоставить со ст.-слав. *лъбънь* и в особенности с с.-хорв *лубина* 'череп', словен. *lubanja* 'череп', рус. диал. (новгор.) *лыбонь* 'верхняя часть головы животного' (последнее слово со ступенью растяжения **ŭ* тождественно хеттскому при условии, что суффикс в последнем – не хурритского происхождения)» [7, с. 138].

В мифологической традиции рука и голова причастны к творению, причем связанному со звуком. Слова со значением *рука* «соотносимы с значениями «слово, звук»: ср. др.-инд. *кага* «рука», но и.-е. **ker-* «издавать звуки»; <...> и.-е. *mer-* «рука», но гот. *merjan* «возвещать»» [6, с. 123, 281]. По отношению к голове, М.М. Маковский приводит следующую цепочку семасиологических связей: голова > солнце > небо > вода > огонь > земля > рука > женщина (мать, буквально «рождающая»). «Ср.: и.-е. *ker-* / *kel-* «голова» – греч. *ἥλιος* «солнце» – лат. *caelum* «небо» (ср. также лат. *celsus* «высокий») – и.-е. *klep-* «мокрый, влажный» (< **kel-p*), и.-е. **kel-* «гореть, огонь» – лидийск. *qela* «земля» – греч. *χεῖρ* «рука» – тох. А *kuli* «женщина». Кроме того, **kel-* может использоваться в значении «издавать звуки» (звук как символ творящего божества, соотносимого с солнцем)» [6, с. 122].

Мотивы, связанные с актами творения посредством рукава, представлены в русских народных сказках (см. «Василиса Премудрая испила из стакана да последки себе за левый рукав вылила; закусила лебедем да косточки за правый рукав спрятала. <...> После, как пошла Василиса Премудрая танцевать с Иваном-царевичем, махнула левой рукой – сделалось озеро, махнула правой – и поплыли по воде белые лебеди» [8, с. 335]).

В мифопоэтическом мире А. Тарковского творение мира совершается посредством шапки и рукава, которые возможно интерпретировать как голову и руку, а также посредством звука, о чем свидетельствует существительное *дудка*. Звуковым же повторением – рифмой – поддерживается жизнь.

Рифма – модификация ритма, происхождение которого, по мнению О. М. Фрейденберг, «не было вызвано никакими целями удовольствия от созвучий и пр., а входило в производственный обиход, от которого мировоззренчески не было отделимо, как его необходимейшая и серьезнейшая часть» [9, с. 114]. Действенные и ритмические элементы предшествуют по архаичности связанным

словесным актам. Они живут долгое время рядом в виде различных действий, например танца, «который исполняется вооруженными людьми во главе с вожаком <...> Сюжет таких танцев с мечами – это смерть и оживание старого-нового года, зимы-лета и т. д.» [9, с. 113], «древнейшей формой таких ритмико-кинетических действий являются акты хождения; нога, ступание, ходьба, имея осмысление в шествии солнца под землей и по небу (исчезновение-появление света), отождествляется с ритмом. Отсюда – круговые хождения, хороводы» [9, с. 114].

Мифопоэтический мир А. Тарковского космизируется словом субъекта поэтического текста, словом ритмическим. В рифме-ритме заключается жизненная сила, так как это то в стихотворном тексте, что должно повторяться. Рифма упорядочивает стихотворный текст. В повторении проявляет свою энергию, упорядочивающую и созидающую космос, жизнь, чем они отличаются от неупорядоченного хаоса, смерти.

По мнению М. Элиаде, «в проявлениях своего сознательного поведения «первобытный», архаический человек не знает действия, которое не было бы произведено и пережито ранее кем-то другим, и притом не человеком. То, что он делает, уже делалось. Его жизнь – непрерывное повторение действий, открытых другими» [20, с. 33] <...> «предмет или действие становятся реальными лишь в той мере, в какой они имитируют или повторяют архетип. Таким образом, реальность достигается исключительно путем повторения или участия, все, что не имеет образцовой модели, «лишено смысла», иначе говоря, ему недостает реальности» [10, с. 55].

Раздвоить и связать рифмой мир в словесном его представлении является целью субъекта поэтического текста. Важность рифмы проявляется в глубинной мифопоэтической семантике текста «Рифма» 1957 г. Субъект поэтического дискурса в мифопоэтическом мире А. Тарковского отождествляется с шаманом, жрецом, устами пространства и времени – персонажами мифологически значимыми. Шаман в мифопоэтической традиции осуществляет посредничество, медиацию между людьми и духами [11, с. 638–639]. Подобно жрецу субъект поэтического текста А. Тарковского пересоздает мир в слове посредством его расчленения и соединения, раздвоения и связывания.

Тождество субъекта поэтического текста, понимаемого как поэта, жреца и шамана, влечет за собой представление о магической силе поэта. Н. Б. Мечковская пишет о том, что чародей и поэт во многих мифопоэтических традициях – это один персонаж, а первые поэтические произведения восходят к магическим текстам в истории самых разных фольклорных традиций. «Фидеистическое слово и поэтическую речь сближает их fasciniрующее воздействие на адресата: они обладают максимальной способностью убеждать, волновать, внушать, завораживать. (Применительно к искусству слова эффект fascинации раньше называли иначе: одни (метафорически) – волшебством поэзии; другие – «воспитательной или агитационной силой художественной

литературы»). Способность фидеистических и художественных текстов к fascinации связана с их искусным построением – прежде всего с ритмом и экспрессией переносно-образного употребления языка. Таким образом, вырисовывается еще одна черта, сближающая сакральный и поэтический текст: обычно это искусные, мастерские тексты. Они завораживают ритмом, звуковыми и смысловыми переключками, странным и одновременно точным подбором слов, метафоричностью, способной, ошеломив, вдруг обнажить таинственные связи явлений и бездонную глубину смысла» [12, с. 45–46].

В некоторых текстах А. Тарковского субъект поэтического текста выступает в роли шамана, осуществляющего посредничество между людьми и духами, например, в стихотворении «Слово» 1945 года, в котором слова поэта, обладающего сверхъестественными возможностями, могут быть услышаны и осуществлены потусторонними силами. Отсюда призывы «не описывать заранее ни сражений, ни любви», опасаться предсказаний, не звать смерти и т. п.

При рассмотрении стихотворения «Рифма» представляется важным отметить, что, во-первых, стихи поэтов являются локусом постоянства Кошечевой считалки, которое соотносимо с представлениями об извечном переходе от жизни к смерти и от смерти к жизни, нескончаемой цепи перевоплощений. В стихах, как в целостной модели мира, проявляется одна из бинарных оппозиций: жизнь – смерть. Считалка-жеребий определяет выбор: кому уходить в мир иной и кому оставаться жить. Н. Н. Велецкая высказывает предположение о том, что «отражения поздних, деградировавших форм языческого ритуала отправления на «тот свет» содержатся в трагическом оттенке поговорок «жеребий пал» и подобных (употребление их в описательном значении для русской народной традиции не характерно). По-видимому, одной из форм трансформации ритуала, стадийно предшествующей замене человека знаком, которые, по-видимому долгое время сосуществовали, являются разновидности выборочного и эпизодического отправления ритуала, одной из которых была жеребьевка, сосуществовавшая, очевидно, с такими формами, как потопление в засуху самого старого в селении и т. п.» [13, с. 135].

Осознание того, что «считалка», прячущаяся в стихах, является «кошечевой», можно соотнести, с одной стороны, с мотивом, встречающимся у многих поэтов, о роли дьявольского, причастного смерти начала в поэтическом творчестве [14, с. 57; 2, с. 38–39]. С другой стороны, с амбивалентной природой самого поэта – персонажа, могущего творить как добро, так и зло.

В мифопоэтическом мире А. Тарковского созвучье отождествляется с пещерой и является локусом допотопного шаманства и страха. Для более полного понимания данного отрывка из текста А. Тарковского представляется необходимым обратиться к мифологическим представлениям, связанным с образом пещеры. По

утверждению В. Н. Топорова, пещера «включается в комплекс жизнь – смерть – плодородие, как одновременно место зачатия, рождения и погребения, источник и конец» [15, с. 311]. Кроме того, подтверждение тому, что представления о пещере связаны с комплексом жизнь – смерть, находим у В. Я. Проппа, который описывает элементы обрядов посвящения, производившихся в пещере [16, с. 94]. Отсюда становится ясным, почему в пещере живет страх, – это страх боли, страх тьмы, страх смерти. Шаманство же живет «в созвучье» как посредник между миром живых и миром мёртвых.

В-третьих, в стихах заключается творение целостной модели мира. Поэт, с одной стороны, является шаманом и жрецом, с другой – ученым, причастным к мировым научным открытиям. Параллель данной теме находим в работе проф. В. Г. Богораз (Тана), исследовавшего шаманизм и шаманистическое мировоззрение с точки зрения теории относительности и сделавшего такой вывод: «Явления религиозного мира вместе с явлениями из других сопредельных областей, в сущности говоря, ничем не отличаются от всяких других явлений, как субъективных, так и объективных. Они подлежат восприятию, а также наблюдению и, стало быть, и исследованию при помощи измерительного и общего сравнительного метода. В области измерительной они имеют свое собственное пространство и собственное время и в этом отношении составляют особую систему, свободную и независимую от нашей земной системы. И только в такой концепции они воспринимаются человеческим сознанием» [17, с. 114].

В-четвертых, образ нити в мифопоэтической модели мира А. Тарковского также связан с творением. Поэту необходимо «в смертный час» одно «дыханье и мгновенье», чтобы «нить связать и раздвоить». Раздвоение соотносимо с космогоническим процессом становления мира как последовательного введения основных бинарных оппозиций [18, с. 6–9].

Нить, которую должен раздвоить поэт, может являться как окружающим миром, так и им самим (стихотворение «Жизнь, жизнь III» 1965 г.). Неслучайно возникает семантика жертвы как образ творения вселенной путем принесения в жертву и расчленения первого антропоморфного существа (своего рода первого человека) [19, с. 88]. Кстати, ритуал, осуществляемый жрецом, воспроизводит такого рода события.

Итак, при изучении авторской мифологемы *поэт* важным является рассмотрение функции агента, которая реализуется в поэтическом дискурсе А. Тарковского. Выполнение этой функции осуществляется таким образом, что мифологема *поэт* входит в ряд отождествлений, представляется различными номинациями.

Литература

1. **Греческо-русский** словарь, составленный А. Д. Вейсманом. – СПб., 1899.
2. **Топоров В.Н.** Об «экзотропическом» пространстве поэзии (поэт и текст в их единстве) // От мифа к литературе: Сб. в честь семидесятилетия Е. М. Мелетинского / Рос. гос. гуманитарный ун-т, Ин-т высш. гуманитарных исследований. – М., 1993. – С. 25–42.
3. **Иванов Вяч.Вс.** Кузнец // Мифы народов мира: Энциклопедия. – М., 1994. – Т. 2. – С. 21–22.
4. **Успенский Б.А.** Филологические разыскания в области славянских древностей: Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского. – М., 1982.
5. **Геннеп А. ван.** Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. – М., 1999.
6. **Маковский М.М.** Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. Образ мира и миры образов. – М., 1996.
7. **Трубачев О.Н.** INDOARICA в северном причерноморье // Этимология: Сб. статей. – М., 1979. – С. 111–138.
8. **Афанасьев А.Н.** Народные русские сказки: В 3 т. – М., 1957. – Т. 2.
9. **Фрейденберг О.М.** Поэтика сюжета и жанра. – М., 1997.
10. **Иванов Вяч.Вс.** Чет и нечет: Асимметрия мозга и знаковых систем. – М., 1978.
11. **Новик Е.С.** Шаманская мифология // Мифы народов мира: Энциклопедия. – М., 1994. – Т. 2. – С. 638–639.
12. **Мечковская Н.Б.** Язык и религия: Лекции по философии и истории религий: Учеб. пособие для студентов вузов. – М., 1998.
13. **Велецкая Н.Н.** Языческая символика славянских архаических ритуалов. – М., 1978.
14. **Елизаренкова Т.Я., Топоров В.Н.** Древнеиндийская поэтика и ее индоевропейские истоки // Культура и литература древней и средневековой Индии. – М., 1979. – С. 36–88.
15. **Топоров В.Н.** Пещера // Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 т. – М., 1994. – Т. 2. – С. 311–312.
16. **Пропп В.Я.** Исторические корни волшебной сказки. – Л., 1986.
17. **Богораз (Тан) В.Г.** Эйнштейн и религия. Применение принципа относительности к исследованию религиозных явлений. – М., 1923.
18. **Топоров В.Н.** Космогонические мифы // Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 т. – М., 1994. – Т. 2. – С. 6–9.
19. **Иванов Вяч.Вс.** Антропогонические мифы // Мифы народов мира: Энциклопедия. – М., 1994. – Т. 1. – С. 87–89.
20. **Элиаде М.** Космос и история: Избр. работы. – М., 1987.

Статья посвящена исследованию агентивной функции авторской мифологемы *поэт* в модели мифопоэтического мира А. А. Тарковского. В статье рассматриваются важнейшие символические отождествления, а также соотношения данной мифологемы с другими семантическими единицами.

Ключевые слова: мифопоэтический, мифологема, поэтический дискурс, модель мира, агентивная функция.

Стаття присвячена дослідженню агентивної функції авторської міфологеми *поет* у міфопоетичному світі А. О. Тарковського. У статті розглядаються найважливіші символічні ототожнення, а також співвіднесення даної міфологеми з іншими семантичними одиницями.

Ключові слова: міфопоетичний, міфологема, поетичний дискурс, модель світу, агентивна функція.

The article «Agentive function of the author's mythologeme 'poet' in A. A. Tarkovsky's world of myth and poetry» deals with the ways of researching agentive function of the author's mythologeme 'poet' in A. A. Tarkovsky's world of myth and poetry. The article studies the most important symbolic identifications, as well as correlations of the given mythologeme and other semantics units.

Key words: mythological and poetic, mythologeme, poetic discourse, world model, agentive function.

УДК 821.161

Л. Л. Таймазова

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МЕМУАРНОГО ЖАНРА

Постановка проблемы. В XX веке произошел всплеск литературы, построенной на документальной основе. Расцвет документально-художественной литературы отразил главную тенденцию всего столетия – усиление интереса к человеческой личности, психологии и духовному миру индивидуума. Одной из наиболее древних и вечно молодых форм документальности является мемуарная литература.

Систематическая публикация мемуаров как наиболее адекватной формы, отвечающей историческим задачам времени, началась с 1921 года. В последующий период поток мемуарной литературы все более нарастает. Свидетельством тому является высказывание М. В. Сабашникова – известного книгоиздателя. В «Воспоминаниях» он пишет, что после Февральской революции «из новых, предпринятых нами изданий наибольшую известность получила мемуарная литература» [1, 393].

Во второй половине 20-х годов поток мемуарной литературы достигает своего апогея, на какое-то время вытесняя другие жанры. «Мы сейчас переживаем материал, – констатировал В. Шкловский в 1927 году. – В литературе мы пришли к дневникам писателей, к воспоминаниям и

путешествиям, – то, что намечалось неоднократно уже в ходе истории литературы...» [2, с. 81].

Перед мемуаристами 20-х годов стояла задача запечатлеть исторические события и образы своих современников и поведать о них потомкам. Замечательно то, что воспоминания писались по большей части не историками, а писателями, поэтами, художниками, то есть людьми искусства. Поэтому к историческому материалу неизменно примешивался образный, эмоциональный. И именно этими качествами – *«фактической точностью, исторической достоверностью в сочетании с душевным подъемом, эмоциональным накалом»* [3, с. 79] мемуары 20-х годов утверждали себя как полноценный литературный жанр, оказывали воздействие на художественную литературу.

Обращаясь к мемуарной литературе, надо помнить о том, что не каждый мемуарист способен был понять богатство и сложность духовного мира того или иного художника, а некоторые писали воспоминания спустя десятилетия после встречи с писателем, когда многое могло забыться. Поэтому так важно представить личность самого мемуариста.

В этом отношении замечательно мемуарное «кредо» Вл. Ходасевича – его признание в «Некрополе», предваряющее воспоминания об Андрее Белом: «Я долгом своим (не легким) считаю – исключить из рассказа лицемерие мысли и боязнь слова. Не должно ждать от меня изображения иконописного, хрестоматийного. Такие изображения вредны для истории. Я уверен, что они безнравственны, потому что только правдивое и целостное изображение замечательного человека способно открыть то лучшее, что в нем было. Истина не может <быть> низкой, потому что нет ничего выше истины» [4, с. 44–45].

Цель предлагаемого исследования – рассмотреть особенности мемуаров как жанра, выявить традиционные и спорные проблемы его определения. Еще А. Ахматова заметила однажды: «Какой-то непроявленный жанр – мемуары». «"Непроявленный", – отмечает И. Шайтанов, – то есть ускользящий, не имеющий твердых границ и правил... Жанр, где не ясно, что перевесит: литературное мастерство, грозящее обернуться "беллетристическим приемом поднатюрелого мемуариста"... или же литературная неискренность непредвзятого свидетеля» [5, с. 52–53].

Существенный вклад в этом направлении внесли своими работами А. Г. Тартаковский и Л. Я. Гинзбург.

Представление о размытости границ мемуарного жанра А. Г. Тартаковский считает преувеличенным, поскольку оно, по его мнению, проистекает не из самой природы мемуаров, а по причине недостаточной их изученности как в историко-источниковедческом, так и методологическом планах.

Выдвинув положение об определяющей роли социальной функции в становлении и развитии мемуарной литературы, автор

называет три ее видовых признака: *личностное начало, ретроспективность и память*. При этом каждый из этих признаков характеризуется им как своеобразный спектр возможностей мемуаротворчества, как определенное условие авторской свободы в обращении с документальным материалом.

Разрабатывая теоретические принципы мемуарного жанра, литературоведы ставят следующие вопросы: можно ли приравнивать мемуары к автобиографическим произведениям? Насколько ощутима граница между автобиографическим повествованием и мемуарами?

Автобиографии и мемуары, ориентированные на внетекстовую действительность, существуют в двух временных измерениях: прошлые события («тогда») и их нынешнее осмысление («теперь»). Очевидно, что не только традиция (автобиографичность была особенно популярна в начале XX века), но и природа этих жанров отвечала потребностям писателей и читателей: «Подлинное рождение мемуарной литературы, автобиографии в настоящем смысле этого слова... обусловлено бурно развивающимся интересом к отдельной человеческой личности, к своеобразию ее индивидуальной судьбы и внутреннего мира, осознанием ее значительности и ценности» [6, с. 49].

Г. Г. Елизаветина считает, что «обращение к интимной стороне жизни послужило импульсом к возникновению совершенно нового для русской литературы жанра – автобиографии. В отличие от мемуаров автобиография – рассказ не столько об исторических событиях, сколько о собственном жизненном пути» [7, с. 243]. То есть центром произведения здесь становится личность самого автора, его судьба, его чувства, его представления о жизни. Автобиография характеризуется именно наличием определенной концепции рассказа о своей жизни. Как подчеркивает Л. А. Левицкий, одним из решающих признаков автобиографии является изображение характера автора, «непросто повествование о себе и о своей жизни, а именно психологическое исследование своего характера» [8, с. 115].

Отметим, что автобиографические произведения обладают особой структурой повествования: повествователь и герой здесь тождественны, объектом изображения служит авторское «я»; образ повествователя по сравнению с другими жанрами характеризуется высшей степенью индивидуальности, при этом повествование лишено статики – для него характерны объемность, преломление изображаемого в разных ракурсах. «Задача» автобиографической прозы, как отмечал М. М. Бахтин, – это «не только мир своего прошлого... в свете настоящего зрелого осознания и понимания, обогащенное временной перспективой, но и свое прошлое осознание и понимание этого мира. Это прошлое сознание – такой же предмет изображения, как и объективный мир прошлого. Оба эти сознания, разделенные десятилетиями, глядящие на один и тот же мир, не расчленены грубо и не отделены от объективного предмета изображения, они оживляют этот предмет, вносят в него своеобразную динамику,

временное движение, окрашивают мир живой становящейся человечностью...» [9, с. 398].

Наличие двух временных плоскостей предполагает наличие и соотношение двух субъектных планов. Таким образом, первая отличительная особенность структуры повествования в автобиографической прозе – это взаимодействие двух субъектных сфер – плана зрелого повествователя в настоящем и плана его «я» в прошлом; «я» повествователя характеризуется диффузностью: это и «я» очевидца событий, их участника, и «я» рассказчика, вспоминающего о прошлом.

Автор автобиографических произведений, избирая форму повествования от первого или от третьего лица, чаще всего ориентируется на повествование от первого лица, признаками которого являются установка на достоверность, особая субъективность, естественность в изображении внутреннего мира самого повествователя (при этом ограничиваются изображение внутреннего мира других действующих лиц его повествования и изображение внешнего мира), четкая фиксация пространственно-временной позиции повествователя (рассказчика). Эти свойства повествования от первого лица сближают автобиографическую прозу с мемуарной.

Установка на достоверность, характерная для повествования от первого лица, служит второй отличительной особенностью повествования в автобиографической прозе, она вступает в определенное противоречие с «неким ферментом» «недостоверности», который «заложен в самом существе жанра»: «...никакой разговор, если он сразу же не был записан, не может быть через годы воспроизведен в своей словесной конкретности» [10, с. 10].

Стремление к достоверности, характерное для автобиографической прозы в целом, по-разному проявляется у разных авторов и в разные периоды развития литературы. Так, в литературе XX века широкое распространение получают автобиографические произведения, в построении которых установка на достоверность проявляется в монтаже разрозненных воспоминаний, их ассоциативном соположении: «Время как прожектор. Оно выхватывает из тьмы памяти то один кусок, то другой. Так надо писать. Так достоверней» (А. Ахматова); «Я пишу отрывисто не потому, что такой у меня стиль: отрывисты воспоминания» (В. Шкловский); «Написать перечувствованное, пережитое – невозможно. Можно создать только то, что живет в нас в виде намека. Тогда это будет действительность...» (М. Волошин).

Третьей отличительной особенностью повествования в автобиографической прозе является его открытая субъективность. Субъективность повествования в автобиографической прозе связана и с тем, что в ней устанавливается характер представления рассказчика о себе самом.

Таким образом, в автобиографической прозе важной является роль средств, создающих субъективность изложения, большое значение

приобретают временные смещения, устанавливающие план непосредственного наблюдателя-очевидца и участника событий прошлого, утверждается принцип ассоциативного сцепления эпизодов, сцен, воссоздающих прерывистые воспоминания повествователя. Этот принцип положен в основу определения жанра, сформулированного авторами литературного энциклопедического словаря: «Автобиография – это всегда акт преодоления уходящего времени, попытка вернуться в собственное детство, юность, воскресить наиболее значительные и памятные отрезки жизни – как бы прожить жизнь сначала; автобиографии поэтому пишутся, как правило, в зрелые годы, когда большая часть жизненного пути уже позади» [11, с. 12].

Опираясь также на мнение Л. Я. Гинзбург, изложенное ею в книге «О психологической прозе», отметим, что цель автобиографии – представить жизнь (или какую-то ее часть) как некое целое, когда описываемые события отделены от настоящего неким временным промежутком и автор может отнестись к ним более или менее беспристрастно, а сами события успели приобрести в его глазах большую или меньшую осмысленность. Следовательно, автобиография отличается от дневника, день за днем фиксирующего факты и впечатления. Она отличается также и от мемуаров (хотя их часто смешивают), потому что представляет собой личную историю автора, в то время как мемуары – историю событий, в той или иной степени затрагивающих все общество.

Поскольку понятие «мемуарность» традиционно связывается с жанром воспоминаний, исследователи предпринимали попытку построения внутрижанровой типологии мемуаров. Так, коллектив авторов под руководством Романа Лейбова предложил в докладе «Русские мемуары в историко-типологическом освещении: к постановке проблемы», прочитанном на тартуско-хельсинском семинаре «История и историософия в литературном преломлении» в 2003 году [12], следующую классификацию мемуаров:

- 1) выделение видов текстов в зависимости от того, будет ли мемуарист апеллировать к собственным воспоминаниям о событиях («прямые» мемуары), либо пересказывать чужие свидетельства («непрямые»);
- 2) классификация мемуарных текстов по типу объекта, исходя из трех типов воспоминаний: воспоминания о *событии*, воспоминания о *времени*, воспоминания о *лице*;
- 3) мемуары «о былой любви»;
- 4) детские мемуары (в них выделяются две разновидности: воспоминания ребенка о взрослом или воспоминания о «совместном детстве»);
- 5) мемуары, перетекающие в дневники, то есть доходящие в своем рассказе о событиях до момента повествования, «сейчас».

Другой исследователь, И. Л. Сиротина, в статье «Культурологическое источниковедение: проблема мемуаристики» для решения проблемы классификации мемуаров берет «временной» аспект, то есть отношение времени создания текста к воспроизводимому. Исходя из этой концепции, она представляет классификацию мемуаров следующим образом:

- 1) мемуары-летописи (созданные непосредственно вслед за событиями, по горячим впечатлениям): дневники, письма, записки, путевые заметки и др.
- 2) мемуары-воспоминания (созданные по прошествии некоторого времени, по памяти): автобиографии, воспоминания, литературные портреты, исповеди и др.
- 3) художественные мемуары (созданные отчасти по памяти, отчасти с использованием записей, публикаций разных лет, собственных прежних воспоминаний, мемуаров других авторов, писем своих и чужих и т.п.), как правило, литературно подготовленные, отредактированные, художественно оформленные произведения.

К тому же, отмечает И. Л. Сиротина, «мемуарные источники могут быть как целостными произведениями, так и вкраплениями, элементами личных раздумий или воспоминаний в произведениях другого жанра и назначения» [13, с. 231].

Как видим, в исследовательской традиции существует расхождение в определении хронологических и жанровых границ мемуаров. Но ясно одно, что мемуары – это повествование, предполагающее доминанту нефикциональности. При этом повествователем является конкретный индивидуум, авторская личность. Такое сочетание невымысленности и субъективности помещает мемуары между историческим повествованием и художественной литературой (по Л. Гинзбург, «промежуточный жанр»).

На наш взгляд, целесообразно разделить мемуары на две большие группы: мемуары-автобиографии и мемуары о других людях и событиях. Эти группы мемуаристики отличаются по объекту описания, что может служить различающим критерием, но главное различие – цель написания. Мемуары-автобиографии обычно преследуют цель включения мемуариста в череду поколений, в «эволюционное целое» (М. Ф. Румянцева). Мемуары, объектом описания в которых является не столько сам мемуарист, сколько современные ему люди и события, преимущественно направлены на воссоздание «коэксистенциального мемуаристу целого» (М. Ф. Румянцева), то есть осознание своей обособленности от существующих одновременно других личностей и относительной самостоятельности внутри социальной группы.

Общим признаком всех произведений мемуаристики, как уже было сказано, являются воспоминания.

Специфическая особенность памяти как формы отражения действительности заключается в том, что она воспроизводит непосредственные впечатления о фактах и процессах действительности в том виде, в каком они сохранились ко времени написания воспоминаний. Однако у автора мемуаров неизбежно складывается свое отношение к происходившим событиям, может меняться оценка как самих событий, так и действий отдельных лиц. Следовательно, на качестве воспоминаний сказывается то обстоятельство, что после определенного времени свежесть впечатления от событий сменяется более зрелым и устоявшимся мнением о них. «Всякие мемуары дают нам двойной круг знаний и представлений. Во-первых, мы через автора мемуаров воспринимаем то, что он видел и о чем писал, – людей и время... Второй круг – это круг наших знаний, представлений о самом авторе мемуаров: как автор выглядит в собственных глазах и какими глазами он видит других людей» [14, с. 84]. Так, в мемуарном повествовании, где прошлое оценивается сквозь призму настоящего, автор так или иначе соединяет свой старый и новый опыт.

Здесь закономерен вопрос: возможны ли мемуары, которые были бы нейтральны? Возможен ли мемуарист, который не был бы субъективен? Нет. Всегда становясь отражением личности мемуариста, мемуары невозможны без субъективного отношения к воссоздаваемому.

«Они, мемуары, предполагают *осмысление*, но никогда не *домысливание*. Именно здесь пролегает граница между “субъективностью” и “субъективизмом”» [15, с. 62].

Безусловно, достоверность источника зависит не только от особенностей памяти, внимания, типа восприятия, характера и условий работы над мемуарным произведением (что, конечно, следует обязательно учитывать), но в наибольшей степени от личной заинтересованности, пристрастий, политических взглядов, эмоциональной направленности, мировоззренческих ориентиров личности автора, то есть от типа его менталитета.

Такая субъективность мемуаристики, в отличие от других эмпирических источников, не является ее недостатком. Объективное содержание мемуаров выражается в форме субъективного, и сочетание объективного изложения с субъективной оценкой – одно из главных определяющих свойств произведений мемуаристики.

А. И. Герцен, замышляя «Былое и думы», спрашивал: «Кто имеет право писать свои воспоминания?» и отвечал: «Всякий», ибо «для того, чтоб писать свои воспоминания, вовсе не надобно быть ни великим мужем, ни знаменитым злодеем, ни известным артистом, ни государственным человеком, – для этого достаточно быть просто человеком, иметь что-нибудь для рассказа и не только хотеть, но и сколько-нибудь уметь рассказать».

Всякая жизнь интересна: не личность – так среда, страна занимают, *жизнь* занимает. Человек любит заступать в другое

существование, любит касаться тончайших волокон чужого сердца и прислушиваться к его биению... Он сравнивает, он сверяет, он ищет себе подтверждений, сочувствия, оправдания...» [16, с. 265].

И если мемуары «внелитературной словесности» дают читателю возможность увидеть ход прошедших событий во всей их фактической подлинности, то «писатель-мемуарист помогает ему ощутить ушедшую действительность как впечатляющее целое, помогает ему почти «физически» прикоснуться к духу и атмосфере минувшей эпохи, воочию увидеть населявших ее людей» [8, с. 114].

Выводы. С позиций литературоведения субъективность рассматривается как одна из главных черт мемуаристики, которая является их важнейшим достоинством. Мемуарная литература выполняет различные социальные и литературные функции. Литературоведческий анализ мемуаров определяет их отличие от автобиографического повествования. Мемуары представляют собой историю событий, в той или иной степени затрагивающих все общество, в то время как автобиография характеризуется наличием определенной концепции рассказа о своей жизни.

Литература

1. **Сабашников М.В.** Воспоминания. – М., 1983.
2. **Шкловский В.Б.** За сорок лет. – М., 1965.
3. **Гаранин Л.Я.** Мемуарный жанр советской литературы: Историко-теоретический очерк. – Мн., 1986.
4. **Ходасевич В.Ф.** Некрополь. Воспоминания. – М., 1991.
5. **Шайтанов И.** «Непроявленный жанр», или Литературные заметки о мемуарной форме // *Вопр. лит.* – 1979. – № 2. – С. 50–77.
6. **Виппер Ю.Б.** О преемственности и своеобразии реализма Ренессанса и Просвещения в западноевропейской литературе // *Проблемы Просвещения в мировой литературе.* – М., 1970. – С. 39–61.
7. **Елизаветина Г.Г.** Становление жанров автобиографии и мемуаров // *Русский и западноевропейский классицизм: Проза.* – М., 1982. – С. 240–247.
8. **Левицкий Л.А.** Где предел субъективности? // *Вопр. лит.* – 1974. – № 4. – С. 101–115.
9. **Бахтин М.М.** Эстетика словесного творчества. – М., 1979.
10. **Гинзбург Л.Я.** О психологической прозе. – Л., 1977.
11. **Литературный энциклопедический словарь** / Под ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева – М., 1987.
12. **Русские мемуары в историко-типологическом освещении: к постановке проблемы** / Лейбов Р. и др. – Хельсинки, 2003.
13. **Сиротина И.Л.** Культурологическое источниковедение: проблема мемуаристики // *Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века. (Материалы междунар. науч. конф.).* – СПб., 2001. – Вып. 12. – С. 226–232.
14. **Симонов К.М.** Не золотая середина // *Вопросы литературы.* – 1971. – № 6. – С. 83–85.
15. **Кораллов М.** Образ личности и облик эпохи: Штрихи к портретам и

монографиям // Литературное обозрение. – 1973. – № 7. – С. 79 – 84. **16.**
Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. – М., 1956. – Т. 9.

В статье рассматривается проблема определения мемуарного жанра, выявления его признаков, сущностных черт. Отмечаются отличительные особенности произведений мемуаристики и автобиографического повествования.

Ключевые слова: автобиография, воспоминания, мемуары, память, субъективность.

У статті розглядається проблема визначення мемуарного жанру, виявлення його ознак, значимих рис. Зазначаються відмінні особливості творів мемуаристики і автобіографічного оповідання.

Ключові слова: автобіографія, спогади, мемуари, пам'ять, суб'єктивність.

The article deals with problems of determination of memoir genre, revealing its signs and essential features. The distinctive peculiarities of works of memoir genre and autobiographic narration have been described.

Key words: autobiography, recollections, memoirs, memory, subjectivity.

УДК 811.161.1'367 Распутин

О. Б. Шкурская

СИНТАКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ПОСТРОЕНИЯ РЕЧЕВОГО ОБРАЗА ПЕРСОНАЖА В ПОВЕСТИ В. РАСПУТИНА «ПРОЩАНИЕ С МАТЕРОЙ»

Изучение синтаксических приемов создания речевого образа персонажа в произведении является одним из важнейших аспектов анализа как стиля писателя в целом, так и стиля отдельного произведения, в частности.

Творческое наследие Валентина Распутина привлекало многих исследователей. К анализу рассказов и повестей писателя обращались Н. Н. Котенко, В. Я. Курбатов, И. А. Панкеев, С. Г. Семенова, Н. С. Тендитник, В. Н. Шапошников и др. Однако проза писателя рассматривалась, в основном, с позиций литературоведения. В данной работе предпринята попытка произвести анализ повести В. Распутина «Прощание с Матерой» в лингвостилистическом аспекте.

Целью работы является изучение синтаксических средств создания речевой характеристики персонажа в повести В. Распутина «Прощание с Матерой».

В круг задач исследования входят: выделение и анализ стилистически значимых способов создания речевых характеристик персонажей в повести; установление их стилистических функций.

Синтаксис прямой речи персонажей в повести В. Распутина «Прощание с Матерой» необычайно интересен и многообразен. Это объясняется стилизованным строением этой речи. Писатель мастерски использует стилизацию в соответствии с определенной художественной задачей — для создания образов деревенских жителей российской глубинки, а также чиновников, в руках которых находится судьба Матеры и всех ее жителей. В прямой речи, в диалогах героев отражена их точка зрения, поэтому прием стилизации позволяет писателю не только передать смысл их речи, их мировосприятие, но и изобразить их внутренний мир. Стилизация позволяет также максимально приблизить прямую речь героев к народной речи, для чего вводятся элементы разговорного и экспрессивного синтаксиса.

Анализ прямых высказываний героев повести Распутина позволяет увидеть, какую важную роль играет синтаксис в отражении душевных состояний героев и их настроения в момент речи: состояния спокойствия и умиротворения, волнения и тревоги, растерянности, нарастающего эмоционального напряжения, страха перед неизвестностью, озлобления и негодования. Создавая психологический портрет своего героя, писатель использует различные синтаксические средства, свойственные разговорной речи русского языка, такие, как: высказывания с коррелятом, конструкции с конситуативным и контекстуальным эллипсисом, с препозицией ремы, с двойным и нулевым глаголами-предикатами и так далее.

Ср., например, использование различных элементов разговорного синтаксиса при построении речевого образа одной из героинь повести «Прощание с Матерой» Настасьи:

– Ой! – радостно спохватывалась Настасья. – Егор-то, Егор-то... едва нонче не помер. У старого ума нету, взял сколупнул бородавку и весь кровью изошел. Цельный таз кровушки.

– А теперь-то как – остановилась?

– Вся вышла, дак остановилась. Едва дышит. Ой, до того жалко старика. Побегу досмотрю, че с им [2, с. 214].

Интерес представляет привлечение писателем таких синтаксических средств, как конструкция с коррелятом (именительный падеж с коррелятом существительным *Егор-то*, который «играет роль формальной скрепы между высказыванием и именительным падежом» [1, с. 163]); конструкция с двойным глаголом-предикатом (*взял сколупнул*), в которой два глагола, для которых не характерна интонация перечисления, употребляются для обозначения тесно связанных

действий; эллиптическая конструкция с «нулевым членом» (*Цельный таз кровушки*), а также конструкции с препозицией ремы, используемые для интонационного выделения наиболее значимой информации в предложении (*ума нету, кровью* изошел).

В этом фрагменте также с помощью комбинации таких синтаксических средств, как повторы, восклицательные предложения, интонация заминки образуется особый эмоциональный контекст в пределах речи героя, отражающий эмоциональное состояние, связанное с волнением говорящего.

Вот еще пример:

– Утром подымусь, вспомню со сна... ой, сердце упрется, не ходит, – рассказывала старуха Настасья. – Осподи!.. А Егор пла-а-чет, плачет. Я ему говорю: "Ты не плачь, Егор, не надо", – а он: "Как мне не плакать, Настасья, как мне не плакать?!" Так и иду с каменным сердцем ходить, убираться. Хожу, хожу, вижу, Дарья ходит, Вера ходит, Домнида – и вроде отпустит маленько, привыкну. Думаю: а может, поужать нас только хочут, а ниче не сделают [2, с. 213].

Для данного фрагмента свойственно употребление конструкций с нереализованной валентностью [1, с. 135], в частности контекстуального эллипсиса (*Дарья ходит, Вера ходит, Домнида (ходит)*), употребляющегося для обозначения пропуска члена синтаксического построения, имеющегося в контексте, и нестационарной структуры с нереализованной валентностью, при которой не выражено имя существительное (*Утром подымусь, вспомню со сна (о затоплении)*); конструкции с препозицией ремы и двойным глаголом-предикатом (*поужать нас только хочут*), повторов с функцией эмпазы (*хожу, хожу*) и интенсификации (*пла-а-чет, плачет*), при этом эмпаза выражает эмоциональное отношение говорящего к явлению, а интенсификация — эмоциональное отношение к мере явления.

Этот фрагмент характеризуется также употреблением вопросительно-восклицательных предложений и междометных восклицаний, а также синтаксической прерывистостью речи, графически обозначенной многоточием. Показательным является шестикратное употребление слов: *иду, ходить, хожу, ходит* на протяжении одного высказывания. Все эти средства служат насыщению прямой речи особой экспрессией, отражающей состояние душевной тревоги и беспокойства говорящего.

А также:

– Помер спокойно. Спокойней спокойного помер, дай-то Бог и мне так <...> Лег – и вижу: глядит на меня. "Че, – говорю, – Егор, может, надо че?" – Голос у Настасьи напрягся, она подалась вся вперед, как наклоняются, не выдерживая, за ответом – "Может – спрашиваю, – надо че?" Я же вижу, что он неспроста смотрит. – И откачнулась назад. – А он ниче и не скажи. Знаю, что хочет сказать, а не сказал, – ишь, он боялся наужать меня. А чуял, чуял смерть. – Она

опять прервалась и покивала. – Чуял, чуял. Я свет убрала, легла и заснула, непутевая. Заснула! – выкрикнулось у нее, но она тут же поправила голос – А ночью пробудилась – слышу, дожжик идет. Че это, думаю, он – с вечеру-то ни одной тучки не видать было. Там хошь и плохо небо видно, да я все по привычке смотрела. И дожжик такой норовистый, тихий. Ой, думаю, че-то неладно. К окошку подошла, а он только-только направился, ишо и землю не замочил. А сама помню, что Егор однесь дожжик же и поминал: долго, grit, нету. Я потихоньку говорю: "Егор, дожжик-то пошел. Он тебе нашто нужсон-то был? Нашто, вдругорядь спрашиваю у Егора, – он тебе нужсон-то был?" Он молчит. Я за огонь, шарю по стенке, шарю. Зажгла, а мой Егор-то, Егор-то... [2, с. 365–366].

Очевидно, что речь героини, рассказывающей о смерти своего мужа, пронизана особым эмоциональным напряжением. Здесь интересно привлечение писателем разнообразных средств синтаксиса разговорной речи для изображения особого психологического состояния героини. Для этого используются конструкции с двойным глаголом-предикатом (он боялся **напужать** меня) и с нулевым глаголом-предикатом (я за огонь (взялась)). Кроме того, писателем неоднократно привлекаются повторы с функцией эмфазы (а чуял, чуял смерть; а мой Егор-то, Егор-то; шарю по стенке, шарю), выражающие особое эмоциональное отношение говорящего к происходящему. Следует отметить также употребление построений с контекстуальным эллипсисом (Чуял, чуял (смерть)), конструкций с постпозицией наречия (помер спокойно), с добавлением (Я свет убрала, легла и заснула, **непутевая**), а также построений с нереализованной прямой валентностью (Зажгла (свет), а мой Егор-то...) и с формой глагола в повелительном наклонении, употребляющейся для обозначения действия в прошедшем времени (а он ниче и не скажи). Все перечисленные конструкции являются характерными для синтаксиса разговорной речи русского языка и являются определяющими при построении речевого портрета героини.

А вот образцы прямой речи другой сельской жительницы — Дарьи:

– Без чаю-то худо, – от удовольствия, что пьет его, признавалась она. – Навроде отошла маленько. А утресь как обручем сжало в грудях, до того тошно... мочи нету. Через силу подоила корову, а то уж она, бедная, изревелась, выпустила ее – окошек не вижу, одна темень в глазах. <...> **Как вспомню, как вспомню про их... сердце оборвется и захолонет – нету. Я от себя качну – навроде раз, другой толкнется, подержится и опять... как на память найдет... опять остановится. Ну, думаю, куды оне меня повезут, где спрячут?** [2, с. 230]

Для речи этой героини также характерны синтаксические конструкции, не свойственные книжной речи. Среди них можно выделить конструкцию с постпозицией наречия (отошла маленько), а

также построения с повторами в функции эмфазы (*Как вспомню, как вспомню про их*) и с нереализованной валентностью (*Я от себя качну (мысль)*).

Вот еще один пример:

— *Ежли мы кинули, нас с тобой не задумаются кинут, — предрекла она. — О-ох, нелюди мы, боле никто. Да как же без родных-то могилок?!* [2, с. 343]

Среди синтаксических конструкций, свойственных речи героини в данном случае можно выделить конструкцию с двойным глаголом-предикатом (*не задумаются кинут*), междометное восклицание и риторический вопрос с вопросительно-восклицательной интонацией.

И еще:

— *Марш — кому говорят! — приступом шла на мужика Дарья. Он пятился, ошеломленный ее страшным, на все готовым видом. — Чтоб счас же тебя тут не было, поганая твоя душа! Могилы зорить...* — Дарья взвыла. — *А ты их тут хоронил? Отец, мать у тебя тут лежат? Ребята лежат? Не было у тебя, у поганца, отца с матерью. Ты не человек. У какого человека духу хватит?!* — Она взглянула на собранные, сбросанные как попало кресты и тумбочки и еще тошней того взвыла. — *О-о-о! Разрази ты его, Господь, на этом месте, не пожалей. Не пожалей! Не-ет, — кинулась она опять на мужика. — Ты отсель так не уйдешь. Ты ответишь. Ты перед всем миром ответишь* [2, с. 219].

Для речи Дарьи в данном фрагменте свойственны конструкции с препозицией ремы (*Отец, мать у тебя тут лежат? Ребята лежат? Не было у тебя, у поганца, отца с матерью*), императивы, восклицания и повторы (<лежат>, <не пожалей>, <ты>). Анафоричный повтор местоимения *ты*, находящийся в акцентируемой позиции, способствует созданию несколько пафосного характера высказывания.

Особый интерес представляет прямая речь председателя колхоза Воронцова. Употребление в его прямых высказываниях, наряду с такими синтаксическими конструкциями, как инфинитивные, эллиптические, восклицательные, вопросительные предложения, своеобразных императивов, повторов, парцелированных предложений, а также предложений с интонацией заминки, способствует созданию особой эмоциональной окраски его речи. Синтаксический строй прямой речи, основанный на прерывистости, объясняется взволнованным состоянием председателя во время высказываний.

Сравним:

— *Ти-ше! - с растяжкой скомандовал он. — Слушать будем или будем базарить? Будем понимать положение или что будем?.. Они, — Воронцов кивнул на мужиков, — проводили санитарную уборку кладбища. Это положено делать везде. Понятно вам? Везде. Положено. Вот стоит товарищ Жук, он из отдела по зоне затопления.*

Он этим занимается и объяснит вам. Товарищ Жук – лицо официальное [2, с. 222].

Ср., также:

– **Да это же! Это же... Вы понимаете, что это значит?..** – Воронцов даже затрясся и кинулся к окну – и что он там хотел увидеть, было непонятно. – **А ты,** – отскакивая от окна, накинулся он на Павла, – **ты, Павел Миронович, куда смотрел? Как позволил? Ты же коммунист, не то что этот,** – брезгливо кивнул он на Петруху. – **А ты мать, столетнюю старуху, не можешь к порядку призвать! Барак стоит!** – простонал он. – **А у меня завтра государственная комиссия. Утром нагрянет. Я им что – барак буду показывать? Людей с самовольной задержкой? Государственная комиссия – понимаешь ты, Павел Миронович? А он съездил и приехал. И чай пьет. И никаких! А с кого завтра спросят?** [2, с. 376–377].

И еще:

Воронцов напрягся и решительно приказал: – **Собирайтесь. Хватит в игрушки играть. Надо понимать положение. К утру чтоб ни барака, ни людей. Не вздумай смыться,** – предупредил он Петруху: – **Поедешь. На з-здание поедешь. Вместе со мной. Ты, Павел Миронович, тоже собирайся. Хватит. Это дело государственное. Черт знает что творится!** [2, с. 378].

Необходимо также отметить, что в ряду уже перечисленных синтаксических конструкций, важную роль при создании особого эмоционального состояния говорящего в его прямой речи играют присоединительные конструкции (**И чай пьет. И никаких! А с кого завтра спросят?**).

Вот примеры прямой речи еще одной героини повести — Клавки Стригуновой:

– **Ой, старые вы пустохваты, пропаду на вас нету,** – отстав от Андрея, вдруг вцепилась в разговор Клавка, будто ожгли ее. – **Нашли над чем плакать! И плачут, и плачут... Да она вся назьмом провоняла, Матера ваша! Дыхнуть нечем. Какую радость вы тут нашли?! Кругом давно новая жисть настала, а вы все, как жуки навозные, за старую хватаетесь, все какую-то сладость в ей роете. Сами себя только обманываете. Давно пора скovyрнуть вашу Матеру и по Ангаре отправить** [2, с. 298].

В данном отрывке важными синтаксическими средствами, выступающими как способ характеристики речи героини, являются высказывания с повтором, выполняющим функцию интенсификации (**и плачут, и плачут...**), прием добавления и использование именительного падежа в постпозиции к корреляту (**Да она вся назьмом провоняла, Матера ваша!**).

А также:

– *Ишь, чего захотела! Нет уж, я несогласная, – закричала Клавка. – Это опять посередь Ангары, у дьявола на рогах! Ни сходить никуда, ни съездить... Как в тюрьме* [2, с. 302].

В этом небольшом по объему высказывании можно также выделить синтаксические особенности, характеризующие речь героини. К ним здесь также относятся конструкции с конситуативным эллипсисом (*Нет уж, я несогласная (с этим); Это опять посередь Ангары, у дьявола на рогах (жить)*) и с использованием приема добавления (*Как в тюрьме*).

В приведенных фрагментах важную роль в создании эмоциональной атмосферы играют такие экспрессивные синтаксические конструкции, как восклицательные, вопросительно-восклицательные, междометные, присоединительные конструкции, а также интонация недоговоренности, выраженная многоточием.

Таким образом, для создания речевых портретов персонажей В. Распутин использует широкий репертуар синтаксических средств разговорной речи. Среди них можно выделить такие средства, как высказывания с коррелятом, конситуативный и контекстуальный эллипсис, конструкции с нулевым глаголом-предикатом, с нереализованной валентностью, с двойным глаголом-предикатом, с препозицией ремы, с добавлением, с постпозицией наречия, присоединительные конструкции, использование именительного падежа в постпозиции к корреляту, а также повторы в функции интенсификации и эмфазы.

Для выражения особого психологического состояния героев, их чувств и эмоций писателем привлекаются такие средства экспрессивного синтаксиса как вопросительные, восклицательные, императивные, парцелированные предложения, фразы с заминками и интонационным расчленением. В качестве атрибутов экспрессивного синтаксиса выступают также междометные восклицания. Многоточие, вопросительные и восклицательные знаки всесторонне привлекаются писателем для графической передачи эмоционально-экспрессивных оттенков речи.

Дальнейший анализ синтаксиса речи персонажа позволит выявить основные особенности его внутренней речи.

Литература

1. Земская Е.А. Русский язык как иностранный. Русская разговорная речь. Лингвистический анализ и проблемы обучения: Учеб. пособие — 3-е изд., перераб. и доп. — М., 2004. 2. Распутин В. Уроки французского. Повести и рассказы. — М., 1987.

В статье анализируются особенности синтаксиса речи персонажей в прозе В. Распутина. Рассматриваются способы экспрессивного и разговорного синтаксиса, которые участвуют в создании речевого портрета персонажа и его психологической характеристики.

Ключевые слова: высказывания с коррелятом, эллипсис, конструкции с нулевым глаголом-предикатом, конструкции с двойным глаголом-предикатом, конструкции с препозицией реми.

В статті аналізуються особливості синтаксису персонажного мовлення у творах В. Распутіна. Розглядаються засоби експресивного та розмовного синтаксису, які беруть участь в утворенні мовленнєвого портрету персонажа та його психологічної характеристики.

Ключові слова: вислови з корелятом, еліпсис, конструкції з нульовим дієсловом-предикатом, конструкції з подвійним дієсловом-предикатом, конструкції з препозицією реми.

In the article the syntax of characters' speech in prose written by V. Rasputin is analysed. The methods of expressive and colloquial syntax, which participate in creation of a character's speech portrait and his psychological description, are examined.

Key words: utterances with a correlate, ellipse, constructions with a zero verb-predicate, constructions with a double verb-predicate, constructions with comment preposition.

УДК 801.73

П. Ю. Шопін

**ОСМИСЛЕННЯ ПРЕЦЕДЕНТНИХ ІМЕН
«ГАЛАТЕЯ» І «ПІГМАЛІОН»
СУЧАСНОЮ ЗАХІДНОЮ КУЛЬТУРОЮ**

*I will make an Eve, be the artist that began her,
Shaped her to his mind!*

Robert Browning, Women and Roses

Інтерпретація прецедентних імен різних національно-лінгвокультурних спільнот належить до головних завдань наук, що вивчають взаємовідношення мови і культури. Про це свідчить віднесення В. А. Масловою цих феноменів до предмету дослідження лінгвокультурології [1, с. 53]. Проблема сприйняття прецедентних феноменів видається нам надзвичайно актуальною для розгляду

когнітивних просторів сучасних культур в контексті міждисциплінарного підходу. Головною метою даної праці є розгляд функціонування наднаціональних прецедентних імен «Галатея» і «Пігмаліон» у сучасній західній культурі.

В. В. Красних вибудовує наступну парадигму прецедентності у свідомості людини: «человек говорящий обладает индивидуальным когнитивным пространством (ИКП), набором коллективных когнитивных пространств (ККП) тех социумов, в которые он входит, и когнитивной базой (КБ) того национально-лингво-культурного сообщества, членом которого он является» [2, с. 23]. Прецедентні феномени виступають невід'ємною частиною когнітивних просторів, які складають культурні потенції представників суспільства.

Прецедентні феномени мають наступні диференційні ознаки:

1) *відомість більшості представників культурної спільноти;*
2) *актуальність;* 3) *постійні, регулярні звернення до феномену.* Треба зазначити, що прецедентність не є кількісною категорією, а повинна розглядатись у контексті культурної значимості визначених уявлень, осмислення життєвих ситуацій через звернення до «культурної пам'яті, значимої для личности и ее окружения, включая предшественников и современников» [3, с. 368].

Класифікація прецедентних феноменів може бути представлена наступним чином: 1) соціумно-прецедентні феномени (функціонують у колективному когнітивному просторі); 2) національно-прецедентні феномени (функціонують у національній когнітивній базі); 3) наднаціонально-прецедентні феномени (знаходяться у наднаціональному когнітивному просторі). Сучасна культура дуже часто не має суворих національних обмежень, проте саме національна когнітивна база є центром дослідження культурних феноменів. У даному дослідженні найбільша увага приділятиметься наднаціональним прецедентним феноменам, які є найменш дослідженими у лінгвокультурології.

До числа прецедентних феноменів відносяться **прецедентні ситуації (ПС), тексти (ПС), висловлювання (ПВ) й імена (ПІ).** Запропонована публікація базується на дослідженні прецедентної ситуації давнього міфу про Пігмаліона і Галатею, прецедентних текстів європейської літературної творчості та прецедентних імен головних персонажів міфу. Наведемо визначення ключових понять для подальшого розгляду визначеної проблеми.

Прецедентна ситуація – *невербальний феномен, який має безпосереднє відношення до певної події, що мала символічне значення у минулому і має специфічні конотації та диференційні ознаки.* У нашому випадку ПС представляє собою сюжет міфу про Пігмаліона і Галатею у різних його варіаціях і текстових ремінісценціях, які з'являлися у різних творах європейської словесності протягом більш ніж двох тисяч років.

Прецедентний текст – «культурно значимый текст» [3, с. 368], комплексна одиниця сприйняття дійсності, яку створив визначений автор, відома більшості членів культурної спільноти. ПТ може бути своєрідним джерелом усіх інших прецедентних феноменів і є типовим для даної культури осмислення дійсності. У нашому випадку звернення до прецедентного тексту багаторазово відтворюється у літературній творчості через пов'язані з даним твором прецедентні імена «Галатея» і «Пігмаліон» і прецедентну ситуацію. Інваріант сприйняття прецедентного тексту може бути визначеним тільки у конкретних зверненнях до тексту через визначення диференційних ознак даного тексту.

Перед тим, як давати визначення прецедентного імені, належить звернутися до «імені як такого» [4, с. 463]. В. В. Лопатін визначає поняття «ім'я» як одиницю «языка (слово или сочетание слов), которая называет (именует) вещь, предмет, явление» [5, с. 151]. *Ім'я безпосередньо називає сам предмет через його внутрішню сутність*, а не через зовнішню приналежність до певної категорії явищ, що дозволяє визначити даний об'єкт.

Прецедентне ім'я – *індивідуальне ім'я, яке пов'язане або з відомим текстом, що як правило відноситься до прецедентних, або з прецедентною ситуацією*. В. В. Красних говорить про те, що ПІ – «это своего рода сложный знак, при употреблении которого в коммуникации осуществляется апелляция не к собственно денотату (референту), а к набору дифференциальных признаков данного ПИ» [2, с. 48]. Звернення до набору диференційних ознак, а також до прототипного персонажу за допомогою прецедентного імені пов'язане з процесом номінації, який В. Н. Телія визначає наступним чином: «образование языковых единиц, характеризующихся номинативной функцией, то есть служащих для называния и вычленения фрагментов неязыковой действительности и формирования соответствующих понятий о них в форме значения языковых единиц – слов, сочетаний слов, фразеологизмов и предложений» [6, с. 269]. Таким чином, *прецедентність імені представляє собою потенцію даного імені актуалізуватись у сучасній дійсності через сходження від одиничності до типовості, від дефініції до складного знаку, від особистості до культури*.

В. В. Красних звертає увагу на близькість інваріанта сприйняття прецедентної ситуації архетипу. ПІ стає атрибутом ПС і може також мати пряме відношення до архетипу, який одночасно виступає основою міфу. ПІ може нести диференційні ознаки й імплікації архетипу. Ядром інваріанта сприйняття прецедентного імені виступають диференційні ознаки, а його периферію складають атрибути і потенційно можливі індивідуальні знання і уявлення про прецедентне ім'я.

До диференційних ознак ПІ ми не відносимо ПС, тому що вона представляє собою окреме поняття. Проте необхідно пам'ятати про накладення та взаємодію культурних об'ємів прецедентних імен між

собою, а також з іншими прецедентними феноменами. Атрибути виступають ключові ознаки ПІ, які не є необхідними для актуалізації імені у тексті.

Якщо ми звернемося до робіт В. А. Маслової і її визначення структури концепту, то ми побачимо надзвичайну схожість між ПІ і концептом. У **структурі концепту вчений виокремлює**: 1) *головну ознаку*; 2) *додаткову ознаку*; 3) *внутрішню форму* [7, с. 41]. «В более широком смысле структуру концепта можно представить в виде круга, в центре которого лежит основное понятие, ядро концепта, а на периферии находится все то, что привнесено культурой, традициями, народным и личным опытом» [7, с. 42].

Найважливішою категорією у даному дослідженні є інтертекстуальність. Французький науковець Юлія Крістева вперше використала даний термін. Л. М. Синельникова визначає інтертекстуальність як «факт (событие) включения одного текста в другой, семантическая смежность двух (или нескольких) текстов как своеобразная метатекстовая метонимия, диалог текстов» [3, с. 368]. Інтертекстуальні зв'язки просякають всю художню структуру твору і є головним транслятором цивілізаційних і культурних артефактів до сучасної культури.

Текст художнього твору вертає нас як у минуле, до класичної традиції, так і у майбутнє, до читача і осмислення сучасності. Структурними компонентами інтертекстуальності виступають текстові ремінісценції: непрямі, трансформовані цитати, «перефразировка текста-источника, дающая возможность свободного изменения референции; в разных формах ассимилируемая текстом-реципиентом и участвующая в смыслообразовании этого текста» [3, с. 369].

Міф про Пігмаліона і Галатею відіграє у багатьох літературних творах європейської культури роль інтексту і стає джерелом, до якого звертаються автори через текстові ремінісценції прецедентних імен «Галатея» і «Пігмаліон», що свідчить про нескінчену пульсацію спільного «бытия, его непрерывности. Она [реминисценция] снимает оппозицию я/не-я, свое/ чужое, так как отражает особое состояние единства, движение в глубь себя через мысли и слова другого» [8, с. 357].

Інтертекстуальність і прецедентність імен «Галатея» і «Пігмаліон», на наш погляд, є найважливішими характеристиками, що вказують на значущість давньогрецького міфу для європейської культури кінця ХХ століття. У сучасній культурі Європи прецедентні імена «Галатея» і «Пігмаліон» стають іменами-символами, що апелюють до прецедентної ситуації вільної творчості і самовдосконалення людини.

Ситуації, що пов'язані з різними інтерпретаціями міфу, стають прецедентними. Найбільш значимими в цьому відношенні є літературні твори Овідія, Ж.-Ж. Руссо і Дж. Б. Шоу. Спостерігається полісемічність прецедентних феноменів, коли вони асоціюються з диференційними ознаками у різноманітних контекстах. Прецедентні імена «Галатея» і

«Пігмаліон» також стають складними знаками, які вказують на певні диференційні ознаки у комунікації і наукових дослідженнях, де імена допомагають виокремити різноманітні явища через певні інтерпретації міфу про Пігмаліона і Галатею.

У більшості випадків функціонування варіанта сприйняття прецедентних імен, які є предметом розгляду, має наступну структуру: **прецедентний текст → прецедентне ім'я → прецедентна ситуація → ім'я-символ → варіант сприйняття прецедентної ситуації → термінологічне ім'я**. При зверненні до прецедентних імен автор апелює не просто до певного характеру, але до прецедентної ситуації з конкретного художнього твору або самого давньогрецького міфу. Таким чином, ім'я-символ має безпосередній зв'язок з варіантом сприйняття прецедентної ситуації, що зберігається у когнітивній базі певної спільноти.

Варіативність сприйняття прецедентної ситуації міфу свідчить про особливу прецедентність даного феномена. Ми маємо всі підстави говорити про симультанне співіснування різних варіантів сприйняття всього міфу, які вбачаються канонічними, проте не еталонними. Прецедентні імена «Пігмаліон» і «Галатея» також є канонічними у сприйнятті представників національних культур Європи і Північної Америки, що не зовсім узгоджується з твердженням В.В. Красних про те, що «прецедентное имя полностью удовлетворяет... представлениям об эталоне» [2, с. 110]. Таке функціонування прецедентних імен обумовлює їх трансформації і надзвичайно частотні текстові ремінісценції, які пов'язані з даними іменами. Міф про Пігмаліона і Галатею осмислюється кожний раз по-новому такими письменниками, як Ж.-Ж. Руссо і Б. Шоу, що призводить до його інтеграції у національні культури Європи і одночасне функціонування у якості наднаціонального прецедентного феномена.

Різні варіанти сприйняття міфу про Пігмаліона і Галатею зробили можливим функціонування прецедентних імен «Галатея» і «Пігмаліон» на периферії когнітивної бази європейських національних культур. У той же час, міф про Пігмаліона і Галатею є популярним у художній творчості Європи.

В. В. Красних говорить про зони «пересечения / наложения различных прецедентных феноменов» [2, с. 124]. У нашому випадку спостерігається взаємозалежність не тільки між сприйняттям прецедентних імен і осмисленням прецедентної ситуації, у рамках якої знаходяться ПІ, але і взаємовплив прецедентних імен, що призводить до подальшої трансформації варіанта сприйняття всієї прецедентної ситуації.

Сучасне сприйняття міфу пов'язано, перш за все, з одночасним співіснуванням тих «інваріантів» сприйняття, які були прецедентними у різні періоди розвитку європейської художньої словесності. Наприклад, при осмисленні міфу про Пігмаліона і Галатею у текстах Овідія, Руссо й

інших письменників з позицій психоаналізу, вчені вказують на такі характеристики прецедентної ситуації, як «masturbatory love», «narcissistic relationship», «hermaphroditic elements», [9, с. 109].

У психоаналізі Пігмаліон сприймається як онаніст і нарцис, який закохується не у Галатею, а в себе самого. Про таке розуміння міфу Дж. Міллер писав: «For Pygmalion, the other is not really other. Pygmalion has himself made Galatea. She is the mirror image of his desire. ... It is as if Narcissus' reflection in the pool had come alive and could return his love» [10, с. 4–5]. Пігмаліону приписують такі характерні риси, як женоненавистництво і самозакоханість, а в його вчинках вбачають потенційний інцест, що доводиться за допомогою відповідних інтерпретацій поглядів М. Монтеня [11].

Використання методів психоаналізу при розгляді п'єси Б. Шоу нашо́вхує відомого американського вченого Сюзанн Левін на думку про те, що між Хігінсом і Елізою «the sadomasochistic relationship is established» [9, с. 111]. У поведінці Хігінса вбачається прагнення до насильства і Едипів комплекс, а всьому тексту приписується культ «фалоса». Як аргумент С. Левін наводить наступне порівняння: «just as the phallus represents much more than the actual penis, speech represents power and possibility; it is a phallus-equivalent» [9, с. 117]. При такому підході до інтерпретації культурних феноменів можна прийти до викривленого розуміння п'єси Б. Шоу через психоаналіз. Водночас, психоаналіз дійсно відіграє важливу роль у розумінні динаміки розвитку подій п'єси і допомагає багатьом вченим детальніше розглянути окремі моменти прецедентної ситуації. Проте ми притримуємося думки, що дослідження найтемніших аспектів міфу про Пігмаліона та Галатею, чим займається психоаналіз, не дозволяє виявити світлу сутність міфу, який ніколи не був і не може бути «the distorted wish-dreams of entire peoples» [12, с. 720].

З психоаналізом також пов'язані такі тенденції у вивченні міфу і його сприйнятті, при яких відбувається зближення міфу про Пігмаліона і Галатею з міфом про голема. Такі інтерпретації ставлять Галатею в один ряд з Франкенштейном Мері Шеллі, Олімпією Е. Т. А. Гофмана, Порфірією Роберта Браунінга та іншими персонажами, які є іменами-символами прецедентної ситуації міфу про голема.

Ім'я «Пігмаліон» стало прецедентним у психоаналізі, а міф сприймається сьогодні як «a striking cautionary parable of psychoanalysis» [9, с. 104]. Ефект Пігмаліона у психоаналізі має пов'язаний з бажанням психоаналітика змінити свого пацієнта «на краще» згідно з своїми власними критеріями, а також відповідне бажання пацієнта по відношенню до психолога. Даний ефект є своєрідним запозиченням ефекту Пігмаліона з дидактики, де ім'я «Пігмаліон» стало прецедентним значно раніше. Ефект Пігмаліона став універсальним у сучасній суспільній діяльності, де він визначається наступним чином: «the Pygmalion effect is the enhanced performance of subordinates of whom

supervisors expect more» [13, с. 64]. Даний ефект видається актуальним у дидактиці, менеджменті, Public Relations, психоаналізі й інших гуманітарних науках і дисциплінах.

Ще одним надзвичайно важливим аспектом сприйняття прецедентних імен «Пігмаліон» і «Галатея» у сучасній культурі Європи є фемінологічний погляд на давньогрецький міф. Галатея згідно з цією парадигмою стає ім'ям-символом одночасно рівності і нерівності жінки у відносинах з чоловіком. На думку Дж. Монтгомери, «it must be recognized that in fiction, as frequently in life, woman is taken to be feminine first and human second» [14, с. 899]. В діяхронії Галатея постійно рухається у напрямку до емансипації, і поява прецедентного імені в літературі пов'язане зі зміною розуміння прав жінки у суспільстві. Пігмаліон у такій інтерпретації міфу загубив свою оригінальну значимість як прецедентне ім'я і перетворився у свідомості представників сучасної західної культурної, цивілізаційної спільноти на власника, споживача, але його роль буде оцінюватись інакше, тому що чоловік і жінка завжди були полюсами з взаємним тяжінням.

Гуманістична традиція осмислення давньогрецького міфу є головним напрямком у вивченні прецедентних феноменів. Дослідження міфу у синхронії дозволяє зробити припущення, що його архетипом є «людина-творець», людина здатна на диво, перевтілення і метаморфози.

В основі міфу про Галатею і Пігмаліона знаходиться віра у творчі сили Людини. Творчість стає центральною проблемою в осмисленні міфу Овідієм, Ж.-Ж. Руссо, Дж. Б. Шоу та іншими письменниками. Людина як *Творець культури і суспільства, яка створила самого себе у процесі спільної діяльності з іншими, є архетипом міфу про Пігмаліона і Галатею.*

Проте *всемогутність Творця обмежує його же Творіння.* Як суспільство обмежує свободу творчої особистості визнанням свободи всіх своїх представників, так *Пігмаліон обмежений у своїй всемогутності свободою Галатеї.* Свобода творчості і її обумовленість культурою, тобто суспільними цінностями й ідеалами, складають ядро сучасного осмислення давньогрецького міфу про правителя Кіпру і його прекрасну дівчину, чиї імена стали прецедентними для всієї сучасної західної художньої культури.

У сучасному сприйнятті міфу особливо значущими стали гендерні аспекти культурних об'єктів прецедентних феноменів. Галатея як особистість стає найголовнішим персонажем міфу, як видається, перш за все тому, що її становлення як Людини є оригінальним поглядом на творчість у сучасній культурі. Таким чином, *міф про Галатею і Пігмаліона, в основу якого покладений архетип Творця, виявляє ключове значення людинотворчості через прагнення до прекрасного. Людина як Творець самого себе є гуманістичною основою міфу, який продовжує своє життя у сучасній художній культурі.*

Перспективи подальшого дослідження пов'язані з вивченням сучасного сприйняття прецедентних феноменів міфу про Галатею и Пігмаліона представниками різних національно-лінгво-культурних спільнот. Доцільним може бути розгляд варіантів осмислення давнього міфу в живописі, музиці, кінематографі, скульптурі й інших видах мистецтв. Проведення психолінгвістичних експериментів дасть змогу ближче ознайомитись з варіантом сприйняття прецедентних імен «Галатея» і «Пігмаліон» у сучасному українському соціумі.

Ми зробили спробу розкрити глибинні смисли давньогрецького міфу через комплексне вивчення його природи та функціонування в культурі, яке дозволило виявити гуманістичні основи міфу, що є тим вічним джерелом творчої сили, до якого звертаються письменники, художники, скульптори і всі, хто прагне творчості і самовдосконалення.

Література

1. **Маслова В.А.** Лингвокультурология. – М., 2004.
2. **Красных В.В.** Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. – М., 2002.
3. **Синельникова Л.Н.** Реминисценции из стихотворения Пушкина как делящаяся мысль // Жизнь текста, или Текст жизни. – Луганск, 2005. – Т. 1. – С. 366–378.
4. **Флоренский П.А.** Имена // Имена: Соч. – Москва-Харьков, 1998. – С. 451–522.
5. **Лопатин В.В.** Имя // Русский язык: Энциклопедия / Под ред. Ю. Н. Караулова. – М., 2003. – С. 151–152.
6. **Телия В.Н.** Номинация // Русский язык: Энциклопедия / Под. ред. Ю.Н. Караулова. – М., 2003. – С. 269–270.
7. **Маслова В.А.** Когнитивная лингвистика: Учеб. пособие. – Мн., 2004.
8. **Синельникова Л.Н.** Реминисценция как факт континуального видения мира (от Пушкина до наших дней) // Жизнь текста, или Текст жизни. – Луганск: Знание, 2005. – Т. 1. – С. 356–366.
9. **Levine, S.S.** On the Mirror Stage with Henry and Eliza or Playing with Pygmalion in Five Acts // Journal of Applied Psychoanalytic Studies. – 2001. – Vol. 3. – No. 2. – pp. 103–125.
10. **Miller, J.H.** Versions of Pygmalion. – Cambridge, 1990.
11. **Jordan, C.** Montaigne's Pygmalion: The Living Work of Art in "De l'affection des pere aux enfans" // Sixteenth Century Journal. – 1978. – Vol. 9. – No. 4. – PP. 5–12.
12. **Bolle, K.W. Buxton, R.G.A., and Smith, J.Z.** Myth and Mythology // The New Encyclopaedia Britannica: In 32 Vol. – Chicago, 1994. – Vol. 24. – PP 715–732.
13. **Eden, D.** Self-Fulfilling Prophecy as a Management Tool: Harnessing Pygmalion // The Academy of Management Review. – 1984. – Vol. 9. – No. 1. – PP. 64–73.
14. **Montgomery, J.H.** The American Galatea // College English. – 1971. – Vol. 32. – No. 8. – pp. 890–899.

Автор інтерпретує варіанти сприйняття прецедентної ситуації у європейській художній культурі. Вивчається комплексна взаємодія прецедентних імен «Галатея» і «Пігмаліон» між собою та з прецедентною ситуацією міфу, що дозволяє виявити архетип, який є основою давнього міфу.

Ключові слова: прецедентність, феномен, інтертекстуальність, міф, архетип, текстові ремінісценції.

Автор интерпретирует варианты восприятия прецедентной ситуации в европейской художественной культуре. Проводится изучение комплексного взаимодействия прецедентных имен «Галатея» и «Пигмалион» между собой и с прецедентной ситуацией мифа, что позволяет выявить архетип, лежащий в основе древнего мифа.

Ключевые слова: прецедентность, феномен, интертекстуальность, миф, архетип, текстовые реминисценции.

The author interprets the variants of perception of the precedent situation in the European culture. The analysis of both reciprocal interaction of precedent names «Galatea» and «Pygmalion» and their relations with the precedent situation is undertaken, which enables the author to reveal the archetype of the ancient myth.

Key words: precedence, phenomenon, intertextuality, myth, archetype, textual reminiscences.

ВІДОМОСТІ ПРО АВТОРІВ

Бондаревська Ольга Анатоліївна,

аспірант кафедри сучасної російської мови та методики її викладання Липецького державного педагогічного університету (*Липецьк, Російська Федерація*)

Бурякова Олена Сергіївна,

кандидат філологічних наук, доцент кафедри української та російської мов як іноземних Центру міжнародної освіти Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна (*Харків, Україна*)

Варава Світлана Василівна,

старший викладач кафедри української та російської мов як іноземних Центру міжнародної освіти Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна (*Харків, Україна*)

Вовк Олена Іванівна,

старший викладач кафедри англійської філології Черкаського національного університету імені Богдана Хмельницького (*Черкаси, Україна*)

Гафарова Ранетта Ісметівна,

викладач кафедри російської філології РВНЗ «Кримський інженерно-педагогічний університет» (*Сімферополь, Україна*)

Горбич Ольга Іванівна,

доцент кафедри російської словесності й міжкультурної комунікації Державного інституту російської мови ім. О. С. Пушкіна (Москва, Російська Федерація)

Грибанова Ірина Володимирівна,

кандидат філологічних наук, доцент, завідувач кафедри слов'янської філології Південнослов'янського інституту Київського славістичного університету (Миколаїв, Україна)

Гукова Ліна Миколаївна,

кандидат філологічних наук, доцент кафедри російської мови Одеського національного університету ім. І. І. Мечнікова (Одеса, Україна)

Данилюк Сергей Семенович,

кандидат філологічних наук, доцент кафедри практики англійської мови, заступник декана факультету романо-германської філології з наукової роботи Черкаського національного університету імені Богдана Хмельницького (Черкаси, Україна)

Желтухіна Марина Ростиславівна,

доктор філологічних наук, професор, завідувач кафедри теорії та практики міжкультурної комунікації Волгоградського інституту бізнесу (Волгоград, Російська Федерація)

Жулій Тетяна Борисівна,

кандидат педагогічних наук, професор кафедри російського мовознавства та комунікативних технологій Луганського національного педагогічного університету імені Тараса Шевченка (Луганськ, Україна)

Зв'яздова Галина Василівна,

доктор філологічних наук, професор, завідувач кафедри сучасної російської мови та методики її викладання Липецького державного педагогічного університету (*Липецьк, Російська Федерація*)

Зеленько Анатолій Степанович,

доктор філологічних наук, професор, завідувач кафедри української філології та загального мовознавства Луганського національного педагогічного університету імені Тараса Шевченка (*Луганськ, Україна*)

Какзанова Євгенія Михайлівна,

кандидат філологічних наук, доцент кафедри іноземних мов Інституту мовознавства РАН (*Москва, Російська Федерація*)

Кобзіна Катерина Олександрівна,

аспірант кафедри сучасної російської мови та методики її викладання Липецького державного педагогічного університету (*Липецьк, Російська Федерація*)

Ковальов Валерій Іванович,

кандидат педагогічних наук, викладач кафедри російського мовознавства та комунікативних технологій Луганського національного педагогічного університету імені Тараса Шевченка (*Луганськ, Україна*)

Красовська Оксана Володимирівна,

кандидат філологічних наук, докторант Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського (*с Лотіково Луганської обл., Україна*)

Крисенко Тетяна Володимирівна,

кандидат філологічних наук, доцент кафедри російської мови Національного фармацевтичного університету (*Харків, Україна*)

Лаврова Олена Леонідівна,

кандидат філологічних наук, доцент, докторант Харківського національного педагогічного університету ім. Г. С. Сковороди (*Харків, Україна*)

Ланська Ольга Володимирівна,

аспірант кафедри сучасної російської мови та методики її викладання Липецького державного педагогічного університету (*Липецьк, Російська Федерація*)

Маслій Олена Василівна,

аспірант кафедри російської мови Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна (*Харків, Україна*)

Мороз Тетяна Юрївна,

викладач кафедри іноземних мов № 1 Національної юридичної академії імені Ярослава Мудрого, здобувач кафедри української мови Харківського національного педагогічного університету ім. Г. С. Сковороди (*Харків, Україна*)

Низькодуб Юлія Вікторівна,

студентка факультету іноземних мов Луганського національного педагогічного університету імені Тараса Шевченка, спеціальність «Російська і англійська мови та література» (*Луганськ, Україна*)

Петрова Луїза Олександрівна,

кандидат філологічних наук, доцент Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського (Сімферополь, Україна)

Радецька Міра Михайлівна,

кандидат філологічних наук, доцент (Луганськ, Україна)

Самусевич Ольга Михайлівна,

кандидат філологічних наук, доцент кафедри стилістики й літературного редагування, заступник декана факультету журналістики Білоруського державного університету (Республіка Білорусь)

Самусенко Оксана Миколаївна,

кандидат філологічних наук, асистент кафедри української та російської мов та іноземних Інституту філології Київського національного університету імені Тараса Шевченка (Київ, Україна)

Суханова Тетяна Євгеніївна,

кандидат філологічних наук, доцент кафедри російської мови Національного фармацевтичного університету (Харків, Україна)

Таймазова Леніє Ленмарівна,

кандидат філологічних наук, старший викладач РВНЗ «Кримський інженерно-педагогічний університет» (Сімферополь, Україна)

Титаренко Олена Яківна,

кандидат філологічних наук, доцент кафедри методики викладання філологічних дисциплін, заступник декана факультету слов'янської філології й журналістики Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського (*Сімферополь, Україна*)

Хе Чжунхуей,

магістр філології, випускник Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського 2006 р. (*Китайська Народна Республіка*)

Хоміцька Зоя Миколаївна,

старший викладач кафедри іноземних мов Національної юридичної академії України імені Ярослава Мудрого (*Харків, Україна*)

Цонєва Ліляна Михайлівна,

доктор (кандидат) філологічних наук, викладач кафедри російської мови філологічного факультету Університету Святих Кирила й Мефодія (*Велико Тирново, Болгарія*)

Шкурська Оксана Борисівна,

аспірант кафедри російської мови Харківського національного педагогічного університету ім. Г. С. Сковороди (*Харків, Україна*)

Шопін Павло Юрійович,

студент IV курсу факультету іноземних мов Луганського національного педагогічного університету імені Тараса Шевченка, спеціальність «Російська і англійська мови та література» (*Луганськ, Україна*)

ВІСНИК
Луганського національного педагогічного університету
імені Тараса Шевченка
(філологічні науки)

Коректори: Крисало О. В.,
Матвеева С. А.

Відповідальна за випуск:
доктор філологічних наук,
доцент І. П. Зайцева

Здано до складання 23.03.2007 р. Підписано до друку 27.04.2007 р.
Формат 60х84 1/8. Папір офсетний. Гарнітура Times New Roman.
Друк ризографічний. Умов. друк. арк. 30,8. Наклад 100 прим. Зам. № 414.

Видавництво ЛНПУ імені Тараса Шевченка

«Альма-матер»
вул. Оборонна, 2, м. Луганськ, 91011. Тел./факс: (0642) 58-03-20.

